

КАРЕН МАРИ
МОНИНГ

ВЫСОКОЕ
НАПРЯЖЕНИЕ

Annotation

Нет действий без последствий...

Дэни О'Мэлли было девять лет, когда неадекватная садистка Ровена превратила её в безжалостную убийцу. Спустя годы она вынослива, ожесточена, и все же болезненно уязвима и отчаянно соперничает, живёт одна по собственному строгому кодексу. Вопреки шрамам на её теле, ведомая более глубокими шрамами, высеченными на её душе, она как никто другой посвящает себя защите Дублина. Днём она обеспечивает безопасность спасённых, ночью она охотится на зло, вершит правосудие быстро и безжалостно, решительно настроенная дать дорогим ей людям мир, которого она не знала сама.

Нет силы без расплаты...

Когда Королева Фейри использует опасно могущественную Песнь Созидания, чтобы исцелить мир от урона, нанесённого Ледяным Королём, на землю просачивается катастрофическая магия, породившая ужасающие, непредвиденные последствия — и теперь смертоносные враги плетут замыслы во тьме, готовясь поработить человеческую расу и выпустить на Землю древнее господство ада.

Нет будущего без жертвы...

Вместе со смертоносным и бессмертным Риоданом, вооружённая легендарным Мечом Света, Дэни вновь сражается, чтобы спасти мир, но её прошлое возвращается, чтобы с удвоенной силой преследовать её, требуя невыносимую цену за силы, которые нужны ей для спасения человеческой расы, и в этот раз никто — даже Риодан, который ради неё сдвинул бы сами звезды — не может её спасти...

-
- [Карен Мари Монинг](#)
 - [Информация о переводе:](#)
 - [ТОГДА](#)
 - [ЗВЕЗДНАЯ ПЫЛЬ](#)
 - [ЗЕМНАЯ ПЫЛЬ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [СЕЙЧАС](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)
- [Ассасин](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Убийца](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [ПАДЕНИЕ](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Линчеватель](#)
- [ВЗЛЁТ](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)

- [Глава 39](#)
- [Эпилог](#)
- [***](#)
- [Удалённые сцены](#)
 - [Бэрронс и Кристиан \(«Песнь Лихорадки»\)](#)
 - [Кристиан МакКелтар \(«Песнь Лихорадки»\)](#)
 - [Мак и Риодан \(«Песнь Лихорадки»\)](#)
 - [Риодан и Бэрронс \(«Высокое напряжение»\)](#)
- [ГЛОССАРИЙ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)

- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)

- [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
 - [73](#)
 - [74](#)
-

Карен Мари Монинг
Высокое напряжение

Информация о переводе:

*Перевод: **Rosland**(<https://vk.com/vmrosland>)*

*Русификация обложки: **Alena_Alexa***

ТОГДА

Люди редко могут (если вообще могут) вообразить бога, превосходящего их самих. Большинство богов обладают манерами и моралью испорченного ребёнка.

— Роберт Хайнлайн

Все, что ты по-твоему знаешь — ложно. Смертные обладают короткими жизнями и ещё более короткой памятью. Вы не можете даже рассказать одну и ту же историю дважды, не исковеркав факты. Когда в игру вступает политика, человек в лучшем случае не может стать пригодным, в худшем случае он вообще не требуется. Вы не имеете ни малейшего грёбаного понятия, кто ваши боги.

— Разговоры с Дайрэ

У меня нет богов. Мои демоны их сожрали.

— Дэни О'Мэлли

ЗВЕЗДНАЯ ПЫЛЬ

Он не увидел бы падающей звезды, если бы женщина в его кровати не заснула, засидевшись со своим гостеприимством и вызвав у него неуёмное желание уединённой прогулки по пляжу.

Океан ночью всегда заставлял его радоваться тому, что он жив, именно поэтому он выбрал жить так близко к нему.

Живой — это единственное, чем он всегда будет.

Этой ночью море было дрожью тёмного стекла, укрывавшей в своих глубинах несказанные секреты, пока на прозрачной поверхности звезды мерцали как бриллианты. Дающая жизнь, крадущая жизнь, прекрасная, бросающая вызов справиться с ней, стоящая того, чтобы научиться её обуздывать, полная свежих чудес каждый день — если бы в его постели была женщина, подобная океану, он бы все ещё был там.

Он не был мужчиной, который верил в знаки с небес. Он слишком долго жил для такого и знал, что если бы он получил какой-либо знак, то этот знак взорвался бы снизу всплеском искр и серы, а не спустился сверху чудом для узрения.

Несколько мгновений он смотрел, как звезда прожигает путь по чёрному бархатному небу, оставляя за собой прожилку мерцающей звёздной пыли.

Затем он отвернулся и снял свои одежды, чтобы поплавать. Он был уже почти у воды, когда осознал, что звезда, видимо, направляется в его сторону и уже намного ближе, чем при изначальном появлении. Более того, казалось, что если она продолжит нынешний путь, она может приземлиться на этом пляже. Каковы шансы?

Он выгнул бровь, обдумывая траекторию. Хотя он не мог оценить скорость, казалось, звезда определённо находилась на пути прямого столкновения.

С ним.

Его смех был гортанным, насмешливым; как же роскошно будет. После стольких многих тысячелетий он будет сражён падающей звездой? Он наконец-то умудрился оскорбить тех, кто остался на небесах, и тех, кто пребывал внизу? Его приговор все же вынесен?

Он смотрел на её приближение, забавляясь, бросая ей вызов найти свою цель. Оборвать его жизнь. Уничтожить его.

Он прорычал:

— Уж постарайся, — и закрыл глаза, ожидая столкновения. Он видел приход конца слишком много раз, чтобы заботиться о том, под какой личиной он придёт. Ему не нужно было смотреть. Он знал, что такое смерть.

Никогда не финал. Не для него.

Он ждал.

И ждал.

Наконец, он открыл глаза. Звезда замедлилась до подползания и больше не неслась по небу, а медленно, лениво опускалась прямо над головой, возможно, в миле над ним.

Он не шевельнул и пальцем. *«Давай же, сучка ты. Сделай это».*

Звезда резко рухнула, набирая скорость при падении.

Когда она обрушилась на пляж в дюжине шагов от него, сила удара похоронила её в тихом взрыве песка.

Выгнув одну бровь, он пристально созерцал кратер. Единственный другой раз, когда вселенная выбрала его объектом внимания, все закончилось не хорошо. Вопреки самому себе он был заинтригован; это необычный поворот событий для мужчины, для которого больше не осталось ничего необычного, и так было уже долгое время.

Приблизившись к впадине, он опустился на колени и начал копать. Когда наконец его пальцы сомкнулись на упавшем с неба предмете, он пробормотал ругательство и выдернул руки из песка.

Эта штука была раскалённой. И теперь она снова покрыта песком.

Он сел назад, вытянул ноги вокруг ямы и стал копать более аккуратно, пока не появился чёрный кусок размером с его ладонь, с зазубренными обломанными краями, светившимися красным как горящие угли.

Вот вам и знаки.

Вот вам и смерть.

Это был всего лишь плоский кусок расплавленного камня, который случайно плюхнулся на его пляж, когда он оказался на прогулке.

Он встал, оттолкнувшись, и размашисто зашагал к морю, но как только он отошёл от упавшей звезды, порыв внезапного бриза донёс до него запах, который резко остановил его. Монстр внутри зарычал и жадно вдохнул.

«Ах, этот запах! Что это за запах?»

Он обернулся, раздувая ноздри. Вернувшись к предмету, он встал над ним, закрыв глаза, жадно вдыхая, пробуя аромат на вкус в своём сознании. Его монстр теперь расхаживал туда-сюда, неуёмный и настороженный.

Женщина.

Камень пах женщиной: темной и необъятной, сложной как само море. Она была жизнью и смертью, милосердием и беспощадностью, радостью и печалью. Многогранная. С ней непросто справиться. Её стоит научиться обуздать.

Откуда это взялось?

Охваченный загадкой, он открыл глаза. Хотя он исцелялся с замечательной скоростью, он был не в настроении снова обжигать руки, так что он подошёл к близлежащей груде камней и выбрал длинный узкий клин.

Вернувшись к плоско лежавшей звезде, он поддел её камнем, подгоняя к краю песчаного кратера, чтобы суметь перевернуть её и изучить. Даже при таком расстоянии между его руками и предметом он источал достаточно жара, чтобы покрыть его кожу волдырями.

Он, тот, кто не верил ни в знаки, ни в смерть, тот, кто, по правде говоря, вообще ни во что не верил, долгое время смотрел вниз, не имея ни малейшей грёбаной идеи, как это понимать.

На противоположной стороне упавшей звезды, нацарапанные пером звёздной пыли, светились три слова:

Я В ПОРЯДКЕ Я

ЗЕМНАЯ ПЫЛЬ

Крадущее души понятия не имело, как долго оно спало.

Оно не знало, что оно спало.

Оно думало, что умерло.

Звуки музыки задрожали в земле, глубоко зарываясь в плодородную почву, сквозь камни, глину и снова камни, просачиваясь глубже в железо, свинец, медь, серебро и золото, затем в чужеродные извечные примеси, пока, наконец, древняя мелодия не пронзила гробницу и не разбудила смертоносного исполина.

Осведомлённость пробивалась медленными этапами.

Затем оно вспомнило.

Прибытие Фейри, бесконечная, не имеющая победителей война, ложь и обманы, утрата силы. Пытка. Покорение. Изувеченное лицо, маска. Заточение, болезнь, которая взяла верх, пока оно не превратилось в тень в тени. Маска, бряцающая о многовековой камень, оно стало столь же несущественным, как воздух.

В конце, с последним проблеском осведомлённости, оно сумело издать лишь хилый протест.

Некогда оно считало себя непреклонным, вечным, непреодолимым.

В этот раз оно об этом позаботится.

Глава 1

*Ученик в отрицании; Я не могу отвести от тебя
глаз¹¹*

— Я чую кости! — разразился Шазам, растопырив усы от воодушевления. — Кости всюду. Их тысячи и тысячи! Ты всегда приводишь меня в лучшие места, Йи-Йи! — он скосил на меня обожающий взгляд перед тем, как кинуться на землю и начать копать, разбрасывая клочья травы и грязи.

— Прекрати копать, — воскликнула я. — Ты не можешь есть эти кости.

— А вот и могу. Смотри, — донёсся приглушенный голос.

— Нет, я имею в виду, тебе не разрешается их есть, — пояснила я.

Он меня проигнорировал. Грязь продолжала лететь, быстро образуя за ним кучи.

— Шазам, я серьёзно. Ты обещал подчиняться моим правилам. Моим ожиданиям, — напомнила я, используя его частую высокопарную манеру говорить, — решёткам на твоей клетке.

Зарывшись головой в грязь, он произнёс приглушённым голосом:

— То было тогда. А это сейчас. Тогда у меня не было дома.

— Шазам, — произнесла я предостерегающим тоном, который он, как я знала, ненавидел. Но которому внимал.

Наполовину втиснув пухлое тельце в яму, мой Адский Кот застыл и медленно выбрался — чрезвычайно неторопливо и неохотно — и сердито посмотрел на меня. Пыль покрывала его широкий нос, серебристые усы и липла к длинной серебристо-дымчатой шерсти на груди. Он крепко чихнул, облизнул нос, затем потёр его свирепой лапой.

— Но это же кости, рыжик. Они уже мертвы. Я их не убиваю. Ты сказала, что я не могу никого убивать. Ты не говорила, что я не могу есть вещи, которые мертвы, — его глаза прищурились до фиолетовых щёлок. — Ты боффлескейтишь твои ожидания. Ты боффлескейтишь мою голову. Кто вообще так поступает?

Слово «боффлескейтишь» мне было не известно — у него таких было много — но я интуитивно угадала значение.

— Эти кости другие. Они важны для людей. Мы хороним их в

определённых местах не просто так.

Он ответил медленно и аккуратно, как будто обращаясь к полному идиоту.

— Я тоже. Чтобы их легко было найти, когда я проголодаюсь.

Я покачала головой, губы растягивались в улыбке.

— Нет. Это кости людей, которые нам дороги, — я показала на тёмные силуэты надгробий, тянувшихся на акры вокруг нас. — Мы не едим их, мы хороним их, чтобы...

— Но с ними никто ничего не делает, и они гниют! — заголосил он. Плюхнувшись на ляжки, он распластал передние лапы на пухлом белом животе. — Ты даёшь кости. Я нахожу кости. Одно и то же. Хоть одна хорошая причина, почему я не могу их есть, — потребовал он.

Я подумывала попытаться объяснить ему человеческие похоронные ритуалы, но многие наши традиции оставались для него непостижимыми. Кость была костью, и просто костью. Доказывание ему, что это кладбище костей имело эмоциональную и духовную привязанность для людей, в отличие от коровьих или свиных костей, которые я иногда ему приносила, могло занять всю ночь и оставить его в том же недоумении, в каком он пребывал в начале. А я вымотаюсь.

Я дала ему единственный ответ, который срабатывал в такие моменты. Ответ, который я в детстве ненавидела.

— Потому что я так сказала.

Он встал в полный рост, выгнул спину и зашипел на меня, обнажая острые клыки и длинный язык с черным кончиком.

Я зарычала в ответ. С Шазамом я не осмеливалась сдаваться или говорить «только одна кость, только в этот раз», потому что в его понимании если правило могло быть нарушено один раз, то это больше не правило и никогда им не будет. Если, конечно, это не приносило ему выгоды.

Его глаза превратились в кремний.

Мои застыли в изумрудный лёд.

Он полоснул меня взглядом уничижительного упрёка.

Я сменила тактику и освеживала его выражением порицания и разочарования.

Его фиолетовые глаза расширились, как будто я его ударила. Он драматично задрожал, опрокинулся, упал на спину и начал рыдать долгими икающими всхлипами, прижимая лапы к глазам.

Я вздохнула. Вот он, мой лучший друг — последний из существующих Адских Котов. Могущественный, часто непостижимо гениальный,

большую часть времени он был безумно эмоциональной размазней. Я его обожала. Иногда, когда он как лесной пожар метался между диким зверем и невротиком, так интенсивно чувствуя каждую грань его жизни, я видела себя ребёнком — с которым невозможно справиться.

Большую часть моего детства меня держали в клетке.

Я не держала клетки и никогда ей не обзаведусь.

Я прошла по влажной траве, опустилась рядом с рыдающей косматой химерой с чертами иберийской рыси и податливой ленивой осанкой коалы, и подтащила пятидесятифунтового зверя к себе. Как только я его коснулась, он завыл в знак полного поражения и начал рычать, затем замер неподвижно, грузно и непостижимо тяжелее. Все четыре лапы прямо торчали в воздухе, острые черные когти удлиннились, позвоночник окоченел — проще было бы затащить себе на колени враждебно настроенную гиену.

Он перестал рычать ровно настолько, чтобы рывкнуть:

— Не трогай меня. Найди своё собственное измерение. Ты сжимаешь моё пространство, — затем он рухнул поперёк моих ног, и его голова запрокинулась. — Расчеши мне шею, она снова спуталась, — заныл он.

Я прикусила губу, чтобы не рассмеяться; чувства Шазама в таком состоянии легко задеть. Ногтями я причесала густую шерсть на его подбородке, косматую шею и вокруг ушей, пока не услышала в его груди низкое, удовлетворённое урчание.

Мы разлеглись на траве кладбища за аббатством Арлингтон, под кобальтовым небом, мерцающим звёздами из розового золота и полной янтарной луной, и наслаждались моментом. Стояла середина марта, но густо расцветшие бархатные маки покачивали головками в близлежащих урнах, а экзотические вьющиеся розы украшали могилы, пропитывая ночной воздух неуловимыми ароматами Фейри. Ночная симфония сверчков и жаб наполняла воздух.

Климат Дублина сделался нехарактерно мягким после того, как в прошлом ноябре королева Фейри использовала Песнь Созидания, чтобы исцелить наш мир. У нас не было зимы; долгая, плодородная весна как по маслу перешла в необычайное лето, забрызганное яркими цветами Фейри и новыми видами растений.

В моей жизни было мало покоя. Я склонна была оказываться впутанной в одну мелодраму за другой, но за исключением разбитого сердца, которое не исцелялось по предпочтительному для меня расписанию, жизнь была хорошей. У меня был Шазам, у меня были друзья, я исцелюсь, а затем ждал бесконечный потенциал новых приключений.

В конце концов, Адский Кот приоткрыл лавандовый глаз и взглянул на

меня. Я задержала дыхание. Теперь в его взгляде не было ничего дикого или невротичного, лишь древняя мудрость, помноженная на отстранённое, безвременное-как-звезды терпение. Я научилась внимательно слушать, когда он вот так на меня смотрел.

— Останки того, кто протанцевал с тобой в любовь — в земле, Йи-йи. Вот почему ты не хочешь, чтобы я ел кости. Делай то, зачем пришла. Я буду охотиться лишь на вкусных ночных мотыльков, — усмехнувшись, он добавил. — И я буду убивать, как ты — с любовью, — он вскочил с моих колен подозрительно грациозным рывком, учитывая массу его тела, и быстро ускакал во тьму за могилами.

Я закатила глаза, когда он исчез. Меня обучили убивать в возрасте девяти лет. До того я убивала без обучения. Вскоре после того, как я спасла Шазама с планеты X, он спросил, насколько мои убийства отличались от убийств, которые я ему запрещала — помимо того, что я тратила еду, не питаясь своими жертвами. Я сказала ему, что когда убивала, это делалось не с ненавистью, некогда пылавшей в моем сердце, а с любовью к миру, который я пыталась защитить. Я делала это лишь при необходимости, максимально быстро и милосердно. Убийство с жестокостью в сердце, или хуже того, с полным отсутствием эмоций, делало тебя убийцей, банальным и простым. Убийство, потому что так нужно сделать, потому что не было другого пути и потому что это правильный поступок, делало тебя необходимым оружием.

Делай то, зачем пришла. Я не была уверена, что это. В этом мрачном мемориале мёртвых за аббатством Арлингтон не осталось ничего от Танцора. Я находила эту мысль ужасающей — что его сущность может быть поймана в коробку, похороненную в земле. Когда я умру, кремируйте меня и развейте к звёздам.

И все же я поднялась на ноги, обошла ряд низких оградок и широких клумб, и встала в изножье его могилы.

Время ускользало; четыре месяца назад я поцеловала холодные губы Танцора и закрыла крышку его гроба.

Боже, я скучала по нему.

Мы играли с невинностью и безнаказанностью детей, считавших себя бессмертными (по крайней мере, я), рубились в видеоигры, смотрели фильмы, вместе мечтали о том, что может готовить нам будущее, объедались мороженым, конфетами и содовой, носились в ночи в поисках приключений.

Я слабо улыбнулась. Мы нашли немало. Мы ныряли в жизнь с одинаковым энтузиазмом и бравадой нам-все-до-лампочки. Заботливый,

внимательный и гениальный, он был одним из всего лишь двух людей, которых я встречала и считала такими же умными, а может и умнее меня.

Мы выросли, стали любовниками.

Танцор Элиас Гэррик, никогда не на вторых ролях, всегда герой.

Я засунула руки в карманы и посмотрела вниз. Я не та женщина, что часто оглядывается назад. Я измеряю действия по результатам, а всматривание в прошлое редко приносит плоды. Размышление о том, что причиняет тебе боль, лишь продлевает боль, а когда замешана смерть, боль часто сливается с безжалостным чувством вины, атакующим тебя в момент, когда ты начинаешь исцеляться, как будто продолжительность скорби каким-то образом доказывает глубину твоей любви к человеку, которого ты потерял.

Будь это правдой, мне пришлось бы вечно скорбеть по Танцору.

Рождённый с больным сердцем, он жил бесстрашно. Несправедливо бракованная мышца в его груди подвела его ещё до того, как ему исполнилось восемнадцать, когда я спала рядом с ним в постели. Я проснулась после ночи занятий любовью, чтобы обнаружить, что он ушёл навсегда.

Я расклеилась. Это было уродливо. Мои друзья провели меня через это.

Вина определённо привела меня сюда, но не порождённая недостатком скорби. Бесконечное изобилие последней заставило меня сделать кое-что глупое прошлой ночью.

Я пыталась стереть боль в постели другого мужчины. В то время это казалось хорошей идеей.

Это не сработало. Первый мужчина, с которым у меня был секс, научил меня, каким прекрасным это может быть.

Второй мужчина показал мне, каким это может быть уродливым.

— Я скучаю по тебе, — прошептала я его могиле и ждала.

Вскоре после смерти он дважды говорил со мной. Я чувствовала его присутствие, как будто он стоял прямо позади меня, солнечным светом на моих плечах, протягиваясь через режим стоп-кадра, чтобы утешить меня и дать совет.

Однако несколько недель спустя я осознала, что это неосязаемое тепло ушло — исчезло, пока я спала — и я знала нутром, что он двинулся дальше. Каким-то образом он сумел задержаться, чтобы удостовериться, что я в порядке, а удовлетворившись, он понёсся к следующему грандиозному приключению.

Как и должен был.

Как все мы должны, когда приходит наше время.

От этой мысли мне ничуть не стало лучше. Мыслям это редко удаётся. Сердце имеет собственный разум, отмеряет собственное время, и если оно консультируется с мозгом, то не всегда прислушивается к совету. Мой мозг кричал — прекрати уже страдать. Глухой публике.

Прежде я никогда полностью не осознавала значение слова «навсегда». Я потеряла свою маму задолго до того, как она умерла. Это не одно и то же. Я скорбела по ней, пока она ещё жила.

Но идея, что я никогда больше не увижу Танцора, была невыносимой. Все, что у меня осталось от него — воспоминания, и у нас не было времени, чтобы создать их в достаточном объёме.

Мой взгляд переместился к надгробью восточнее его. ДЖО БРЕННАН. Мы положили покоиться рядом с ним ещё одного моего друга. Я слабо улыбнулась, вспомнив, как она вломилась в клетку моей темницы, чтобы меня спасти. Мы не всегда хорошо ладили, но она была искренней, хорошей константой в моей жизни и не заслуживала той смерти, которой она погибла.

АЛИНА МАККЕННА ЛЕЙН. Сестра Мак была похоронена рядом с ней. В моей жизни было столько смертей.

— Все это лишняя причина жить, — позади меня раздалось гортанное рычание с экзотическим акцентом. Я слышала в нем следы многих языков, гармония из ничего.

Я ощетибилась. Немногие люди могли подкрасться ко мне так, чтобы мои экстраординарные органы чувств не перешли в режим боевой готовности. Риодан творит невероятное бесчисленными, раздражающими способами.

— Держись подальше от моей головы.

— Я в ней не был. Не нужно было. Когда люди стоят над могилами, они предаются мрачным мыслям, — затем он оказался рядом в этой своей внезапной, бесшумной, зловещей манере.

Люди, сказал он. Кем бы ни был Риодан, он не был одним из них, и он перестал пытаться скрыть это от меня. Хоть учтивый, искушённый мужчина, хоть чернокожий клыкастый зверь, он был всеми моими супер-силами плюс внушающий благоговейный трепет и раздражающий ассортимент других. Когда я была маленькой, я чувствовала себя Сарой из фильма «Лабиринт», носящейся по Дублину и переживающей грандиозные приключения. Риодан был Джаретом, моим Королём Гоблинов. Я бросала ему вызов на каждом повороте, определяла себя, противопоставляя себя ему. Я изучала его, внедряла его идеологии и тактики в свои собственные.

В Зеркалах я действовала по принципу: КПП?^[2] Я никогда ему этого не рассказывала.

Я повернулась и нахмурилась на него. Прекрасный, холодный, отчуждённый мужчина. Когда он появляется, со мной всегда случаются две вещи. Я получаю внезапный заряд счастья, как будто каждая клетка в моем теле просыпается и рада его видеть. Это меня бесит, потому что мой мозг редко соглашается. Мы с Риоданом исступлённые враги, настороженные друзья. Я говорю ему вещи, которые не говорю никому другому, и это тоже меня оскорбляет.

Вторая вещь меня сбивает с толку. Я часто склонна плакать. Я рыдала на его безупречных накрахмаленных рубашках больше, чем могла припомнить.

— Потому что я понимаю, — пробормотал он, глядя на меня этими мерцающими серебряными глазами. — И я могу это вынести. Однако я не был уверен насчёт счастья. Мило с твоей стороны это объяснить.

— Какую часть фразы «держись подальше от моей головы» ты не понял?

— Твоё лицо, Дэни. Все, что ты чувствуешь — на нем. Мне редко нужно копать глубже.

В последнее время он замечал во мне такие неукротимые эмоции, что я его избегала. Как Джаду меня уважали, боялись. Как Дэни я иногда чувствовала себя так, будто соперничала с Шазамом за звание Образцовой Размазни Месяца.

Я могла лишь надеяться, что случившееся прошлой ночью нигде не отразилось на моем лице. Я никогда прежде не испытывала того, с чем среднестатистическая женщина со среднестатистической силой сталкивалась каждый день: физическая уязвимость перед противоположным полом. Это было унижительно, ужасающе и пробудило во мне яростное сострадание, вызывая во мне ещё больше желания защищать мой город, особенно женщин и детей.

В постели с незнакомцем моё сердце чувствовало себя так, будто вот-вот взорвётся. Я пыталась оставить мужчину и то пустое занятие, которым занималась, но интенсивность эмоций обрубила мою силу ши-видящей, оставляя меня обычной напуганной женщиной 178 см ростом и 64 кг весом, запертой в комнате с двухметровым мужчиной, весившим 108 кг.

Который назвал меня «динамо» и сделался жестоким.

Я его не убила. Я хотела. Если бы он преуспел в изнасиловании меня, я не знаю точно, что бы я сделала. «Нет» — это «нет», неважно, когда это слово произнесено. В действительности я буду наблюдать за ним с

расстояния, чтобы убедиться, что он никогда больше не переступит эту черту. А если переступит, что ж: нарушил свободу другого, потеряй свою собственную.

— Ах, Дэни, — Риодан коснулся моей щеки, смахнув выбившийся локон и заправив его за ухо. — Мужчины могут быть грёбаными ублюдками. Но не все они такие. Не позволяй этому уничтожить тебя. Будь бесстрашной. Не бойся упасть. Попробуй все это на вкус.

Мои глаза бунтарски вспыхнули. Не из-за того, что он сказал, а скорее из-за того, чего он не сказал. Это присутствовало в его голосе. Мак и Бэрронс ушли две недели назад, чтобы разобраться с восстанием, случившимся в Фейри. Она напомнила мне, что время там течёт иначе; неделя для неё может оказаться для меня годом. Он тоже уходил.

— Это подозрительно напоминает прощание.

Он улыбнулся, но это не коснулось его глаз. Большую часть времени в глазах Риодана была осязаемая холодность, отдалённость, взгляд с расстояния тысячи ярдов, который видел и делал вещи, которые могли изменить тебя навсегда; вид общей картины. Это я понимаю. Иногда я вижу тот же взгляд в моих глазах.

— Мне кое-что нужно сделать.

Я знала это. Я холодно сказала:

— Супер. Мы с Шазамом пойдём с тобой.

— Вы не можете.

— Ещё как можем. Они избрали совет для аббатства, вернулись к народному голосованию как в старые времена. Я лишь консультант, — я хотела, чтобы так было. Свобода приходит и уходит, когда мне угодно.

— Не в этот раз.

— Ты только что сказал мне попробовать все. Я лишь ловлю тебя на...

— Ни на чем. Ни на чем ты меня не ловишь, — он резко перебил меня. — Сейчас я не могу взять тебя с собой. Сейчас тебе со мной не место.

Пропал полированный, утончённый мужчина. Чернокожий зверь, которым он иногда становился, смотрел на меня сквозь холодные, неизмеримо древние глаза, кровавые крапинки мерцали в их глубинах. Атавистическое присутствие зверя видоизменило грани и углы его лица, изменяя и удлинняя челюсти, чтобы способствовать внезапному появлению клыков.

Однажды я целовала его, чувствовала эти клыки, царапающие мои зубы, когда между нами искрил разряд высокого напряжения. Однажды я предложила ему свою девственность. Он отверг меня, и я поклялась, что

он никогда не получит второго шанса.

Его взгляд разлетелся на куски, и он вновь был Риоданом, мужчиной с ровными белыми зубами и самым ясным взглядом, что я когда-либо видела. Мужчиной, который вёл долгую игру и не испытывал никаких противоречий с тем, кем он являлся. Безжалостный. Мудак. Мой друг.

— Помни о телефоне и татуировке, — сказал он. — Неважно, работают ли вышки сотовой связи. ЯВСД всегда сработает. Используй его только если должна.

ЯВСД, обозначение для «Я В Серьёзном Дерьме», было номером, запрограммированным в моем телефоне, который активировал заколдованную татуировку, которую Риодан набил у основания моего позвоночника по моей просьбе. Согласно его словам, он мог найти меня где угодно, практически немедленно.

— Я знаю правила. Только если я умираю.

Он уходил. Это действительно прощание. Моя разномастная семья, собранная воедино из экстраординарных друзей, разваливалась на куски. Я находила утешение в знании, что он рядом, в моем городе, и я могла увидеть его в любое время. Не то чтобы я делала это в последнее время, но мне нравилось знать, что деспотичный король вечно вершил суд в своём стеклянном королевстве высоко над нами всеми, что ночной клуб Честер был открыт, и бизнес шёл как обычно. Я, может, и не заходила внутрь последние несколько месяцев, но я определённо считала обязательным часто проходить мимо. Я присматривала за важными для меня вещами.

Моё сердце застыло, и я ему позволила. Танцор, Джо, Мак, Бэрронс. Теперь Риодан.

— Не делай этого, — прорычал он.

— Не указывай мне, что делать, — прорычала я в ответ. — Ты уходишь. У тебя больше нет права голоса.

— У меня всегда есть право голоса. Мне не нужно твоё разрешение.

Я огрызнулась:

— Оно и видно. — Он покидал Дублин без него. Он думал, что я стану умолять его остаться? Никогда. Люди должны были захотеть остаться, выбрать быть с тобой, иначе это ничего не значило. Были физические клетки, а были эмоциональные. Держаться за кого-то слишком крепко означало не давать им дышать, и в конце концов, неизбежно, они сделают одно из двух: задохнутся или убегут, в любом случае заставив тебя чувствовать себя как в аду. Я пренебрежительно махнула рукой. — Чего ты тогда ждёшь? Иди.

Его ноздри раздулись, на щеке дёрнулся мускул. Лунный свет серебрил

лицо, которое я некогда считала безразличным и отстранённым. Я провела пальцами по остроте этих скул, тени щетины на челюсти, шраму, который разделял мощный столп его шеи. Я испытала неукротимую эмоциональную дикость этого мужчины. Он заставлял меня нервничать таким образом, какого я не понимала. Я вздохнула и вопреки своему желанию произнесла:

— Когда ты возвращаешься?

— Пройдёт какое-то время.

— Выражайся точно. Недели? Месяц или два? — когда он не ответил, я изумлённо разинула рот. — Годы? Ты издеваешься?

Его глаза прищурились, и он выплюнул в свирепой спешке:

— Послушай меня и заруби то, что я скажу, в своём гигантском усложнённом мозгу. Ты права насчёт убивания любовью. Храни свет, сияющий в твоём сердце; смерть — это голодная тьма. Она хочет поглотить нас. Ты другая и всегда будешь понята неправильно — никогда не позволяй этому задеть тебя. Ты ужасно настоящая вещь в ужасно фальшивом мире. Это мир испоганен, не ты. Держись ближе к Шазаму; вы нужны друг другу. Не возвращайся снова к могиле Танцора; он не здесь, и ты это знаешь. Если бы он мог видеть тебя, стоящей на его могиле, он бы вышвырнул твою задницу с кладбища и спросил, не выжила ли ты из своего грёбаного ума. Ты не скорбишь о любви; ты празднуешь то, что она у тебя была. Выбирай мужчин, с которыми ложишься в постель, по таким критериям: они видят лучшее в тебе, усиливают это и защищают. Когда ты трахаешь мужчину, ты вручаешь ему Грёбаный. Подарок. Будь уверена, что он его заслуживает. И грёбаный ад, не занимайся одноразовым сексом. Отдавайся действию. Сделай его значимым. Прочувствуй это и пройди весь путь до конца.

Я зацепилась за его последние слова с оскорблённым изумлением.

— Сказал король скандально известного кивка и одноразового секса? — я не собиралась заниматься сексом прошлой ночью. Я даже смутно не лелеяла эту мысль. Но моё сердце так чертовски сильно болело, а мужчина, стоявший рядом со мной в баре, был привлекательным и игривым, и мне отчаянно нужно было сбросить часть своих эмоций. Я думала, это поможет почувствовать себя лучше, даже подзарядиться, как при объятиях. Я думала, что смогу излить часть своей боли через руки, выбросить её в тело другого мужчины, встать и уйти более чистой, более твёрдо стоящей на ногах.

— Никогда не выбрасывай эмоции, Дэни. Направляй их. Найди равного, который может с этим справиться. Но не трать впустую этот драгоценный товар.

— Лор тоже уходит? — потребовала я. — Как насчёт остальных?

Он не дал ответа, но я и не нуждалась в нем. Я видела это в его глазах. Они все уходили — или уже ушли. Я понятия не имела, куда или почему. Но одно было ясно: я не приглашена.

— Кто будет управлять Честером? — спросила я, как будто одно это могло заставить его остаться. Построенный из хрома, стекла и загадочного компонента, который мы с Танцором никогда не могли определить, надземный Честер был самым горячим ночным клубом Дублина, предлагавшим дюжины подклубов, которые обслуживали всевозможную клиентуру, тогда как подземная часть была царством Девятки, содержащим их личные резиденции и клубы. Уровни за уровнями простирались на мили под землёй, питаемые обширным геотермальным комплексом, который, зная Риодана, вероятно черпал саму магму. Над клубом нависал прозрачный стеклянный офис Риодана, оборудованный новейшими электронными устройствами наблюдения и служащий возвышенным тронem, с которого он наблюдал за своим миром. Я понятия не имела, как долго они там жили, но подозревала, что очень, очень долго.

— Он закрыт. Держись от него подальше.

В Честере было темно? Я видела его таким лишь несколько раз и ненавидела это, как карнавал, собравшийся покидать город и оставляющий позади лишь грязное поле с разбросанными листовками и поблёкшими мечтами.

— Я, черт подери, пойду, куда захочу. Как только ты уйдёшь, он уже не твой. Может, я захвачу его, воссоздам как свой собственный клуб, — но я бы не стала. Мне пришлось бы убить его постоянных посетителей. Риодан был хозяином равных возможностей, обслуживал лучших и худших из людей и монстров. Однако я вовсе не против побродить вокруг после того, как он уйдёт, чтобы посмотреть, не оставил ли он чего интересного.

— Я сказал, «держись подальше». И не беспокойся, ты будешь защищена. Я принял меры предосторожности.

Защищена, как же. Я не нуждалась в защите. И не хотела её. Я хотела свою семью. Я хотела, чтобы он остался в Честере, где ему и место, чтобы он был там на случай, если я решу, что хочу его видеть. Я подавила желание сдать руки в кулаки. Он заметит. Он сделает выводы. Этот мужчина ничего не упускал.

— Когда это мне нужна была защита?

Он фыркнул.

— Как будто сохранение твоей жизни не было грёбаной работой с полной занятостью.

Как только Риодан принял решение, ничто его не изменит. Можно

было сделать лишь одно: попроситься с ним и пожелать всего доброго, ясно дав понять, что я в нем не нуждаюсь и скучать не стану. Я раскрыла рот и сказала:

— Я тебя ненавижу.

Он запрокинул голову и расхохотался, загнав меня в тупик. Кто смеётся, когда ты говоришь, что ты его ненавидишь?

Затем его руки очутились в моих волосах, а его губы коснулись моих. Мягко, легко, не провокация и не приглашение, но между нами заискрился мгновенный электризующий разряд, такой же, как во время нашего последнего поцелуя, когда я хотела лишь напакостить ему. Это напакостило нам обоим. Я прислонилась к нему. Прошлой ночью разумнее было прийти к нему, чтобы сбросить эмоции. Безопаснее. По крайней мере, телу.

Его руки на коже моей головы напряглись, и он произнёс с неожиданной яростью:

— Я бы тебе не позволил. Не приходи ко мне вот так, Дэни. Никогда, проклятье, не приходи ко мне вот так.

Это была последняя соломинка, последние острые как кинжал слова, которыми я позволила ему полоснуть себя. Наши поцелуи следовали мрачной схеме: мы разделяли поцелуй, мы оскорбляли друг друга, мы расходились.

— И ты тоже нахер катись, Риодан.

Но он ушёл, уже преодолев половину кладбища, ускользая между надгробий и деревьев.

Он уходил.

На годы. И я даже не знала, на сколько лет.

Это ранило меня в местах, в которых я даже не думала, что могу испытывать боль. Если он пытался отвлечь мой разум от Танцора, он преуспел. Ничто так не делает боль в старой ране чуть менее парализующей, как свежая, неожиданная рана.

Я прищурила глаза, стараясь различить его в ночи, решительно настроенная наблюдать за ним до последней секунды, пока он наконец не скроется полностью из виду, вне досягаемости. Это было нелегко. Риодан в своём естественном состоянии был тенью среди теней, утончённостью тьмы, шёпотом силы, рябью грациозности. Бессмертный. Такой чертовский сильный.

Несокрушимый.

Я хотела быть им. Я хотела бежать с ним. Я хотела убежать от него и никогда не оглядываться.

Как раз перед тем, как я потеряла его из виду, я услышала его
бормотание:

— До того дня, когда ты пожелаешь остаться.

Глава 2

Моя группа крови — Krylon^[3], вторая разноцветная^[4]

Я бродила по кладбищу, высматривая Шазама, но не зовя его на случай, если он охотился за ужином. Мы договорились, что он может питаться как дикое создание, совершая одно убийство за ночь, пока это было что-то, что он мог поймать и поглотить в своей текущей форме. Не превращаясь в геноцидную версию самого себя, способную опустошить цивилизации. Вопреки его разумности и способности разговаривать, он все равно был чистокровным зверем, который наслаждался охотой. Я это понимала.

Кроме того, размышляла я, возможно, физические упражнения заставят его похудеть. Хоть я и обожала каждый дюйм его габаритов, которые так и хотелось обнять, просыпаться утром от пятидесяти фунтов^[5], плюхающихся на твой полный мочевой пузырь — это жестоко.

Однако не так жестоко, как то, что Риодан и остальная Девятка пакуют пожитки и покидают Дублин. Мой город начинал ощущаться как город-призрак, вопреки ордам людей, иммигрирующих со всего мира. Было не так много городов, полностью функционирующих, как наш. Людей привлекали наши технологии, припасы и относительная безопасность и порядок, которых мы сумели добиться.

Годы назад, до того как я потерялась в Зеркалах и утратила представление, сколько же мне лет — где-то между девятнадцатью и двадцати одним годом — мой мир на короткий срок сделался практически идеальным. Ну... до того как Мак узнала, что это я была ассасином, убившим её сестру. После этого все сделалось немного нестабильно.

Суть в том, что у меня была небольшая группа людей, которых я считала своими. Некоторые из них нравились мне больше других, в зависимости от дня недели, но после нашего последнего совместного приключения по спасению мира, моя группа сообразительных, гениальных, крайне преданных друзей стала моей семьёй.

Теперь большинство из них ушло. У меня все ещё были Кэт, Энио и ши-видящие, я думала, что у меня все ещё был Кристиан МакКелтар, хотя я давненько его не видела. Но Мак, Бэрронс, Риодан и Лор, они были как я:

могущественные, сильные, заинтересованные в том, чтобы сделать все возможное и понять своё вечно изменяющееся место в вечно изменяющемся мире. Хоть я неохотно это признавала, но каждый из них по-своему был чем-то вроде примера для подражания, вызовом, которым я наслаждалась, чтобы стать сильнее, умнее, быстрее, лучше.

— Не могу поверить, что они доверили мне остаться одной, — пробормотала я. Были времена, когда они бы этого не сделали. — Меня не стоит оставлять одну и без присмотра. Они это знают, — но смотреть сквозь пальцы, чтобы замаскировать настоящие чувства, больше не работало как раньше, так что я сделала то, что делала всегда, когда ничего не могла изменить в беспокоившем меня вопросе — отгородила тихое местечко в своём сознании и запихнула это туда. Не трогать это. Продолжать жить. Время имеет странное свойство распутывать самые сложные узлы.

Хоть часть меня хотела обдумать сказанные Риоданом вещи, особенно то, что я, кажется, услышала от него последним, я отказывалась себе потакать. Предположим, я сделаю какие-то выводы, и что хорошего это принесёт?

Он ушёл. На годы. Я отказывалась позволять этому ублюдку занимать мой мозг в своё отсутствие. Ему бы это понравилось.

Стало быть, открыть коробку. Забросить внутрь. Закрыть коробку.

Когда он вернётся, я вновь открою коробку.

Однако Танцора я оставила болтаться в моей голове. Он ушёл не по собственному выбору. Я пройду сквозь горе. Это меня изменит, но я знала, что мне понравится та женщина, которой я буду в результате, и Танцору она тоже понравилась бы.

Тем временем мне нужна была загадка, чтобы отвлечь мой разум. Найти её в Дублине ППС — после падения стен — и ПП — после Песни — будет также просто, как направиться обратно в город.

Шазам догонит меня, как только наестся — он может найти меня где угодно — так что я взглянула наверх, чтобы сориентироваться по звёздам. Потратив столько много лет, таращась в телик из-за решёток, теперь я много времени смотрела вверх. Я одержима небом, особенно ночным. Оно склонно заставлять меня чувствовать себя совершенно незначительной и в то же время частью безграничного, безвременного целого. Я никогда не забуду первую неделю своей свободы от клетки. Ночами я спала на земле посреди обширных полей, засыпая с запрокинутыми за голову руками, поражаясь безграничности этого всего; ребёнок, вся вселенная которого до тех пор сводилась к четырём квадратным метрам.

Определив позицию, я поспешила к огибающей надгробья дорожке перед тем, как нырнуть в поток. В течение первых рискованных одно-двух мгновений до того, как я переходила на более высокое измерение, в котором научилась двигаться, я все ещё могла врезаться в вещи. Но едва поднявшись, я была безупречна. Спускаться было ещё сложнее, чем восходить, и именно так я получала большую часть своих синяков.

Я помедлила на тротуаре, осматриваясь по сторонам, чтобы зафиксировать на своей ментальной системе координат множество переменных — и застыла, холодок ужаса лизнул мой позвоночник. Немногие вещи проделывали это со мной.

— Какого... — я подавила приглушенное проклятье и замерла неподвижно, как один из трупов в земле, приравнивая своё дыхание к ничтожным, мелким вдохам. «*Меня здесь нет, меня здесь нет*», внушала я.

То, что я видела, было невозможным.

Песнь Созидания была пропета. Невидимые разрушены ею. Все. Я больше не носила фонарики или МакНимб.

Высасывающие жизнь Тени исчезли.

И все же я была окружена ими, окутана бесчисленными чернильными тенями, поднимавшимися из земли, пробивавшимися из могил, вырывавшимися из надгробий, выплывавшими из окон рушившихся мавзолеев, даже процарапывавшими свой призрачный путь сквозь тротуар.

Дюжины... нет, сотни, или больше! — заполнили кладбище.

Одна вырвалась на свободу из асфальтового покрытия в полутора метрах от меня; другая зависла в нескольких футах передо мной; ещё три смертоносных создания находились справа.

Я не рискнула обернуться, потому что они, казалось, вовсе меня не замечали. Возможно, они пожрут траву, цветы и деревья и двинутся дальше, насытившись, если я буду стоять очень, очень неподвижно.

Я парализовала свои конечности, но мой разум нёсся на бешеной скорости: прошло почти четыре месяца с тех пор, как новая королева Фейри пропела совершенную, опасную мелодию, которая восстановила прорехи в материи нашего мира. Общеизвестно, что никто из Невидимых не мог пережить эту Песнь, и никого из Невидимых с тех пор не видели.

Я всегда крайне подозрительно относилась к общеизвестным сведениям, и очевидно, не зря. Кладбище было битком набито Тенями, их было почти столько же, сколько вырвалось из отравленной Сферы Д'жай на Хэллоуин, когда стена между мирами людей и Фейри разрушилась.

Как они пережили Песнь? Что ещё её пережило?

Не имеющие чёткой формы вампиры, Тени живут во тьме и

высасывают жизнь из всех и всего, что достаточно глупо, чтобы оказаться на их пути. Не то чтобы я переходила им дорогу, и я не была глупой, считая, что мне больше не нужен чёртов МакНимб. У меня были все причины забросить на полку мотоциклетный шлем, украшенный дюжиной LED-ламп. Невидимые были мертвы.

Нет.

Когда Тени питаются людьми, они оставляют после себя небольшие десерты тонкой как бумага плёнки с гарниром из блестящих пломб, часов, имплантатов и других дополнений. Они высасывают даже соки и насекомых из деревьев, настолько вычищают почву, что не остаётся даже частичек бактерий. Мой меч против них бесполезен. Любое оружие бесполезно. Теней невозможно убить, и единственное, что спасёт тебя от ужасной смерти — это свет. Если у тебя его достаточно, ты сможешь держать их на расстоянии.

Мой телефон излучает недостаточно света, чтобы защитить даже одну мою руку.

Вот тебе, Риодан. Ты уходишь, я умираю. Пусть тебя сокрушит гора чувства вины.

Я захлопнула обратно крышку этой коробки.

Тени двигались, роились, дрейфовали ближе, ускользали дальше. Облако тьмы прямо передо мной наклонилось ближе и зависло в десяти дюймах от моего левого ботинка. Я никак не могла попытаться заскочить в поток. Оно было слишком близко; я столкнусь с ним прежде, чем сбегу на более высокое измерение. Будь я Высшим Фейри, я могла бы просеяться. Но доступный мне стоп-кадр — более неуклюжий, более медленный и далеко не такой элегантный. Фейри могут моргнуть и вновь появиться на другом конце света. Я намного сильнее ограничена.

Я ни за что не стала бы звать Шазам. Я не подвергла бы его опасности. Я не была уверена, насколько он могущественен против чего-то подобного, а потеря его совершенно точно выпотрошила бы меня.

Мой телефон находился в заднем кармане. Я просчитала шансы вытащить его, включить и суметь вызвать ЯВСД прежде, чем ближайшая Тень поглотит мою ногу.

Не очень хорошие.

Я все равно рискнула. Некоторые ребята страдают от заблуждений, будто жизнь сводится к принятию правильных решений, подразумевая, что в каждой ситуации есть правильное решение. Я не знаю, в какой жизни они живут, но в моей зачастую единственное направление действия — это плохое. Я умру, делая что-либо, или я умру, ничего не делая. Хоть мне

ненавистно было звать Риодана на помощь, ещё ненавистнее мне было умирать, и я до глубины души презирала тот факт, что я не продержалась самостоятельно и десяти минут после его ухода.

Моя рука сдвинулась с бока, скользнула под меч и нырнула в задний карман.

Тень проглотила мой левый ботинок.

Я разинула рот от ужаса, выуживая телефон и пролистывая контакты, пребывая в ярости от того, какой эпично бесполезной уже оказалась татуировка, нанесённая Риоданом на мою кожу. У кого есть время пролистывать список контактов на телефоне, когда на них напали Тени?

Тень поглотила моё левое колено.

Затем последовало моё правое колено.

Я исчезла ниже середины бедра.

Если бы я смогла сейчас набрать ЯВСД — а я не могла, потому что в моем телефоне было много контактов, и я не могла найти чёртов нужный — и даже если он пришёл бы немедленно, сумел совершить немыслимое и убить Тень, мои ноги уже исчезли.

Я потратила долю секунды, гадая, хотела ли я жить без ног.

И вот оно — ЯВСД!

Мой палец ненадолго завис над ним, отказываясь двигаться.

Я чувствовала свои ноги. Они оледенели, но были там.

Я покосилась вниз. Тень была неподвижным, чернильным, маслянистым рукавом на низе моего тела.

Я нахмурилась. Тени вели себя не так. Когда погибла Сорча, знакомая ши-видящая, Клэр видела, как это случилось, и она сказала, что Сорча исчезла в собственном ботинке, когда надела его — из-за Тени, спрятавшейся внутри, в темноте. Данная каста Невидимых поглощала свою добычу мгновенно, одним быстрым вдохом, затем изрыгала небольшую горстку крошек. Или, в её случае, оставила их в ботинке.

Возможно ли, что это была не Тень? Если так, то что это? Отдалённой частью мозга я осознавала, что ноги были не единственной частью тела, которая замёрзла. Моя левая рука заледенела. И чесалась. Я посмотрела на неё. Она была совершенно чёрной, тёмные вены переплетались на бледном запястье. Этой рукой я годы назад заколола Охотника, когда что-то из древнего зверя как будто скользнуло вверх по моему мечу, заразив меня.

Тень снова двигалась, постепенно поднимаясь.

Я понятия не имела, что могло случиться — и случится ли что-то вообще — но я рубанула по чернильному облаку своей холодной чёрной рукой, как будто она была кинжалом.

Тень резко отшатнулась и попятилась назад. Она остановилась примерно в дюжине футов от меня и повисла в воздухе. Меня поразило внезапной уверенностью, что она меня оценивает. Я чувствовала, как разумное создание снимает мои мерки, анализирует меня, решая, что делать дальше.

Я осмотрелась по сторонам. Все Тенеподобные создания на кладбище замерли неподвижно, и по лёгкому наклону их аморфных форм я пришла к выводу, что они смотрят на моего агрессора, как будто слушают. Что это, черт подери, такое? Коллективный рой эволюционировавших Теней? Эта мысль ужасала.

Телефон все ещё находился в моей руке, экран светился, ожидая, когда я нажму на ЯВСД.

Я сбросила его. Я не собиралась звать на помощь. Он оставил меня одну? Я справлюсь сама.

— Убирайтесь отсюда! — взревела я, кидаясь к чему-бы-это-ни-было.

Тенистая фигура снова отшатнулась, исчезая внезапным порывом ветра, затем вновь обретая форму на том же месте. Ещё больше метнулось туда же, присоединяясь к ней, устраиваясь по обе стороны, и вот я уже стояла, глядя на почти твёрдую стену тьмы пятнадцать метров шириной.

Я угрожающе показала левую руку.

— Я вас уничтожу. Вы выбрали не ту женщину для своих фокусов, и не ту ночь. Я и без того была в плохом настроении! — прорычала я. Я помедлила и сделала то, что часто делала в юности, когда все ещё убивала с ненавистью в сердце, которой хватило бы на броню для всей Гарды в Дублине. Я приняла свою ярость из-за несправедливости и лицемерности мира, приветствовала её с распростёртыми объятиями, позволила ей наполнить моё тело, придать форму моим конечностям, подсветить мои глаза. Я знала, как выглядела, когда позволяла этому случиться — как Риодан в его худший день.

В моем позвоночнике была сталь, в моих глазах — смерть, когда я грозно пошла к зловещей стене.

— У вас есть два выбора, — произнесла я ужасным голосом, высоко подняв левую руку. — Уйти. Или умереть.

Стена исчезла.

Я моргнула, пробормотав «Что ж», слегка удивлённо и в основном скептически. Я знала, что могу быть устрашающей, но я была одним человеком, а их тут были сотни.

Несколько долгих мгновений я стояла, сканируя кладбище, не желая действовать опрометчиво и ошибочно полагать, что они ушли. Монстры,

бродящие по нашему миру, коварны, терпеливы и пронырливы. Как и многие люди.

Пока я ждала, я выровняла своё дыхание. Это постоянное напоминание о том, как я жила: Наглость, Безжалостность, Энергия, Действие, Упорство, Голод — Д-Ы-Х-А-Н-И-Е^[6]. Я хотела метнуться в поток и поспешить к ближайшему источнику света, но я больше не убегаю от вещей, которые меня пугают. Они преследуют тебя, обретая реальность и власть, чем дольше ты бежишь.

Когда прошло несколько минут, и никаких теней не появилось вновь, я забросила телефон обратно в карман и повернулась, чтобы уйти с кладбища, глазами ища улики. Я споткнулась о надгробный камень, повалилась через него, перекатилась, вскочила и замерла неподвижно, проводя быструю внутреннюю оценку. Я ощущала себя странно шаткой, слабой, как будто при резком движении мои ноги могут подкоситься. Столкновения со смертью обычно меня бодрили, но этот случай повлиял на меня сильнее, чем я осознавала. В надежде, что я просто была голодна — куда более приемлемый вывод для языка и для эго — я запихнула в рот протеиновый батончик и пошла дальше, составляя тщательные ментальные заметки о местах, откуда пришли неведомые создания, их форме и размерах, их действиях, и аккуратно сложила это все в свои ментальные хранилища.

Я хотела отвлечения.

Я определённо его получила. Тайна, окутанная загадкой и увенчанная бантиком из неопределённости и опасности.

Я весело насвистывала к тому времени, когда Шазам выскочил из ночи, чтобы присоединиться ко мне — с кровью на пушистой морде и радостью в сиреневых глазах. Мы пошли вместе, и я положила руку на его косматую голову, пока мы шлёпали в ночи.

И все же я сделала ментальную пометку быть немного осторожнее с тем, о чем просить вселенную в будущем.

СЕЙЧАС

*У всех людей есть пределы.
Они узнают, каковы они, и учатся не выходить за
их рамки.
Я свои игнорирую.*

— Бэтмен

*Великие личности давно страдали от жестокой
оппозиции посредственных умов.*

— Эйнштейн

Все как они сказали.

— Дэни О'Мэлли, все ещё Мега, как всегда

Глава 3

Дороги — хрупкая еда для городских мошенников в звёздную ночь^[7]

Дублин

Два года и пять месяцев III

— Ещё трое, Дэни? — воскликнула Рейни Лейн, распахнув дверь таунхауса.

Свет из уютно обставленного дома лился в ночь, блестя на мокрой от недавнего дождя брусчатке. Освещённая сзади пятидесятичетырёхлетняя женщина выглядела как блистательный степенный ангел милосердия, которым она и оказалась с тех пор, как я привела к ней первую сиротку.

— Четверо, — поправила я, показывая на старшего ребёнка, притулившегося за мной. Девочку звали Сара Брэди, как она неохотно сообщила мне, и ей было одиннадцать лет. Её брату, Томасу, было семь, держащей его за руку девочке — пять, а малышке — всего десять месяцев.

Когда я потянулась за Сару, чтобы расстегнуть портфель, скрывавший её спящую сестричку, она напряглась, встав на цыпочки, и отбросила мою руку, худенькие плечи задрожали. Она приготовилась бежать, и её глаза нервно забегали, оценивая варианты: холодная, опасная ночь или тёплый, зовущий свет.

— Вы согласились прийти сюда со мной, — напомнила я. — Вы будете в безопасности, и о вас хорошо позаботятся.

— Как долго они были сами по себе? — тихо спросила Рейни.

— Почти два месяца. Как и большинство, они понятия не имеют, что случилось с их родителями.

— Я знаю. Фейри забрал их, — выпалил мальчик. — Я видел это, видел, своими собственными...

Губы Сары поджались в линию, и она резко пнула его по голени.

— Тише, Томас, не болтай ты об этом!

Мальчик начал плакать, слезы покатались по чумазым щекам. Он потёр глаза кулаками, затем погрозил ей одним кулаком.

— Но это правда! Я это видел! Это был один из Фейри! Ты знаешь, что это правда, Сара! Ты...

Когда она снова пнула его, ещё сильнее, я встала между ними и притянула их к себе, по одному с каждого бока, положив руки на их худые костлявые плечи.

— Здесь вы будете в безопасности. Это Рейни Лейн. Она помогает управлять воспитательным центром.

— Где они нас разделят! — прошипела Сара, отстраняясь от меня.

Рейни тут же заговорила.

— Мы никогда не разделяем братьев и сестёр. Если мы не сумеем найти хороший дом для всех вас вчетвером, вы сможете оставаться в центре, сколько захотите.

Это одна из вещей, на которые я рассчитывала, когда привела к Рейни первого брошенного ребёнка, найденного мной на улице полумёртвым. Её приёмные дочери были биологическими сёстрами: Алина и МакКайла Лейн. Семья была для неё всем. И все же пройдёт не так много времени до того, как недавно сформированный центр станет слишком переполненным, чтобы продолжать предлагать такой вариант.

Сара Брэди прищурилась на Рейни сквозь мокрые спутанные волосы, в её глазах пылала враждебность. Я безмолвно аплодировала её смелости. Запуганная одиннадцатилетняя девочка сумела заботиться о новорождённой сестричке и младших брате и сестре почти два месяца, и это без множества даров ши-видящей, которыми я обладала в её возрасте. Она была бойцом. Но она была 80-фунтовым^[8] промокшим насквозь бойцом, а Дублин ППС был городом не для слабаков.

— Ты знаешь, кто я такая и что я делаю, — мягко сказала я Саре. — Ты слышала такие ужасные вещи обо мне? Или о воспитательном центре?

— Я вообще не слышала о твоём «воспитательном центре», — холодно сказала она. — Но детей в телике всегда разлучают, — *и с ними случаются ужасные вещи*, говорили тени в её глазах.

— Что насчёт меня? — спросила я.

— Что насчёт тебя? — повторила Сара с презрительным фырканьем.

Я слабо улыбнулась. Она знала, кто я. Я была легендой. Мои таланты вкупе с редкими появлениями Шазама привели к этому.

— Ты типа супергерой! — воскликнул мальчик. — И твой меч, — он показал туда, где меч в ножнах висел за моей спиной, — бьёт как молния, когда ты дерёшься. И у тебя есть громадный толстый кот с суперспособностями!

Я подмигнула Томасу.

— Никогда не называй его толстым. От этого он делается угрюмым. И он не... совсем кот, — ну, он Адский Кот, но это совершенно другое.

— Нет такой штуки как супергерои, — фыркнула Сара. — И если ты одна из них, тогда почему ты не остановила Фейри... — она захлопнула рот.

Они не были первыми найденными мною детьми, которые считали, что Фейри украли их родителей. Это не имело смысла. Фейри не похищали взрослых, они заманивали их чарами, иллюзией и ложью.

— Где ещё вы будете спать сегодня? Они забросали вашу берлогу бутылками с зажигательной смесью и выгнали вас оттуда огнём, — напомнила я.

Безо всяких причин. В мгновение скуки три задиры учинили диверсию. Они смеялись, когда дети с криками выбежали из пылающего остова здания. Послали трёх полу-оголодавших детей и беспомощного ребёнка в смертоносную ночь. Я разрывалась между тем, чтобы пойти за детьми или за ублюдками, которые бросали зажигательную смесь. Я пошла за детьми.

Сначала.

Сара сжала руки в кулаки по бокам.

— Это нечестно! Я нашла тот дом. Там никто не жил. Я пять дней наблюдала перед тем, как мы его заняли! А они его сожгли. Идеальное хорошее место для жилья! Они даже не хотели его! Зачем кому-то так делать?

Дом с водой и электричеством; то, в чем она отчаянно нуждалась, чтобы сохранить свою семью в живых. Но владение — это девять десятых закона, только если ты достаточно силен, чтобы воплотить этот закон, а её кучка в лохмотьях не была достаточно сильна.

Днём Дублин, ППС был нормальным, суетливым, безопасным городом. Если такое возможно, когда стены между мирами Фейри и Смертных пали, две трети населения погибло, фрагменты Фейри свободно дрейфовали, Фейри Светлого Двора открыто жили в городе, основывая по всей стране населённые пункты, похожие на культы, а банды воевали за контроль над припасами и потребностями.

Ночью ситуация резко менялась. Хищники выходили поиграть, и если ты не был одним из них, ты был мясом. Лишь три типа созданий осмеливались выходить за пределы защищённого района Темпл Бар после наступления темноты: очень могущественные; очень глупые; или беспомощные, ведомые одной угрозой или другой.

— Просто останьтесь здесь, со мной, на ночь, — ласково сказала Рейни. — Посмотрим, как вы почувствуете себя утром. Никто не заставит вас оставаться с нами. Могу я взглянуть на малышку, Сара? — она

протянула руки. — Полагаю, у нас тут подгузник, который нужно сменить.

Сара быстро обернулась через плечо и принялась. Затем сурово посмотрела на Рейни.

— Я так понимаю, у вас нет подгузников, — продолжала Рейни тихим, успокаивающим тоном. — Ни еды, ни смены одежды. У нас этого предостаточно.

Конечно, у Сары ничего не было, подумала я с приливом горечи и облегчения. Она пробыла на улицах недостаточно долго, чтобы осознать, что ребёнку, который сам по себе, нужно много, много укрытий. Все, что она сумела вымолить, позаимствовать или украсть, было припрятано в доме, который у неё забрали. Пришло время для жёсткой любви. Я сказала:

— Ты хочешь, чтобы у твоей маленькой сестрички были опрелости? Или чтобы она подхватила простуду от погоды? Как ты достанешь лекарства, если один из вас заболеет? Ты, может, и сумеешь там выжить, Сара, но остальные не смогут. Что если что-то случится с тобой? Что тогда будут делать твои сестры и брат? Ты несёшь за них ответственность. Ты должна быть сильной за четверых. Сейчас не время быть недалёковидной эгоисткой.

Сара вздрогнула и закричала:

— Я не эгоистка!

Страх, изоляция, сокрушительная ответственность — она просыпалась с этим, жила в этом весь день и засыпала тоже с этим — слишком тяжёлый камень в её слишком пустом животе. Я хотела её обнять. Взять её на руки и пообещать, что её жизнь снова будет хорошей. Вовсе не эгоистичной. Бескорыстно делающей все, что можно. Но мне нужно было завести её за дверь таунхауса. Там снаружи прятались трое ублюдков, охотившихся на невинных, и я нацелилась на их спины.

Я знала, о чем она думала. Свобода давала определённое утешение: когда только ты заботишься о твоём мире, ты чувствуешь, будто у тебя есть какой-то контроль над множеством вещей, которые могут пойти не так. Когда ты расширяешь свой круг, чтобы доверять остальным, риски возрастают в разы.

Как будто только что закончив внутренние дебаты на той же мысли, Сара Брэди напряглась, снова вставая на цыпочки, дрожа, но настроившись решительно.

Я бросила на Рейни взгляд, который говорил «Она собирается удрать».

Рейни тут же полностью распахнула дверь в таунхаус, позволяя запаху пекущегося хлеба и медленно кипевшего рагу выплыть наружу.

Я настороженно наблюдала за Сарой. Несколько детей мне пришлось

затаскивать внутрь, кричавших и пинавшихся, и без проблем сделала бы это сейчас. Но чаще всего обещанию горячего ужина удавалось сделать то, чего не сумели добиться слова. В долгосрочном периоде для них все было проще, если первый шаг они делали добровольно.

— Сара, я кушать хочу, — жалобно заплакала маленькая девочка. — И пить, и мне надо пописать! Только сегодня, ладно?

— Можно, а, Сара, пожалуйста? — присоединился Томас. — Мне холодно!

Сара перевела взгляд с моих глаз на глаза Рейни и снова обратно. Немногие взрослые прощупывали взглядом с такой интенсивностью. Но судьба всей её семьи находилась в её одиннадцатилетних ручках. Я хотела сказать ей, как я ей горжусь. Что она произвела на меня впечатление всем тем, что она сделала, чтобы сохранить их в живых и вместе. Но Рейни скажет все это и намного больше.

— Ладно, — напряжённо сказала Сара Брэди. — Но только на сегодня. Одна ночь, — повторила она, сердито глядя на брата и сестру.

Как только мои подшефные оказались в безопасности, и дверь закрылась, я с улыбкой растаяла в ночи.

Все они так говорили поначалу. Затем обнаруживали, что их страхи — ничто в сравнении с широтой и объёмом сердца Рейни Лейн.

Вид мамы Мак всегда меня нервировал. Учитывая то, сколько всего несказанного лежало между нами.

Она всегда была неизменно гостеприимной и доброй. Вот почему я решила привести первого ребёнка к ней и её мужу, Джеку, той кровавой ночью месяцы назад. И почему я продолжала приводить их, заверенная, что она всегда даст им безопасный приют.

Любой, кто окажет гостеприимство кому-то вроде меня, никогда не откажет ребёнку.

Я проследила за своей добычей внутрь Темпл Бара и наружу, через реку Лиффи и обратно, размышляя, было ли трио таким могущественным, таким пьяным или обкуренным, или просто таким чертовски тупым, что они нагло расхаживали по полям битвы нашего города.

Их смерти спасут бесчисленное количество жизней.

И все же мой меч так и чесался из-за запрета использовать его для убийства Фейри теперь, когда Мак стала королевой, и я начала пересматривать свои методы приговора. Мне привили вкус к убийствам в

раннем возрасте. Такие схемы поведения сложно нарушить. Я хороша в этом, и кому-то нужно было это сделать. Затем Танцор умер, и окончательность смерти приобрела для меня новое значение. Я все ещё не обрела милосердия — за исключением детей и животных — но я открыла для себя креативные приговоры. У меня было несколько избранных фрагментов Фейри — МЭВ, как называла их Мак — которые я начала использовать в качестве тюрем.

К слову о моей руке, она действительно чесалась, и почёсывание через перчатку без пальцев не помогало, так что я стянула её.

Моя ладонь была чёрной и холодной как лёд. В последний раз я видела её в таком плохом состоянии годы назад, стоя на кладбище и глядя, как тени вырываются из могил. Тени, за которыми я безуспешно охотилась последние два года. Никто больше не видел их той ночью, и никто не видел их с тех пор.

Я смотрела, как темнота распространяется, покрывая тыльную сторону моей ладони, затем выстреливая в пальцы. Внезапная резкая боль кольнула под ногтями. Черные вены проступили на запястье, исчезая под рукавом куртки.

Я сбросила куртку. Чернильные вены и черные разводы мраморным узором покрывали мою левую руку почти до плеча.

Мне было четырнадцать, когда я заколола Охотника в сердце Даром Фейри, Мечом Света. Гигантский крылатый зверь выплеснул фонтан чёрной крови и бросил на меня непостижимый взгляд перед тем, как закрыть пламенные глаза. Я думала, что убила его, но когда вернулась пощёлкать фотографий для моей газеты, огромное драконоподобное создание исчезло. Через час моя рука превратилась в тёмный лёд, заставляя меня беспокоиться, что что-то из этого создания просочилось по моему мечу и заразило меня. Я испытала невероятное облегчение, когда через несколько дней моя рука обрела нормальный цвет и температуру. С тех пор я обнаружила, что заклинания, сотворённые этой рукой, работают лучше, и если время от времени я просыпалась посреди ночи и обнаруживала, что рука тёмная и ледяная, я считала это статичной странностью.

Она больше не была статичной. Что-то изменилось.

Я ждала, чтобы посмотреть, продолжит ли тьма под моей кожей распространяться. Когда она не сделала этого, я натянула перчатку и надела куртку обратно.

Я ничего не могла с этим поделать. Я не могла отменить убийство Охотника. Я подумаю об этом позже.

Моя охота повела меня в направлении «Книг и Сувениров Бэрронса».

Мне нравилось видеть прекрасный книжный магазин, бросавший вызов пространству — иногда он был четырёхэтажным, иногда шестиэтажным, рассекал ночь вечным бастионом, прожекторы ярко светили с крыши. Это было обещание, сделанное из камня вне времени, полированного дерева, кованого железа и витражного стекла: однажды Мак и Бэрронс вернутся. Однажды я снова забарабаню в эту дверь. Однажды важные для меня люди вернутся.

Сквозь множество катастроф и бунтов, обрушившихся на наш город, даже сквозь ледниковый период Ледяного Короля, «Книги и Сувениры Бэрронса» оставались нетронутыми. Я не удивлюсь, если узнаю, что здание стояло там с незапамятных времён. Было в этом месте какое-то особенное ощущение, как будто когда-то, очень давно, нечто ужасное случилось на именно этой долготе и широте, и кто-то или что-то водрузил на рану книжный магазин, чтобы не дать этому случиться вновь. Пока стены стоят, а место остаётся нетронутым, с нами все будет хорошо. У некоторых людей есть церкви. У меня есть КиСБ.

Я завернула за угол, предвкушая знакомый вид, прилив тёплых воспоминаний.

Книжного магазина там не было.

Я прищурилась, моргнула и посмотрела снова.

Все ещё ничего.

Я обвела грозным взглядом влажные, окутанные туманом блоки на пустой бетонной парковке. Затем я прыгнула в поток и пересекла расстояние, останавливаясь чуть дальше от места, где должна быть передняя стена книжного магазина. Если здание было сокрыто чарами, я не собиралась в него врезаться. В эти дни я щеголяла меньшим количеством синяков, и мне это нравилось.

Позади пустой парковки грандиозный гараж Иерихона Бэрронса тоже исчез. На его месте находился очередной пустой, покрытый бетоном участок.

Мой живот скрутило.

Я потянулась вперёд и прислушалась к ощущениям. Никакой стены. Я сделала несколько шагов и снова пошарила вслепую. Я шагала вперёд, пока не очутилась прямо посередине задней зоны отдыха в книжном магазине. Камин Мак был бы справа от меня, честерфильд — позади меня.

Там не было ничего.

Я ощутила внезапный озноб. «Ничего» — не совсем правильное слово. Книжный магазин исчез. Но густой, липкий осадок сохранился, как будто здесь произошло нечто катастрофическое, оставляя миазмы

эмоционального, временного или пространственного искажения в этом месте. Возможно, всех трёх видов.

— Это бред собачий, — прорычала я. Я сыта по горло. С меня довольно. Ночной клуб Честер на 939, Ревемаль Стрит, перестал работать два года, один месяц, четыре дня и семнадцать часов назад, не то чтобы я вела подсчёты или типа того; управляемый Фейри клуб Элириум на Ринот Авеню занял его место, Девятка ушла, и последнее, что я слышала — это что Кристиан где-то в Шотландии, забурился в древний разваливающийся замок (никому не напоминает Короля Невидимых?) с мощными защитными заклинаниями по периметру в 75 миль вокруг, чтобы никого не выпускать. Или его не выпускать. Никто не знал точно.

Теперь кто-то или что-то забрало мой книжный магазин. Вселенная продолжала стирать лучшие части моей жизни.

Расправив плечи, я подошла к пустому участку, где должен быть гараж, и изучила бетон, ища защиту, заклинания, любой намёк на иллюзию или чары.

Ничего. Оба здания просто исчезли.

Как и моё обещание.

Я не знала, что происходило с Мак, и не имела возможности с ней связаться. Установила ли она контроль над двором Фейри? Избавилась от них и прибралась за собой? Книжный магазин был местом колоссальной силы, которое они с Бэрронсом никогда бы не оставили там, где кто-то может его использовать или присвоить.

Чувствуя себя странно потерянной без своей Мекки — Дублин просто не Дублин без КиСБ — я резко развернулась и уже почти вернулась на улицу, когда ощутила вибрацию под ногами, помедлила и склонила голову, напряжённо вслушиваясь. Затем это снова слабо повторилось, так слабо, что я едва не упустила это, даже со своим суперслухом. Завывание зверя. Раненого зверя, судя по звуку. Тяжело раненого. Не волка. Чего-то... Фейри? Ужасный звук. Боль, столько боли.

Я никогда не позволю тебе снова потеряться.

Ни с того, ни с сего голос Риодана раздался в моей голове, низкий и слегка насмехающийся. Я понятия не имела, как это воспоминание вырвалось из-под тщательно охраняемой защиты моего дисциплинированного мозга. Все мои воспоминания об «этом мужчине» находились под строгим домашним арестом, прочно запертые. Я больше не думала о Риодане.

Было время, когда само количество супергероев в Дублине меня раздражало. Теперь я была волком без стаи. Было время, когда все хотели,

чтобы я открылась, впустила их. Я подчинилась; это слово, даже когда это было правильным поступком, я едва могла произнести в мыслях так, чтобы волоски по всему телу не встали дыбом как ядовитый плющ. И что они сделали?

Ушли.

Я чувствовала себя такой же нестабильной, как мой Адский Кот, но исчезновение книжного магазина стало последней каплей.

Начался дождь, ещё сильнее омрачая моё настроение. Дождь — это так типично для Ирландии. Можно подумать, я бы привыкла к нему. Я затаила глубинную, личную обиду на дождь: он делает мои волосы кудрявыми и дикими, совершенно разрушая холодный, собранный образ, который я предпочитаю показывать миру.

Глубоко вдохнув, я прыгнула в поток, где могла избежать капель дождя. Пока животные не начали нападать на Дублин, это лающее создание — не моя проблема. Оно все равно звучало так, будто умирало. А если такое нападение случится, я знаю одного очень голодного Адского Кота, который насладится этой работой.

Я переключила своё внимание на то, в чем была превосходна: охота.

Дублин, или дабх-линн, «чёрная заводь», с его многочисленными красочными обитателями, теперь был моим городом, моим как никогда, учитывая, что каждый, черт подери, из моих товарищей-воинов удрал нахрен из лагеря.

Я защищу его.

Я потеряла свою добычу в зеркале.

Или, точнее, я отпустила их, не желая вслепую запрыгивать в Зеркало с неизвестной точкой назначения.

Я быстро догоняла их, когда трое мужчин нырнули во вход заброшенной разваливающейся пивоварни на северном берегу реки Лиффи. Я тенью шла за ними по тёмному промышленному помещению и уже собиралась ринуться в поток, чтобы схватить их, когда они внезапно исчезли в стене.

Я с осторожностью приблизилась. Когда была пропета Песнь Созидания, восстановив ткани нашего мира, я думала, что реальность вернётся к подобию нормальности; привнесённые Фейри изменения на нашей планете повернутся вспять; Светлый Двор вернётся в свой мир вопреки нехватке стен между нашими мирами, а общественный мир

возобновит свой блеющий, морально двусмысленный путь.

Оглядываясь назад, я не знаю, почему я так думала. Возможно, я просто хотела счастливого конца.

Ничего из этого не случилось. Реальность После-Песни была той, в которой правила становятся ясными лишь тогда, когда ты с ними взаимодействуешь, часто с неприятными последствиями. Дети рождались с необычными дарами — хотя я бы назвала некоторые из них проклятиями; предметы не всегда функционировали так, как можно было ожидать по всем разумным причинам; двери не всегда вели туда, куда ожидалось; а зеркала стали самыми ненадёжными из всего — даже человеческие зеркала.

Магия пылала в планете, как никогда мощная, будто древняя мелодия проникла глубоко в Землю, в опасно неопределённой манере напевая «Пробудись». Все сделалось более напитанным силой, даже мы, шивидящие.

Множество новых элементов непредсказуемости изменили моё поведение. Теперь я путешествовала в потоке только на небольшие расстояния в просчитанных обстоятельствах. Слишком много всего мне нужно было видеть, меньше вещей можно было принимать как данное, а передвигаясь в более высоком измерении, я поглощала меньше деталей.

Я обогнула огромную цистерну, чтобы поближе посмотреть на Зеркало. Встроенный в заляпанный крошащийся камень, узкий чёрный проем рябью струился в стене, в трёх дюймах над полом, протягиваясь ввысь до гниющих стропил. Что-то в узкой темной щели заставило мою кровь слегка похолодеть.

Порыв спёртого воздуха вырвался из-за подрагивающей поверхности, воняя древесным дымом и — я склонила голову, пригнувшись — застарелой медью, возможно, кровью. В отдалении я слышала ритмичное пение, тысячи голосов — возможно, десятки тысяч — повторявших что-то раз за разом в почти гипнотическом ритме.

Это не английский. Я не узнавала язык.

Я настороженно подошла ближе, пинками пробираясь через несколько дюймов мусора и разбитых бутылок, заставив небольшую орду тараканов броситься враспыльную в тёмные углы комнаты. Все зеркала идут первыми в моем списке опасности; немногие из них оттуда вычёркивались. Я даже не желала вешать зеркало в своей ванной, пока оно не претерпело строжайшее испытание.

Человек с нормальным слухом не услышал бы ничего, исходившего от тёмного стекла, но я не нормальная. Я улавливаю лёгкое смещение воздуха

при движении людей; если я приложу ухо к земле, то услышу бесчисленных насекомых, извивающихся и прокладывающих туннели в верхнем слое почвы. Я все ещё не могла расшифровать слова, но неразборчивое пение теперь пронизывалось тоненькими, отдалёнными, леденящими кровь криками.

Я прищурилась, сосредотачивая свои дары ши-видящей на чернильной тьме, как будто я могла проникнуть за завесу. Все равно я не видела ничего, кроме узкой цепочки тараканов, ползших вверх по нескольким дюймам стены и исчезавшим за стеклом. Жалко, что у меня не было одной из удобных маленьких беспроводных камер Танцора, чтобы прикрепить к одному из них и посмотреть, сумею ли я заглянуть на ту сторону. Я гадала, были ли они нормальными земными тараканами или частью отвратительного Папы-Таракана, который тусовался в Честере. К сожалению, они для меня были неотличимы.

Я попятилась от стены и метнулась в поток за полсекунды до того, как зеркало взорвалось, разбросав по полу острые как бритва осколки тёмного стекла.

Я ощутила приближение этого. Вибрация по ту сторону, как будто удару чего-либо или заклинанию потребовалась секунда-другая, чтобы достичь моей стороны портала.

К тому времени, когда я снова опустилась и с хрустом прошла по разбитому стеклу и ещё большему количеству тараканов, стена была просто стеной, доступ к моей добыче исчез.

Это ничего не изменило. Четверых детей выгнали на улицы, обрекая на верную смерть. Ради развлечения. Я немногие вещи считала священными. Дети — одна из них.

Я никогда не забываю. Никогда не останавливаюсь, пока не завершу работу. Лица мужчин выгравированы в моей памяти. Их время придёт.

Я пересекла пивоварню, неугомонная, неудовлетворённая. Почти наступил рассвет, то переломное время, когда ночь становится днём, злодеи исчезают, а месть кладётся на полку. Я провожу день за нормальными занятиями вроде стирки, уборки, визитов в сиротский приют, совершенствованием и наблюдением за моими многочисленными обязательствами, заглядыванием в аббатство, чтобы тренировать новобранцев и почитать последние переводы. Я получаю огромное количество удовлетворения от внесения своего вклада в то, чтобы сделать наш мир безопаснее. Сегодня я потерпела неудачу, и пройдут долгие двенадцать часов до того, как я смогу попытаться ещё раз. Каким бы опасным ни был Дублин по ночам, день проходил относительно гладко, как

будто тьма и свет заключили своё соглашение, отдав порядок дню, а хаос — ночи.

Ночи мне нравятся больше. Лови не момент, а ночь. Мои дни тянутся. Ночью я чувствую себя наиболее живой.

Я с грохотом распахнула дверь и вырвалась во влажное туманное утро, пригнув голову под частым мелким дождём.

Как раз когда я собиралась нырнуть в поток, внезапное движение над головой привлекло моё внимание. Я помедлила и посмотрела наверх, наблюдая, как что-то размером примерно с игральную карту падает с неба, кувыркаясь вокруг своей оси.

У меня есть теория насчёт людей. Вообще-то, у меня много теорий насчёт людей, но конкретно эта гласит: если кто-то в тебя что-то бросает, то ты либо ловишь, либо уворачиваешься. Я никогда не уворачивалась. И на тяжёлом опыте научилась, что иногда это более мудро.

И все же инстинкты такие инстинктивные, и все такое, я подпрыгнула и поймала объект, когда он был в нескольких футах над моей головой.

— Ой! — воскликнула я. Края были острыми и порезали кончики моих пальцев, когда те сомкнулись. Тихо выругавшись, я вытерла кровь о джинсы, прежде чем переключить внимание на карту.

Четыре на три дюйма, примерно в четверть дюйма толщиной^[9], она была сделана из чередующихся нитей зелёного и чёрного металла, сплетённых в сложную повторяющуюся схему из кельтских узлов. Она была прекрасна. Я ирландка до мозга костей и горжусь этим. Я люблю свою страну, своё наследие, свирепую стойкость и гордость ирландских людей. Это была отличная работа, выполненная в старинной технике, очаровательная, но немного грубая, как будто оплавленная и выкованная кузнецом. Я понятия не имела, что это и почему оно упало с неба. Пожав плечами в ответ на очередную загадку, я перевернула кусочек металла.

ЧЕГО ТЫ ХОЧЕШЬ?

было выцарапано на металле светло-зелёными буквами. Дюжина мгновенных ответов обрела смутную форму в моем сознании. Серьёзно? Это чертовски длинный список. Я закатила глаза и уже собиралась бросить её в канаву, когда увидела нечто мерцающее по краю и подняла руку, чтобы поближе изучить карту.

Я уронила её, как будто обжёгшись.

В металле было выгравировано заклинание, почти незаметное, чуть более темными оттенками зелёного на зелёном по периметру. Человек с нормальным зрением этого не увидел бы. Годы назад я бы тут же обвинила Риодана в любой найденной мною заколдованной штуке, но он ушёл, и в

нашем новом, усиленном магией мире возможности были безграничными. Ещё одна ши-видящая, Энио, буквально на прошлой неделе сказала мне, что некоторые из Фейри, командовавших похожими на культ лагерями в сельских местностях, по мнению многих, могут быть вовсе не Фейри. Ни один из её настороженных источников не пожелал пояснить, чем они на самом деле являлись, но они настаивали, что эти харизматичные могущественные создания произошли не от Истинной Расы, и что мы, обитатели аббатства, должны держаться от них подальше.

Что, само собой, только побудило меня отправиться на исследования.

Я уставилась на металлическую карту на тротуаре. Какова её цель? Что делало заклинание? Я задрожала, радуясь, что не пробормотала желание вслух. Мне нравятся защитные чары. Они практичны, прямолинейны, и обычно не кусают тебя за задницу, когда ты их используешь. Заклинания, напротив, были изощрёнными, опасными и непредсказуемыми штуками. Особенно, когда замешана кровь.

Я посмотрела на кончики своих пальцев. Затем обратно на карту.

Моя кровь запятнала верхний край.

Гребаный ад.

Я не подбирала её снова, на случай, если ещё не активировала то, что должно было сделать заклинание. От зверской Ровены я узнала о заклинаниях на крови намного больше, чем хотела знать. Ни за что я не стану давать этой штуке второй шанс. Но я и не желала, чтобы она лежала здесь, где кто-то другой может об неё порезаться.

Я носком ботинка скинула эту штуку в близлежащую канаву и смотрела, пока она не утонула в стоке, исчезая в обширных водных туннелях и пещерах подземного Дублина, затем прыгнула в режим потока и направилась домой.

Глава 4

И у Шаззи грозные глаза^[10]

— Шазам, что здесь происходит? — я сморщила нос, входя в спальню и всматриваясь во мрак.

Тёмная комната пахла странно — как зоопарк. Плодородием. Мне всегда нравилось это слово. Просто не в моей спальне.

Свечение стереосистемы Танцора обеспечивало достаточно света, чтобы я видела, что или Шазам удвоился в ширину, или что-то лежало рядом с ним на моем пушистом, свежевывстиранном облаке белого покрывала. В сочетании с сильным животным запахом это могло означать только одно.

— Ты знаешь правила, никакой еды в постели, — упрекнула я. Ни крови, ни кишок, ни хрящей на моих простынях. Я не думала, что о многом прошу.

— Я не ем. По-твоему, я только этим и занимаюсь. А я делаю и другие вещи, — донеслось из темноты презрительное фырканье.

Теперь мои глаза полностью адаптировались, и я ясно видела контуры лежавшей рядом с ним туши, пушистой и безжизненной.

— Например, что, сохраняешь остатки на потом? — я сняла меч с плеча, прислонила его к стене и расстегнула куртку.

Он самодовольно сказал:

— У меня есть пара.

Святой ад. Я застыла, наполовину сняв куртку. Мысли в моей голове заматались слишком быстро для осмысления, оставляя один ужасающий образ: разделить постель со спаривающимся Адским Котом.

В любой день я выберу кровь, кишки и хрящи.

Я включила свет и едва не расхохоталась, но я не настолько глупа, чтобы смеяться над Адским Котом, который может спариваться.

Шазам разлёгся на покрывале, одна массивная лохматая лапа крепко сжалась на шее перепуганного до смерти и измотанного создания, прижимая его к кровати.

Неудивительно, что я приняла его за мёртвого. Растянувшись на боку, оно едва дышало, круглые золотистые глаза широко раскрылись и уставились в никуда. На усах и морде виднелась пена.

Вот блин, Шазам притащил домой манула.

— Это Онимай, — гордо проинформировал он меня.

Я покачала головой, не зная, как подступиться к его последней выходке. С ним определённо не соскучишься.

— Шазам, ты разумное, разговаривающее, высокоразвитое создание. Это, — я ткнула в него пальцем, — кошка, и она в четыре раза тебя меньше. Отпусти бедную малышку, — она выглядела травмированной. До глубины души.

— Ты мне не босс.

— Очень даже босс, — напомнила я. — Ты на это согласился. Где ты её нашёл? Ты подумал, что у неё уже может быть пара и своя семья?

Он усмехнулся.

— Их тоже принёс, рыжик.

Я уронила куртку на пол, забыв про пистолеты и ножи, и поспешно осмотрелась по сторонам, осознавая, что должна была это предвидеть. Шазам в последние несколько месяцев помешался на DVD-дисках о животном мире; я думала, что он искал новую игру, чтобы добавить остроты ночной охоте. Но он искал себе подружку. Одиночные создания, жившие на пастбищах и в степях, манулы были размером с домашнюю кошку с коренастым тельцем, густой лохматой шерстью, полосками и округлым хвостом. Я снова сморщила нос. Они также были известны тем, что помечали свою территорию запахом — это объясняло вонючее благоухание моей спальни.

— Как много и где?

Он беззаботно пожал плечами.

— Не знаю, и знать не желаю. Они не Онимай.

Я опустилась на пол и заглянула под свою кровать.

Дюжина жёлтых глаз сердито смотрела на меня с пушистых морд, оценивая меня с одинаковыми выражениями враждебности: низко посаженные уши прижаты к головам, один уголок пасти приподнялся в оскале как у Элвиса.

Иногда у меня такое чувство, будто я живу в мультике. Шесть манулов с дальних просторов Азии скалились на меня из-под моей кровати. Когда они начали рычать, я подавила очередной приступ смеха — как только я начну смеяться, я либо задену чувства Шазамы, либо утрачу то небольшое уважение, с помощью которого я приказывала ему в такие времена — и твёрдо сказала:

— Шазам, ты вернёшь их всех туда, где ты их нашёл.

— Не буду.

Я вскинула голову и свирепо посмотрела на него.

— Ещё как будешь.

— Не можешь меня заставить, — беззаботно сказал он.

Теоретически это правда. Обращение с Шазамом требовало терпения и такта. Я оттолкнулась от пола.

— Когда эта... эм, Онимай в последний раз ела?

— Она поест после нашего спаривания, — торжественно объявил он.

— Неужели все действительно выглядит так, будто она в ближайшее время вскочит и будет с тобой спариваться?

— Она набирается сил.

— Она перепугана до полусмерти, — моя первая цель заключалась в том, чтобы убрать от него маленькую перепуганную кошечку. — Ей нужна еда и вода. Земные животные не могут без еды так долго, как ты. Отпусти её, и я достану немного еды, эм... — я заглянула под кровать, на моих скалящихся и рычащих компаньонов и вздохнула. — ...Для наших гостей.

Шазам пробыл со мной в Дублине более двух лет, и я знала, что для него это стало значительной адаптацией. Я нашла его на планете в Зеркалах, живущего в другом измерении, наполовину обезумевшего от долгого одиночества. Он был единственным выжившим из своего вида, и я могла лишь вообразить себе, как это одиноко. Возможно, ему стоит найти пару. Возможно, кошка манула сумеет полюбить его. Кто я такая, чтобы говорить, что он не должен иметь свою семью? Мог ли он иметь свою семью с земными животными? Могли ли манулы выносить крупное потомство? Что, черт подери, мне потом делать с полудюжиной наполовину манулов, наполовину Адских Котов? Под давлением мой мозг мыслил фразами Бэтмена — защитный механизм, не дающий мне падать духом, когда весь мир против меня. В этот раз мой мозг поженил старый эпизод «Звездного пути» с моим любимым героем комиксов и объявил: *«Святые свечи, Бэтмен, у нас проблема!»* Подавив своё веселье, я потребовала:

— Ты можешь иметь малышей?

Он странно посмотрел на меня.

— Детей? Конечно.

— В этом все дело? Ты хочешь зачать их с ней?

Сверкая фиолетовыми глазами, он фыркнул от веселья.

— Дети делаются не так. Однажды ты узнаешь, как делать детей.

Я приподняла брови. Я выяснила, как делаются дети, когда мне было пять лет, целыми днями сидя перед телевизором без присмотра и держа пульт. Я не уверена, что хотела слышать, как по его мнению делаются дети.

— Если она не будет есть, она может умереть, — при условии, что она прежде не испустит дух от шока. — Я вернусь с едой и водой, — повернувшись к двери, я бросила испепеляющий взгляд через плечо. — Я серьёзно. Отпусти её. Она от тебя в ужасе.

Он фыркнул.

— Ошеломлена моим совершенством.

— В ступоре от шока.

— Поражена моим великолепием.

Это могло продолжаться всю ночь.

— Прижата твоей лапой, — сухо сообщила я. — Если ты так уверен в себе, попробуй убрать лапу и посмотреть, что случится.

— Она останется в моей власти, — уверенно заявил он.

Уходя, я захлопнула дверь спальни. Меньше всего я нуждалась в том, чтобы орда враждебных манулов понеслась за мной, атакуя мои лодыжки. Я могла представить слишком много способов, как события могут принять ещё более странный оборот.

В моей спальне семеро манулов.

Шазам не в первый раз притаскивал с собой домой нечто странное, но ни одно из этого не было живым и не требовало пропитания. Хотя я и хранила свежее мясо и кровь для Шазама, я ни за что не принесу миски с этим в свою чистую спальню с кремовыми коврами, уже щеголявшими вонью, от которой проблемно избавиться. Мне точно придётся выбросить проклятый ковёр. Или снова переехать.

За годы мои привычки в питании изменились. В отличие от большинства людей я почти не имела эмоциональной привязанности к еде. Я видела в ней необходимую энергию и расставляла приоритеты в таком порядке: сначала жиры, затем протеины, углеводы на последнем месте. Мне нужно получать это быстро и эффективно, так что я набивала свои различные резиденции консервированным тунцом, банками кокосового молока, шоколадными батончиками и закусками с высоким содержанием углеводов.

Пройдя половину коридора, я взглянула на закрытую дверь спальни и наконец позволила смеху вырваться наружу, схватив миски и начиная открывать консервы с тунцом.

Через двадцать пять минут манулы сожрали девятнадцать банок тунца и выпили почти галлон воды.

Им понадобится писать. И делать другие плохо пахнущие вещи. Не то чтобы я считала, что вонь в моей спальне может сделаться ещё сильнее. Я провожу ночи в самых грязных районах города. Мне нравится проводить дни в чистом окружении.

Я растянулась, спиной прислоняясь к мягкому бархатному изголовью кровати и скрестив ноги. Шазам сидел на комодке, то глядя под кровать на свою «пару» и её семью, то награждая меня сердитым взглядом.

Я ждала в тишине. Он склонен быстрее приходить к моей точке зрения, если я давала ему время самому во всем разобраться, время от времени способствуя деликатным подталкиванием.

— Я не сделал ничего плохого, — кисло сказал он наконец. — Мне скучно, когда ты уходишь.

— Так иди со мной. Ты все время так делал.

— Мне чего-то не хватает, Йи-йи, — жалобно сказал он.

Ох, друг мой, мне тоже. Стольких вещей. Я мягко сказала:

— Чего?

— Чего-то, — сказал он, и его глаза наполнились слезами. — Я не знаю.

Я слышала, как под кроватью когти скребут ковёр, как будто готовясь использовать его в качестве лотка.

— Если ты вернёшь их, Шазам, мы что-нибудь придумаем. Я не хочу, чтобы тебе было одиноко. Если ты хочешь пару, мы тебе её найдём. Но ты не можешь похитить дикое животное и её семью и решить, что она будет твоей. Тебе нужно действовать постепенно, дать ей время узнать тебя. И это должно работать в обе стороны, иначе это владение. Живые создания — это не собственность. Ты не можешь взять их себе просто потому, что тебе хочется, — моя работа — научить моего высокопарного, могущественного друга, как жить среди нас, и я относилась к этой работе серьёзно. Я не цитировала правила, ожидая, что он подчинится; я пыталась помочь ему понять, почему правила имеют значение.

Он обмяк лужицей депрессии.

— Она не может говорить, и она даже едва думает. Она не знает, что мир больше её клетки или этой комнаты. Она никогда не видела звёзд и не охотилась на диких планетах. Не я её ужасаю. Её ужасает все, — его голова свесилась с края комодки, и он закрыл лапами глаза.

— Она тебе не ровня и никогда не сможет ей быть, — сказала я, озвучивая то, что его беспокоило.

Он устало сказал:

— Нет, не ровня.

Я криво улыбнулась. За последние несколько лет я покончила с тем, что для такой, как я, считалось свиданиями. Всякий раз пытаюсь, я в итоге чувствовала себя более одинокой, а не менее. Восхищение — не любовь, а пьедесталы жёсткие, неудобные, и там хватает места только для меня одной. Некоторые люди получают дом с семьёй и друзьями, некоторые получают пьедестал. Противоестественно, но те, что на пьедестале, жаждут нормальности дома и семьи, тогда как те, что с домом и семьёй, жаждут блеска и ажиотажа пьедестала. Ещё сильнее запутывая положение дел, магия Песни усилила мои способности ши-видящей. Я физически сильнее, и мне приходится все время сдерживаться. Осторожный, сдержанный секс — оксюморон в моей книге. Я получаю больше разрядки, взрывая несколько боксёрских груш Риодана.

— Значит, ты её вернёшь? Всех их, — добавила я. Точность с моим капризным зверем обязательна.

— Да, Йи-йи, — сказал он с прерывистым вздохом. Мгновение спустя он поднял голову с комода. Его фиолетовые глаза прищурились и бросили выразительный взгляд на мою левую руку, которая все ещё была холодной и чёрной. — Это снова происходит.

— Я знаю.

— Теперь больше. Это не больно? — заволновался он.

— Нет. Я в порядке.

Он напряжённо оценивал меня взглядом, как будто ища этому подтверждение, затем его тело исчезло и осталась только голова, его огромные выразительные глаза сияли любовью.

Я улыбнулась.

— Я тоже вижу тебя, Шазам.

Его бестелесная голова царственно кивнула.

— Я вернусь после охоты, Йи-йи, — затем он исчез полностью.

Я опустилась на пол, заглянула под кровать и с облегчением смотрела, как манулы один за другим исчезают.

Пока он отсутствовал, я стояла под струями горячего затяжного душа, моя волосы, брея ноги и размышляя о своей левой руке. Пятно отступило ниже сгиба моего локтя. Хоть моя рука все ещё была чёрной, вплоть до ногтей, пальцы уже не были такими холодными.

Я понятия не имела, почему это происходило и чем вызывалось, если на то пошло. Возможно, это чистой воды случайность. Иногда, когда моя

рука делалась чёрной, я находилась в гуще опасной ситуации. В другие разы я не могла связать это ни с чем угрожающим вокруг меня. Всякий раз, когда это происходило, я чувствовала себя нехарактерно нестабильной и обнаружила, что еда помогает успокоить странную взвинченность.

Я согнула руку под тёплыми струями. Она не болела. Ну, за исключением краткой острой боли, которую я ощутила ранее, когда закололо под ногтями. Она отогнала призраков на кладбище.

Что Охотник сделал со мной той ночью, так давно?

Я годами не видела в нашем небе огромных крылатых зверей, а я смотрела, ждала. У меня были вопросы.

Я не нашла никаких отсылок к Охотникам в обширных библиотеках аббатства. Мне все ещё предстояло одолеть львиную долю коллекций. Это было медленно продвигающееся упорядочение отрывков и кусочков моего наследия ши-видящей. Днём я часами читала, сидя в аббатстве с теми, кто сканировал древние хрупкие свитки и книги, чтобы создать электронную библиотеку с перекрёстными тегами, которые никогда не рассыплются в пыль. Это надо было сделать давным-давно, но предыдущая грандмистрисс нашего ордена скорее позволила бы нашим секретам сгнить, нежели поделилась бы ими.

Я выключила воду, обернула полотенце вокруг своего тела и воспользовалась вторым для волос. Высушивая их и распутывая влажный комок длинных рыжих кудрей, я мыслями вернулась к проблеме Шазамы.

В последнее время он был другим, меньше моментов ясной гениальности и больше эмоциональных страданий. Я беспокоилась о нём. Когда он вернётся, у нас с ним будет долгий разговор, и я никуда не уйду, пока не пойму, что сделать, чтобы выдернуть его из депрессии. Если возникнет критическая ситуация, он пойдёт со мной, чтобы об этом позаботиться. Мне не стоило позволять ему оставаться дома в последние несколько месяцев, пока я ходила на патрулирование. После почти семи лет вместе я знала, что для него жить одиноким и невидимым, каким он был на Олеане — самое худшее.

Я распределила лёгкое масло по волосам, чтобы не дать им совсем разбушеваться, схватила одежду со шкафчика, натянула пару линялых порванных джинсов и одну из старых, выцветших футболок Танцора, белую, украшенную спереди надписью «СВЯТОЙ ПЕРЕНОС! ПОСМОТРИТЕ НА АСИМПТОТУ НА ЭТОЙ МАТЕРИНСКОЙ ФУНКЦИИ!» Ношение его одежды вызывало у меня ощущение, будто часть его здесь, со мной, хотя я не была уверена, что моя жизнь произвела бы на него большое впечатление. В последнее время она была прямо-таки

переполнена... рутиной. Эпичные приключения стали частью прошлого, сражения с Фейри под запретом.

Вздыхнув, я взяла меч, который я не могла использовать по дарованному ему вселенной предназначению, с его места в зоне досягаемости из душа.

Я люблю свой меч. Я его лелею; это меня успокаивает. Холодные, твёрдые, зачастую окровавленные, мы похожи как две капли воды. Созданные для войны, но немного труда — и мы вновь сияем. Обоюдоострый прямой клинок наливается толщиной и шириной, приближаясь к гарде^[11] меча. Самое лезвие, без учёта рукоятки, большую часть времени составляет 87 сантиметров в длину. В сражении я видела, как его длина увеличивается или уменьшается. Танцор так и не сумел определить, из чего он сделан, но он необычайно лёгкий и в то же время увесистый, бритвенно-острый и уже доказал свою несокрушимость.

Хоть лезвие мерцает алебастрово-белым, рукоять выполнена из гравированных кусков металла эбонитового и костяного цвета, переплетённых воедино. Гарда тёмная как полночь и напоминает узкие крылья, аркой выгибающиеся к моей руке. Гравированное навершие рукояти сформировано из того же обсидианового металла, что и гарда, и оно всегда холодное. Узорчатые тёмные символы — шифр, который так и не поддался мне вопреки значительному количеству времени, которое я за эти годы провела с ручкой и блокнотом, пытаясь его расшифровать — струились по всей длине клинка с обеих сторон. Символы часто двигались, кружась слишком быстро, чтобы я сумела прочесть. Когда я сражаюсь, мой меч раскаляется добела, и я часто обнаруживаю, что эти нерасшифровываемые символы выжигаются в плоти наших жертв.

Главное, он хорошо ощущается в моей руке. Как будто он создан для меня. И однажды, я просто знаю это костями, я сумею вновь использовать его.

Я прошлёпала в спальню.

Мои пальцы сжались на рукоятке.

На моей кровати сидел мужчина.

Не Фейри.

Но учитывая, что он преодолел множество моих ловушек, чтобы проникнуть сюда, он ни в коем случае не мог быть человеком.

Глава 5

Я накладываю на тебя чары^[12]

— Клянусь яйцами Локи, — сказал мужчина, качая головой. — Ты совсем не то, чего я ожидал.

Ожидания ограничивают твою способность постигать вещи. Я стараюсь иметь как можно меньше ожиданий. Я прислонилась к дверному косяку, оценивая и обманчиво легко держа меч у бока.

Он сканировал меня в ответ, подмечая голые ступни, дырки на коленях джинсов, лишённое макияжа лицо, спутанные влажные волосы. Его взгляд ненадолго задержался на моей левой руке, и его глаза безгранично вспыхнули, затем прищурились.

— Но ты всего лишь ребёнок. Как кто-то вроде тебя сумел заполучить в свои руки меч Фейри?

Двадцатого февраля этого года, в свой последний день рождения, я решила определиться с возрастом. Поскольку мне было где-то между 21 и 23 годами, я разделила разницу и остановилась на двадцати двух годах. Я знала, что в повседневной одежде и без макияжа я выглядела на несколько лет моложе. Это работало в мою пользу; незнакомцы часто меня недооценивали.

Я пожалала плечами и ничего не сказала.

— Что ж, давай его сюда и покончим с этим, — сказал он, поднимаясь с кровати; рука протянута, глаза властно сосредоточились на мягко светящемся клинке у моего бока. — Время поджимает, мне много нужно сделать.

Я рассмеялась вопреки своему желанию. Он был ниже меня, с худым телосложением, одет в черные джинсы, ботинки и зелёную рубашку. Волнистые волосы цвета вороного крыла спадали с высокого лба на узкое лицо. Его глаза были почти такими же изумрудными, как мои, с крошечными янтарными искорками, и светились весельем. Это я держала меч. Насколько я могла сказать, при нем оружия не было.

— Я так не думаю.

— Мы заключили сделку. Ты будешь соблюдать условия.

— Я не заключала с тобой никакой сделки.

Он оживлённым скачком пересёк расстояние между нами, широко

улыбаясь.

— О, но ведь заключила, — он поймал мою руку в свою и поднёс к губам, поцеловал, затем поднял её между нами и многозначительно посмотрел на порезы на кончиках моих пальцев.

Точно. Он был одет в чёрное и зелёное, как его визитка. Его волосы были черными, а глаза — зелёными. Что такое с людьми? Нормальных больше не осталось? Иметь цветовую тему — новый тренд?

— Это было мошенничество, — раздражённо сказала я. — Ты сделал края острыми как бритва и швырнул её в меня.

Он радостно проворковал:

— А ты её поймала. Никакого ухода на попятную. Ты выхватила её с неба, предложила мне свою кровь и загадала желание. Я его исполнил. Ты мне должна.

— Я не загадывала желание, и ты ничего не исполнял. И я не предлагала тебе свою кровь. Ты её забрал. Обманом.

В зелёных глазах плясало озорство.

— Как же я люблю эту часть, разве не так? Кровь — это кровь, и неважно, как ты её достал, — его взгляд изменился, завихряясь угрозой и издёвкой.

— Это ловушка. Нельзя обманом втягивать людей в чары.

Он сцепил руки под своим подбородком и съязвил:

— О, умоляю, как будто ваша история не погрязла в рассказах о глупых людишках, которых заманили в сомнительные сделки и контракты. И о последствиях, — он резко щёлкнул пальцами перед моим носом. — Проснись, дитя. Обращай внимание. Дураки падут. С ними всегда так.

Я прорычала:

— Я ни дитя, ни дура.

— По моим стандартам, ты и то, и другое. Ты не обязана была её ловить. Я представил возможность. Ты ей воспользовалась. Плати. Меч мой.

Я холодно сказала:

— Я не загадывала желание, а ты его не исполнял. Я не отдам тебе меч.

Он восторженно подпрыгнул и исполнил быстрый весёлый танец по узкому кругу, как будто довольный собой до невозможности. Я почти ожидала, что он стукнет пятками друг о дружку и спляшет бойкую джигу. Затем он резко развернулся ко мне лицом, с азартом аплодируя — явно самому себе, не мне.

— Это самая, самая, самая лучшая часть, — разразился он, сверкая

глазами. — Я действительно исполнил твоё желание. Ты просто ещё не знаешь об этом.

Не хорошо. Какое из множества полусформированных желаний, промелькнувших в моей голове, когда я прочла его визитку, он выбрал, и в какой извращённой манере оно будет исполнено? История полна рассказов о взбесившихся джиннах и кроличьих лапках. Ты никогда не получаешь то, о чем просишь. Ты получаешь версию своего желания с бритвенно-острыми краями, как у его визитки — что-то, что либо причинит мне вред, либо принесёт выгоду ему, либо и то, и другое.

Я все равно не собиралась отдавать ему мой меч. Ему придётся забрать его. Если сможет.

— О, я могу, — он зловеще ухмыльнулся, наклоняясь вперёд, пока наши лица не очутились на расстоянии нескольких дюймов.

Я застыла неподвижно, всматриваясь в его глаза. Твёрдые как кремний глаза, прищурившиеся с коварной древностью, за его оживлённой наружностью таилось нечто старое и смертоносное. Я его недооценила. Он использовал резвящееся веселье с той же целью, с какой я позволяла людям считать себя моложе, чем я есть на самом деле.

— Кто ты?

— Имя за имя, — проворковал он.

Небольшая цена за то, чтобы знать своего врага.

— Дэни О'Мэлли.

Его глаза мерцали весельем.

— Ты можешь называть меня АОЗ; пишется А-О-З, и все заглавными буквами, между прочим.

— Поняла, А не произносится, — насмехалась я. Он произносил это как «ооооз». — Что ты такое?

Он приложил длинный палец к краю узкого носа, как будто раздумывая, какой ответ предоставить. Наконец, он сказал:

— Те, кому место здесь, — его лицо сместилось и изменилось, кости заострились, кожа сделалась натянутой и слишком бледной, вся игривость ушла. Я уловила внезапный запах почвы, крови и костей в его дыхании, когда он прошипел: — В отличие от вероломных Фейри, которые думают забрать то, что принадлежит нам, не раз, а дважды. Дай мне меч, дитя, и сделай это сейчас же.

Команда повлияла на мою голову, мои конечности — похоже на то, что однажды сделал со мной Риодан, хотя он всего лишь заставил меня съесть батончик, когда я была голодна, а не отдать своё самое ценное имущество — и я с ужасом почувствовала, как моя рука поднимается,

готовясь протянуть ему рукоятку моего меча. Очевидно, заклинание с ним согласилось; мы заключили сделку, и я должна была её соблюсти. Я попала в ловушку его силы.

— Стоять! — прогреготал властный голос, и моя рука застыла, пальцы сомкнулись на рукоятке.

АОЗ резко развернулся лицом к незваному гостю, прошипев:

— Сгинь, Фейри!

Я моргнула, опешив. Инспектор Джейн только что просеялся сюда, присоединившись к нам в моей спальне, и стоял в дюжине шагов от нас, по ту сторону моей кровати. Он сморщил свой орлиный нос и сказал:

— Во имя всех грёбаных святых, что это за запах, Дэни?

Я пожала плечами, прикладывая усилия, чтобы избежать прямого зрительного контакта. Встречаться взглядом с принцем Фейри — ни разу не умное решение. Во-первых, твои глаза кровоточат. Если ты слишком долго удерживаешь их ужасающий нечеловеческий взгляд, говорят, в твоём мозгу тоже начинается кровоизлияние. Я никогда не испытывала эту теорию. Мой мозг — моё лучшее оружие.

— Не спрашивай, — я не видела инспектора годами. С тех пор, как он претерпевал трансформацию из человека в Фейри. Я почти его не узнала. Глава старой Гарды, полицейских сил Дублина, некогда был грубоватой версией Лиамы Нисона с накачанной грудью.

Больше нет. Он стал возвышающимся иномирным созданием с одурманивающим взглядом поцелованных опалом небес, угрожающих бурей, волосами цвета солнечных лучей, игравших на быстрых ручьях, и гибким, прекрасно мускулистым телом Светлого Двора. Он пах свежей росой на утренних лепестках, смятой весенней травой под моими ботинками, плодородным, землистым обещанием леса, пробуждавшегося от долгой зимы, и неукротимым чувственным желанием, ради которого стоит умереть. Грубоватая человечность исчезла без следа.

Мак не изменилась таким образом. Конечно, её волосы посветлели и удлинились, но она осталась человеком, как мы. Я напряжённо сканировала его и не нашла ничего, что определяло бы его как рождённого одним из нашей расы. Инспектор Джейн бесповоротно стал Фейри.

Я слегка ослабила хватку на мече, держа его наготове. Не доверяя никому в комнате, кроме себя.

Будучи инспектором, Джейн однажды забрал его, оставив меня на заваленной мусором улице, тяжело раненую, на грани истекания кровью. И теперь я должна была поверить, что он просеялся сюда, чтобы не дать мне потерять его? Я прищурилась и оценила АОЗа. Я делала выводы, пока мы

говорили. Не Фейри, не человек, но что-то магическое, пахнущее землёй, кровью и костями.

В моей спальне находился древний бог Земли, и он наложил на меня чары.

И теперь в моей спальне был ещё и принц Фейри, в данный момент тщательно приглушивший себя, за что я была благодарна. Но кто сказал, что это продлится долго?

АОЗ презирал Джейна и, очевидно, всю расу Фейри.

Я сказала спине АОЗа:

— Ты хочешь мой меч, чтобы с его помощью убивать Фейри.

Он резко развернулся ко мне, глаза прищурились до щёлок зелёного пламени.

— Лучше мы, чем они. Отдай мне его сейчас же, дура!

Вопреки моей воле моя рука выгнулась вперёд.

— Дэни, не надо, — пробормотал Джейн.

Моя рука снова опустилась.

В это мгновение Джейн почти мне понравился, если бы он не добавил сдержанным голосом:

— Вместо этого ты отдашь его мне.

Моя рука снова поднялась, а мои ноги предательски зашагали в его сторону.

Марионетка. Я их грёбаная марионетка. Это злило меня. Достаточно, чтобы вызвать желание пронзить их тем же оружием, которого они жаждали.

АОЗ холодно произнёс, жадно сосредоточив взгляд на моем мече:

— Мои чары были первыми. Протяни его мне сейчас же, дитя, иначе я снесу твой проклятый мир.

Разрываясь между командами, моя рука застыла неподвижно, и я обдумывала её замершее состояние. Чары слева, глас силы справа. Если они продолжат меня тянуть, что может случиться — не со мной, с ними? Особенно если я добавлю к смеси свою чёрную руку.

Я расслабила черные пальцы вокруг рукоятки меча и переплела пальцы обеих рук воедино.

Взгляд Джейна задержался на лёгком соединении пальцев, затем испытующе метнулся к моему лицу.

Он все равно продолжал трудиться над моей силой воли, как и АОЗ. Я чувствовала древнюю, враждебную силу, исходившую от них, и знала, что хоть никто из них не говорил, они оба тайком пытались склонить мою руку в свою сторону. Невыносимое давление нарастало в моей голове, так что я

запихнула объем своего мозга в одну из своих коробок и приготовилась. Я давным-давно научилась дистанцироваться от боли.

Две крайне непохожие формы силы вились по моему телу, проскальзывая внутрь и снаружи, отыскивая контроль: одна сверкающая и летняя, другая тёмная и земляная. Два сокровенных искусства встретились на моих руках, смешиваясь, возможно, с чем-то из древней мощи Охотника, и перемешиваясь так же плохо, как масло и вода с добавлением динамита.

Нарастал завихряющийся торнадо недоброй магии, с каждым минувшим моментом становясь огромнее и порочнее, затем внезапно сила вырвалась из моих рук и ударила обратно по ним. Джейн взревел и дёрнулся. АОЗ взвизгнул и вцепился в своё лицо.

Оба повернулись, чтобы зарычать на меня.

Я пожалала плечами, пошевелив пальцами, чтобы убедиться, что они снова под моим контролем.

— Не стоит пытаться забрать у женщины меч.

Джейн сурово произнёс:

— Дэни, это оружие намного опаснее, чем ты думаешь. Теперь только Фейри способен справиться с его силой.

АОЗ фыркнул.

— Не слушай его. Фейри искушают и лгут.

— А боги нет? — саркастически спросила я.

Его глаза прищурились, и он окинул меня оценивающим взглядом.

— Возможно, не совсем дура.

— Не твоё, ни его, — предостерегла я.

Джейн сказал:

— Дэни, что случилось с твоей рукой?

— Да, что? — спросил АОЗ, прищурившись.

— Без понятия, — это была правда. Но с меня довольно ответов на вопросы. Я сформировала теории и хотела ответов: — Дайте-ка угадаю; боги вернулись, пробуждённые Песнью. Давным-давно вы воевали с Фейри. Вы решили вновь развязать эту войну, и чтобы сделать это, вам нужен мой меч.

— Практически в точку, — ровно сказал Джейн.

— И как давно ты знал это и не потрудился сказать ни одному из нас? — выпалила я Джейну.

— Не очень, — сказал он, оцетинившись на мой тон. — Они вернулись слабыми и прятались, оттягивая время, пока не набрали силу. Только недавно они начали показываться.

— Мы были слабы из-за того, что вы сделали с нами! — зашипел на него АОЗ, затем рыкнул на меня: — Мы не начинали войну. Это сделали они, обратили твою расу против нас. Когда-то твоя раса молилась нам, и мы слушали. Мы были хорошими для вас. Когда-то.

— Попытайся забрать мой меч ещё раз, и ты умрёшь.

— Не я один приду на его поиски. Другие не будут столь щедрыми как я. Ты не хочешь, чтобы он пришёл за ним. Ты не хочешь, чтобы он вообще приходил. Он заберёт не только твой меч. Сделай себе одолжение, и протяни его мне. Ты порадуешься, что сделала так. Если он придёт за тобой, ты познаешь истинное значение Ада.

Я позволила глазам сделаться холодными и пустыми.

— Я не боюсь Ада. Я когда-то там жила. И если мне придётся вновь вернуться туда, я прошествую через эти ворота с огнём в моей крови и войной в моем сердце. И я. Не буду. Брать. Пленных.

Я говорила серьезно. У меня мало страха. У меня огромное количество ярости. Неравенство, несправедливость вызывают во мне медленное горение, которое поглощает меня, не церемонясь ни с самоистязанием, ни с сопутствующими потерями. Иногда я думаю, что вишу на волоске от превращения в нечто... иное. То, чего я не понимаю.

АОЗ произнёс с издёвкой:

— Удачи тебе с этим. Его Ад — место, которое ты даже не можешь себе вообразить. Вечное. Не имеющее выхода.

— Или, — произнесла я с кислотной сладостью, — я могу отдать свой меч Джейну, и ты сможешь попытаться забрать его у принца. О, нет, погодите-ка, будь это возможным, ты бы забрал его тогда, когда ваши расы воевали в прошлый раз. Мне кажется, если отдать его Джейну, это практически будет означать пленение старых богов.

— Да, Дэни, — тихо сказал Джейн. — Так и есть.

АОЗ прошипел:

— Ты так уверена, что предпочтёшь, чтобы человеческая раса подчинялась Фейри, а не нам? Мы направляли вас. Мы не поворачивались к вам спиной, пока вы нас не предали.

— Я предпочитаю, чтобы человеческая раса не подчинялась никому, кроме самой себя. Мы не нуждаемся ни в ком из вас, и не хотим вас. Я стою здесь с двумя чужеродными расами, соперничающими за контроль над людьми...

— Мы родом из этого мира, а не чужие ему, — прорычал АОЗ в то же время, как Джейн перебил меня словами:

— Это неправда, Дэни, и ты это знаешь. Я когда-то был человеком. Я

все ещё храню те же надежды и страхи за нашу расу, что и ты, и твёрдо держусь тех же приоритетов, что и раньше.

АОЗ с издёвкой произнёс:

— Ты Фейри. Ты не чувствуешь, и тебе нет места в нашем мире.

— Это наш мир, — холодно сказала я. — И на мой взгляд, ни одному из нас нет места в этом мире. И мне плевать, что ты когда-то был человеком, Джейн. Теперь ты не человек.

— Дэни, я заберу меч к королеве, — сказал Джейн.

— И у меня есть только твоё слово. Нет уж, спасибо. Я оставлю его себе. Или, — я закинула удочку, отчаянно желая снова увидеть Мак, — ты можешь привести ко мне королеву, и я подумаю о том, чтобы отдать его, — Джейн по большей части был хорошим человеком. С одним фатальным недостатком. Ну, с двумя. Во-первых, теперь он был принцем Фейри. Во-вторых, раньше он не удержался и забрал мой меч ради «всеобщего блага». Практически любая фраза, начинающаяся со слова «всеобщий», внушает мне нервозность. Всеобщее знание, всеобщее благо, всеобщее благосостояние. Каким-то образом обычный человек, кажется, никогда не имеет голоса в этих «всеобщих» понятиях. Политики и короли принимают эти решения, но именно обычный человек умирает, когда короли отправляются на войну.

— Похоже, у нас безвыходная ситуация, — сказал АОЗ с шёлковой угрозой. — Двум из нас не требуется сон. Тебе — требуется, — он скрестил руки на груди. — Это лишь вопрос времени, а его у нас бесконечность. Как только ты вымотаешься, один из нас заберёт меч. Или ты можешь выбрать своего преемника.

Я взглянула на Джейна и тут же знала, что он не желает ждать так долго. Он уже изменялся, больше не скрывая своей силы, позволяя фасаду, который он выставил для моей защиты, опадать по малейшей частице, давая мне время сдаться прежде, чем он обратит на меня полную, отупляющую разум красоту и ужас Принца Двора Времени Года.

Я задрожала. Принцы Фейри сексуальны до невыносимой для людей степени. Они могут внушать нам желание, умножать его, питаться им и отбрасывать обратно в тысячу раз более сильным, чем оно зародилось. Для нас это слишком. Это сжигает женщину дотла в её сознании, оставляя лишь покорную рабыню.

Я могла бы пронзить Джейна мечом — если бы он уже не начинал опускать свои чары. Теперь, если я кинусь на него, он просто атакует меня всей своей силой, и я окажусь на полу без единой мысли об его убийстве в своём раздавленном сознании.

— Ты этого не сделаешь, — произнесла я ледяным тоном.

— Я сожалею, Дэни, но я не позволю ему попасть в их руки. Ничего личного

Он сказал мне то же самое годы назад, когда оставил меня лежать на той заваленной мусором улице.

— Поправочка, — прорычала я, — когда ты делаешь что-то отдельной личности, это личное. Вот уж забавная штука с нами, личностями, — я разжала свою ментальную хватку и прыгнула в режим потока.

Ничего не произошло.

Я вздохнула. Сильные эмоции и сильное возбуждение обрубили мои силы ши-видящей, и это всегда случалось в худшие моменты из всех возможных. Я работала над недостатком сильных эмоций и добилась прогресса. Не так-то просто было обуздать другой недостаток: мне нужно было возбуждаться, чтобы работать над ним и... ну, этого давненько не случалось. Я поспешно отыскивала другой вариант и нашла только один. Слабый шанс.

— Отдай его мне сейчас же, — скомандовал АОЗ, — и я убью его. Фейри позволяют жить лишь рабам и требуют почитания. Мы — нет.

Пока чары Джейна продолжали понемногу опадать — все ещё давая мне время по своему желанию отдать его — я взглянула вниз, туда, где мои руки крепко обхватывали рукоятку моего меча. Я задрожала, когда его нечеловеческая сексуальность начала изводить края моего сознания, отыскивая сладенькое местечко, лёгкий путь внутрь. Он пытался нанести как можно меньше урона. В данный момент.

Отчаянно задрожав и стуча зубами, я выдавила:

— Т-ты гот-тов раск-колоть мой р-разум ради этого? Как думаешь, что твоя королева сделает с тобой? — мои глаза полыхнули. Я почувствовала, как из них покатились слезы, как только я встретила его взгляд, и мне не нужно было зеркало, чтобы знать, что я плачу кровью.

Он печально произнёс:

— Ах, Дэни, она совершенно точно меня убьёт. Но у неё будет меч. Я готов умереть, чтобы защитить нашу расу и твою от этих вредителей.

Он сказал «нашу расу» и «твою». Вот оно. Я знала это. Его верность принадлежит Фейри, не нам. Я закрыла глаза, стискивая зубы против безжалостных клыков силы, теперь уже агрессивно рвущих границы моего сознания. Когда я была моложе, я дважды столкнулась с внушением принца Фейри. И выжила. Теперь я была старше и мудрее.

Я воспользовалась своим слабым шансом, сосредоточившись на льду в моей руке. Я приняла его с распростёртыми объятиями, поманила его

распространиться по моему телу, курсировать по моим венам, не имея ни малейшего понятия, что я принимаю. В сражении за свою жизнь, свой здравый ум, свою расу оружие в твоём распоряжении — это оружие, которым ты пользуешься.

Я ощутила внезапный укол булавок и иголок по всему своему телу, глубинную вибрацию в своей плоти, как будто мои конечности пробуждались после долгого времени онемения. Моя кожа похолодела и задрожала на моих костях, ощущаясь странно эластичной и податливой. Кровь грохотала в моей голове, билась о стенки черепа, и то, что оставил во мне Охотник, отозвалось.

И напряглось.

И выросло.

Волна головокружения завладела мной, и я едва не упала, когда за моими глазами взорвались внезапные звезды, и я уловила мимолётный проблеск обширного, пропитанного туманностями ночного пейзажа, наложившегося на воздух передо мной. Затем он исчез, и моя голова изнутри ощущалась спокойной, холодной и безмолвной, как глубинные уголки космоса.

У меня не было времени это анализировать. Я не думала. Просто открыла глаза и замахнулась левой рукой на инспектора Джейна.

Принц просеялся за долю секунды до того, как разряд бледно-голубой молнии взорвался на том самом месте, где он стоял. Потрескивающая энергия ударила в южную стену комнаты, взорвав её от пола до потолка. Гипс разлетелся на куски, дерево расщепилось, и кирпичи повалились наружу, оставляя зияющую дыру на месте стены.

Мой комод опасно накренился на краю, затем рухнул на улицу четырьмя этажами ниже.

Зарывав, я резко перевела хлёткий взгляд на АОЗа.

Он тут же дематериализовался облаком темно-зелёного тумана, который сгустился, сузился до тонкой струйки и выстрелил сквозь проем, пробитый в стене.

С секунду я стояла там, выравнивая дыхание и выжидая, пока стихнет пульсирующая в моей руке энергия, пока наконец она не ушла. Мои ноги ощущались как варёные спагетти, а руки дрожали.

Вот вам и защитные способности. Они не удержали снаружи ни старого бога, ни Фейри. В критический момент мне, возможно, придётся спать на усиленно охраняемых частных уровнях Честера, а мне так не хотелось этого делать. Опять-таки, я понятия не имела, охранялись ли они от богов.

Я задрала рукав футболки и осмотрела себя. Моя рука стала чёрной до самого плеча, тоненькие переплетения темных вен расходились по моей левой ключице.

Я позволила рукаву упасть и посмотрела поверх кровати на бледное утро над простирившимся морем крыш и дальше, на пенные гребни грифельно-серого океана. Тяжёлая изморось начинала оседать, и внезапный порыв ветра занёс дождь внутрь, пропитывая моё пушистое белое покрывало.

Я закатила глаза. Моя спальня за последние несколько часов пережила ад.

Но воистину, в каждом дождевом облаке имелся просвет.
Здесь хотя бы уже не так воняло.

Ассасин

Когда мне было девять лет, Ровена сказала мне, что опасная каста Фейри вторглась в наш город. Худые, просвечивающие, прекрасные, с облаком невесомых волос и изящными чертами лица, они были способны скользнуть внутрь человека и полностью завладеть его конечностями и жизнью.

Как только они присваивали человеческую «кожу», они становились неотличимыми для ши-видящих, и таким образом маскировались, исчезая за пределами нашей досягаемости, чтобы бесконечно охотиться на нашу расу.

Это делало их самой смертоносной угрозой для нашего ордена, сказала она приглушенным голосом. Они могли в любое время завладеть её подопечными в аббатстве; более того, сообщила она по секрету, это уже произошло.

Но — а со старой сукой всегда было «но» — у неё был специальный амулет, который она, и только она, как Грандмистрисс ши-видящих, могла использовать, чтобы заглянуть внутрь личности с презренным, крадущим жизнь фейри.

В девять лет мне ничего не казалось притянутым за уши. Я целиком и полностью ожидала найти за пределами своей клетки мир, столь же плотно населённый супергероями и злодеями, как мой мир по телику.

Почти год Ровена направляла меня по коридорам нашего аббатства, пока она инспектировала своих девочек, выводила меня наружу, на улицы, переулки и заведения, где мы охотились на подлых злодеев — секретная команда, которой поручена великая секретная миссия, заставлявшая меня чувствовать себя важной и хорошей.

А когда она определяла Захватчика с помощью амулета, который у меня никогда не работал, мы возвращались в её офис в аббатстве, где с величайшей серьёзностью и церемонностью она опускала лучезарный Меч Света на мои поднятые ладони и приказывала мне спасти наш орден, а возможно, и наш мир.

Она научила меня быть быстрой и бесшумной в этом. Она сказала мне, как и куда ранить, рубить и убивать. Никто не подозревает ребёнка, даже если у него есть меч. Большинство подумает, что это игрушка. Мне редко приходилось пользоваться сверхскоростью, чтобы завершить свою миссию. Легко было подобраться близко. Взрослые переживают за

потерявшихся, плачущих детей.

«Делай все, что придётся, чтобы спасти наш мир: здесь нет несправедливого обмана или уловки, — учила она меня. — Результат всегда оправдывает средства».

Я пришла к пониманию, что средства характеризуют тебя.

Хоть они и чрезвычайно редки, Захватчики существуют.

Это не было ложью.

Однако нет никакого амулета, который позволял бы их видеть.

В тот год я отняла двадцать три жизни, и я не знаю, почему. Матери, отцы, дочери, сыновья, я вырезала дыры в их семьях, разбивала их сердца и миры. Возможно, они перешли ей дорогу в бизнес-сделках. Возможно, они не так посмотрели на неё в почтовом отделении. Вне зависимости от этого, ни один из них не был одержим. В одном из её дневников, которые я нашла в более взрослом возрасте, Ровена написала, ведя хронику своего великолепия с леденящим кровь нарциссизмом: «Дитя было послано Мне для решения Моих трудностей и исправления несправедливостей в Мой адрес, контролируемое дешёвой игрушкой, которую Я купила у уличного торговца».

Я также не знаю, почему она остановилась. Возможно, в её списке самых ненавистных лиц было лишь двадцать три имени. Возможно, такое большое количество убийств мечом привлекало слишком много внимания Гарды, а она не хотела, чтобы меня поймали и поместили за решётку. Хоть она и проинструктировала меня прятать трупы, многие в итоге были найдены. Вселенная имеет свойство выдавать те секреты, что мы стремимся сохранить при себе.

В день, когда я узнала, что сотворила, я решила, что передо мной открыты лишь три направления действия.

Убить себя, потому что я тоже была монстром.

Прожить остаток жизни в ненависти к себе, будучи неспособной когда-либо загладить вину, поглощённой сердцем тьмы, которая не прольёт света в мир, который в нем отчаянно нуждался.

*Или запретить прошлое в коробке с теми другими убийствами и нести сердце — чистое, каким оно некогда было — в настоящее, с решительным настроем добиться большего, начертав на ошмётках своей души латинский девиз: *Actus me invito factus non est meus actus*. Действия, совершенные моим телом против моей воли — не мои действия.*

Я знала имя каждой из своих жертв и сумела отыскать большую часть их семей.

Я все ещё их защищаю.

Глава 6

Высокое напряжение, незабываемый звук^[13]

Я припарковала свой мотоцикл перед аббатством, схватила рюкзак, содержащий смену одежды на потом, и размашистым шагом вошла в парадный вход древней крепости, будучи одетой в порванные джинсы, ботинки и белую майку, которая никак не скрывала то, что не так с моей рукой. Я не собиралась скрывать происходившее со мной; изолированные солдаты — любимая мишень снайпера. Меч висел поперёк моей спины, в ботинках — ножи, но в знак уважения к детям на территории я не ношу в этих стенах огнестрельного оружия. Я не могу вынести мысль о том, что кто-то невинный пострадает в результате моей беспечности.

Я люблю аббатство Арлингтон.

Населённая тысячью ши-видящих крепость пронизана секретными проходами за книжными шкафами и каминами, имеет дюжины укромных уголков и тайников и всегда обладает для меня аурой тайны, перед которой невозможно устоять.

Начиная с павильона для медитаций, окаймлённого фигурно стриженным топиарием, который по легенде некогда жил и дышал, защищая аббатство, и заканчивая замысловатым лабиринтом, простирающимся на семь акров возле озера, это место некогда было дурно управляемым монастырём для женщин, которых тренировали быть отчуждёнными, запуганными и неуверенными.

Положение вещей изменилось. Мы тренируемся, мы дерёмся, мы не боимся грязи и крови и всякий раз жёстче давим друг на друга. Аббатство заполнено до пределов вместимости, и существует долгий лист ожидания, чтобы попасть сюда.

Ши-видящие без опыта, Новички, могут провести от двух до десяти лет в тренировках, обучаясь использованию своих способностей. Те способности, что мы видели после того, как Песнь Созидания вернула магию в наш мир, не похожи ни на что из того, с чем мы сталкивались ранее.

Ученицы, которые достигли достаточного уровня опытности, чтобы пройти серию сложных тестов, проводят ещё несколько лет в дополнительных тренировках. Некоторые могут никогда не достичь

финального уровня: Адепты — те из нас, кто обуздал свои способности и служит тренером для Новичков и Учениц.

Затем существует Шедон, совет избранных голосованием ши-видящих, которые управляли аббатством.

Монастырь больше не является тиранической тюрьмой деспотизма и тщательно контролируемого, извращённого давления. В детстве я проносила по этим коридорам на всех парах, все вокруг боялись меня и не доверяли мне. Я ненавидела видеть страх. Он заставлял меня чувствовать себя одинокой. Но я оцинковывала свою правду. Бесстрашные люди — аутсайдеры. Для страшящихся всегда есть множество мест. Они пушистые белые овцы, которые держатся поближе к пастухам, позволяют другим кормить их, откармливать и стричь их, и сбиваются в тугой паникующий узел, когда приближается волк.

Когда я окружена таким стадом, я не могу понять разговор, который обычно звучит примерно так: *«Я напугана, как думаешь, что нам делать? Я не знаю, как думаешь, что нам делать? Я не знаю, давай спросим у кого-нибудь другого»*.

Отсюда и паника. Бееее.

Я грязно-серая овца, которую никто не хочет стричь, которую все забывают покормить, которая бесится и с паром из ушей в одиночку скачет охотиться за оружием, убивающим волков, вместо того чтобы нежиться на солнце под заботой хозяина — нет гарантий, что он знает о выживании больше меня.

Я скорее буду бесстрашной и порицаемой, чем страшящейся и одобряемой.

Иногда это кровавый выбор.

И все же за последние годы я научилась отбеливать свою шкуру и лучше вливаться. А когда они не смотрят, я такая серая, как мне надо. Для всех нас так будет проще. Думаю, Риодан тоже это делает, скрывает своего внутреннего зверя с небрежной элегантностью, за холодными серыми глазами. Я скучаю по нему. Когда позволяю себе думать о нем. То есть никогда.

Сегодня я прошла по сводчатым каменным коридорам до библиотеки, отвечая на приветствия и возвращая улыбки. Хоть многие женщины и тарасились на мою руку, это было без суждения, лишь приподнятые брови и любопытные взгляды мне в глаза.

Когда Шазам не вернулся к тому времени, как я проснулась, немного вздремнув на диване, я собралась и отправилась начинать свой день. У него был способ найти меня, куда бы я ни отправилась, и я подозревала, что он

часто нависал надо мной в более высоком измерении, проявляясь, когда ему захочется. Я понимала необходимость побыть одному и обычно не давила на него, но после выходки прошлой ночью, как только он появится снова, я планировала сделать все в своих силах, чтобы держать его вовлечённым и при себе.

— Привет, Кэт, — сказала я, входя в библиотеку.

Высокая подтянутая брюнетка подняла взгляд от экрана компьютера и скользнула по мне ровным серым взглядом.

— Ох, а это выросло.

Кэт была частью Шедона, её дар ши-видящей — опасно чувствительная эмпатия. Обладающая способностью читать эмоции окружающих на самом истинном их уровне, мне она казалась неспособной на ложь.

— Что ты чувствуешь? Прочти меня, — я перемахнула через спинку кресла и уселась за стол напротив неё.

Долгий момент она смотрела на меня, её глаза расфокусировались, затем она легко сказала:

— Ты ощущаешься как всегда.

— И как же это?

— Как Дэни. Свет и энергия, бурлящее чувство юмора, неиссякаемое чувство личной ответственности и справедливости, и сердце размером с Ирландию, — она помолчала секунду, затем добавила: — И много, много частных склепов, которые никогда не будут открыты и не увидят свет дня.

Мои глаза прищурились.

— Ты можешь в них попасть?

— Нет.

— Это значит, что ты пыталась.

— Пыталась.

Неохотная улыбка потянула вверх уголки моих губ, когда я подумала одновременно «*Как ты посмела?*» и «*Молодец!*». Она изменилась, сделалась жёстче, перешла от вежливости к необходимости. Мы живём в тяжёлые времена. Нельзя поддерживать свои клинки острыми, полируя их замшей — ты должен затачивать их о камень.

— В день, когда я проникну, я тебе скажу. И в тот же момент я отступлю, не оглядываясь по сторонам. У меня нет ни малейшего желания знать секреты, которые ты не желаешь мне сообщать, Дэни. Но склепы твоего разума — величайший вызов, с которым я сталкивалась.

И они навсегда останутся этим вызовом. Она не проникнет. Я регулярно и дотошно реструктуризирую свой мозг, всюду развешивая

ловушки. Даже Риодан не уйдёт дальше поверхности. Я сменила тему.

— Прошлой ночью у меня был посетитель. Двое, вообще-то, — девять, если считать манулов, которых я не считала и надеялась никогда больше не почуять. Пока я посвящала её в произошедшее, она внимательно слушала.

— Старые боги, — пробормотала она, — воюющие с Фейри? Грёбанный ад. Это никогда не закончится?

— Мамочка сказала плохое слово, — раздался запыхавшийся девичий голосок за Кэт. Её дочка Рэй выглянула из-за её плеча, и я сморщила нос и улыбнулась ей. Обычно, впервые видя этот ослепительный-лучик-солнца в виде ребёнка, я ловлю её в свои руки, прыгаю вместе с ней в поток и кружу её в головокружительном звёздном взрыве света, потому что я живу, чтобы слышать её безудержный хохот до колик в животе, но сегодня, судя по тому, как она выглядывала на меня, я понимала, что она в настроении для прятков. Потом я погоняюсь за ней, вверх и вниз по коридорам, возможно, в лабиринте за аббатством.

— Шаззи? — с надеждой спросила она, светящиеся тёмные глаза округлились от восторга.

— На прогулке, — сказала она, и её лицо помрачнело. Рэй обожала Шазаму, и это чувство было взаимным. Когда несколько лет назад Кэт внезапно родила ребёнка, как будто из ниоткуда, мы все были в шоке. Мы понятия не имели, кто был отцом, хотя многие считали, что это её детская любовь, Шон О'Баннион, который как Кристиан и инспектор Джейн, начал превращаться в принца Фейри, когда предыдущие принцы были убиты.

Одно из множества непредсказуемых свойств расы Фейри заключалось в том, что в тех редких случаях, когда принцы или принцессы оказывались убиты, ближайший сырой материал, смертный или Фейри, удовлетворявший непостижимым требованиям, выбирался для начала болезненной трансформации. Мак говорила мне то, что сказал Король Невидимых — Фейри как морские звезды, всегда отращающие заново жизненно важные части. Низшие Фейри не считались жизненно важными. Высший Двор — да.

В отличие от Джейна, Шон О'Баннион превратился в Невидимого и не появлялся несколько лет. Кэт никогда не называла имя отца Рэй, а мы не спрашивали. Она ясно дала понять, что это не имеет значения: Рэй — её дочь, конец разговора. Какими бы дарами ши-видящих не обладала девочка, они ещё не начали проявляться. Рэй определённо выглядела так, будто могла быть дочерью Шона — с кудрями вороного цвета, карими глазами с янтарными искорками и телосложением дочери чёрного ирландца^[14].

Сегодня я без Шазама была недостаточно интересной, чтобы удерживать внимание любопытного, полного энергии ребёнка, и Рэй убежала играть, когда Кэт открыла вордовский документ и стала делать заметки о нашем разговоре, выпытывая из меня столько деталей, сколько я могла вспомнить.

— И этот АОЗ упомянул другого, который может прийти за мечом?

Я кивнула.

— Но без имени?

Я покачала головой.

Мгновение она изучала меня, затем:

— Ты полагаешь, что меч будет в большей безопасности с Фейри?

Я раздражённо произнесла:

— Я испытывала искушение отдать его самому сильному богу, которого найду, и позволить расам поубивать друг друга.

Кэт резко втянула воздух.

Я подняла руки в успокаивающем жесте: одну бледную ирландскую, вторую тёмную как эбонит.

— Но я этого не сделаю. Мак — королева, — и я умру прежде, чем вложу оружие в руки кого-то, кто может ей навредить. Она и я через столько всего прошли вместе; она стала сестрой, которой у меня никогда не было. — Я не думаю, что ответ таков, Кэт. Я сумела защитить его прошлой ночью. Если бы не сумела, я была бы открыта для возможностей, особенно если каким-то способом получилось передать его Мак.

Ни богам, ни Фейри я не доверяла одно из двух священных оружий, способных оборвать жизнь бессмертного. Любой Фейри, который заполучит его в свои руки, сумеет собрать армию и пойти войной на их королеву, и многие из них презирали человеческую женщину, избранную преемницей их правительницы.

— Возможно, меч именно там, где должен быть, и его сила пробуждается, чтобы я могла сохранить его в безопасности.

Кэт сухо сказала:

— А возможно это просто совпадение, и наш мир сошёл с ума, как и кажется, пока мы жужжим о своих дурацких попытках отыскать закономерности в хаосе.

Я рассмеялась. Есть такое.

— Желание, Дэни. У тебя есть идеи, что имел в виду АОЗ?

Я попыталась разобраться с этим по дороге сюда, анализируя момент, когда я подобрала зачарованный предмет. Я отреагировала первично сырой эмоцией, вторично — настоящей мыслью. АОЗ мог просеять дюжину

полусформировавшихся желаний и выбрать то, которое, по его мнению, могло крепче всего укусить меня за задницу. Я покачала головой и мрачно сказала:

— Понятия не имею. Кэт, что ты думаешь по поводу этого бога? Давным-давно я читала Книгу Захватов^[15], и мне она показалась... — я пытаюсь не оскорблять ничьи верования. Я умолкаю на середине фразы и позволяю собеседнику закончить, наблюдая, что он скажет. Я научилась дипломатии. Она мне нелегко даётся, так что мне нравится практиковаться при возможности.

— Полной ерундой? — спросила она с кривой улыбкой.

— По меньшей мере, сильно отредактированной, с огромными поэтическими вольностями, — согласилась я. — Ты думаешь, эти боги могут быть реальностью из историй о древних Фоморах^[16], пробуждённых Песнью?

— Это теория, которую определённо стоит исследовать. Согласно Книге Захватов, Фоморы сражались с Туата де Данаан, обширно считались монстрами и были изгнаны в море, после чего их никогда больше не видели. Но хронология тех событий подверглась суровым сокращениям, чтобы согласовать историю с христианством, целый период от создания мира до Средневековья был подогнан под события Библии. Я давно подозревала, что эти события произошли намного раньше, чем мы можем себе представить. История — это смутное дело, переписываемое раз за разом, пока оригинальная история не утрачивается. Вот почему критично важно перевести наши древние свитки. Они будут ближе к правде, чем все, что было записано за последние несколько тысяч лет под влиянием политических и религиозных мотивов. Мы слышали истории со всей Ирландии. Люди в сельской местности сталкивались с созданиями, которые утверждают, что они обладают фейри-подобными силами. Ты сумела прочувствовать АОЗа своими чувствами ши-видящей?

Я мрачно покачала головой.

— Нет. Моё нутро ничего не дало. Мой мозг зафиксировал эмпирическое доказательство, которое заставило меня считать, что он не человек.

Она снова кивнула и встала, собирая свои заметки.

— Я встречу с Шедоном, донесу новости, посмотрим, что известно им.

Я пинком отодвинула стул назад, забросила ботинки на стол, схватила последнюю стопку переводов и начала читать.

— Ничего, — пробормотала я через несколько часов. — Ничего, черт подери.

— Мы не имеем возможности определить, о чем книги и свитки, прежде чем начнём их переводить. У большинства из них нет названий, — кротко сказала Бриджет, низко склонив голову к крошечному дневнику в её руках. В сорок с лишним лет седые пряди испещрили её короткие тёмные волосы. Дневная смена переводчиц устроилась со мной за длинным широким столом вскоре после того, как я начала читать.

— Верно, — сказала семнадцатилетняя Фаллон, чьей специализацией были древние диалекты. Она пришла к нам пять месяцев назад и принесла запечатанное письмо из сестринской обители в Уэльсе, умолявшей нас тренировать её, поскольку недавно она открыла дремавшие способности, с которыми они не имели опыта. Она как хамелеон начала сливаться с окружением, сила пятерых мужчин вселялась в её миниатюрную фигурку, и судя по тому, как быстро и безмолвно она могла передвигаться, я подозревала, что однажды она сумеет присоединиться ко мне в потоке. Блестящие каштановые волосы скользили по её плечам, обрамляя широкое лицо со скулами, которые сходились к широкой челюсти, а затем резко сужались к заострённому подбородку. Аквамариновые глаза прищурились от раздражения, когда она добавила: — И мы подозреваем, что Ровена забрала самые важные книги. Святые ведают, где она их спрятала.

Бриджет сказала:

— Совет делегировал команде начать исследовать Низ на следующей неделе. Возможно, мы найдём там тайник. Все найденное под землёй будет переведено в первую очередь, — заверила она меня.

Два года я ждала, когда услышу эти слова — мы наконец-то переключим своё внимание на неизведанное царство под крепостью. Как голова Януса, аббатство было разделено на две половины: Верх, который содержал изумительные загадки самого несмертоносного типа, и Низ, по слухам, содержащий слишком могущественные, слишком ужасные секреты, чтобы раскрывать их кому-то. Совет долго опасался Низа. *Синсар Дабх* некогда содержалась в этом подземном лабиринте.

Ровена запретила кому-либо входить в Низ, но я была там, однажды, годы назад, по пятам следуя за ней через множество ограждений и ловушек, тащилась туда, чтобы убить Фейри, от которого она откусывала по кусочкам уже неведомо сколько, чтобы увеличить свою мощь и

продолжительность жизни. Я мельком замечала бесчисленные извивающиеся коридоры, надёжно запертые и охраняемые двери, возвышающиеся пещеры, а ведь я была всего лишь на одном уровне. Я миновала дюжины высеченных в камне лестниц, по спирали спускавшихся в кажущиеся бездонными ямы.

Я жаждала исследовать то место, как только она умерла, но я оставалась верна нашему ордену и следовала линии поведения совета, а именно: *Si vis pacem, para bellum* — если хочешь мира, готовься к войне. Мы сосредоточились на обнаружении самых могущественных ши-видящих, испытании их и тренировке, наблюдении за Ирландией и миром за её пределами.

Мы знали, что ничего не закончилось и ещё долго не закончится, поскольку стена между нашим миром и Фейри рухнула. Наши расы сосуществовали в пороховой бочке, где малейшая искорка могла взорвать все. Если Мак не сумеет получить контроль над бессмертной расой, мы вернёмся туда же, откуда начали, истребляя друг друга в квесте за контроль над миром.

— Кто возглавляет команду? — спросила я у Бриджет.

— Энио, — сказала она.

Я одобряла выбор. Рождённая в военной зоне Ливана, Энио стала солдатом задолго до того, как она нашла нас. Умная, целеустремлённая и жаждущая вызова, она была идеальным выбором. Я с нетерпением ждала возможности провести с ней время за исследованиями.

Я бурлила предвкушением. Я буду в этой команде.

Я взглянула на часы над камином, заметила время и отпихнула стул назад, чтобы вернуться в Дублин на встречу, которую назначила этим утром, и в то же время Бриджет — которая, как я осознала, встала и теперь стояла за мной — наклонилась через моё плечо, чтобы добавить ещё одну страницу в стопку для того времени, когда я вернусь.

Мы столкнулись.

Или, точнее, её предплечье вскользь задело моё левое плечо.

Неукротимое высокое напряжение вырвалось из моей руки с оглушительным БУМ, и моя кожа затрепетала от энергии. Образовалась внезапная вонь горящих волос, за ней последовали лопающиеся звуки, встретившиеся с пронзительным воплем, который оборвался так же резко, как начался. Затем раздался грохот мебели, падающей на пол, и такой звук, будто один из старых, массивных книжных шкафов позади меня разлетелся на щепки — и леденящие кровь влажные шлепки.

Затем тишайшее из всех молчаний.

Наполовину поднявшись с кресла, я застыла, распластав ладони по столу.

Фаллон смотрела поверх меня, разинув рот в безмолвном О, широко раскрыв глаза от шока и ужаса.

Долгий момент я не могла заставить себя двигаться, просто стояла там, мышцы напряглись для движения, но не подчинялись моей команде. Мои ноги снова превратились в спагетти, мои руки тряслись.

Я ощущала огромность того, что мгновенно вспыхнуло к жизни внутри меня. Я видела, что это сделало с моей спальней этим утром.

Возможно, это всего лишь её вырубил. Я не намеревалась причинять никакого вреда, совершенно напротив. И я не взмахивала рукой, как сделала это с Джейном, и вообще не двигалась.

Она всего лишь вскользь задела голой кожей предплечья голую кожу моего плеча.

— Фаллон? — я умоляла глазами. *«Скажи, что это неправда. Скажи, что она в порядке».*

Ученица начала учащённо дышать, жадно хватая воздух, не в состоянии издать ни звука. Плечи затряслись, из глаз полились слезы.

Я повалилась обратно в кресло, согнулась пополам, и меня бурно стошнило, извергнув содержимое моего живота на пол, пока не осталось ничего, кроме тонкой струйки желчи, капавшей с моего подбородка.

Мне не нужно было оборачиваться, чтобы знать, что Бриджет мертва.

Глава 7

Уединение в могильном камне не только смертоноснее,

но и намного умнее^[17]

Сталкиваясь с экстремальной эмоцией, я убираю её в коробку и предпринимаю действия; сделать что-нибудь, что угодно, то, что нужно сделать быстрее всего.

Моё сердце кричало: Ты убила Бриджет, ты помеха, опасность для твоих друзей, беги и спрячься, потому что ты монстр, и как твоя мама так часто говорила в конце — мир был бы лучше, если бы ты никогда не родилась.

Мой мозг сказал с холодной эффективностью: Ты устроила этот бардак, убери за собой.

Я споткнулась о кресло, опрокинула его, рывком поставила обратно и, сжав колени, начала собирать останки и складывать их в небольшом аккуратном порядке.

Обычно, как только я вижу Рэй, я подхватываю её на руки. В своё смертоносное, убивающее объятие.

Я молила каждого бога простить меня за убийство Бриджет и благодарила каждого бога, что это была не Рэй. Затем я молила каждого бога простить меня за такое разделение, собирая куски только правой рукой, потому что я понятия не имела, что может случиться, если я коснусь их левой — и не желала узнавать.

Держа то, что казалось фрагментом бледной окровавленной руки тихой, непринуждённо доброй женщины, я бормотала «Я сделала это», не осознавая, что говорю это вслух, пока Фаллон не рявкнула:

— Дэни, прекрати. Это была не твоя вина. Это была случайность. И ради Бога, прекрати пытаться собрать её обратно!

Я не осознавала, что делала это. Я аккуратно положила часть руки Бриджет и три пальца справа от чудовищного паззла, над которым работала.

Дверь распахнулась, и я резко повернулась в ту сторону, вибрируя, дрожа и находясь опасно близко к тому, чтобы потерять контроль и

исчезнуть в потоке. Я жаждала исчезнуть, избежать бесспорно порицающих взглядов. Я сжала руки в кулаки вдоль боков, с правой капала кровь, левая холодна как лёд, и заставила себя дышать в ритме, который я довела до совершенства в Зеркалах, целясь во враждебные мишени. Заполнить воздухом живот, поднять дыхание к груди, выдохнуть. Перестать дышать. Выстрелить. Повторить. На курке пистолета существует неподвижное, безмолвное измерение, и я могла жить в этом пространстве. Там хорошо. Не дышащая, отстранённая, я никогда не промазывала.

В дверном проёме стояла Кэт.

Боль Бриджет закончилась так же стремительно, как и началась. Но моя являлась грибовидным облаком токсичной эмоции, которое она, должно быть, почувствовала и прибежала сюда, чтобы увидеть причину. Она присмотрелась ко мне, оценила взглядом Фаллон, расправила плечи и посмотрела влево, на разрушенный книжный шкаф, куски костей и плоти, обезображенные останки Бриджет.

Должна отдать ей огромную дань уважения, она не согнулась пополам и не блеванула, тогда как я вытирала остатки желчи с подбородка.

— Что случилось? — тихо спросила она.

— Я убила...

— Заткнись, Дэни, — резко сказала Фаллон, подходя ко мне. Но не слишком близко; она остановилась в нескольких футах. — Дэни не убивала Бриджет, — сказала она Кэт. — Бриджет нагнулась через её левое плечо, когда Дэни вставала. Та чёрная часть её опасна, а она этого не знала.

— Как ты можешь меня выгораживать? Она мертва.

— Как ты можешь себя обвинять? — парировала Фаллон с горящими глазами. — Это была случайность. Я все видела. Ты понятия не имела, что она позади тебя. Ты понятия не имела, что что-то в тебе опасно.

— Я должна была знать.

— Откуда тебе было знать?

— Это моя рука. Значит, это моя вина.

— Прекрати это, Дэни, — тихо сказала Кэт. — Ты не будешь нести ещё и это.

Да, буду. Но произнесение этого вслух лишь заставит Кэт и Фаллон усерднее меня оправдывать.

— Кэт, что если бы я подхватила Рэй, как обычно это делаю? — мой голос надломился на этих словах в тот же момент, когда мои колени подкосились. Я осела на пол, закрывая голову руками, наполовину ожидая, что моя голова взорвётся от подавляемых слез. Я буду плакать. Но в уединении. В одиночестве. Я буду танцевать, пока не вымотаюсь

настолько, что больше не смогу сдерживаться, и тогда я буду плакать. И справляться. Как я всегда делаю.

— Возьмите ведра горячей мыльной воды и мешки для мусора, — проинструктировала Кэт Фаллон. — Принесите швабры, позови Энио и нескольких Адептов.

Я подняла взгляд и с острым уколом гордости смотрела, как Фаллон уходит. Будучи Ученицей, она не сломалась. Она вышла из себя на мгновение, затем стала воином, как и требовалось.

Кэт закрыла за ней дверь, прошла в комнату и опустилась на колени в нескольких футах от меня.

— Я бы обняла тебя и утешила, но кажется, у нас небольшая проблема.

— Небольшая? — я мрачно насмеялась. — Я только что убила невинную женщину. Хорошую женщину с хорошей жизнью впереди. Все. Убита. Конец истории. Благодаря мне.

— Я знаю кое-что из того, что Ровена сделала с тобой.

Я застыла. Я знаю правду — большинство людей неспособно справиться с правдами моей жизни. Ши-видящие проводят хирургическую операцию над миром, с анестезией, когда это возможно, с применением искусной техники. Я отсекаю раковые части, брутальным образом, вооружённая любым подручным оружием. Так меня учили. Так я делала это в первый раз. Я начала лгать в юности. Создала отделения, чтобы хранить всю ложь, вести её учёт. Ложь — та ещё головная боль. Она усложняет мозг, вынуждает создавать ещё больше файлов, занимая ценное пространство.

— Она хранила спрятанный тайник в своих покоях. Когда я оставалась там, я обнаружила коллекцию, спрятанную под половицей. Некоторое из этого было картами аббатства, которые пригодятся для наших исследований внизу. Там было два дневника.

Я прищурила глаза, изучая её взгляд. Сколько ей известно?

— Пешки не виноваты в действиях королей. Дети не виноваты в зверствах взрослых. Теперь ты знаешь, что твоя рука стала опасной. Эта информация получена ужасной ценой. Но, — сказала она голосом, в котором звенела сталь, — не травмируй себя сильнее, чем мир уже тебя травмировал. Ты превращаешься в нечто могущественное. Не подавляй это в зародыше из-за несчастного случая. Мы живём во время, перегруженное рисками и опасностями, которых мы не понимаем, изменениями, происходящими так быстро, что невозможно за ними угнаться. Убери это в один из своих склепов. Грядёт война. Мы обе чувствуем тот тёмный ветер, дувший в нашу сторону долгое время. Соберись. Этот твой новый дар

может стать именно той вещью, которая понадобится нам в будущем, чтобы склонить баланс сил в нашу сторону.

Я знала, что смерть Бриджет была случайностью. Я никогда не причинила бы ей вреда, и я не знала, что меня опасно касаться. Но это отличалось от «действий, совершенных мною против моей воли». Это случилось из-за моей беспечности. Я предположила что-то относительно моей руки безо всяких оснований для этого предположения. Я предположила, что рядом со мной безопасно находиться. Это не так, и давайте будем безжалостно честны, в той или иной степени со мной всегда опасно было находиться; вот почему моя мама изначально заперла меня в клетке. Вот почему я так сильно скучала по своей команде. Они не люди. Они куда менее хрупкие.

Кэт прошептала:

— Ох, сколько же боли, — на мгновение она умолкла, затем сурово сказала: — И это урон, который был нанесён тебе несправедливо. Твоя мать сдалась. Вместо того чтобы бороться, она запаниковала. Дело не в тебе. Дело в ней. Не позволяй этим голосам взять верх. Ты не неправильная и не плохая...

— Когда ты стала грёбаным чтецом мыслей?

— Я не стала, — она помедлила, затем осторожно произнесла: — Кастео научил меня кое-чему.

Я с неверием переспросила:

— Кастео? Тот, который ни с кем не говорит? — я знала, что она тренировалась с ним в Честере, но он ещё и учил её другим вещам? Я бы отдала правую руку за уроки от Девятки. В данный момент — желательно левую, если бы кто-нибудь забрал эту проклятую штуку.

— Прими то, что случилось. Скорби. Но делай это бережно. Ты никогда бы не причинила вреда Бриджет. Ты не можешь этого отменить. Логика диктует тебе учесть урок и двигаться дальше.

Тот же совет и отпущение грехов я дала бы другому. То же милосердие, которого я никогда не разрешала себе. Жизнь оборвалась. Из-за меня. Боже. Её последним вздохом стал тот, который она сделала, стоя за мной. У неё был парень. У неё были мечты.

— Остальные будут винить меня, — я снова буду ходить по коридорам осуждения.

— Некоторые будут. Особенно те, кто завидуют твоим способностям, а их много. Живые легенды издавна были мишенями для маленьких умов. Ты не будешь их слушать. Ты позволишь этому скатываться с тебя и продолжишь делать все, что ты можешь, чтобы помочь нашему миру и

нашим людям. Такова цена силы. Великая сила обходится великой ценой. И ты, Дэни, любовь моя, всегда была достаточно сильна, чтобы заплатить эту цену.

Затем Фаллон ворвалась в библиотеку с Энио и четырьмя Адептками, ведрами мыльной воды, мешками для мусора и тряпками.

Мы вооружились и начали отчищать останки со стен и пола в мрачном молчании.

Я отправилась домой длинным окольным путём, зная, что я могу лишь сидеть, таращиться перед собой, проигрывая в сознании смерть Бриджет, видя образы кусков и частиц её тела, собираемых в кровавое целое, которое никогда уже не будет цельным.

Я многое должна была сделать, когда на мой город опустились сумерки.

В данный момент я сидела на своём работающем вхолостую байке на пустой парковке над ночным клубом Честер. Осколки камней, усеивавшие тротуар, годы назад были убраны Командой Уборки Дублина, заставив лишь щербатую бетонную поверхность с глубокими зазубренными трещинами и тщательно охраняемым входным люком.

Однако не слишком тщательно охраняемым для меня, и кроме того, я нашла вход два года назад.

Это была ночь, когда я обнаружила запертую на складе глубоко под клубом небольшую типографскую печатную машинку со стопками и стопками бумаги. Я также нашла инициалы РКС внизу стопки юридических документов, дающих Риодану право собственности на недвижимость по всему городу. Я развлекала себя бесконечными попытками угадать его фамилию. В зависимости от моего настроения они различались от экзотических и сексуальных до абсурдных.

Сколько драконов этот мужчина запустил в небо для меня, пытаюсь отвлечь меня и не дать мне убиться? Дублин Дейли когда-то не давал мне покоя, занимая часы моего времени, вдохновляя меня писать умнее, стараться усерднее, воспринимать себя серьёзнее. Это плюс Попечители, которых, как я иногда подозревала, создал тоже он, занимало меня сражениями с безличными существами вместо того, чтобы бежать на улицы и искать более осязаемых, смертоносных врагов.

— Возвращайся уже, — пробормотала я пустой парковке.

Я скучала по нему и тому, как просто он меня видел, безо всяких

фильтров. Я скучала по тому, как я чувствовала себя рядом с ним. Он был бензином для моего пламени, спичками для моего динамита. Он наслаждался моим пламенем, моим динамитом. И нравилось мне это или нет — а большую часть времени мне это не нравилось — он не давал мне взорвать себя или слишком много других людей.

Жизнь без него поблизости была не той. Хотя я и любила свой город, свою жизнь, Дублин без Девятки, без Мак и Бэрронса — это цирк-шапито без единого льва, тигра или медведя. Нет даже слонов. Лишь шимпанзе, клоуны и овцы. Множество, множество овец. И змеи — это Фейри. Мне раньше нравилось быть единственным супергероем в городе. Как же меня это достало.

Бесчисленное количество раз я подумывала позвонить ему по телефону.

Бесчисленное количество раз я запихивала его обратно в карман, принимая его отсутствие как то, чем оно и являлось: желание быть в другом месте, не со мной. Мужчина, запускавший моих драконов, не потрудился ни разу позвонить мне или написать сообщение более чем за два года, чтобы узнать, как у меня дела.

Или жива ли я вообще. Остаётся одно. Никогда не узнавать, как дела — непростительно.

— Чтoб ты сгнил в чистилище, Риодан, — прорычала я, заставляя байк взреветь.

У нас с Шазом были кодовые имена для множества наших мест проживания. Я сомневалась, что они мне нужны. Я подозревала, что он может найти меня где угодно, в любой момент, когда захочет, и он считает забавным потакать мне, притворяясь, будто он читает записки, которые я пишу ему, чтобы сообщить, где я.

Этим утром перед уходом я написала перманентным маркером на стене спальни слово «Святылище». Враг понятия бы не имел, что это значит. Шазам бы знал, что он найдёт меня в пентхаусе, который занимал верхний этаж здания на северном берегу реки Лиффи. Я предпочитала жить повыше, с ясным видом на мой город внизу. В тех редких случаях, когда я не патрулировала ночью, я любила сидеть на пожарной лестнице, под высокими арочными окнами, выстроившимися на стене от пола до потолка, и смотреть, как река течёт мимо, а огоньки мерцают как упавшие звезды на улицах.

Святылище — это помещение в серых, черных и белых тонах, самое бесцветное из моих пристанищ. Я жажду его спартанской элегантности, когда что-то меня беспокоит, воздерживаюсь от отвлекающей яркости мира, чтобы подумать в окружении успокаивающей монотонности.

Мне не нравится делать что-либо универсальное или предсказуемое, что может позволить врагу выследить меня, и все же рискованное количество моих резиденций — пентхаусы, поскольку они обеспечивают высокие окна и сводчатые потолки. Я принимаю риск взамен на пространство, простор дышать и место для сожжения неуёмной энергии. В огромной гостиной Святылища, лишённой всякой мебели, на черных полированных полах, в которых видно моё отражение, лицом к стене окон, спиной к линии огня, горячей за стеклом, в тяжёлые ночи своего хронического города я танцую так, как когда-то танцевала в другом мире, под тремя полными лунами, заброшенная лишь с одной песнью, которую я способна слышать. Я танцую, чтобы выпустить все это, эти нарастающие во мне эмоции. Я танцую, пока не засыпаю — истощённая и часто плачущая.

Моя кухня — это гладкое современное творение из кварца, хрома и черных мраморных полов. Эти полы проходят по всей квартире, и с них легко отмывать кровь шваброй. Обычно, когда я ищу Святылище, я истекаю кровью.

Сегодня крови не было, лишь рука, чёрная как мои полы.

Шазам жирно развалился по кухонному острову цвета слоновой кости, занимая его половину и отдирая плоть от черепа...

— Это свинья? — недоверчиво переспросила я. — Ты съел целую свинью? — судя по количеству крови, заляпавшей шкафы, капавшей с краёв, и по размеру копыт, которые он оставил несъеденными, это была ещё и взрослая свинья.

Пожав плечами, он ничего не сказал, лишь изучал взглядом отдалённую точку в воздухе и невинно лизал лапу, слышно постукивая хвостом по кварцу.

— Черт подери. Ты мог хотя бы оставить мне фланк бекона, — проворчала я, копаясь в кладовке в поисках консервной банки кокосового молока и пары протеиновых коктейлей. Мой живот скрутило тошнотой, но мне нужна была энергия. В наше совместное время в Зеркалах Шазам часто охотился для меня, и я отрубала фланки с большего количества животных, чем могла сосчитать, делала филе и жарила их на огне. Для остального мира я могла выглядеть варварски. Остальной мир казался мне варварским.

Я проглотила кокосовое молоко, запила протеиновыми коктейлями, вытерла рот тыльной стороной ладони, затем повернулась и увидела, что Шазам стоит, выгнув спину подковой, шерсть на спине встала иголками вдоль хребта, губы разошлись в беззвучном рычании, пока он уставился на длинный коридор с эбонитовыми полами, который после поворота направо в небольшую прихожую вёл к входной двери. Всякий раз, когда он делает это, по моему позвоночнику бегут мурашки. Он никогда не ошибается. Слух и обоняние моего Адского Кота сильнее моих. Во многих случаях это сохраняло нам жизнь — и в Дублине, и когда мы бродили по враждебным планетам в Зеркалах.

Когда он застывает, я застываю. И готовлюсь.

И все же любое, что могло войти в дверь, не особо меня беспокоило. Поистине опасным вещам не нужны двери.

Шазам наклонил свою царственную косматую голову, чтобы посмотреть на меня. Фиолетовые глаза задержались на моей левой руке, поднялись к плечу, затем к моему лицу. Трепеща усами, он прошептал:

— Оно опять изменилось.

— У двери что-то есть? — прошептала я в ответ.

— Да. Ты в порядке, Йи-йи? Это больно? — тревожился он.

Я покачала головой. Лишь вещи, которые я ей делала, причиняли боль. Моё сердце болело. Часть его будет вечно болеть о Бриджет. Я рано оборвала жизнь хорошего человека. Некоторые люди пытаются заплатить за свои ошибки, наказав себя. Я — нет. Это не только не отменяет совершенной тобой ошибки, это превращает тебя в непродуктивную обузу и делает несчастными всех, кто вынужден тебя терпеть. В моем понимании, если ты облажался, у тебя есть два выбора: убей себя или старайся сильнее.

Его светящиеся глаза сделались влажными.

— Заставь чёрную кожу уйти. Скажи ей исчезнуть. Она причиняет боль твоему сердцу, Йи-йи.

Я обдумала это, вновь метнувшись взглядом к длинному коридору, ведущему к двери. Слабое, но отчётливое влажное шуршание, царапание по порогу. Я подумала о своей руке, об ужасной силе, которую она содержала. О мече, который мне нужно защитить. Мече, который я выбрала охранять. При условии, что это возможно, сделала бы я это? Повернулась бы спиной к силе, которую могу использовать во благо, если научусь её контролировать?

Я не считала случившееся со мной ужасной вещью. Я считала проблемой свою нехватку понимания и невозможность контролировать

это; и я намеревалась быстро это исправить.

Шазам хорошо меня знает. Со своим экзальтированным, беззаветно любящим другом я опускаю защиты, мой обычно закрытый взгляд открыт, выразителен.

— О, Йи-йи, — прошептал он, его глаза наполнились слезами. — Ты не сделала бы другого выбора, если бы могла. Ты хочешь этого.

Я хотела этого. Я склонила голову и слабо улыбнулась. Он улыбнулся в ответ, хоть и сквозь слезы. Странно видеть, как Шазам улыбается, тонкие губы расходятся в стороны от острых клыков, образуя складки на щеках. Это всегда мне что-то напоминало, но воспоминание ускользало.

Череди гулких ударов обрушилась на входную дверь, и я услышала, как она разлетается в щепки с оглушительным треском.

Шазам исчез, оставляя меня одну разбираться с этим.

Я закатила глаза, глядя на полуобглоданный окровавленный череп на столе.

— Трус, — пробормотала я, смыкая пальцы на рукоятке меча и начиная в ровном темпе шагать по длинному коридору к двери.

Глава 8

Мечта демона, сделай вдох, сделай вдох,

я возвращаюсь вновь... [\[18\]](#)

За свою жизнь я встречала много монстров, в Дублине и в бесчисленных мирах в Зеркалах. Я сражалась на планетах бесконечной ночи и в раскалённых пустынных мирах с множеством солнц. Я выживала, отрекаясь от всего, что я знаю, думаю, чувствую, и полностью отдаваясь сражению. Некоторые скажут, что я делала неопишуемые вещи. Я не соглашусь. Я просто делала вещи, о которых мне не нравится говорить, а им не нравится слышать.

Я слышала его, дальше по коридору, за углом, в прихожей возле гостевой ванны (как будто у меня когда-либо бывали гости), но даже без затруднённого пыхтения его дыхания, которое изредка срывалось на леденящее, похожее на змеиное шипение, или без тяжёлых ударов по полу или по какой оно там поверхности передвигалось (судя по звуку, мой незванный гость весил добрых четыре-пять сотен фунтов [\[19\]](#)), я его чувствовала.

Оно обладало присутствием.

Массивным, темным и голодным. Не Фейри.

Ошеломительная сила. В какой-то мере знакомая, и все же... нет. Я склонила голову и открыла свои чувства, вытягивая энергию с того тёмного внутреннего озера, из которого ши-видящие черпали силу — те из нас, кто происходили из шести древних ирландских родов, тысячелетия назад мутировавших от добавления крови Короля Невидимых — но обширному тёмному пространству нечего было мне предложить. Ни руны, ни охранных чар, ни дара или провидения, чтобы помочь мне разглядеть, что ждало впереди.

Моя рука неустанно чесалась, как будто под кожей наклёвывались аллергические волдыри. Стиснув зубы от отвлечения, я снова зашагала вперёд.

За хрипом последовал долгий, гортанный стон и влажное сопение. Затем раздался глухой удар, как будто мой враг врезался в стену.

Хорошо, слабость: оно было неуклюжим. Некоторые из моих самых

смертоносных врагов обладали огромной силой, но передвигались с такой тяжестью конечностей, что я танцевала вокруг них, пока они умирали.

Я нагнулась и левой рукой вытащила шестимиллиметровый военный нож из ботинка, открыв лезвие с почти неслышным щелчком. Поскольку я не взорвала свой байк, пока стискивала руль на обратной дороге в Дублин, я решила, что могу управляться с оружием. Очевидно, я взрывала лишь живые создания. Очаровательно. И все же я не желала вкладывать меч в свою опасную руку, так что в сражении я буду ограничена. Правой рукой я высвободила длинный сияющий меч и вновь начала красться вперёд.

Последовал ещё один, более тихий хрип, который закончился влажным вздохом и прозвучал... болезненно?

Мой враг уже был ранен? Идеально. Я могу быстро покончить с этим. Сегодня у меня есть дела поважнее. Я знала, что моя левая рука смертоносна — голый плотью к голой плоти — но мне нужно узнать, можно ли нейтрализовать это убивающее касание, завернув его в слою ткани. Если так, решение было простым: рукав и перчатка. Сегодня мне нужно охотиться, и не на пострадавшее животное. Для проверки моей теории мне требовался человек.

Звуки тяжёлого тела, продвигавшегося вперёд... я напряжённо прислушивалась... четыре лапы, за которым последовал очередной глухой удар, и консольный столик в прихожей повалился на пол, уронив вместе с собой вазы и хрустальную лампу.

За ним последовал долгий, содрогаящийся стон агонии. Прерывистый выдох.

Затем тишина.

Две вероятности: оно либо заманивало меня поближе, обманом убеждая меня, что мой враг ранен и беспомощен; либо массивное могущественное создание по неизвестным причинам пришло в мою квартиру умирать и разносило мою мебель в процессе. Святилище являлось единственной квартирой, которую я обставила самостоятельно, и истинным отражением моего вкуса. Грёбанный ад, как будто на кухне недостаточно крови, которую нужно убирать!

В далёких мирах я часто была так измотана предыдущими сражениями, что научилась не рваться в будущее. Ожидание часто приносило больше информации или подстрекало заскучавшего врага к необдуманному действию.

Я прислонилась к стене и выжидала удобного момента. Прошло три минуты, затем пять. Я все ещё чувствовала его присутствие, но оно не сделало ни единого движения. Я прислушивалась к слабым, неровным,

неглубоким вдохам и считала время между ними. Это создание, чем бы оно ни было, вдыхало каждые две минуты или около того.

Через десять минут мне стало невыносимо скучно, и я решила, что это определённо второй вариант. Что-то умирало или умерло в моей прихожей, и меня все сильнее раздражала мысль о том, что его кровь заливает мои полы, заляпывая цемент и, вероятно, пропитывая стены. Я ненавижу уборку. Это одна из тех вещей, которые я не могу делать в потоке. Мне приходится в обычном медленном ритме убирать свои квартиры, протирать пыль и мыть полы как все остальные. Кровь на цементе требует отбеливателя и жёсткой щётки. Отбеливатель на мраморе — плохая идея.

Отлепившись от стены, я беззвучно скользнула вперёд. Добравшись до угла, я глубоко вдохнула и опустила голову на несколько футов ниже, на случай огнестрельного огня, усиленно сосредоточилась (изолировать отдельную часть тела сложно, если я буду неосторожна, то могу растянуть каждую жилу и связку, крепящуюся к этой части тела), перевела себя в режим стоп-кадра выше шеи, торопливо выглянула и отступила обратно.

Затем, безумно вытянув шею, я выглянула во второй раз.

— О, дерьмо! — взорвалась я.

Огромный зверь с чёрной кожей рухнул на пол моей прихожей, и судя по виду, он умирал!

Это был один из Девятки.

Я поверить не могла, что один из бессмертных наконец-то появился в Дублине впервые за годы, и святой ад, я присела за углом, слушая, как он умирает!

Я просканировала создание в поисках отличительных черт, но ничего не нашла. Я не могла различать их в обличье зверей. Я сомневалась, что кто-либо мог. Это был Бэрронс? Значит, Мак пострадала? Риодан, Лор или один из других? Что с ним было не так?

Я приблизилась с осторожностью. До того как я встретила Шазама в Зеркалах, мне приходилось подстраивать ловушки для своих убийств. Мне ненавистно было убивать животных, но мне нужно было есть. Однажды ночью я поймала прекрасное, похожее на ламу создание в ловушку, предназначенную для небольшого кабана. К тому времени, когда я его нашла, оно было смертельно ранено, но все ещё живо и едва не обезумело от голода, боли и страха. Я плакала, пока боролась с его огромными бьющими копытами, чтобы подобраться достаточно близко, перерезать горло и оборвать его страдания.

Зверь на полу напоминал мне то наполовину обезумевшее создание, измученное сверх предела выносливости. Я остановилась в полудюжине

шагов. Он не весил тех четырёх-пяти сотен фунтов, как я думала. Вероятно, когда-то весил, но теперь его ребра превратились в острые лезвия бритвы под чёрной шкурой. Девять футов^[20] ростом, опасно тощий, повалившийся на бок с ввалившимся животом и едва дышащий, он весил от силы три сотни фунтов^[21]. Я думала, что он тяжелее, потому что звучало все так, будто он едва не падал при каждом шаге.

Его примитивное лицо обладало резкими чертами, морщинистым лбом и спутанной гривой длинных черных волос. Три пары убийственных рогов выдавались по бокам огромной головы, задняя пара выгибалась к спине. Смертоносные клыки длиной с мои пальцы торчали изо рта, сочившегося слюной и пеной.

Когда я медленно приблизилась, он с трудом отодрал голову от пола, чтобы посмотреть на меня.

Я застыла.

Горящие кровавые глаза с вертикальными зрачками остановились на мне, и я отшатнулась от чистой интенсивности его взгляда. Когда он разомкнул невероятно огромные челюсти и зарычал, обнажая длинные острые клыки, я едва не попятилась назад вопреки его ослабленному состоянию. Даже умирая, он заполнял прихожую яростью, голодом, безумием.

Я сказала:

— Я знаю, что ты один из Девятки. Ты пришёл ко мне по какой-то причине. Позволь мне помочь тебе, — я не видела ран на этом боку его тела. Перевернётся ли он для меня? Позволит он мне прикоснуться к нему; достаточно ли он силен, чтобы остановить меня, если я попытаюсь? Святые составные, рациональные числа с полным квадратом, один из Девятки наконец-то вернулся! Калейдоскоп цветов вновь хлынул в мой мир с силой сорванного пожарного гидранта.

Зверь снова зарычал, но рык стих до жалобного стога, когда он уронил голову на пол со слышным хрустом костей по плитке.

Мои глаза прищурились. Пять дней в клетке. Пять дней моя мать не приходила домой, чтобы покормить меня. Я рухнула точно так же. Хоть она и плакала, когда наконец покормила меня, её слезы не тронули меня как обычно. Мои руки сжались в кулаки. Я не могу вынести вида кого-то голодающего, беспомощного.

— Я вернусь с едой, — сказала я, хотя и сомневалась, что он меня понял. Его взгляд угасал, голова перекатилась набок, глаза закрылись, затем один распахнулся обратно, и вспышка кровавого пламени проследила

за мной, когда я уходила.

Благодаря Шазаму, мои квартиры обильно набиты мясом. Он охотится только один раз в день, но он беспрестанно голоден и ест запоями как бездонная чёрная дыра. Я приношу ему свиную кровь от мясника на Парнелл Стрит; некоторую держу замороженной, некоторую — растаявшей. Вот ещё одна причина, по которой у меня нет гостей. Содержимое моего холодильника сложно объяснить.

Я схватила контейнер крови и упаковку говяжьего фарша, миску с полки и свалила все это туда, затем поспешила обратно к зверю. Он не шевельнул ни единым мускулом, когда я приблизилась в этот раз, так что я расположила миску возле его головы и подождала, пока он подвинет одну из массивных конечностей с длинными грозными когтями вокруг миски. Хоть его ноздри слегка раздулись, и он выдохнул с низким рокочущим звуком, он не двинулся к еде. Он был слишком слаб.

Проклиная того, кто сделал это с ним, я зачерпнула горсть окровавленного мяса и склонилась к нему. Моя рука находилась в дюймах от его лица, когда я осознала, что использую свою доминирующую, опасную левую руку, и в ужасе отпрянула. Я уронила еду в миску, соскребла мясо с ладони, смазала кровь с руки на джинсы, засунула убивающую руку в задний карман, затем снова зачерпнула фарш правой.

— Не откуси мне руку, — сурово сказала я, капая кровью на его морду. Я видела, на что эти смертоносные клыки способны в разгар битвы. Мне нужна была хотя бы одна нормальная рука.

Он все ещё не шевельнулся. Я уже начала соображать, как можно разжать его челюсти и накормить его только одной рукой, когда он слабо дёрнулся и слизнул кровь длинным черным языком.

Я бросила фарш обратно в миску и зачерпнула только кровь. Он едва мог лизать; и он определённо не мог жевать. Я представить себе не могла, какой колоссальной силой воли он обладал, чтобы суметь проломить мою дверь в таком состоянии.

Я зачерпывала и повторяла вновь и вновь, пока он слабо лакал.

К десятой горсти крови он лизал уже с шёпотом оживления и проблеском жизни в кровавых глазах. К двадцатой горсти миска опустела, но зверь оказался крайне изнурён от этих ничтожных усилий.

И все же, когда он в этот раз опустил голову на пол, она более аккуратно встретилась с плиткой.

— Я вернусь с добавкой, — пообещала я, поспешив на кухню.

Спустя два часа я заново повесила дверь на петли, укрепив её дрелью, шурупами и двумя дополнительными листами столешницы к обеденному столу, которыми никогда не пользовались; а зверь без сознания валялся в моей постели, обмякшей лужей чёрной кожи и костей на белом наматраснике.

Я влила в него три миски крови и собиралась уходить, чтобы пройтись по другим моим квартирам. По вторникам мясник не работал, а взлом с проникновением разбил бы хрупкое доверие, которого мы достигли. Он не пытался скрывать, какими тревожными он считал мои частые покупки, а я не объясняла.

Я не могла оставить отключившегося зверя на полу, с его рёбрами, торчавшими в пол, так что я перетащила бессознательное существо на покрывало и волоком оттащила его в свою спальню. Хоть он и оголодал, его шкура была лоснящимся черным бархатом, тело — тёплым, и я ощущала твёрдый, хоть и нечастый пульс в его ноге.

Я могу поднять необыкновенный вес, но даже я не могу затащить девять футов обмякшего зверя в вертикальном направлении одной рукой (с двумя было бы легче лёгкого), так что я стащила матрас на пол и перекатила зверя на него. Затем я подоткнула покрывало вокруг его тела, сгорая от вопросов. Что происходит? Что за злодей достаточно могущественен, чтобы поймать одного из Девятки и удерживать его, и зачем морить его голодом? Как он сбежал?

Несколько долгих секунд я смотрела на него, выпуская вздох, который я как будто задерживала два долгих года. Затем я втянула глубокий, огромный вдох, который как будто впервые за тот же промежуток времени полностью наполнил мои лёгкие воздухом. Овцы социальны от природы. Лишённые овечьего общества, они будут сбиваться в стада с собаками, козами, коровами, всеми кто доступен.

Как и я.

Но этот принадлежал к моему виду. И я, черт подери, сохраню его.

Ни за что он не умрёт у меня на руках. Конечно, он вернётся — но куда он потом отправится? Я сильно сомневалась, что он вернётся ко мне. Девятка в этом плане раздражает, они владыки собственных морей, прокладывают свои маршруты и не консультируются.

Я натянула рукава, перчатки и вооружилась, затем выскользнула в ночь, надеясь убить двух зайцев одним выстрелом прежде, чем возвращаться в Святилище.

Глава 9

Хронический город, разорванные плакаты,

пожинающее колесо^[22]

Ночь в Дублине за ТБД или Темпл Бар Дистриктом — это кладбище: заброшенное, зловещее и безмолвное.

Никакие люди не ходят по этим тротуарам, здесь нет бляения сердитых гудков, визга шин по улицам. Немногие в Дублине имеют машину. Ещё меньше людей живут на этой стороне реки, содержащей пустые переулки, дороги и пугающе сюрреалистичное окружение в духе заброшенной съёмочной площадки фильма. Большинство населения сбилось в кучки на южном берегу, цепляясь за нормальность возрождающего города и отчитываясь во множестве работ, как будто они не живут среди вторженцев с астрономическими силами, которые с радостью стёрли бы нас с лица нашей собственной планеты.

Без Риодана и остальной Девятки, которых Фейри страшились, лишь я стою между деспотичным бессмертным Двором Вре́мён Го́да и тем, чего они хотят. Их желания столь же бездонны, сколько они сами бессмертны, а меня ограничивала Мак.

Фейри открыто презирают человеческий род. В их глазах мы слабы и несущественны, маршируем от рождения к смерти в мгновение ока. Они утоляют свои извращённые желания в нашем мире, не страшась никого.

Даже. Меня.

Ради Мак я повернулась к ним спиной, заставила себя притворяться, что их не существует. Я никогда не бывала внутри Элириума — ни разу. Я наблюдала, как он строился, сжимала руки в кулаки, стискивала зубы и ничего не делала. Когда очередь из овец выстраивается на кварталы, ожидая входа, я обхожу их, не достаивая и взглядом.

Если бы я сделала это, у меня были бы проблемы. Я бы увидела их неминуемые смерти, и мои проводки скрестились бы, и полетели бы искры, потому что именно это случается, когда перекрещиваются мои проводки, и в итоге я бы в одиночку начала войну. Зная моё везение, Мак к тому времени только-только добилась бы мира путём переговоров, а я бы все взорвала к чертям.

Так что как хороший маленький солдатик (у которого нет ни единого значимого подкрепления), я сжимаю руки в кулаки, покрываю сердце кевларом и обхожу его за версту. Я сосредотачиваю свои усилия на важном влиянии, которое я могу оказать на этот мир, оставаясь в живых. Мёртвая я никому не принесу пользы.

Я давным-давно выяснила, что если за мной придёт достаточное количество просеивающихся фейри, я могу проиграть. Если они это тоже выяснили, то приняли моё перемирие. Возможно, они также понимали, что если они убьют меня, то Мак и многие из Девятки прольют ад на их расу. Мы находимся в холодном, шатком режиме мирного сосуществования.

В некоторые дни я задыхаюсь. Это загоняет меня в тёмное место. Ночью я охочусь с этой тьмой. Но я знаю один факт: если Мак не сумеет завоевать верность Светлого Двора, они придут за моим мечом. Скорее всего, в Фейри прошло всего несколько недель. Скорее всего, они все ещё притворяются паиньками, прощупывают её, пытаются определить, каким количеством силы, переданной ей древней королевой, она научилась пользоваться, и как далеко она готова зайти.

Я знаю ещё один факт, и святой ад, как бы я хотела поговорить о нём с Мак.

Чтобы править жестокой расой, нужно быть жестокой.

Надеюсь, Радужная Девочка Бэрронса может быть жестокой. Мне это даётся лёгкой, но мы воспитаны по-разному. Мак выросла, пропитанная любовью и одобрением, вальсируя сквозь радужные деньки.

Объективно я лелею вероятность, что если Фейри меня убьют, она тут же научится жестокости. Когда на кону судьба мира, нужно принимать в расчёт все карты, которые придётся разыграть.

Направляясь в другую свою квартиру на северном берегу, чтобы взять больше крови для зверя, я заметила двоих из трёх своих поджигателей в переулке на северном берегу реки Лиффи.

Моё тело — питаемое адреналином оружие; я бесшумно скользнула ближе, тенью дыша в затылок, быстро переделывая свой план в такой, который этим вечером убивал не двух, а трёх зайцев одним ударом: выяснить, что они задумали; протестировать на одном из них теорию с рукой и, если она все равно взорвёт его через одежду, забрать второго в качестве пищи для зверя. Если их дела такие злобные, как я подозревала, я бы все равно их убила. Нет смысла впустую тратить кровь.

Я узнала в мужчинах братьев, один на несколько дюймов выше другого, они передвигались одинаковой шаркающей походкой, вырезанные из идентичного генетического материала с каштановыми волосами,

дряблой заплывшей кожей пожизненных алкоголиков, зеркально одинаковыми тупыми чертами и хитрыми бегающими глазами за очками. Я знаю эти глаза. Это глаза напуганных маленьких человечков, которые служат тёмному хозяину, чтобы оставаться в живых, и находят удовольствие в пытках других, потому что каждое выполненное грязное задание — это способ убедить себя, что они свободны: они выбрали быть хищником, а не жертвой.

Находился ли их хозяин по ту сторону того тонкого тёмного зеркала? Был ли это тот самый «он», которым угрожал мне АОЗ?

Я не хищник. И не жертва. Я та, что притаилась в тенистом пространстве между двумя крайностями, родом ни из какой земли, кроме своей собственной.

— Мы не можем вернуться с пустыми руками, — тот, что пониже, говорил обеспокоенно, поправляя мешковатую подвёрнутую лыжную шапку на голове.

Я была невидимым ветром на поцелованном солью бризе позади них, наполовину в стоп-кадре, но не в потоке. Я провела много времени, анализируя то, как двигался Риодан, и в некоторой степени достигла его способности растворяться в окружении. Это требовало напряжённых ментальных усилий. Мне приходилось поддерживать себя частично в альтернативной манере двигаться, частично — нет. Это напоминало попытки вжаться в дверной проем, сделать себя не шире нескольких дюймов, но время от времени часть меня выскакивала то с одной стороны, то с другой, если я поражалась чему-либо или теряла концентрацию. Однако я становилась лучше в этом, работая с Фаллон, нашим юным хамелеоном, и решительно настроившись научиться от неё.

— Не сегодня, — согласился другой, выругавшись. — Он хочет ровно дюжину. Сказал нам всем не возвращаться с меньшим. Как, мать его, мы должны это сделать? Мы не чёртовы чудо-работники! Он набрал нас так много в этом городе, что мы все время заходим на территорию друг друга!

Я оценила их, но не обнаружила признаков оружия. Вероятно, они где-то припрятали нож, но большинство людей не ходят по этим улицам без пистолета. У меня за пояс заткнут глок, а в кобуре на внутренней стороне правого бедра — PPQ^[23].

— Ваще, хрень же. Моя спина все ещё болит с прошлой ночи, и клянусь, я растянул плечо, — пожаловался его спутник. — Чёртовы толстозадые люди. Где они вообще находят еду, чтобы быть жирными?

Его брат рассмеялся, тоненьким жестоким звуком, запрокинув флягу и глотнув спиртного.

— Да охренеть, правда? Ну, они такими недолго остаются, — он снова загоготал, но смех быстро умер, и он задрожал, засовывая флягу и руки глубоко в карманы пальто.

Я прищурилась, обдумывая этот комментарий. Они не остаются жирными. Возможно ли, что тот, на кого они работали, удерживал зверя в моей квартире? Но в чем смысл морить людей и/или животных голодом?

— Он должен дать нам поблажку, ведь это так тяжело! Теперь они боятся и не выходят по ночам. Мы забрали слишком многих. Он должен разрешить нам снова сменить место, — жаловался тот, что пониже.

— Не бывать этому, Альфи. По той же чёртовой причине он хочет, чтобы мы были здесь.

— Долбаный ублюдок! Как мужик должен делать работу, когда его руки связаны?

— Да блин, мир такой же, каким и был раньше. Обычные парни вроде нас с тобой делают всю тяжёлую работу!

Так продолжалось какое-то время, пока я следовала за ними по пятам. Жалуются на мир, как будто они хорошие парни, которых все подряд обижают, и как ужасно, что их принимают как должное и доставляют им неудобства.

Я столько раз проглатывала желчь раздражения, что меня вот-вот стошнило бы, как вдруг один из них резко развернулся, и я ощутила крошечную пронзительную боль в левой груди, прямо над соском.

Я застыла.

Яд мгновенно подействовал в моей крови.

Глава 10

Дорогуша, я восстану из мёртвых, я делаю это все время^[24]

По крайней мере, теперь я знала, почему при них не было оружия.

Ожидания. Они всякий раз ставят тебе подножку. Я проверила их на обычное, человеческое оружие, а не на какой-то... дротик? Я ошеломлённо уставилась на тёмный двухдюймовый стержень, торчащий из моей левой груди, и метнулась в режим стоп-кадра.

Вместо этого я упала, рухнув коленями на тротуар и пуская пену изо рта.

Моё тело немело. Я даже не могла заставить свою руку потянуться к пистолету. Грёбанный ад, они жаловались на вес — было ли это потому, что они парализовывали людей и утаскивали их куда-то? Являлись ли эти мужчины причиной, по которой в последнее время пропало так много взрослых, причиной сирот в нашем городе? Затем они возвращались и издевались над детьми исключительно ради извращённой забавы? Но почему в итоге дети думали, что их родителей забрали Фейри? Эти были обычными человеческими мужчинами.

Мои губы работали, но не вырывалось ни звука. Я не чувствовала своих грудей или живота. Мои бедра покалывало, ощущения угасали.

— Тупая сука, думала, мы не знаем, что ты там, — более высокий постучал пальцем по своей лыжной шапочке. — Обдурили тебя, — он усмехнулся и зловеще уставился на меня, пока наркотик продолжал действовать. — Проклятье, — он прошёлся по мне взглядом. — Альфи, ты только посмотри на этот меч, — толстые грязные пальцы сжались в предвкушении.

Альфи подошёл к нему.

— Что за женщина носит... оу, дерьмо, Каллум, знаешь, кого мы тут поймали? — он рассмеялся. — Мы поймали настоящую народную защитницу. Сучку, которая продолжает забирать тех детей, крадя наше веселье.

Глаза Каллума прищурились, сделались более острыми.

— Что ж, мы не станем отводить её к нему.

Похоть имеет много лиц. Некоторые из них уродливы. Я попыталась

оттолкнуться от тротуара, но мои руки превратились в лапшу, ноги оказались не подконтрольны центральной нервной системе.

— Неа, мы отведём её к нему потом, — сказал Альфи. — Мы не станем тратить тела впустую. Мы не хотим закончить в одной из других его команд, вроде землекопов, — он побледнел.

— Если от этой сучки что-нибудь останется, — согласился Каллум. — Но я забираю меч. Я слышал, у него есть типа особенные силы, — он нагнулся и вытащил мой меч из ножен за моей спиной, заткнул его под руку, затем злобно пнул меня по рёбрам, вынуждая меня откинуться из позы эмбриона на спину. Затем он прохлопал по моему телу руками и забрал оба ножа, заткнув их себе за пояс. — Проклятье, — выдохнул он, прищуриваясь ещё сильнее. Он протянул руку, выдернул дротик из моей грудной клетки, затем сомкнул руку на моей груди и крепко сжал.

Внутри я кричала. Застывшая, неспособная остановить его или выплюнуть хоть одну из многочисленных угроз на моем языке. Использованный ими токсин обладал магическими свойствами — он одолевал меня слишком быстро; мой безумный метаболизм выжигает обычные токсины — и я готова была поспорить, что его дал им тот, на кого они работали. Но как они увидели, что я слеую за ними? Он коснулся своей лыжной шапочки, когда сказал, что обдурил меня.

Каллум с презрительной усмешкой отпустил мою грудь.

— Хочешь немного этого, сучка? — он схватил себя за пах и расхохотался. — Не волнуйся, сучка, ты получишь предостаточно. Больше, чем ты знаешь и можешь справиться, — он повернулся и ушёл, бросив через плечо приказ: — Неси. Но не повреди товар. Не сильно. Давай унесём его с улицы, насладимся им где-нибудь в хорошем и уединённом местечке.

Альфи заныл:

— Почему я всегда должен делать всю работу?

«Схвати мою левую руку, схвати мою левую руку», — безмолвно повелевала я.

— Потому что ты моложе и глупее, вот почему.

Заворчав, Альфи повернулся, нагнулся, схватил мою правую руку своей левой и начал тащить меня по тротуару на спине. Я применила один из трюков Шазама — сделала себя тяжелее. Я проделывала это, когда была ребёнком. Я понятия не имею, как это работает, я просто знаю, что работает. Дочь Кэт, Рэй, часто делает это со мной, особенно если я пытаюсь поднять её, чтобы уложить спать. Мне нужно было, чтобы он схватил и мою левую руку, чтобы увидеть, работает ли моё убийственное

прикосновение через ткань.

Он сделал дюжину шагов перед тем, как сорваться:

— Блин, эта сука тяжёлая! — он остановился, потянулся рукой назад, схватил мою левую руку своей правой и продолжил тащить.

Моя теория протестирована: лишь голая кожа к голой коже смертоносна. Одна цель достигнута.

— Эй, Кал, — оживлённо крикнул Альфи Каллуму, — может, она компенсирует нехватку. Мы можем сказать, что на её поимку ушла вся ночь, потому что она типа супергерой. Это даст нам кучу времени, чтобы сначала позабавиться с ней.

Каллум на мгновение умолк.

— Не знаю. Может, если мы добавим меч. Но я не уверен, что эта сука стоит того, чтобы его лишаться.

— Черта с два не стоит, ты посмотри на её сиськи. Мы таких мало встречаем. Готов поспорить, она везде рыженькая, и внизу у неё тоже огонь, ну ты понял? Иисусе, да это по её глазам видно. Отдай ему меч и скажи, что в нем есть какая-то магия, и ты подумал, что он его захочет больше. Ты знаешь, он думает, что мы тупые и рады услужить. Ну же, давай отнесём её обратно в аркаду.

Очередное молчание, затем Каллум сказал:

— Но завтра мы будем рвать жопу и принесём ему дюжину. Я не хочу встретиться с его плохой стороной.

— У него только плохие стороны и имеются.

— Поторапливайся. Подозреваю, с этой я могу провести всю ночь.

— Я получу свою очередь, — запротестовал Альфи. — Не только у тебя есть потребности.

— Твоя очередь продлится ровно столько же, сколько длится твой член — одно моргание.

Пока они увлеклись инфантильными перебранками о размерах своих гениталий и теоретических свойствах моих гениталий, я могла думать лишь о том, что они уже делали это прежде. Сколько похищенных ими людей были женщинами? Скольких парализованных, беспомощных женщин они изнасиловали?

Каллум и Альфи умрут этой ночью.

Они протащили меня четыре городских квартала прежде, чем Каллум наконец-то зашёл назад, чтобы помочь Альфи затащить моё обмякшее тело

по крутому лестничному пролёту в заброшенное офисное здание, вмещавшее несколько фирм на первом этаже.

Спина моей байкерской куртки несомненно порвалась, но мне не казалось, что моя спина пострадала. Хоть я имела достаточно шрамов и гордилась каждым из них, я не желала щеголять шрамами от того, как меня по-дурацки подкараулили и накачали наркотиками. Я была не в лучшей форме, краем сознания предавалась грустным мыслям о Бриджет, беспокоилась о Шазаме и звере в моей квартире. Я была такой же глупой, как моя добыча.

Пока меня тащили, я обдумывала две вещи, уставившись в ясное звёздное небо и не имея возможности закрыть глаза: Где именно в моем теле находилось заклинание паралича, и как развернутся события? Разденут ли они меня или только обнажат нужные части тела? Как далеко по груди распространилась чернота под моей кожей? Взорву ли я их, если они коснутся моей голой груди без моего согласия? Мне нравилась эта мысль. Проблема в том, что это устранил лишь одного из них. Другой может схватить мой меч и исчезнуть, оставив меня лежать там в параличе.

Когда они наполовину внесли, наполовину заволокли меня через дверь в аркаду в ретро-стиле восьмидесятых, я принялась глубже искать магию, которая отдавала моей центральной нервной системе приказы прекратить нормальное функционирование. Заклинания, внедрявшиеся в кровоток, неизбежно фиксировались на какой-то части мозга, оказывая давление и изменяя её форму. Но где эта проклятая штука, и как мне её нейтрализовать?

Я визуально представила свой мозг, обшаривая его со всех сторон, отыскивая аномалию. Я не знаю, могут ли другие люди видеть свои мозги, как я. Вероятно, годы заключения пытками принудили меня создать тропы, которые в противном случае я бы никогда не образовала. Вероятно, то, что сотворила со мной Ровена, сделало меня другой. Как бы там ни было, у меня имелось точное детальное осознание содержимого моего черепа и способность постигать его многочисленными органами чувств. У меня есть файлы и склепы, и я постоянно передвигаю вещи, оптимизируя функциональность. Надо заботиться о своём мозге. Он — твоё величайшее оружие.

Ага, вот! Мерцание серебра, нить владения, устроившаяся вблизи центра боли в моей голове. Я провела много времени за работой над этим участком. Когда мне было так больно от голода, я ментально запихивала в живот мягкие пухлые подушки, чтобы поглотить кислоту, и окутывала центр боли в своём мозгу уютными тёплыми покрывалами. Так время шло

куда терпимее.

— Не слишком близко к его грёбаной двери, — рявкнул Каллум.

— А что? Он никогда не проходит через неё. Он не выйдет.

— Подержи её, пока я все подготовлю. Ей я буду заниматься долго.

Каллум оставил Альфи криво поддерживать меня, пока он с шумом возился в невидимой для меня части аркады, подготавливая место для моего изнасилования.

Мои глаза все равно ничего не видели, обратившись внутрь меня, пока я теребила маленький серебристый узелок, пронзавший ниточками контроля сложные мембраны в моем черепе и нащёптывавший команды моему телу.

Это была могущественная магия. Старая магия. Старого земного бога, я готова была поспорить. Возможно, взбитая с соком священного дерева, которое уже больше не росло, смешанная с минералами, найденными глубоко в почве, перетёртая ступкой и пестиком в жидкий злобный яд, усиленный тайными знаниями.

У меня тоже была магия. Я представила, как одна-единственная чёрная вена из останков Охотника под моей кожей распространяется по ключице; я побуждала её подняться по шее, где она гладко, почти с готовностью скользнула в мой мозг, встречаясь с серебристым узелком, просачиваясь в него и уничтожая...

Святой ад, моя голова дёрнулась!

— Иисусе, Кал, она черт подери дёрнулась! — воскликнул Альфи, вздрагивая.

— Нет, не дёрнулась, — высмеял его Каллум. — Ничто не двигается после дозы из этих дротиков. Пока он не прикажет.

— А она дёрнулась, — настаивал Альфи.

Я не знаю, что было сказано потом, потому что какое-то время меня попросту там не было.

Я дрейфовала в пространстве, плыла меж звёзд, кувыркалась по окрашенным туманностями каналам, скользила вдоль краёв газовых колец, которые окружали планеты. Глубокий, незабываемо прекрасный звук гонга резонировал в колоссальном вакууме космоса вокруг меня — технически невозможно — вибрируя в моей душе, простираясь наружу к звёздам, и звезды отвечали. Космос был живым океаном, лениво приливавшем к звёздам, планетам, солнцам, лунам и астероидам. Звук, изображение, все это было настолько исключительно, что часть меня плакала. Это был... рай. Это была... умиротворённость. Ничто не болело, ничто не было ошибочным, все стояло на своих местах, имело смысл, и я могла бы

остаться здесь навечно, и больше ничто и никогда меня бы не коснулось.

Но. Я подумала.

Мой. Это ли было для меня важно?

Мир.

Никакого умиротворения для меня.

Я вырвалась из очаровательного видения и вернула своё внимание к серебристому узелку, шарахнув по нему всей мощью парфюма «О де Охотник».

Заклинание, удерживавшее меня неподвижной, разлетелось на куски.

Я благословила тот день, когда заколола Охотника в сердце. Каким-то образом это дало мне ошеломительную, колоссальную силу, которую мне не терпелось исследовать поподробнее. И научиться контролировать. Больше никаких случайностей.

— Говорю тебе, она шевельнулась, — Альфи все ещё спорил.

Я лежала на спине, деревянный поддон впивался мне в позвоночник. Они перенесли меня, пока я дрейфовала в своей голове. Сделали нам «постель» из рухляди и старых журналов; я чувствовала запах плесневелых страниц и старых чернил.

Каллум и Альфи возвышались надо мной.

Я ударила руками по полу за головой, оттолкнулась и вскочила на ноги одним гладким движением, настолько поразив их, что они отшатнулись назад, уставившись на меня и разинув рты.

— Хотите поиграть, мальчики? — промурлыкала я с кислотной сладостью. — Потому что вы определённо создали мне настроение.

Глава 11

И ты — не я, на что я готов пойти... [\[25\]](#)

— Какого... — начал Каллум.

Он так и не закончил.

Схватив его правой рукой за горло, я сдавила его трахею и смотрела, как он умирает. Быстрая, куда более милосердная смерть, чем он заслуживал; доброта — то, что отличало меня от него.

Я резко развернулась и поймала Альфи, того из двоих, что пониже, за спину рубашки, швырнула его через комнату, так сильно впечатав в стену, что та задрожала. Затем я кинулась за ним, когда он рванул к узкому чёрному проёму в нескольких футах справа от него. Это Зеркало, которое вело в тот горячий незнакомый мир, было меньше и шире последнего, но из него доносился тот же едкий бриз, пахнувший древесным дымом и кровью. Как и у последнего, у этого Зеркала не было узорной рамы или широкой чёрной границы, имевшейся у Зеркал Фейри. Зеркала, которые они использовали для путешествий, были чем-то иным.

Я схватила Альфи как раз тогда, когда он собирался кинуться в тёмную бездну, и дёрнула его обратно в комнату. Он врезался в безмолвный тёмный игровой автомат Рас Ман, разбил корпус, налетел на машину для пинбола, отскочил от неё и упал на пол. Он оттолкнулся и попытался отползти в сторону, но я пнула его в бок и повалила обратно на пол.

— На колени, руки за голову, — скомандовала я. — Не пытайся снова убежать, или ты труп.

— Т-т-ты все равно м-меня убьёшь! — крикнул Альфи, стискивая свои ребра.

— На колени, — прорычала я.

— Ты убила моего брата, дрянь!

— Последний шанс, — тихо сказала я, вкладывая в шёпот больше угрозы, чем в крик.

— С тобой что-то не так, сука!

— Ты и понятия не имеешь, — согласилась я.

— Грёбаные глаза психа!

— Кто бы говорил. На колени. Сейчас же.

Дрожа, бросая на меня украдкой дикие взгляды, он неуклюже

поднялся на руки и колени, громко застонал, затем сел на пятки и резко ахнул, подняв руки за головой. Я пнула его немного сильнее, чем осознавала. Его очки разбились и косо повисли на носу, лыжная шапочка сползла. Очки были толстыми, с широкой чёрной оправой. Тонкие серебряные проводки виднелись из одной сломанной дужки.

Когда он опустился на колени, дрожа от злости и страха, я заметила проблеск чего-то металлического в темных складках его шапки. Танцор мог бы создать для меня аналогичный гаджет.

— Камера на твоей голове, твои очки соединяются с ней. Дают тебе полный обзор.

— Инфракрасная, — угрюмо сказал он.

— Вы видели за собой моё тепло.

— Он не посылает нас без инструментов.

— Кто?

Тонкие губы Альфи сжались вместе, подбородок упрямо выпятился вперёд.

— На кого ты работаешь, и что он делает? Отвечай мне или умрёшь.

Он все равно ничего не сказал.

— Отвечай мне, иначе я зашвырну твою задницу в это зеркало с вырезанным на ней посланием, которое будет гласить, что ты все выболтал, и я уже иду.

— Черта с два! Ты понятия не имеешь, с чем связываешься! Ты не можешь его коснуться! Никто не может! И ты не хочешь его касаться! Ты не хочешь, чтобы он даже смотрел на тебя!

— Кто? Я не стану спрашивать ещё раз.

— А че ты сделаешь? — презрительно процедил он. — Ты не станешь меня пытаться. Я знаю твою породу. Заносчивая народная защитница-недотрога, спасающая бесполезных детей. Думаешь, будто ты выше остальных. Думаешь, будто ты на правильной стороне, но миленькая моя, правильная сторона — это побеждающая сторона, и ты не на ней.

То, что он был частично прав в своих словах, раздражало. Мне нужна была информация. Попытки её добудут. Но я всегда избегала переступить эту размытую линию. Мне нужен сообщник, у которого не было такой проблемы. И все же немного боли не считалось пыткой.

Мой раскладной нож раскрылся с лёгким щелчком.

— Вырезать. Сообщение. Выбери.

Он взглянул на мёртвого брата на полу, затем на тёмную щель в кирпичной стене позади меня.

— Тебе не удастся, — сказала я с ледяной улыбкой. — Ты не

проберёшься мимо меня.

Карие глаза встретились с моими. В них пылала ярость, но она разбавлялась страхом, окрашивалась мрачной обречённостью. Своего хозяина он боялся сильнее меня.

Альфи холодно улыбнулся в ответ.

— Тогда я умру пытаясь.

Так и вышло.

Зеркало исчезло в ту же секунду, когда сердце Альфи перестало биться, вот такой хитрый трюк. Какому бы хозяину они ни служили, он обладал внушительной силой. Я ощутила, как падает температура в комнате, и мгновенно развернулась, но слишком поздно. Стена сделалась кирпичной, портал закрылся.

Я распиновала выцветшие пакетики попкорна и пустые пивные банки, распугивая тараканов, пока забирала свой меч и собирала пистолеты, принимая мысль о том, что все равно не пошла бы через портал.

Если их «он» — это тот же «он», которого упоминал АОЗ, то доставить себя прямиком в его логово без плана или подкрепления, когда никто не знает, куда я пошла — это граничило с суицидом, а так я никогда не поступала.

И все же мне хотелось бы иметь время осмотреть стекло.

Я обыскала оба тела, прохлопав по ним ладонями, сняв камеры с их шапок, зацепив уцелевшие очки за вырез своей рубашки, чтобы рассмотреть потом. Я убрала в куртку два металлических футляра размером с бумажник, которые содержали ещё несколько дюжин их смертоносных дротиков. Во внутренних карманах их курток я нашла ужасные хэллоуинские маски и резиновые перчатки, имитирующие скелет. Ну конечно, дети считали их Невидимыми. Во тьме ночи, после всех ужасов, свидетелями которых стала человеческая раса, это было справедливым предположением.

Мой обыск не принёс больше никакой особенно полезной информации, но вечер — да. Мне многое нужно было обдумать, собрать улики, выдвинуть теории. Теории представляли собой подвижную дорожную карту для разрешения загадки и, если обрабатывать их с непредубеждённым умом и скрупулёзным вниманием к деталям, они давали искомые ответы.

Однако в данный момент в моей постели находился жестоко

изголодавшийся член Девятки, который уже мог иметь кое-какие ответы.

А кровь в трупах остывала.

Однажды, через несколько недель после возвращения, тёплым звёздным вечером я шла по Темпл Бар Дистрикту, не делая ничего, лишь получая удовольствие. Мне нужно делать это время от времени. Помогает сохранять связь с моим миром.

В пределах этих защищённых улиц, патрулируемых Новыми Стражами и, как я подозревала, охраняемых заклинаниями самой королевы Фейри, которые предоставляли людям тихую гавань, в которой они могли не просто выживать, но и жить, я на несколько часов забыла о своих многочисленных обязательствах.

Я притопывала ногой в ритм уличных музыкантов. Я останавливалась в пабах и танцевала с постоянными посетителями. Я бросала дротики на девичнике, нарочно постоянно промазывала и восторгалась фотографией платья невесты, прекрасно понимая, что моё будущее содержало мало поводов для красивых платьев и никогда — для свадебного. Я потягивала Гиннесс и перекусила в своём любимом фиш-хаусе.

Перед тем как покинуть, казалось, зачарованную гавань, я уставилась на другую сторону улицы, глядя сквозь шумных посетителей, сквозь стеклянное окно ресторана на семью, шоколадным тортом отмечающую день рождения дочери, и у меня потекли слюнки. Шоколад — один из очень немногих пищевых продуктов, на который у меня есть эмоциональная реакция.

Я гадала, каково было бы иметь такую жизнь. Я не могла себе это представить. Я иначе сложена. Я не сумею ей наслаждаться. Я буду беспрестанно сканировать своё окружение, зная, что кто-то там в беде, а я ем торт. Осознание окружения для меня инстинктивно. Я не могу это пересилить.

Вернувшись в свою квартиру, я прислонилась к стене в прихожей, вытянув ноги и скрестив их в лодыжках, наблюдая, как зверь пожирает тела, которые мне пришлось тащить четыре лестничных пролёта, потому что лифт опять отключился, ведь здесь никто толком не жил. Мне нужно самой выяснить, как его чинить. Я вытащила крайне истощённое создание на покрывале в коридор, чтобы покормить его здесь. Никакой крови, никаких хрящей, никаких кишок в моей кровати — непреложное правило.

Зверь проснулся в тот же момент, когда почуял тела, быстро

расправился с одним и переключился на следующее.

Я перестала смотреть и уставилась в высокие окна, обдумывая события этого дня.

Когда зверь наконец перекатился обратно на покрывало, которое теперь сделалось окровавленным (значит, мне придётся заняться своей версией шопинга, поскольку никакое количество отбеливателя не выведет все пятна крови), я затащила его обратно в спальню и убрала беспорядок, оставшийся на полу в прихожей, затем вымыла кухню от остатков пира Шазамы, все это время думая о шоколадном торте.

Позднее я встала в спальне со спящим зверем и разделась, осматривая свою одежду. Спина куртки уничтожена, задница джинсов истёрлась настолько тонко, что я порву их, если надену снова, так что я выбросила их в мусор.

Я не принимаю душ несколько раз в день, если только я не покрыта кровью, которая не снимется с моей одеждой, но иногда я ощущаю необходимость смыть с тела более неосязаемую грязь.

Высушив волосы, я осмотрела себя в зеркале. Чернота моей кожи оставалась неподвижной за небольшим исключением: одна-единственная обсидиановая венка проходила по моей шее слева и исчезала за моими локонами.

— Что ж, проклятье, — пробормотала я, натягивая через голову облегающую чёрную кофту с длинным рукавом. Я натянула ту же нейлоновую перчатку, которая ранее служила защитой от моего смертоносного прикосновения, и раздумывала, что делать с шеей. Я не могла придумать причину, по которой кто-то коснулся бы тех шести дюймов моей кожи, и я ненавидела высокие воротники, они вызвали у меня чувство удушья. И все же у меня не было гарантий... Грёбанный ад, Рэй всегда обвивает руками мою шею.

Я подумала о тонкости ткани перчатки, о шелковистом, почти прозрачном нейлоне, затем покопалась в шкафчике под умывальником, достала рулон клейкой ленты — не спрашивайте, почему она лежит в моей ванной, у меня странная жизнь — и заклеила шею сбоку, решив, что мои волосы достаточно густые и защитят того, кто коснётся моей головы.

Я натянула линялые спортивные штаны и укрыла огромного спящего зверя изрядно потрёпанным лоскутным одеялом. После секундных раздумий я пожалала плечами и клубочком свернулась на свободном клочке

матраса, чтобы перехватить несколько часов сна, держа меч под рукой.

Мне снилось чувство беспомощности, в клетке, и даже во сне я знала, что ощущение парализованности и риск изнасилования теми отвратительными троллями спровоцировали тяжёлые воспоминания, которые я держу запертыми в одном из своих наиболее строго охраняемых склепов.

Мне снилось, что я действительно подхватила Рэй в аббатстве, и очаровательное дитя взорвалось в моих руках. Маленьких девочек нужно лелеять, защищать, и их должны воспитывать могущественные молодые женщины. Что-то во мне умерло вместе с ней, и моё сердце превратилось в тёмный уродливый кусок бесполезного камня.

Мне снилось, что я стою на могиле Бриджет, плача кровью, пока из земли восстают черные тени. Затем что-то очутилось позади меня, и оно собиралось морить меня голодом хуже, чем я когда-либо голодала в своей клетке, и чем бы ни было это создание, оно хотело, чтобы я раз за разом повторяла его имя. Но я не знала его имени.

Мне снилась та ночь годы назад, когда Мак пришла в аббатство, настаивая, что она не хотела убивать напавшую на неё ши-видящую, но копьё находилось в её руке, и женщина кинулась на неё, и они столкнулись смертельным образом. Когда она прошла через сборище женщин и обняла меня, я почувствовала её, ощутила запах шампуня на её волосах. *«Жизнь — это неминуемое накопление прегрешений. Ни одно из них не прощается. Отпусти их и упорно работай, чтобы творить чудеса»*, — прошептала она мне на ухо, поцеловала мои волосы и исчезла.

Мне снилось, что на моем левом предплечье выросли мрачно прекрасные обсидиановые рога, так много, что они превратились в утыканную длинную перчатку, смертоносную для прикосновений. Затем это распространилось, поглощая меня, и я вся стала смертоносной для прикосновений. Изолированная в собственной коже, лишённая касаний, объятий и вообще любого физического контакта.

Мне снилось, что зверь в моей кровати лизал моё плечо, основание моей шеи. Это могло быть реальным. Я не чувствовала зубов, так что не беспокоилась об этом.

Мне снилось, что Риодан склонился надо мной, вырисовывая символы на моем лбу, щеках, груди, бормоча: *«Отправная точка, женщина. Отпусти это, отпусти. Узри лишь красоту. Знай лишь радость»*.

Затем мне снился бесконечный, головокружительный ночной пейзаж, когда я приняла силу внутри меня.

Окрашенная туманностями, поцелованная новыми звёздами, я дрейфовала среди звёзд, широко раскрыв глаза от восторга и изумления.

Глава 12

Тёмное божественное вмешательство, ты сияющий свет^[26]

Кэт попивала чай, ожидая, пока остальные присоединятся к ней в приёмной.

Фазанья Комната была одной из её любимых в аббатстве, меблированная очаровательными черными и кремовыми бархатными диванами вековой давности, белыми оттоманками, вышитыми черными узорами кельтского узла, блестящими черными пристенными столиками и витринными шкафами зебрового цвета. Выцветшие серые и цвета слоновой кости персидские ковры покрывали полы. Бордовые подушки и покрывала создавали акценты на креслах.

Но именно южная стена с окнами от пола до потолка, выходящими на медитационный сад, делала эту просторную комнату её любимой.

Комната получила своё название из-за шёлковых обоев с коричневыми и серыми фазанами на фоне цвета слоновой кости, который тянулся от панельной облицовки до потолочного плинтуса с узором из аканта. В дни Ровены тяжёлые, тёмные, пыльные портьеры были вечно опущены, защищая (или пряча, поскольку она прятала все ценное) их лелеемое наследие от солнца и любопытных глаз.

Но больше нет. И солнце, и очаровательные, проливающие свет лучи луны по Божьей воле будут светить в этом аббатстве, даже если Кэт придётся собственноручно раздрать в клочья каждую портьеру. В этих стенах не будет темноты, не будет секретов.

Ну, может, всего несколько.

Шон нашёл мужчину, способного сделать тест на отцовство, как только ребёнок родится. Как он определил его местоположение, она понятия не имела. Лица с любым медицинским образованием были крайне востребованы, их отчаянно не хватало.

Кэт в то время была на сносях. *«Ты думаешь, я была неверной»*, сказала она. Так и было. Не по её воле, но так и было.

«А ты была? — парировал он. — Мы принимали меры предосторожности».

Действительно, поскольку они не готовы были завести ребёнка в

нестабильном мире.

«Ты меня любишь?» — тихо спросила она.

«Ох, и ты знаешь, что я тебя люблю. Что бы ни случилось, где бы я ни был, я люблю всегда лишь тебя одну».

«Тогда как это может иметь значение, если я поклянусь в верности тебе до конца наших жизней?»

«А ты готова поклясться, Кэт?»

«Да».

К тому времени он был принцем Невидимых, на этой темной прекрасной спине, по которой она так любила проводить руками, формировались крылья.

Временами он наполовину обезумевал от боли, мучимый страхом, что извращённая магия Невидимых выбрала его, потому что он, как и все черные ирландцы О'Баннионы, имел глубинный и безоговорочный изъян.

И все же она выбрала его. Друга своего детства, своего любовника, свою вторую половину.

Ревность, извращённая эмоция, которой он никогда не чувствовала в своём милом Шоне, так жестоко грохотала в его сердце, что это привело её в ужас. Это не был её лучший друг, мужчина, которого она знала так же хорошо, как себя саму.

Он сказал: *«Я не могу это принять. Мне нужно знать».*

«Как это повлияет?» — устало спросила она. — *Ты будешь просить меня отречься от ребёнка, если он не твой? Ты думаешь, мы можем просто послать его обратно? Этого ты от меня хочешь? Это и мой ребёнок тоже».* Или он мог любить их обеих, или не мог. К тому времени пробудилась материнская любовь, яростная и защищающая. Она чувствовала в себе жизнь, крошечную и прелестную. Она уже решила свою дилемму. Если ребёнок был от Крууса, оставалось два варианта: убить его — что совсем не вариант; или отдать его — что совсем не вариант. Ребёнок нёс в себе половину её, и если худшее окажется правдой, ребёнок не мог иметь лучшей матери, чем Кэт. Другая женщина и понятия не имела бы, кого она воспитывает. Её единственный выход — верить в силу любви.

Любви, которой Шон явно не испытывал. Она не видела его более двух лет. Она умирала от желания его увидеть. Она старалась не думать о нем, не думать о стольких вещах.

— Вечера, Кэт, — сказала Энио, опускаясь рядом с ней в мягкое кресло. Перебросив ноги через бок, загорелая женщина-солдат поддела рукоятку пистолета, запихнула его в кобуру на бедре, чтобы не тыкался под ребра, и перекинула автомат, висевший на ремне, за подлокотник кресла.

Рукоятки кинжалов, заткнутых в её ботинки, поблёскивали. Энио была метким стрелком, и на короткие расстояния, и снайпером, отвечала за тренировки всех женщин в аббатстве, которые желали учиться. Не оказывалось никакого давления. В конце концов, приходили все.

— Добрый вечер, Энио, — ответила Кэт с улыбкой, которую ей не вернули в ответ, но Энио редко улыбалась. Под её кожей пульсировала энергия, в темных глазах сверкал ум. Хоть Кэт никогда их не озвучивала — не её дело — но она знала некоторые секреты этой женщины. Они были болезненными и сделали её тем ожесточённым солдатом, которым она являлась. Рождённая в армейском танке под тяжёлым обстрелом, Энио Луна процветала на войне.

Когда вошли остальные члены Шедона, Кэт сфокусировалась на окружении, опуская щиты, оценивая комнату. Её дар давал ей множество несправедливых преимуществ. Она ими пользовалась.

В Шедоне было восемь членов: она сама; свирепая француженка-ливанка Энио; утончённая Рианнон из Уэльса, чей специальностью было уничтожение охранных заклинаний и нейтрализация чар; тихая Аурина из Дерринейна, графство Керри, которая могла общаться с любыми животными; резкая Сиара с востока Ольстер со своей дикой огненной магией; Колин МакКелтар из Шотландии, которая за последние два года под опекой одного из своих дядюшек стала экспертом в друидских искусствах; очаровательная, замкнутая, с шоколадного цвета кожей Дафф из их могущественной бостонской сестринской обители, которая обладала ужасным даром; и циничная неприветливая Декла, которая путешествовала по миру с отцом-военным и которая обладала куда более темными талантами ши-видящей, чем признавала.

Эти женщины были новым руководством. Дафф и Декла требовали немного больше времени для оценки, чем остальные, но Кэт безжалостно просканировала каждую из них по очереди, оценивая, отыскивая гнилые участки в самых блестящих яблоках.

Она не нашла ни одного.

Сегодня.

Но выработала постоянное понимание, что однажды её элегантно-брутальное вторжение может не принести таких счастливых результатов.

Возможно, даже с её собственной дочерью.

Песнь Созидания все изменила. Надвигалась война, в этом сомнений не оставалось. Образуются стороны. Ни одна из них не будет чёрной или белой; вокруг, насколько она могла видеть, тянулись акры и акры серого, свидетельствующие об изменении даже на их территории. Шесть месяцев

назад раса крошечных Спирсидхов поселились в садах аббатства и лабиринте. Они были простыми и добрыми, насколько это возможно, с любовью ухаживали за листвой, открыто искали ши-видящих, поклялись в верности, отказались от собственной расы, которая их изгнала. Умоляли об убежище, чтобы жить среди людей. Изначально Кэт боялась, что они шпионы, но она обратила свой дар на крошечных фей и нашла их чистыми и простыми как рассвет. Земные стихийники, тип Фейри, существование которого она не могла себе представить. Хорошие.

Хотя она с ужасом обнаружила, что они способны к размножению.

Существовал один Фейри, имя которого она не разрешала себе произносить даже в мыслях.

Имя, которое Рэй никогда не узнает. Он мёртв. Нет необходимости знать. И нет необходимости в тесте на отцовство.

Время покажет.

— Есть успехи? — спросила она у комнаты, когда женщины устроились в креслах и растянулись на диванах. Дюжина их ши-видящих, Адепток, пропала без вести.

Дафф мрачно сказала:

— Пока нет. Мы прочесали Темпл Бар от края до края и планируем разойтись по окраинам сегодня ночью. Мы с Деклой ходили в Элириум, пытались поспрашивать, но если ты не желаешь трахаться с Фейри, — выплюнула она, мрачно нахмурившись, — в этом клубе ты не добьёшься ничего, кроме подозрений. Я не знаю, как они выживали свои смены там.

— Они знали, что это необходимо, — сказала Кэт без малейшей доли сожалений. — Мы посылали лишь добровольцев.

Двенадцать были шпионками, взрослыми женщинами, Адептками, посланными в Элириум, потому что Шедон наконец-то единогласно решил, что они не могут продолжать без разведки о состоянии двора Фейри. Два долгих года они ждали и готовились, держась от Фейри на достаточном расстоянии. Никогда не приближаясь к ним, как требовала Мак.

Но ходили слухи, что Фейри изменились, и как они могли надеяться подготовиться к войне, если они не знали своего врага? Команда ушла с полным осознанием, во что они ввязываются. Что от них просили. Они работали смену по неделе. И каждое утро, когда они возвращались после секса с Фейри, Кэт использовала свой дар на каждой из них по очереди, болезненно осознавая, какими безжалостно и ошеломительно соблазнительными могут быть Фейри. Для женщин их дюжина ши-видящих шпионок в Элириуме оставалась верной себе.

Ночь за ночью они позволяли пользоваться своими телами, защищая свои разумы и добывая крохи информации. Опускаясь до нужной степени, чтобы проникнуть в клуб, но держась за свои сущности. И ради таких малых результатов. Все, что они смогли до сих пор сказать Шедону — это что Фейри определённо более могущественны, до неизвестной степени, определённо изменились из-за Песни, но существовал внутренний круг Высших Фейри, уединившийся в глубь, в собственном приватном клубе, куда имели доступ лишь несколько тщательно отобранных. Ни одна из двенадцати ещё не получила приглашения.

Теперь они исчезли. Все. Испарились без следа. Они ушли в клуб, как обычно, субботним вечером, и не вернулись в воскресенье на рассвете. Сейчас они оставались пропавшими два дня, и она боялась худшего.

— Что сказала Дэни? — спросила Колин. — Она добилась каких-то результатов в их поисках?

— Я не сказала ей об их исчезновении по той же причине, по которой мы договорились не говорить ей, что мы посылаем шпионов. Если бы она знала, она настояла бы на том, чтобы их сопровождать. Если бы она знала, что они пропали, она ворвалась бы в Элириум, требуя ответы на кончике меча. Мы все знаем, к какому исходу это привело бы.

Энио сказала:

— Наша клятва королеве Фейри была бы нарушена. Этот меч — часть души Дэни. Она не может не убивать Фейри. Единственная причина, по которой она продержалась так долго и сдержала данное Мак слово — потому что она не позволяла себе приближаться к ним.

— Вот именно. Поэтому мы не можем ничего ей сказать. Продолжайте свои поиски. Продолжайте молчать.

Кивнув, Шедон поднялся и стал готовиться к возвращению в город, чтобы найти своих пропавших сестёр.

— Mamochka, почему Фейри плохие? — сказала Рэй позднее, когда Кэт стянула её туфли и начала набирать ванну.

— Не все они плохие, — отрешённо ответила она, обдумывая в голове события дня.

Она осознала, чем занимается, и заставила себя на время отложить дела аббатства. Её дочь заслуживала полного внимания — чего она сама никогда не получала от своей матери. В глазах её обоих родителей она выглядела бесполезным инструментом; стеснённая такой сильной

эмпатией, в детстве она казалась сломленной, даже безумной.

Рэй была её миром. Неожиданным даром. Сокровищем, которое она вечно будет лелеять, защищать и любить, и делать все в своих силах, чтобы хорошо её воспитать. Любовь ребёнка, её собственной плоти, была чистойшей из всего, что может познать эмпат.

Её дочь не торопилась начинать говорить, но учитывая собственное детство, Кэт не беспокоилась из-за этого. Затем внезапно, месяц назад, Рэй начала выпаливать слова — Кэт и понятия не имела, что её дочь их понимала — связывая их во впечатляющие предложения.

— Я нравлюсь Спар-ши, — счастливо объявила Рэй. — Они говорят, что я для них хорошо пахну.

Кэт застыла, стиснув рукой край антикварной эмалированной ванны с ножками-лапами в их покоях.

— Они сказали, как именно ты пахнешь?

Рэй покачала головой, черные кудряшки запрыгали, глаза весело плясали.

— Просто что я вкусненькая. Они для меня тоже вкусно пахнут.

— Как что? — спросила Кэт.

Рэй пожевала нижнюю губу и подумала. Затем почесала носик и рассмеялась.

— От этого в носу щекотно. Просто хорошо пахнут.

Пыльца, подумала Кэт. Многие крошечные Фейри, изгнанные из собственного двора, жили внутри человеческих цветов, создавали дома в благоухающих, пропахших травами зарослях и гнездились в сосновых пролесках. В последнее время некоторые ши-видящие строили им небольшие деревянные домики, раскрашенные в яркие цвета. Она отчасти ожидала, что Спирсидхи воспротивятся человеческим постройкам, но вчера наблюдала за парой — они образовывали пару на всю жизнь — сражавшейся с удивлённым враждебным воробьём у двери, защищая свою новую обитель.

— Идём, любовь моя, твоя ванна готова.

— Пузырьки?

— Не сегодня. Только теми вечерами, когда мы моем голову, — волосы Рэй были такими густыми и кудрявыми, что мыть их было наказанием. Они делали это только каждую третью ночь, и пена для ванн служила вознаграждением за время, которое ей приходилось сидеть смирно, пока Кэт распутывала её волосы.

— Мамочка, — сказала Рэй, — моя спинка чешется. Не могу дотянуться.

Улыбнувшись, Кэт протянула руки, и когда Рэй вошла в её объятия, прижавшись к её груди, она стянула кофту дочери через голову.

— Сильно чешется.

— Повернись и дай мне посмотреть, тыковка, — сказала Кэт.

— Я не тыковка. Сегодня я стрекоза.

— Ну, что ж, маленькая мисс стрекоза, повер...

Но Рэй уже повернулась и нагнулась.

— Мамочка, — пропыхтела она, — чешется!

— Ты сегодня лежала на чем-нибудь?

— Я всегда на чем-нибудь лежу.

— Например? Камни? Что-то острое?

— Просто всякое. Трава и все такое.

— Но в траве могли быть камни.

— Не помню такого. Чешется.

Кэт подняла руку, которая лишь слегка дрожала, и почесала прекрасную гладкую кожу своей дочери, которая так походила на кожу Шона — светлая, и все же от малейшего солнца она делалась золотистой.

Там были два округлых розовых пятнышка одинакового размера.

По одному на каждом плече.

Глава 13

Устрой немножко ада, устрой немножко ада,

устрой немножко ада^[27]

Большую часть времени я просыпаюсь ворчливая и выбитая из колеи, если только я не подвергаюсь нападению. Тогда я просыпаюсь гладкой, холодной и смертоносной. Нехватка давления превращает меня в скоростной мячик для пинг-понга, который отскакивает от всего, с чем встречается. Невзгоды формируют мою лучшую форму.

Сегодняшний день был тревожной аномалией. Я проснулась, чувствуя себя бодрой, сосредоточенной, в боевой готовности. Отдохнувшей лучше, чем я когда-либо помнила за несколько лет.

Что-то определённо было не так.

Я схватила меч, выпрыгнула из кровати и описала узкий круг, ища непрошенных гостей. Никого не было. Я была одна в своей спальне, а зверь ушёл.

Я потратила долю секунды ориентации в пространстве, чтобы подняться от злости по этому поводу, затем вернулась к анализу своего необъяснимо хорошего настроения. Не существовало другого объяснения; где-то в моей квартире должна быть угроза.

Я принялась прочёсывать каждую комнату, шкаф и укромное местечко. Ничего.

Я вернулась обратно в свою комнату, чтобы обыскать её во второй раз, и почувствовала это, когда перешагнула через порог. Я бы заметила это и в первый раз, но боевая готовность сосредотачивает меня как лазер на потенциальных незваных гостях, а не на безобидных дверных проёмах.

Я посмотрела вниз, прищурилась, покосилась по сторонам в манере на-самом-деле-я-вовсе-не-смотрю. Заклинания иногда сложно увидеть. Особенно хорошие, а это было исключительным: грифельно-серое, настолько тёмное, что почти неотличимое от чёрного мраморного порога, в который оно было врезано, заклинание имело семь различных слоёв узора, методично наложенных друг на друга, плюс мягко мерцающий намёк на ещё два слоя, которых я различить не могла. Чем пристальнее я их изучала, тем более ускользающими они становились, превращаясь в

неразличимые узоры.

О, да, чертовски хорошие заклинания. Защищённые чарами темноты, чтобы не допустить снятия копии; метка истинного мастера. Чтобы поместить такие чары в холодный мрамор, требовалась кровь, пот и время, плюс навыки, которыми я не обладала.

Я подошла к окнам. Обнаружила те же заклинания на каждом подоконнике.

Зверь перед уходом окутал меня своей версией потрёпанного лоскутного одеяла.

Я узнала замысловатые символы и руны. Они выгравированы на порогах «Книг и сувениров Бэрронса», и на всем белом свете не существует Фейри, способного их пересечь. Возможно, даже Мак на это неспособна, если только он не вплёл туда исключение для неё, что также потребовало бы её крови.

Значило ли это, что мой жестоко изморённый голодом посетитель был Иерихоном Бэрронсом? И если так, куда он ушёл и почему? Он что, думал, что моя квартира — это удобный перевалочный пункт, куда он мог заявиться без предупреждения, покормиться, затем удрать без единого слова, решив успокоить меня подарочком из нескольких заклинаний?

Не поймите неправильно, я была благодарна за них. Я не способна сама сотворить столь внушительную магию. Их присутствие делало Святилище бесконечно более ценным для меня. Теперь у меня есть квартира, безопасная от просеивающихся Фейри, которые могли просто появиться посреди любой из моих квартир, если им так вздумается.

Но я не хотела заклинаний. Я прекрасно выживала без них два года. Я хотела ответа.

Я хотела, чтобы мой зверь вернулся.

Я больше не хотела быть единственным суперкаром, чей мотор ревёт в Дублине. Я хотела, чтобы весь первобытный автопарк рычащих первоклассных Ламборгини и Феррари и больших, черных, крутых военных Humvee устроил бурю на улицах моего города.

Кроме того, я сама была почти убеждена, что зверь был Риоданом. Не по богатым эмпирическим данным, а из-за непоколебимого инстинктивного чувства. Я думала, что он останется. Я проснулась бы и нашла бы его здесь. Мы обменялись бы новостями. Позлились бы друг на друга. Все было бы как в старые добрые времена.

Нет.

Моё бодрое, боевое, истинное-смотрящее-на-север настроение стремительно упало в сторону юга. Бурля от возмущения, я пошла в

ванную, бормоча себе под нос. Я два долгих года прожила без единого появления Девятки, и когда наконец один из них вернулся, он удрал, пока я спала. После всего, что я для него сделала.

Я редко хожу в гости — ладно, никогда не хожу — но если бы ходила, я бы и здоровалась, и прощалась. Особенно если бы хозяин дома спас мою жизнь.

Девятка просто сводила меня с ума.

И все же зверь мог носиться где-то по Дублину.

Почистив зубы и стянув спутанные волосы в неряшливый хвост — не собираясь их расчёсывать, время крайне важно — я натянула черные армейские штаны и набила многочисленные кармашки на молнии оружием, затем засунула за пояс глок. На талии я застегнула ремень, который стал тремя видами оружия, и надела на шею чокер, который стал четвертым видом. На руку скользнул браслет, скрывавший лезвия.

Я натянула кофту с длинными рукавами и ботинки, перчатки, заклеила клейкой лентой шею, повесила меч за спину и направилась на кухню, чтобы заглотить протеины и жиры, просматривая свои сообщения.

Спеша к двери, я позвала Шазама, говоря ему догнать меня как можно быстрее, что я любила его и скучала по нему и безгранично оценила бы его экстраординарно точное обоняние, которое настолько превосходило моё, и не мог бы он, пожалуйста, присоединиться ко мне в приключении? Его недавние продолжительные отсутствия меня действительно беспокоили.

Затем, с топотом шагов, содержавшим воинственность, которую я не потрудились скрывать, я вырвалась в поцелованное туманом дублинское утро, как женщина на миссии.

Охотящаяся на зверя.

Я кралась по улицам, сканировала своё окружение вверх, вниз и в стороны, приняховивалась к воздуху, напряжённо прислушивалась, пока подсчитывала свои приоритеты на день.

Пока я спала, мне написала Рейни, сообщая, что она нашла дом не только для Сары Брэди, её брата и сестёр, но и для двух других осиротевших семей. Ни один ребёнок не размещался, пока я лично не проверяла их новые дома. Я не стану спасать невинных только для того, чтобы потерять их в другом пороке.

В подростковом возрасте я также готовила Дэни Дэйли о недавних событиях, но в Дублине вновь печаталась газета, и в эти дни я лишь набрасывала заметки, щёлкала фотки и оставляла информацию снаружи их офиса возле здания главного почтамта. Они доказали свою надёжность, печатая вещи, которые я считала важными, так что я придерживалась

милосердного отказа от конкуренции. Мою подпись не указывали, но хотя бы новости выходили.

Ещё в моем списке значился книжный шопинг. Поскольку мой книжный магазин с его крутым девизом «Вы хотите этого, у нас это есть, а если нет, мы это найдём» пропал без вести, мне придётся воспользоваться услугами «Библиотеки и бубликов Бейна»^[28] (серьёзно, ничего не напоминает? Придумайте своё оригинальное название) с бетонными полами, строгим флуоресцентным освещением, потрёпанными, вонючими, побывавшими в использовании, чрезмерно дорогими книгами и ещё более чрезмерно дорогим кафе.

Евро все ещё правило, уступая лишь брутальной силе и вымогательстве чёрного рынка. Дублин быстро вернулся к тщательно продуманному заговору притворства, будто бессмысленные клочки бумаги чего-то стоили, и меня это устраивало. Я стащила кучу денег, найденную на складе в глубине Честера. На одном из десяти складов, забитых валютой бесчисленного количества стран, многие из которых были интригующе древними.

Хоть вышки сотовой связи в основном надёжно функционировали, интернет находился в печальной форме, обширные районы были вне зоны охвата. Так много представителей человеческой расы умерло, что огромным зонам планеты недоставало электричества и человеческих ресурсов, чтобы поддерживать работу. В сочетании с тем, что магия делала все непредсказуемым, книги вновь продавались по цене выше номинала.

Мне нужна была информация об ирландских богах и богинях. Я никогда не достаивала их хоть одной мыслью. Я предпочитала супергероев и куда больше времени проводила, поглощая комиксы и графические романы. Кто такой АОЗ и каков его мотив ловить людей на собственных желаниях?

Знакомясь с их легендами, я, вероятно, наткнусь на историю бога, который издавна склонен похищать взрослых, оставляя детей позади. Раскрою причину, узнаю имя. Способ его победить. Само собой, современная книга не предоставит и близко столь же детальной информации, как частные библиотеки аббатства, но это такой же неплохой способ начать.

Сначала зверь.

Хоть КиСБ и пропал, я все равно решила направиться напрямик туда. Он не только находился ближе, но и заклинания были определённо Бэрронсовскими. Вероятно, и владелец, и заведение чудесным образом вновь появились; всегда можно надеяться. Кроме того, когда я в тот день

обнаружила его пропажу, я не обыскала парковки со своим привычным вниманием к деталям, разозлившись на его исчезновение и преследуя добычу. Если КиСБ ничего не даст, я направлюсь напрямик к Честеру.

Оживлённо пронёсшись по мосту Полпенни и очутившись в южной стороне Дублина, я столкнулась со второй аномалией за день.

Сегодня была суббота, но этим утром в семь-тридцать улицы кишели людьми в костюмах и платьях, которые выглядели подозрительно похоже на то, как если бы они направлялись на работу. Когда пешеход устремился по тротуару в мою сторону — женщина лет тридцати с небольшим, напряжённо уставившаяся в телефон — я вежливо сказала:

— Прошу прощения, какой сегодня день?

Она подняла голову, усвоила мой вид, заметив рукоятку меча, торчавшую над моим плечом, многочисленные выпуклости моих карманов, вероятно, ей просто не понравилось моё лицо. Её глаза прищурились, она крепче стиснула сумочку и метнулась вокруг меня, убегая на высоких шпильках.

Я бросила сердитый взгляд на её удаляющуюся спину.

— Ну конечно, потому что монстров не существует, и миру не нужны люди вроде меня, — пробормотала я, доставая телефон. Когда я ранее читала смс-ки, я не уделила внимания дате. Для этого не было повода. Я сплю максимум несколько часов и могу днями обходиться без сна. Но вчерашний день был более насыщен событиями, и я проспала примерно четыре часа.

Я изумлённо уставилась на экран.

Вторник.

Я потрясла телефон. Сильно. Он все ещё показывал вторник.

Это невозможно. Я прищурила глаза, когда обрывки вчерашнего — или, точнее, несколько-дневной давности — сна всплыли в моем сознании. Риодан. Рисующий на мне символы. Бормочущий.

Вот придурок. Я проснулась, чувствуя себя настолько нетипично хорошо, потому что он чарами заставил меня проспать с вечера пятницы до утра вторника!

Ощетинившись, я резко развернулась и рванула в противоположном направлении, вычёркивая Бэрронса из списка подозреваемых. Риодан в прошлом использовал на мне свои способности к «расслаблению». Это был коварный ход — устранить меня из игры, чтобы он мог покинуть Дублин по своему расписанию.

Если Риодана не окажется в Честере, я разнесу это место. Превращу в груду обломков. Может, подожгу. Нет, я не закончила его обыскивать. Но

определённо разнесу.

Никто не вырубаёт меня на несколько дней. Особенно после двухлетнего отсутствия. Особенно после того, как я спасла его задницу.

Пока я подкрадывалась к 939 Ревемаль Стрит, мой мозг обдумывал третью аномалию: излишнее количество «синих воротничков», судя по виду, разнорабочих, маршировавших в том же направлении, покачивая тяжёлыми от инструментов ремнями. У них были горящие глаза, румяные щеки, они громко и с восторгом разговаривали.

Я догнала быстро движущуюся толпу сзади, чтобы подслушать.

— Я слышал, там работы на год, а может и больше, — воскликнул один из мужчин.

— Я слышал, на два. Иисусе, вот это нечто.

— Клянусь яйцами, как же хорошо снова работать! Строительный бизнес был мертвее грёбаного дверного гвоздя. Слишком много зданий, недостаточно людей, чтобы заполнить и десятую часть.

— Здорово видеть, что кто-то желает вложить деньги в новую постройку.

— Это точно. Когда народ беспокоится, что может принести завтрашний день.

Части меня нравился такой поворот событий. Кто-то строил. Создавал работу для тех, у кого её не было. Электрики, сантехники, узкие специалисты были все ещё в ходу. Но строители, мужчины, которые пилили брусья и обшивали стены гипсокартоном, работники по металлу, мужчины, которые клали плитку и возводили каркасы — они просто больше не требовались. Никто не строил ничего нового и не собирался строить, вероятно, ещё долгое время.

Эти мужчины не могли получить дополнительное образование, чтобы приобрести более полезные навыки. Мы вернулись к низкому уровню образования или полному его отсутствию, до повторного оснащения университетов кадрами было ещё далеко. Оставалось слишком много беспокойства, глубинной неуверенности в будущем. Мы представляли собой общество, расколовшееся бесчисленными путями. Те, что выгодно устроились на работу, занимали жизненно необходимые позиции: производство еды, критически важные технологии, силовые структуры, новости. Работу сложно найти, отсюда и высокий уровень преступности в нашем городе. И чем дальше, тем становилось только хуже.

— Кто финансирует проект? — спросил новенький, подключившийся к разговору.

— Как-там-его-зовут... Блин, ну на языке же вертится. Странное имя.

Риордан? Тот же парень, который изменил ситуацию несколько лет назад, когда повсюду были те черные дыры, а у нас заканчивалась еда. Выпустил газеты. Вернул город в нормальную колею. Он какое-то время отсутствовал. Рад слышать, что он вернулся. Такие мужчины, как он, в этом городе не помешают.

Я нахмурилась. Большая часть меня была определённно не в восторге.

Я была здесь, каждый день прошедших двух лет упорно тянула лямку, без устали работала, чтобы спасти город. И что я получаю? Хмурый взгляд и бегство из-за одного вежливо заданного вопроса. Мои руки сжались в кулаки, лицо омрачилось ещё сильнее.

Я готова была поспорить на половину украденных у Риодана денег, что эти полные энтузиазма, только что устроившиеся на работу мужчины направлялись в Честер.

И если мои подозрения верны, то человека, который этим утром находился на вершине моего чёрного списка, эту занозу в заднице, которая за последние два года ни черта не сделала для Дублина, мой город опять вот-вот возведёт в ранг святого.

Глава 14

Тараканы скользили по усыпанным каменной крошкой расщелинам, под камнями и поверх них, вновь собираясь позади неровной груды камней, глубоко в тени, образуя приземистое желеобразное тело с двумя ногами, шестью руками и маленькой головой с клювообразным ртом.

Его хрупкая, ненадёжная форма вызывала у тараканьего бога отвращение. Он жаждал прочного существования среди людей, или хотя бы возвращения к возвышенному положению, которое он некогда занимал.

Когда воевали Титаны, выжили не гиганты. Выжили те, кто сделали себя маленькими и не вызывающими подозрения и не привлекли внимания своих врагов.

В этом тот, кого смертные прозвали «Папа Таракан», преуспел. Он был насекомыми под человеческими ногами, его поносили и оскорбляли за заимствование небольших порций еды дольше, чем он себя помнил. Современные люди считали его отвратительным и едкими губительными химикатами вытравили его из своего яркого мира во тьму подвалов, стен, пещер и канализации. Превратили его в существо тайных уловок и жалкой показухи — он чесал спину об их зубные щётки, пока они спали, плевал в их стаканы, размазывал небольшие крошки фекалий по краешкам, и ещё больше бросал в их ящики со столовыми приборами. Его нищенские развлечения: они делили свой мир с ним, хотели они того или нет, знали они об этом или нет. Тьма принадлежала ему; его деяния начинались тогда, когда их деяния заканчивались во сне.

В его почтенном расцвете его бесчисленные тела, их завидная выносливость, подвижность и способность проникать в самые секретные места, широко ценились и были востребованы. Его уважали и боялись, им восхищались, его совет считался бесценным. Женщины выставляли для него еду при каждом приёме пищи, моля об его присутствии под их столом, готовя аппетитные блюда, чтобы подманить его поближе и суметь выпросить его помощи. Было время, когда он помогал им с добрыми намерениями. Наслаждался ими. Заботился.

Больше нет.

Во имя крови сидхов, а чего они ожидали? Когда ты с кем-то обращаешься плохо, он начинает вести себя плохо. Кто склонен использовать моменты преследования, чтобы продемонстрировать лучшие свои качества? Идиоты. Дураки. Он был здесь с самого начала, задолго до

Фейри, смотрел, как люди впервые соскальзывающей походкой ступают на твёрдую почву. Аплодировал им, когда они эволюционировали, становились чем-то большим.

Теперь они превратились в нечто намного меньшее.

Блестящие жвала скрипнули друг о друга, когда он потёр блестящим черным панцирем о панцирь, чтобы издать шипение:

— Моё имя — Гастейн.

Прошли тысячи лет с тех пор, как он произносил эти слова. С тех пор как он называл себя как-то иначе, кроме как «тараканом».

Титаны пали, большинство навеки убиты, редкие немногие, которых невозможно убить, возможно, около сотни, заточены в земле. Горстка богов, которые и пережили катастрофические войны, и избежали заточения, как и он, нашли способ скрываться.

Гастейн наслаждался тесным знакомством с планетой, которую знали немногие боги. Он, тот, который некогда пировал лучшим, что мог предложить мир, теперь кормился его отбросами, глубоко зарывался в гнилостные отходы, стал находить удовольствие в различных вкусах дерьма — все ради знания, которое ему предоставлялось. Он мог чувствовать вкус тошноты в человеческих потрохах; знал, какая болезнь их убивала. В былые дни он мог бы достать им нужную траву, корень или масло, чтобы скорректировать дисбаланс. *«Чтоб вы сгнили побыстрее, — проклинал он их теперь. — Взорвите себя, убейте собственную расу и убирайтесь с моей дороги».*

В последнее время он даже зарывался под человеческую кожу, питаясь тучным жиром их тел, устраивался внутри них, вплотную знакомясь со многими из их мыслей и чувств. Он прокрадывался везде и всюду, знал все их секреты, и все же ему недоставало силы, чтобы хоть что-нибудь, черт подери, с этим сделать. Даже приведение себя в форму, способную к коммуникации, истощало. Его руки и ноги при перенапряжении склонны были разваливаться на индивидуальные сегменты.

И все же... безвременная мелодия была пропета, и она изменила мир, пробудив одни вещи, убивая другие, но что самое поразительное — создавая возможность нового порядка, способного восстановить положение, которым он некогда наслаждался. Поднять его из сточных канав, канализации и бесконечных атак, представлявших собой его существование. Земля ощущалась для него точно такой же, как некогда, более миллиона лет назад.

Однако древняя Песнь никоим образом не изменила и не улучшила его. Непроницаемость таракана уходила корнями вглубь его насекомой

сущности. Практически неразрушимый, он один не подвергся изменениям неумолимого марша времени, магии, что нарастала, стихала и снова нарастала. Он, насколько ему известно, был единственным исключением: непреклонный Гастейн.

В свои темнейшие времена он клялся в верности нескольким: полубезумной ведьме с Каспийских гор; мертвецу, который восстал, чтобы преследовать ночь; древнему, первобытному зверю, который не был ни богом, ни Фейри, но обладал Ланндабх, ненавистным черным кинжалом, способным его уничтожить; и наконец, недавно заключил союз с принцем той самой расы, которая разрушила и уничтожила его собственную. Его братья и сестры умерли, и ему было уже все равно, кто удерживает власть, пока он получал свою долю.

Но теперь вернулся один из своих, и он был достаточно силен, чтобы заслуживать внимания. Достаточно могущественен, чтобы вернуть Ланндабх и освободить его. И судя по тому, что он до сих пор видел, вполне возможно, что он способен стать достаточно смертоносным, чтобы стереть Фейри из их мира.

Гастейн разогнал свои множественные тела, вновь призывая их и образуя бесформенную голову на одном из множества трупов, усеивавших душную пещеру с её светящимися камнями и кострами, и смотрел, как великий бог командует своим легионом почитателей.

Вернулся великий Крадущий души, Балор.

Боги оказались одурачены их врагами, Фейри; их обманули, ими манипулировали, и они пали. Но им не хватало преимуществ, которыми они теперь располагали, активов, которые Балор уже начал использовать, судя по недавнему приобретению: дюжина женщин, многие из которых сильно избиты, была прикована к колонне возле его алтаря.

Даже теперь узкий тёмный проем колыбался рябью возле возвышавшегося тёмного бога, которого некогда почитали с большей преданностью и большим страхом, чем остальных; он отделял человеческие души от тел, набирая силу с каждой приобретённой душой.

Некогда боги заботились о людях. Эта привязанность давным-давно разрушена. В этот раз все будет иначе.

В этот раз боги одержат победу.

В отличие от Гастейна Балор изменился, как и его метод использования — он сухо усмехнулся над каламбуром — дарованного Богом дара. А почему нет? С такой колоссальной силой чудо, что он вообще когда-то был добр.

Он наблюдал достаточно долго. Это хозяин, которому он станет

служить. Грандиозное, безжалостное божество, которое имело свои обиды, цели и желания. Которое уже начало собирать вокруг себя других могущественных богов, и теперь даже дьявольский, кровожадный, исполняющий желания АОЗ прислуживал коварным лакеем. У Балора был план, отличный план. Гастейн был более чем готов увидеть, как человеческая раса будет стёрта с лица земли. А когда это случится, Балор будет достаточно могущественен, чтобы убить даже Фейри.

Гастейн рассыпался морем насекомых, шмыгнув по выемкам и расселинам, пересекая огромную пещеру темной поблёскивавшей волной. Он приблизился к богу, где тот стоял возле чёрного зеркала и горы тел. Многие из них были покалечены, но не до непригодности к ремонту или продолжительному использованию.

Он уважительно ждал, пока Балор закончит снимать парализующее заклинание с беспорядочно сваленных тел перед тем, как принять хлипкую форму и проскрежетать формальное обращение:

— Я в твоём распоряжении, великий и могущественный Балор.

Грандиозный бог резко повернулся от тел с шорохом длинных темных одеяний, его хромота едва была замета. Ах, да, он сильнее, чем прежде!

Половина его великолепного лица изогнулась в ослепительно прекрасной улыбке, другая половина совершенно скрывалась за искусно украшенной глянцевой маской ворона.

Взглянув вниз на приземистую форму тараканьего бога, он рассмеялся.

— Ах, Гастейн, мой дорогой старый друг, я надеялся, что ты выжил и найдёшь меня здесь. Твои навыки всегда были бесценны.

— Приятно видеть тебя, — сказал Гастейн. — Как я могу служить? — однажды он больше никогда не произнесёт этих слов.

— АОЗ только что известил меня о человечке, которая владеет тем, что должно принадлежать мне. Прочеши Дублин и найди её.

— Я сочту за честь служить твоим целям. Кого мне искать?

— АОЗ даст тебе описание. Когда обнаружишь её, возвращайся ко мне с её местоположением. Не предпринимай действий. Это тело я заберу сам.

— У тебя есть имя? — Гастейн подслушивал всюду, всех и каждого, оставаясь невидимым у их ног, в трещинах и отбросах. Имя поможет.

— Она называет себя Дэни О'Мэлли.

Глава 15

Меня ужасно недооценивают,

но я пришла сюда исправить это^[29]

Само собой, ублюдок отстраивал Честер.

Я стояла на тротуаре, стиснув руки в кулаки, на челюсти играл желвак, и меня так оскорбляла эта двойственность, что я заблокировала свои конечности, чтобы не дать им разорвать меня на части, поскольку они пытались подчиняться прямо противоположным желаниям.

Противоречивость — не моё естественное состояние.

Я стрела, летящая в цель, сосредоточенная, недрогнувшая. Я выбираю сторону и придерживаюсь её в каждой ячейке своей жизни.

За исключением одного.

Этого. Мужчины.

Часть меня хотела вскинуть кулак в воздух и крикнуть: «Грёбанный ад, мой партнёр вернулся, и похоже, в этот раз он планирует остаться надолго!», и все это на бегу, пока я мчалась бы вниз, чтобы собственными глазами убедиться в этом оптимистичном событии.

Другая часть меня хотела вмазать Риодану кулаком по лицу и сломать кости.

Нет, я переоценила процентные соотношения, половина — это неверно. 38 % меня склонялись к идиотски счастливой улыбке, тогда как 62 % меня были возмущены, разъярены, взбешены, и густые клубы пара угрожали повалить из моих ушей.

У меня нечасто болит голова, но сейчас она вот-вот готова была заболеть. В моем теле возникло слишком много давления, и некуда его выпустить.

За то время, на которое он вывел меня из строя без моего согласия, он добился уму непостижимого прогресса. На прежде пустой парковке над подземным ночным клубом Честер теперь стояло каркасное сооружение. Несколько сотен работников сновали в разные стороны, готовясь к следующей фазе проекта.

Фундамент уже залили, он застывал, там лежали стальные балки и брусья, готовые для возведения. Урчали погрузчики, и здесь был даже

небольшой подъёмный кран, перетаскивавший материалы. На поддонах лежали горы брёвен, высились стопки огромных блоков дымчато-серого камня.

Должно быть, он наладил работу по три смены в день, работая и по ночам. Такой уж Риодан. Как только он чего-то хотел, он хотел, чтобы это было ещё вчера. Он ждал, если приходилось, с истинным терпением бессмертного, но если можно было избежать ожидания, он его избегал.

Почему теперь? Его чёртов клуб был разгромлен годы назад, и он ни разу не предпринимал попыток отстроить фасад наверху! Какой посыл я должна была уловить из этого — ты могла два долгих одиноких года выбиваться из сил, помогая Дублину, но я завоевал их верность за считанные дни?

Не то чтобы я думала, будто он делает это, чтобы позлить меня — а учитывая, как он злил меня, это было бы справедливым предположением — но я больше не думаю, что все его действия связаны со мной.

И все же мои супер-уши улавливали слишком много комплиментов в его адрес.

— Эй, мисс? Мисс? — сказал мужчина позади меня.

Я его проигнорировала. Несомненно, я стояла у него на дороге, и он хотел, чтобы я подвинулась и ни на единую секунду не задерживала запланированное Риоданом великое воссоздание мира, которое вскоре будет увековечено в переписанной для этого библии Дублина.

— Мисс, это вы? Я так и думал! — мужчина обогнул меня по кругу, остановившись передо мной. Стянув кепку с головы, он встал, стискивая её в руках, и его румяное лицо сморщилось в улыбке. — Нет больше никого с этим мечом. Добрейшего вам утра, моя дорогая! Жена продолжает спрашивать, не видел ли я вас. Она хотела бы, чтобы вы присоединились к нам за ужином.

Я достала его имя из своих ментальных файлов: Коннор О'Коннор. Некоторых родителей стоит пристрелить в день выбора имени. Посетив их шесть месяцев назад, я одобрила, чтобы Рейни разместила восьмилетнюю Эрин с парой среднего возраста, которая потеряла своих детей при падении стен.

Я сумела разжать челюсти, но выдавливание улыбки даже не обсуждалось. Мои кости были стянуты слишком крепкими резинками. Напряжённо кивнув, я сказала:

— Было бы здорово, благодарю. Я заскочу, когда смогу. Как Эрин?

— Малышка в порядке, насколько это возможно. У неё все ещё время от времени бывают плохие сны, но они случаются все меньше и реже.

— Чудесно. Я знала, что она будет счастлива с вами, — я все ещё не могла разжать руку, так что показала кулаком в сторону хаоса. — Каков тут план? Сколько этажей?

— По меньшей мере, полдюжины, как я слышал, но я не видел планы. Босс внизу. Можете спросить у него. Я слышал, у него на леди глаз намётан, а такая красавица может поразить его и выпытать что угодно, — он мне подмигнул.

Его мнение явно страдало от обширной потери соединения с реальностью. Ответы от Риодана? Как же. Красавица вроде меня? У меня клейкая лента на шее, злость врезалась в каждую мышцу моего тела, и я даже волосы не расчесала.

— Что ж, мисс Дэни, я оставлю вас заниматься своими делами, но надеюсь, что вы найдёте время заскочить. Вы изменили наши жизни, вернули моей жене искру, а когда эта женщина счастлива, мой мир в полном порядке. За нашим столом для вас всегда будет место и порция отличной стряпни моей Мэгги, — покраснев, он опустил подбородок в подобии кивка и посеменял прочь.

На леди глаз намётан?

Мой мозг уловил практически только это.

Если Риодан снова кивал с вершины своей высокомерной, бабницкой лестницы, я ему голову оторву. Я понятия не имела, какое мне вообще дело. Просто оторву и все.

Сжав руки в кулаки, стиснув зубы, я пронеслась по парковке в режиме стоп-кадра, искусно лавируя между машинами и людьми к двери в полу, которая вела к нижнему Честеру, и начала спускаться в Ад, чтобы устроить немного собственного ада.

Глава 16

Я чувствую приближение шторма

(идёт дождь из мужчин)^[30]

Когда блестящий новенький стальной люк закрылся за мной на своём блестящем новеньком гидравлическом приводе, я спустилась по (также новеньким) лестницам, которые заменили некогда корявую лестницу, приваренную к стене.

Будучи подростком, я смотрела на Увидимся-в-Фейри девушек в облегающих как вторая кожа коротких юбках и безумно высоких каблуках, карабкающихся по этой ненадёжной лестнице, и с презрительным фырканьем думала: «*Я вас умоляю, наденьте трусики!*»

Лестницы определённо улучшились.

Раньше было два люка и две лестницы перед тем, как ты добирался до холла нижнего Честера. Теперь проблемы больше не было. Должно быть, вход стал первым местом, на улучшение которого Риодан направил свою команду. Холл теперь представлял собой один громадный вестибюль с длинными, изящно изогнутыми лестницами, которые были построены настолько, чтобы ими можно было пользоваться, но ещё не были закончены — и они завершались черным мраморным полом, настолько отполированным, что он служил обсидиановым зеркалом.

Я так крепко стиснула руки, что едва не сломала собственные пальцы. Ему явно понравились полы в моей квартире. И он их скопировал.

Новые, грандиозные двойные двери возвышались на шесть метров, сделанные из толстой матовой чёрной стали и украшенные фантастическими панелями из кованого железа, изогнутого сложными узорами и несомненно, переплетённого с заклинаниями, которые были готовы активироваться в мгновение ока. Ультрасовременные угольные консоли, инкрустированные ониксом, и дюжина стульев из белой кожи и хрома украшали периметр холла.

Я прошла через комнату и с сердитым лицом распахнула массивные двери. Мне пришлось толкнуть их плечом, а значит, среднестатистическому человеку понадобится, чтобы его впустили с той стороны. Одну долгую секунду я стояла в приоткрытых дверях, дыша

глубоко и медленно и осматривая вид.

Внутреннее освещение ярко светило по всей ширине и длине многоуровневого клуба, и тут вновь присутствовала двойственность: «*В ЧЕСТЕРЕ ВНОВЬ ГОРИТ СВЕТ!*» соперничало с «*Что ещё этот ублюдок скопировал у меня?*» В моей прихожей тоже были стулья из белой кожи и хрома, рядом с угольного цвета консолью. Я украла их из пентхауса какого-то богатого парня. Мне нравилось заниматься декорированием, потому что прежде мне этого никогда не доводилось, а я вижу вещи структурами и схемами, а декорирование — это способ расположения вещей так, чтобы достигнуть максимального визуального счастья. Если его кухня окажется переделанной с моими шкафчиками и задней панелью, он покойник. Смерть, может, для него и временна, но этого «временно» хватит, чтобы я почувствовала себя лучше.

Урбанистическая утончённость сочеталась с индустриальной мощностью, Честер представлял собой лондонского модника, побивавшегося с ирландской шайкой — в лучшем из возможных смыслов. Клуб разделялся на бесчисленное количество многоярусных подклубов, которые вновь скоро забьются под завязку. Когда мир катится к чертям, люди тусуются. Им это нужно. Кого я дурачу? *Мне* это нужно. Это прочищает мои мозги, освежает их как заряд удаляющего мусор антисептика. Дни кажутся ярче, разумнее после того, как ты проведёшь ночь, притворяясь, что мир не сошёл с ума, а ты вовсе не рехнулась в первую очередь — особенно, если закончить эту ночь на хорошем мужчине, хотя после Танцора мне не везло с поисками такового.

Танцор. Дыра в моем сердце никогда не уйдёт. Я всегда скучаю по нему, особенно когда я нахожусь в месте, принадлежащем мужчине, против которого мы с ним вечно вместе плели заговоры.

Некогда я презирала Честер, убеждённая, что Риодан прислуживает не той клиентуре. Теперь я иначе вижу это место.

Как актив.

Вновь открывшийся ночной клуб даст людям выбор. Элириум — единственный клуб в городе, до отказа забитый опасными причудами, он привлекает смертельно экзотичными, сексуально-взрывоопасными Фейри с их иллюзиями, ложью и фальшивыми предложениями бессмертия.

Но Честер предложил бы не менее соблазнительное влечение: бессмертная, бесстыдно сексуальная, загадочная, хищная альфа-Девятка. А если несколько принцев Невидимых, вроде Кристиана МакКелтара и Шона О'Банниона, вновь начнут тусоваться здесь?

Честер затмит Элириум.

Я даже впустила бы инспектора Джейна, он стал бы существенной приманкой. И чем больше людей придут веселиться сюда, тем больше Фейри из Элириума придут сюда вынюхивать, привлечённые банкетом смертной добычи. Почему это хорошо?

У нас вновь будет контроль.

Мы будем знать, что происходит. В клубах люди напиваются, языки развязываются, они выбалтывают вещи, которые не стоило выбалтывать. Минус запрета входить в Элириум: единственная информация о текущем состоянии Фейри, которую я могла добыть, получалась мной от людей, которых я допрашивала на улицах, и мало кто хотел сообщать мне хоть что-то. Я начинала подозревать, что моя фотография висит в туалетах Элириума с крупной подписью «НЕ РАЗГОВАРИВАЙТЕ С ЭТОЙ СУКОЙ, ИНАЧЕ МЫ ВАС УБЬЕМ». За исключением Джейна, я не видела ни шкуры, ни волоска Фейри уже... боже правый, больше года? Они старательно меня избегали, за что я была благодарна, учитывая то, что моя рука на мече так и чесалась.

О, да, теперь я это понимала: предложи своим врагам гостеприимство, позволь им вести себя плохо, не выказывай осуждения. Да, этому есть своя цена, тебе придётся смотреть, как на добычу охотятся, но — и это критично важное «но» — удача улыбается подготовленному разуму; близкое знакомство с врагом делает тебя подготовленным. Я целиком и полностью за повышение шансов на успех, когда дело касается человеческой расы.

Теперь я видела Честер таким, каким не видела его никогда прежде: обширной, сложной, вечно изменяющейся, коварной, необходимой шахматной доской. Армия Белых определённо потеряет пешек, без этого ничего не сделаешь. Но их потеря может добыть голову Чёрного короля, и завершить войну шахом и матом. Как только Белые отвлекутся, попытаюсь защитить пешек, Чёрная армия бросится добивать её и завладеет Белым королём.

Я посмотрела вниз, на танцполы, на элегантную, широкую лестницу из стекла и хрома, которая поднималась к одному из многочисленных частных, никогда-не-доступных-для-публики уровней клуба, где располагался стеклянный офис Риодана.

Вопреки своему взбешённому настроению я улыбнулась.

Фэйд и Кастео стояли на посту у основания, скрестив груди, широко расставив ноги — два по-мужски привлекательных, высоченных, покрытых шрамами бессмертных вышибалы.

Девятка вернулась домой.

На мгновение я просто грелась простым удовольствием этого факта.

Затем мою улыбку стёрло хмурое выражение. Они охраняли ту же скандально известную лестницу, с которой скандально известный Риодан выдавал свой скандально известный кивок каждое утро.

Я знала легенду. Женщина никогда не отказывалась.

Оторвать. Ему. Голову.

Я оторвала взгляд от лестниц и продолжила сканировать клуб. Сотни рабочих сновали в помещении, демонтируя бары и отгороженные зоны, готовясь к ремонту. Я рада была увидеть, что детский подклуб уже разобрали. Я не могла смотреть на него, не думая о Джо. Очевидно, Риодан тоже не мог. Готова поспорить, Лору это также не нравилось. Кроме того, он напоминал мне о том дне, когда Риодан спас мне жизнь, забросив меня в лифт и пожертвовав собой, чтобы поднять кабину со мной наверх, в безопасность. Я отблагодарила его, зарезав всех в детском подклубе, пока он был выведен из строя. Сделала это нарочно, чтобы испоганить его доброе имя среди постоянных посетителей, которым он гарантировал безопасность в своих стенах.

Я поставила его шахматную доску под угрозу. Неудивительно, что он так злился на меня. Я едва не стоила ему информации, которая давала ему способность контролировать мир Девятки и влиять на мир за его пределами.

Боже, кажется, что это было так давно! Это были бесконечно иные времена.

Бесконечно иная я.

Будучи подростком, я считала себя огромно значимой и главной, и я была неконтролируемой, потакала своим желанием, ни на мгновение не задумываясь об их потенциальных результатах. Здесь, в Честере, в четырнадцать лет у меня случилось прозрение, понимание, что мои действия влекут за собой последствия. Я впервые мельком увидела лодки, которые я оставляла после себя перевёрнутыми, и их пассажиров, молотивших руками по воде, пока я проносила по пенистым гребням волн штормового моря Дублина.

На мгновение я просто встала, позволяя воспоминаниям омыwać меня, затем резко стряхнула их.

Я рада была видеть, что клуб вновь открывается. Однако я не была рада видеть его давнего владельца.

Я прищурилась, осознавая, что я не видела его давнего владельца.

Нигде.

Где же он? У меня на него зуб размером с бедренную кость

патаготитана^[31].

Мои руки так крепко сжались в кулаки, что ногти правой руки проткнули кожу до крови. Левая рука в перчатке была холодна как лёд и отчаянно чесалась.

Пройдя вперёд через открытые двери, я позволила им последовать за мной, по одному с каждой стороны. Мне даже не нужно было оборачиваться.

Двое из Девятки стояли за дверьми с обеих сторон, и я не почувствовала их через сталь толщиной в фут, которая, я готова поспорить, покрыта каким-то загадочным сплавом, который так нравится использовать Риодану.

Теперь я определённо их чувствовала, бодрящий электрический разряд шипел на каждом дюйме моей кожи. Но было там и что-то ещё, что-то вызывающее беспокойство. Этот будоражающий разряд смешивался с тем, чего я не замечала, когда была моложе: медленное, тёмное, вопиюще сексуальное тление.

Они источали мужественность, пропитывали воздух осязаемой примитивной приземлённостью, обещанием неутомимой похоти. В отличие от свойственной Фейри безжалостной атаки по чувствам, здесь не было внушения. Они просто источали эротическое приглашение и обещание, пробуждая в теле женщины глубинное неизбежное осознание того, что рядом находился в высшей степени трахательный мужчина, который может обеспечить такой секс, о котором мечтает женщина — взрывающий мозг, сотрясающий землю, всепоглощающий и входящий в историю как лучший секс за все времена. И все, о чем я могла думать — это *«Святой искажённый диод, пожалуйста, не говорите мне, что Риодан теперь тоже источает этот заряд»*.

Что-то в них изменилось? Или изменилось что-то во мне? Вот как Джо всегда чувствовала себя в присутствии Риодана? Вот что другие женщины беспрестанно чувствовали в присутствии Девятки? Была ли я всего лишь слишком юной, слишком сексуально неопытной, слишком самовлюблённой, чтобы почувствовать это тогда?

Возможно.

Я повернулась, чтобы посмотреть, кто встал по обе стороны от меня.

Слева от меня стоял тот, кого я звала Тенью, поскольку никогда не знала его имени. Покрытый шрамами, массивный, возвышавшийся надо мной на целый фут, с горящими глазами цвета виски, он молча наблюдал за мной. Справа от меня, грёбаный ад...

— Лор! — резинки, слишком туго стягивавшие мои мышцы,

испарились, и моё лицо просияло тысячеваттной улыбкой Меги.

Я кинулась в руки высокого светловолосого мужчины и оказалась вознаграждена здоровенным сокрушительным медвежьим объятием, когда вечно-готовый-для-вечеринки викинг подхватил меня и закружил.

Когда он наконец поставил меня, я все ещё лыбились как идиотка, пока он не сверкнул волчьей улыбкой и не сказал:

— Дорогуша, ты мочалила мою задницу два проклятых вечных года. Я охереть как рад, что босс вернулся. Может, найду время снова перепихнуться.

Моя улыбка погасла.

— Погоди, что?

— Перепихнуться. Я могу перепихнуться.

— Я слышала эту часть. Это идёт с тобой в комплекте. Мне не нужно об этом слушать. Два года? Мочалила твою задницу?

— Наблюдал за тобой. Следил, чтобы ты не ввязывалась в проблемы.

Я растянула каждую жилу в своей правой руке, слишком крепко стиснув кулак.

— Ты. Был. Здесь. В Дублине. Два года? Прямо здесь?

Он радостно кивнул.

— Думал, что спасу тебя от тех мутных ублюдков прошлой ночью, но ты и сама с ними отлично справилась, дорогуша.

По какой-то причине это не укладывалось в голове — вероятно, потому что мысль была столь гнусной, что я не впускала её в свой разум.

— Дай-ка проясню: последние два года ты был в Дублине. То есть, в считанных футах от меня. Следовал за мной по пятам. Прятался от меня, — я знала, он способен на это. Девятка в любой момент может меня превзойти. Это приводит меня в ярость.

Его улыбка сделалась ещё шире.

— Ага. Я чертовски хорош, не так ли? Ты ни разу не заметила.

Мои ноздри раздулись.

— И с чего бы тебе совершать такой оскорбительный поступок?

Его улыбка померкла, и он наградил меня темным взглядом.

— Христос. Женщина. Я тебя не понимаю. Я тебя защищаю — ты злишься. Я тебя не защищаю — ты злишься. Я открываю двери — я снисходителен. Я не открываю двери — я пещерный человек, а между прочим, так и есть. Что за биполярная херня? Начинаю думать, что вы, цыпочки, понятия не имеете, чего вы хотите, или постоянно меняете мнение, просто чтобы потрахать нам мозг.

— Я злюсь не потому, что ты меня защищал — хотя я не вижу, как ты

меня защищал, учитывая, что ты ни разу не появился и не сделал ничего, чтобы мне помочь. Я справлялась со всем сама, и хоть я никогда не возражаю против подкрепления, то, что ты делал, называется подглядыванием и равноценно слежке за мной, против моей воли, несомненно, по приказу этого вечно вмешивающегося доминирующего мудака. Мне нужен был друг, Лор. А не чёртов невидимый щит.

— Босс никого не слушает, дорогуша. Я ему говорил, что это тебя взбесит.

Я произнесла ледяным тоном:

— Но ему было все равно, — *«Не беспокойся, — сказал он мне на кладбище той ночью, — я принял меры предосторожности, ты будешь защищена»*. Кроме того, он так и не ответил на мой вопрос, уходит ли вся Девятка. Он не соврал. Но недостаток информации может быть таким же оскорбительным.

— О, ему не все равно, дорогуша. Он всегда заботится о тебе. Просто принимает свои решения и действует. Практически как все, когда я знаю. Вы двое заслуживаете друг друга, оба из той чёртовой породы я-знаю-лучше-чем-все-остальные.

— Я и он не являемся и никогда не будем горошинами в Мега-стручке. Только в своих грёбаных снах он достигнет таких высот. Где он? — потребовала я.

Глубокий, богатый, баритоновый смешок прокатился по танцполу за мной, на два уровня ниже.

— Ах, Дэни.

И вот он, голос, которого я не слышала два долгих года, за исключением непрощенных, нежеланных снов. Я задрожала, когда он прокатился ко мне. Тот же чёртов заряд, то же мгновенное напряжённое осознание Риодана как сокрушительно сексуального мужчины, какое я улавливала от Лора и Тени. Дерьмо. Я предпочитала ту необъяснимую дрожь в животе, которую я чувствовала, будучи подростком, а не это болезненно обострившееся осознание собственных гормонов и Меня. Не. Переменит. В этот. Раз. Я вдохнула глубоко и полно, шлёпнула торопливый, но прочный ментальный барьер вокруг всего, что хоть как-то касалось секса. Убрала это в коробку, покрыла её чистым титаном. Я больше не ребёнок, и не стану вести себя как дитя.

— Я здесь. Ребёнок.

Ребёнок. Перед глазами все покраснело от кровожадности, и мой разум обострился до болезненной ясности.

Лор простонал:

— Оу, черт, дорогуша, не делай этого.

Я ринулась в стоп-кадр, грациозная как газель, голодная как лев. Я знала каждый дюйм этого клуба как тыльную сторону своей руки.

Моё процентное соотношение изменилось. Я на 1 % была рада, что он вернулся. На 99 % решительно настроена надрать его невыносимую задницу.

Глава 17

*Как ты мог меня оставить, когда мне нужно было
обладать тобой, я ненавидела тебя*^[32]

Я врезалась в Риодана на предельной скорости, гранатой с выдернутой чекой и летящими кулаками. Я ударила его так сильно, что мы налетели на мраморную колонну, которая от столкновения удовлетворительно задрожала. Затем я схватила его, отдирая от колонны, и впечатала в стену.

Он не бил меня в ответ, он даже не сопротивлялся, и это взбесило меня ещё сильнее.

Я снова бросилась на него, отодрала от стены и швырнула через всю комнату. Он врезался в поддон с брёвнами с такой силой, что дерево разорвалось и полетело во все стороны.

Я смутно осознавала ошеломлённые лица рабочих. Я смутно осознавала, что веду себя тревожно похоже на то, как я вела себя в детстве.

Мне было все равно.

— Прыгай в поток, — зарычала я на него. Он даже не присоединился ко мне. Просто торчал в обыкновенном медленном мире, где все его видели, и позволял мне избивать его. Должно быть, для них все выглядело так, будто его метнул через всю комнату вспыльчивый тасманский дьявол.

Он встал, отряхивая свою безукоризненную одежду прекрасного кроя, скрестил руки на груди и бросил на меня жёсткий, предостерегающий взгляд. «*Я тоже рад тебя видеть, Дэни*».

У него даже кровь нигде не шла. Я что, безобидная?

Я вывалилась из потока с грохотом ботинок и прорычала:

— Я не говорила, что рада видеть тебя, и я так не считаю. Ты ублюдок. Прыгай. В. Поток. Дерись со мной.

«*С чего бы мне это делать?*»

— И не разговаривай со мной, не разговаривая со мной. У тебя нет права. Держись подальше от моей головы.

Его глаза прищурились. «*Кто сильнее...*»

Я снова ринулась в поток, перебивая его. С меня довольно, я больше ни секунды не стану слушать его дерьмо в духе «Кто сильнее, у того и право» или «владение — это девять десятых закона», или любую другую

его бессмертную философию. Иногда есть лишь один способ разрешить ситуацию: пуститься во все тяжкие и драться. И видит Бог, он будет драться со мной, а я выплесну на его нерушимое тело свою ярость из-за множества вещей, которые он сделал, чтобы задирать меня и оскорблять.

Я снова врезалась в него, ударив его так крепко, что мы взлетели в воздух, и отбрасывая его своим телом назад, отчего он впился в очередную колонну с такой интенсивностью, что та треснула от потолка до пола. Мы вместе соскользнули вдоль неё, я стискивала его воротник обеими руками.

Он оставил меня на два года. Ни разу не написал мне смс. Не позвонил. Оставил тут Лора, прятавшегося от меня вне зоны досягаемости. Меня вовсе не успокаивало то, что Лор мог информировать его о моем благополучии. С моей точки зрения, это не считалось.

Затем он вернулся, позволил мне спасти его жизнь и ушёл, не сказав ни слова.

Назвал меня ребёнком.

Как раз когда я собиралась врезать ему кулаком по лицу и впечатать его голову обратно в колонну, чтобы посмотреть, обрушится ли она от моего следующего удара — колонна, не его лицо — Риодан выдернул меня из потока, схватив за рукав и гладко вытащив меня в реальный мир с реальными мировыми последствиями, где случались болезненные вещи, и заставил меня стоять неподвижно, одна большая рука наручником сомкнулась вокруг моего запястья.

— В чем, — сказал он очень тихо, — твоя проблема, Дэни?

Моя проблема? Это не у меня тут проблемы. Я наградила его свирепым взглядом. Наши лица находились так близко, что я могла видеть крошечные кроваво-красные искорки, поблёскивавшие в его льдисто-серых глазах. Древних, нечеловеческих глазах, ясных и холодных.

Он даже не дышал тяжело.

Я задышалась.

Я подняла свободную руку, чтобы врезать кулаком по его выбешивающе спокойному лицу, но моя явно одержимая рука схватила в кулак его короткие тёмные волосы и дёрнула его лицо к моему, тогда как мои явно сошедшие с ума губы впились в его губы.

Во мне взорвалось неистовство похоти. Годы одиночества, годы неудовлетворённого голода, годы скучания по нему.

Я целовала его так, будто он был полем битвы, а я рождена провести на нем все мои войны. Я целовала его так, будто он был единственным королём, ради которого эта воительница-амазонка когда-либо поведёт

свою армию в бой. Я целовала его так, будто мы были первобытными, смертоносными зверьми, бесстрашно вышагивавшими по тем жестоким, убивающим, лишённым людей землям, куда страшились ступить ангелы, и я целовала его с голодом, который ни разу не был утолён, я выпускала весь огонь и ярость и дикость своей души — а уж этого было охереть как много.

Он хрипло застонал, руки скользнули к моей заднице, рывком привлекая меня ближе, как будто возможно ещё ближе, когда я уже распласталась на нем словно вторая кожа. Затем мой поцелуй изменился, и я целовала его с каждой унцией неукротимого, мучительного одиночества в моих слишком-человеческих костях и плоти, с каждым одержимым, болезненно обнажённым клочком меня, уставшим тянуться со всей интенсивностью и намерением жизни и ничего не касаться, потому что я не могу трахать нормальных мужчин, они не понимают меня так же, как я не понимаю их, и я ухожу более холодной и более одинокой, чем ранее. Я целовала его со всеми радужными разбитыми надеждами и мечтами ребёнка, которого предали слишком травмирующими и слишком бесчисленными способами, и я целовала его со страстным желанием быть той, кто заставляет веселье вспыхнуть в его глазах.

Я тёрлась об него своим телом и целовала его так, будто он был единственным мужчиной, которого я считала достаточно сложным, достаточно гениальным и достаточно сильным, чтобы заслуживать поцелуя, и я целовала его так, будто он сделан из костяного фарфора — мужчину, который знал так мало нежности в своей жизни, как и я, потому что он всегда должен был быть сильным, как и я, потому что он мог, как и я, и мир нуждался в нем, как и во мне, и когда ты подходишь под определение, тебе не остаётся ничего другого.

Я целовала его с преданностью, с неукротимым сексуальным благоговением, изголодавшись по возможности вот так дать себе волю. Я предложила ему свою молитву, свой вызов — тот, который вечно оставался без ответа: *«Ты там? Ты такой же до боли живой и осознающий, как я? Ты чувствуешь, как много я тебе даю, когда касаюсь тебя вот так? Ты меня заслуживаешь?»*

Иными словами, к моему полному и безграничному ужасу, я целовала Риодана всем своим сердцем. И этот мудака так этого не заслуживал.

Я рванулась назад, отодравшись от него.

Остановилась.

Встала.

Он пристально смотрел на меня, глаза полностью окрасились кроваво-красным, похоть пылала в них с такой интенсивностью, что я

прерывисто втянула воздух и сделала ещё один шаг назад. Я пробудила зверя и в тот момент не полностью была уверена, что его можно усыпить обратно. Он ринулся вперёд, одёрнул себя и остановился, сжимая руки в кулаки вдоль боков.

Я отвела от него взгляд. Осмотрелась по сторонам. Все глаза в помещении остановились на мне.

«Я даже не знаю, почему я только что это сделала», подумала я. Затем, к своему полному и безграничному ужасу, я осознала, что произнесла эти слова вслух.

— Что ж, если чувствуешь необходимость в ещё одном таком моменте, часе или даже годе, — сиплым голосом сказал один из работников на стропилах, — я с радостью вызовусь добровольцем.

— Ты уволен, — прорычал Риодан, не потрудившись взглянуть на мужчину. Он вдохнул медленно и глубоко, снова скрестил руки на груди и прислонился к треснувшей мраморной колонне, уставившись на меня горящими кроваво-красными глазами. Никаких искорок. Чистый, неразбавленный зверь полыхал в его взгляде, клыки мельком виднелись во рту.

Я прошипела:

— Нет, не уволен. Ты не увольняешь людей просто потому, что тебе не понравилось то, что они сказали. Ты увольняешь людей, если они не выполняют свою работу правильно. Ему нужна работа. Ты его не увольняешь.

— Ах, Дэни, — натянуто сказал он, — ты меня поражаешь. Ты говоришь мне, что делать. Кажется, я забыл, кто из нас мужчина. Возможно, ты нуждаешься в напоминании.

Я не сомневалась, какого рода напоминание у него на уме.

«Ты открыла эту дверь», выстрелили кровавые глаза.

«И я её закрываю», — парировала я в ответ.

«Попытайся, женщина». Его губы изогнулись в темной улыбке, полной обещания того, что он слышал каждое слово, произнесённое моим телом, и не собирался позволить мне забыть хоть одно из них.

Мои эмоции пребывали в хаосе, каждая взорвавшаяся из них светилась, искрась. Пока он отсутствовал, я бесчисленное количество раз разговаривала с ним, с дотошными уничижительными деталями перечисляя многочисленные жалобы, которые у меня к нему имелись. Я бомбардировала его остроумными, гениальными, колкими ремарками. Я превращала его в извиняющегося, кающегося мужчину, жаждущего завоевать обратно мою милость.

Я не могла придумать ни отвого однета — то есть, ни одного ответа. Грёбанный ад, кто-то вытащил мозг из моего черепа и напихал в опустевшее пространство ватных шариков.

Я взвалила титанический вес своего унижения и стыда в поток, пронеслась по лестницам и вырвалась за дверь.

— Проклятье, — хрипло сказал Лор. Он прочистил горло и повторил ещё раз: — Проклятье. Босс, должно быть, это стоило каждой унции тумачков, которыми она тебя наградила, и ещё хреновой тучи сверху. Думаю, мне нужен холодный душ. Нее, пять блондинок.

Мужчины рассмеялись, согласно забормотав.

С горячим лицом и пылающими щеками я не задержалась достаточно долго, чтобы услышать ответ Риодана.

Глава 18

Напряжена душа, учащаяся летать, все ещё на земле^[33]

Поцелуй отправился в коробку.

Весь провал в Честере отправился туда.

Я просто притворилась, что этого не произошло, и продолжила свой день. Люди тратят так много времени на обдумывание того, что сделали, тогда как даже все обдумывание на свете ни на йоту не изменит и не отменит совершенного поступка. Единственное, что изменяет неудовлетворительное состояние, в котором ты оказался — это твои будущие действия.

Или никогда больше не встречайся с этим человеком, или встретиться и сделай что-нибудь, чтобы исправить положение вещей. Например, соври. Заяви, что ты была одержима Захватчиком. Сдай назад быстро и резко.

Я не сомневалась, что снова увижу этого ублюдка, и поскольку в промежутке до этого я не тратила времени на то, чтобы раздражать себя, я буду холодной, собранной и способной выставить факты в ином свете. Каким-нибудь образом.

Я провела несколько часов, посещая дома в своём списке, и с удовлетворением убедилась, что оба они пригодны для размещения детей. Когда я позвонила Рейни, она обрадовалась, что я сочла её выбор приемлемым. До настоящего времени она не выбирала дом, который мне показался бы непригодным, её работа безупречна, и я начинала вырабатывать приятную привычку доверять нашим рабочим отношениям.

Я также заскочила в раздражающе яркий, раздражающе современный книжный магазин Бейна (я отказывалась называть его аббревиатурой, он её не заслуживал) и ушла с пакетом книг: «Ирландские легенды», «Краткое изложение Книги Захватов», «Когда друиды ходили по земле», «Великаны и короли Ирландии», «Энциклопедия кельтской мифологии», плюс две моих любимых графических новеллы в идеальном состоянии: «Бэтмен: Лечебница Аркхэм» и «Бэтмен: Что могло случиться с рыцарем в маске?»

Я направлялась обратно в свою квартиру, чтобы выследить Шазама, поскольку начинала все сильнее беспокоиться из-за его долгих отлучек в последнее время, и тут мой задний карман завибрировал оповещением о

сообщении.

Клянусь Богом, моя задница знала, от кого оно.

Сегодня получила множество сообщений — от Рейни, Кэт, нескольких своих друзей и птиц, докладывавшихся с отчётом. Но это другое. Оно буквально укусило мою задницу через джинсы.

Риодан.

Его слова в моем заднем кармане.

Даже у них были клыки.

Нахмурившись, я выхватила телефон, и тщательно убранные в коробку недавние события угрожали взорваться в моем черепе.

«ЗАБЕРУ ТЕБЯ В ВОСЕМЬ, НАДЕНЬ ПЛАТЬЕ».

Мои брови вскарабкались по моему лбу и исчезли у линии роста волос.

Серьёзно? Большие пальцы яростно запорхали над клавишами, и я напечатала слова, полученные от Бэрронса несколько лет назад. Он был прав.

«Заглавные буквы создают впечатление, будто ты орёшь на меня».

Его ответ пришёл так быстро, что я готова поклясться, он уже напечатал его и держал наготове.

«Я орал. Иначе ты никогда не слушаешь».

— Надень. Платье, — я бурлила негодованием, в голове поднимался пар. Я знаю Риодана, и он знает меня. Значит, он знал, что если сказать мне надеть платье, это практически гарантирует, что я выберу что угодно, кроме платья.

Но... с этим мужчиной нужно думать немного дальше, потому что он так и думает, всегда глядя вперёд. Поскольку он знал, что если сказать мне надеть платье, это заставит меня выбрать что-то другое — и он также знал, что я прекрасно осознаю, как работает его манипулирующий мозг — он знал, что в итоге я решу надеть проклятое платье просто чтобы доказать, что он мной не манипулирует. Итак, он в любом случае оденет меня в платье.

Это совершенное безнадёжное мероприятие. Как мне победить? Надеть платье или нет?

Теперь я совершенно точно и полностью понимаю, почему Та Женщина отправилась на сражение с Шерлоком голой.

Единственный способ, как я могу выиграть — это не быть там в восемь часов. В это самое мгновение мой экран осветился новым сообщением от него.

«Дело не в нас. Наш город в беде. Будь там».

— Ой да пошёл ты, — прорычала я. Конечно, провоцируй моё внутреннее, крайне искажённое чувство личной ответственности.

Я засунула телефон обратно в карман, подавляя желание отключить сигнал дальнейших сообщений. Я не позволю ему заставить меня подвести мой город, не оказавшись рядом, когда кто-то напишет мне в момент нужды.

Я неслась обратно в свою квартиру, чтобы потребовать присутствия (и совета!) Шазама, когда увидела одну из них: птицу со сломанным крылом, а может, двумя.

Я вздохнула и описала круг назад, к уличному торговцу едой, озвучила заказ, перестраивая свои приоритеты и наблюдая за ней краем глаза — она съёжилась на скамейке снаружи паба, дрожащая и бледная, сильно избитая.

Я не знала её историю, мне и не нужно было. Я знала этот взгляд. Эта проблема распространялась: бесправных можно было найти едва ли не на каждом углу каждой улицы в каждом городе нашего мира.

Их истории были какой-нибудь версией следующего: их семьи/дети/любовник были убиты, когда стены пали, и они потеряли свою работу; они смотрели, как их братья/сестры/друзья/родители были соблазнены и уничтожены Видимыми или Невидимым; худшие из людей охотились на них.

С остекленевшими глазами, отупевшие, затерроризированные и превращённые в жертв, они стали добычей-магнитом.

Не всем так везло, как мне. Не у каждого была тяжёлая жизнь, так что когда ситуация принимает непростой оборот, они не знают, как двигаться дальше.

— Вот. Ешь, — я предложила женщине сэндвич, который только что купила. Она была молодой, слишком хорошенькой, чтобы оставаться незамеченной, и худенькой.

Дрожа, она подняла голову и посмотрела на меня. Её глаза остекленели от шока, кожа от страха побелела как снег. Она не двинулась в сторону еды, завернутой в вощёную бумагу, и она не возьмёт её в ближайшее время, я могу сама наброситься на еду. Это одно из моих любимых блюд — горячая свежепойманная рыба в панировке и соус тартар, очаровательно устроившиеся в кунжутной булочке с хрустящим картофелем, который сочился салом.

— Я Дэни, — сказала я, присаживаясь на дальний край скамейки и оставляя между нами большой участок, чтобы она не чувствовала себя загнанной в угол. — Я помогаю тем, кто в этом нуждается. Возьми сэндвич

и съешь его. Я ничего от тебя не хочу. Но если ты останешься тут, какой-нибудь ублюдок навредит тебе ещё сильнее, чем тебе навредили сейчас. Ты понимаешь?

Она вздрогнула. Кто-то её избил. Недавно. Её нижняя губа лопнула, один глаз заплыл от свежего удара. Я знаю синяки, её глаз и половина щеки почернеют ещё до захода солнца. Она знала, что уязвима, но случившееся сделало её надломленной, неспособной принимать решения. Она находилась здесь, потому что ей некуда было идти, некому было о ней позаботиться, пока она восстанавливала — или впервые обретала — силу бороться. Тут в дело вступаю я.

— Серьёзно. Ты почувствуешь себя лучше после того, как поешь. Вот газировка. Выпей её. Сахар все делает чуточку лучше, — я осторожно поставила баночку в пространство между нами.

Мгновение спустя она выхватила сэндвич из моей руки и взяла газировку. Когда она принялась возиться, пытаясь открыть баночку, я потянулась, чтобы помочь, и она опять вздрогнула.

— Полегче, я только собираюсь открыть банку, — сказала я. Тыльные стороны её ладоней были содраны почти до мяса, окровавленные ногти сломаны под основание.

Она откусила первый кусок от сэндвича с видимым отвращением, машинально прожевала, с трудом проглотила. Второй пошёл таким же путём.

Затем я увидела то, что всегда надеюсь увидеть, но не всегда получаю: она ненасытно набросилась на еду, отрывая большие куски, запихивая их в рот, забрасывая картошку следом, размазывая соус тартар и масло по подбородку. Её тело было голодно, и вопреки её травме, хотело жить. Теперь мне остаётся лишь привести её разум в гармонию с этим.

Закончив, она обмякла на деревянных плашках скамейки, вытирая лицо испачканным поношенным рукавом.

— Я не знаю, что произошло, и мне не нужно знать, — тихо сказала я. — Я предлагаю тебе квартиру, забитую едой, водой, всем, что тебе нужно. У меня дюжины таких мест по всему городу для ребят, которые в этом нуждаются. Это — твоё на тридцать дней. Ты можешь оставаться там, пока справляешься с тем, что случилось, есть, спать и принимать душ в мире. Периодически я буду заглядывать, чтобы убедиться, что ты в порядке, — обычно через неделю они готовы говорить. Нуждаются в этом. Я предлагаю тридцать дней, потому что временной лимит давит, а твёрдая рука придаёт пластилину форму. Если им понадобится больше тридцати дней, и они будут ревностно стараться восстановиться, они получают это

время.

Она прочистила горло, и её голос прозвучал охриплым, севшим, как будто она недавно кричала. Но никто не слышал. И никто не пришёл.

— Почему? — спросила она.

— Потому что каждого мужчину, женщину или ребёнка, которого мы теряем в этом мире, я принимаю близко к сердцу.

— Почему?

— Просто так я устроена.

— Что ты хочешь взамен?

— Чтобы ты разозлилась. Исцелилась. Может, присоединилась к тем из нас, кто пытается сделать мир лучше. Ты принимаешь наркотики? — это определяющий фактор. Принимающих тяжёлые наркотики я обычно теряю. Птиц со сломанными крыльями так много, что я стараюсь сосредоточиться на тех, что имеют более высокие шансы на успех.

— Нет, — сказала она с первым замеченным мною признаком оживления — слабым проблеском возмущения.

— Хорошо.

— Ты серьёзно, ребёнок? — резко спросила она, выделяя слово «ребёнок».

Злость встречалась часто. Принизить меня, отвлечь. Это никогда не работало.

— Как будто ты намного старше меня, — усмехнулась я. — Мне двадцать три года, — я склонилась к самому крупному варианту своего возраста, чтобы завоевать доверие, — и эти годы были жёсткими.

Её резкость исчезла. Это требовало энергии, а свободной энергии у птиц мало, когда вся она захвачена внутренним циклоном, завихрявшимся вокруг того ужаса, который они пережили, поднимавшим столько внутреннего мусора, что они едва могли ясно видеть.

— Мне двадцать пять, — прошептала она. — День рождения был вчера.

Сурово. У меня у самой было несколько непростых дней рождения. Я не была настолько глупа, чтобы желать счастливого дня рождения. Иногда такой вещи просто не существует. Я вновь попыталась выудить её имя, установить эту хрупкую первую связь.

— Я Дэни.

Её ноздри раздулись.

— Я и в первый раз слышала.

— А ты?

— Не ношу меч, разнообразные пистолеты и оружие, — она

произнесла это как оскорбление.

Я легко ответила:

— Ну, потусуйся со мной, и мы исправим это дерьмо.

Её глаза вновь опустели, и она произнесла на тихом утомлённом выдохе:

— Я не боец.

— Тогда ты умирающая? — с моей точки зрения было лишь две позиции.

Долгое молчание, затем:

— Я не хочу ей быть.

— Это уже начало. Ты думаешь, мир станет приятнее?

Она начала плакать, безмолвные слезы покатались по её щекам. Я знала, что не стоит похлопывать её рукой в жесте утешения. Птиц легко спугнуть. Ты не вторгаешься в их пространство, иначе они полу-улетят, полу-уползут прочь. Тебе приходится действовать ненавязчиво. Фокусироваться на отведении их в безопасное место. Что бы она ни пережила, это произошло очень недавно. Судя по тому, как она прокомментировала свой день рождения, я подозревала, что вчера.

Я сказала:

— Я сейчас встаю. Я уйду отсюда. Следуй за мной, и я уведу тебя с улиц. У тебя будет тридцать дней с заботой, едой и домом, чтобы решить, кем ты хочешь быть, когда вырастешь, — я отпустила шпильку.

Шпилька воткнулась, и она тут же оцетинилась:

— Я взрослая.

— Если это твой конечный продукт, то у тебя проблемы, — я оттолкнулась и ушла, не замедляясь. Они должны захотеть пойти.

— Подожди, — сказала она позади меня. — Я ранена, я не могу идти так быстро, как ты.

Потому что она не могла видеть моего лица, я позволила себе улыбнуться.

Я показала ей квартиру, заостряя внимание на многочисленных засовах с внутренней стороны двери, на еде в кладовке, на том, как приходилось поддеть вентили плиты, чтобы заставить их работать. Я не открывала холодильник; кровь для Шазама заберу на обратном пути.

Она деревянными шагами прошла в уборную, встала, тупо уставившись на кровать, и за её глазами бушевала буря. Когда случаются

плохие вещи, ты какое-то время переживаешь их заново, продолжаешь видеть их раз за разом. Психиатры называют это «навязчивыми мыслями», но из-за названия создаётся впечатление, будто они непостоянны и вторгаются в «нормальные» мысли. В ближайшее время после этого не существует никаких нормальных мыслей. Ты оказываешься в ловушке в кинотеатре, который раз за разом воспроизводит фильм ужасов, и ты не можешь сбежать, потому что кто-то запер все двери, а фильм проигрывается на каждой стене.

Если только ты не разозлишься достаточно, чтобы выломать дверь.

Некоторые вещи не стоят анализа. Ты оставляешь их позади. *Actus me invito factus non est meus actus*. Следовательно, те действия, которые ты совершаешь для этого, тоже не должны анализироваться.

Если я не могу разозлить их — правильным образом, а есть и масса неправильных — я неизменно их теряю.

У неё не было сумочки. Не было денег. Её одежда была грязной и порванной, её безразмерная мужская рубашка была явно краденой — служебная рубашка с обанкротившейся бензоколонки, с вышитым на кармане именем Пэдди.

— У тебя есть телефон? — спросила я.

Она кивнула и неуклюже выудила его из кармана рубашки.

— Забей мой номер, — я протараторила цифры и смотрела, как она их печатает. — Если захочешь уйти из квартиры, напиши мне смс. Я или один из моих друзей придём за тобой. Моя цель — сохранить тебя в безопасности и живой, пока твоя голова не придёт в норму. Поняла?

— Поняла, — прошептала она.

— Что-то захочешь — пиши смс. Тебе нужен доктор?

Она покачала головой.

— Я исцелюсь.

Её тело — да. Насчёт остального посмотрим.

— Твоё имя?

— Рошин, — онемело произнесла она.

Соединение установлено.

— Круто, — я повернулась, чтобы уйти, когда ощутила её руку на своём плече и развернулась обратно к ней.

Затем она обняла меня, и я подумала: *«Дерьмо, если она коснётся моей головы, я могу её взорвать»*, так что я вела себя ещё более неловко, чем обычно, когда кто-то меня внезапно обнимает, но я справилась и типа успокаивающе похлопала её по плечу, пытаюсь удержать её подальше от своей шеи и головы.

Она ахнула от боли, отшатнулась. Когда она повернулась ко мне спиной, я увидела кровь на её рубашке, расцветавшую над её правой лопаткой. В значительных количествах.

— Теперь ты можешь идти, — произнесла она. Напряжённо. Не потому, что она злилась, а потому, что она едва держалась. Я хотела потребовать, чтобы она показала мне свою спину, решить самой, нужен ли ей доктор.

Я знаю, каково это, когда кто-то пытается слишком приблизить и рассмотреть вещи, о которых я не хочу говорить.

И все же я не стану ждать неделю, чтобы проведать её. Я буду здесь завтра. Утром. С кофе, бинтами и надеждой, что безопасная ночь сна успокоит её достаточно, чтобы она позволила мне взглянуть.

А пока частичное отвлечение.

— Не бойся, если огромное... котоподобное создание с фиолетовыми глазами и жирным белым животом появится здесь. Я имею в виду, буквально, просто появится из воздуха. Не бросайся в него вещами, и что бы ты ни делала, не называй его толстым и даже не давай ему понять, что ты так думаешь. Он супер чувствителен и эмоционален, склонен к плаксивости. Он может превратиться в гигантскую рыдающую лужу. Просто скажи ему, что Дэни сейчас здесь не живёт, и он уйдёт.

Рошин резко развернулась как нервная марионетка, не сама дёргающая за свои ниточки.

— Погоди, что?

Но я уже схватила пять пинт крови из холодильника, забросила их в сумку и направилась к двери.

— Запри за мной, — приказала я, закрывая за собой дверь.

Шазам всегда просматривал наши квартиры перед тем, как материализоваться. Рошин нечего бояться.

Но хотя бы первое время она будет беспокоиться о появлении эмоционального, очень толстого кота с фиолетовыми глазами, и часы до того времени, как она наконец уснёт, пройдут проще.

Я в раннем возрасте выучила, что моменты комедии во время фильма ужасов могут стать спасительным кругом, достаточным, чтобы удерживать тебя на поверхности жестокого, убивающего моря.

Убийца

Она продала меня.

Тому, кто предложил самую высокую цену.

Обманув Ровену, моя мать продала меня на открытом рынке как призовую свинью, я узнала об этом потом — с видео, где я пытаюсь перемещаться в режиме стоп-кадра в клетке, где она заставляет меня крушить разные объекты в крошечном кулачке, с прилагающимся детальным списком моих сверхъестественных способностей.

Они пришли однажды поздно ночью, и я была так рада видеть кого-то помимо моей матери или, в очень редких случаях, одного из её обкуренных бойфрендов, кого-то, кто конечно же пришёл освободить меня, что я начала вибрировать, так быстро двигаясь от стенки к стенке за решётками, что я сделалась просто размытым белым пятном в тусклом свете экрана телевизора.

Я была так рада, что даже не могла говорить.

В нашем доме никогда прежде не было никого, кроме моей матери и этих обкуренных мужчин с остекленевшими глазами, и я страшно боялась, что она вернётся и не даст моим спасителям меня освободить.

Когда я наконец обрела дар речи, я раз за разом повторяла «пожалуйста, выпустите меня, пожалуйста, выпустите меня, вы обязаны меня выпустить» в каком-то ошеломлённом тумане.

Это были Ответственные Взрослые, как те, что в телике.

Они были одеты в тёмные костюмы и блестящие туфли, и у них были аккуратно подстриженные волосы над воротниками и галстуками.

Они были из тех людей, которые спасают других людей. Которые приходят из мест вроде «Агентство Ребёнка и Семьи», TUSLA — ещё одно слово, которое я всегда видела в своих мыслях с большой буквы, цвета бескрайних синих небес.

Но вопреки моим мольбам они встали посреди нашей захудалой гостиной, с просевшим клетчатый диваном и поцарапанными деревянными полами, и начали обсуждать меня так, будто меня здесь вообще не было.

Как будто я была не только супер-быстрой и супер-сильной. Но и супер-тупой. Или супер-глухой.

В конце концов, я перестала размываться в скудном пространстве и заткнулась.

Я подтянула колени к своей худенькой груди и съёжилась за решётками, осознав, что некоторые люди рождены в Аду и просто никогда оттуда не сбегали.

Они говорили слова вроде «предел выносливости» и «стрессовые условия», они говорили слова вроде «яйцеклетка», «искусственное оплодотворение» и «супер-солдаты». Они обсуждали, как лучше всего изменить и контролировать меня.

Затем они били меня током через эти решётки, снова и снова, посылая разряды крайне высокого напряжения в моё маленькое тельце, поджаривая мои нейронные связи, превращая меня в дрожащую массу на потрёпанном комковатом тюфяке, который некогда был матрасом.

Они говорили слова вроде «хирургическое усовершенствование» и обсуждали области моего мозга, возможность препарирования, как только они получат достаточные запасы репродуктивного материала.

Они обсуждали передозировку, которую они устроят моей матери, стирая все узы между мной и миром.

Одиноким человеком быть сложно.

Когда я больше не могла дёргаться, они открыли мою клетку.

Они.

Открыли.

Мою.

Клетку.

Ни разу после того идеального, полного магических воспоминаний пузыря ночи много лет назад, когда моя мать мыла мне волосы и играла со мной в игры на кухонном столе, пока меня не сморил сон, ни разу с той ночи, как я задремала рядом с ней в постели, прижимая свои крохотные ручки к её щекам и глядя на неё, засыпая, купаясь в её любви, уверенная, что я для неё — самая особенная во всем мире, ни разу эта проклятая дверь не открывалась.

СТАРШЕ и СНАРУЖИ ждали.

А я не могла пошевелиться.

На периферии моего зрения устаревший, поблёкший календарь с его пожелтевшими, загнутыми краями, на котором моя мама давным-давно перестала вычёркивать дни, насмехался надо мной с пониманием того, что я была наивной душой.

Веря — спустя столько времени после того, как мне были даны все возможные знаки, что я ничего для неё не значу, и никто меня не спасёт — бесконечно веря, что я имела значение. Что она заботилась.

Позади них телик показывал повтор «Счастливых дней», а я лежала

парализованная, с сожжѣнными нейронными связями, смотрела, как они наклоняются, чтобы схватить меня за ноги и вытащить из клетки, и я гадала, что это за люди такие получают счастливые дни, и я задавалась вопросом, почему мои оказались такими мимолѣтными.

Я не сомневалась, что их клетка будет ещѣ мощнее, а моѣ заточение будет куда сложнее вынести.

Иногда что-то внутри тебя просто ломается.

Это не подлежит восстановлению.

Я умерла на полу той ночью.

Моѣ сердце перестало биться, и моя душа вылетела из моего тела.

Я ненавидела.

Я ненавидела.

Я ненавидела.

Я ненавидела.

Я ненавидела такой сильной ненавистью, что все потемнело, и я отключилась на несколько секунд, а затем я вернулась, но все во мне щѣлкнуло, изменилось, перепрошилось.

Я, счастливый кудрявый ребѣнок, с такими грандиозными мечтами, хвастливая, выпячивающая грудь колесом, ждущая, всегда ждущая, когда кто-нибудь еѣ полюбит.

Когда Даниэль Меган О'Мэлли умерла, родилась некто иная. Некто более холодная и более собранная в сравнении даже с той Другой, в которую я в последнее время так часто скатывалась. Джада.

Я приветствовала еѣ с распростѣртыми объятиями. Она была необходима, чтобы выжить в этом мире.

Она была сильной, безжалостной, хладнокровной убийцей. Она была человеком, слишком человеком, и все же не человеком вовсе.

Джада подняла на них взгляд, пока они говорили и смеялись и убрали цепь с ошейником с моей шеи.

Ох, ощущение воздуха на моей коже под этим проклятым ошейником!

У них были наручники и цепи. Капюшон.

Джада холодно анализировала мой мозг, моѣ тело, разбираясь, как разряд электричества изменил положение вещей, а затем Джада устранила это все, оставаясь обманчиво пассивной, беспомощной, поражѣнной.

Я помню, как думала: «Боже, неужели они не видят еѣ в моих глазах? Она Кара. Она Смерть». С тех пор я видела еѣ в зеркале.

Не поймите меня неправильно. У меня нет множественных личностей. Я научилась расщеплению личности, чтобы справляться с

голодом и болью. Другая была холодной, онемелой версией меня. Но Джада — это Другая на стероидах. Дэни — мой фундамент, Джада — моя крепость. Даниэль — дочь моей матери. Джада — дочь Морриган, богини войны, достойной матери.

Даниэль — та, что умерла.

Я сохранила чистое сердце. Я сохранила свирепость.

Перестала дышать лишь маленькая девочка, которая любила Эмму О'Мэлли.

В ту же секунду, как только я оказалась вне клетки, я вскочила, метнулась в стоп-кадр и вырвала их сердца, одно за другим, сжимая их между пальцами, пока они не взрывались, забрызгивая кровью всю меня и все вокруг.

Затем тихонько, в своей износившейся, заляпанной кровью ночнушке я прошла на кухню, вымыла руки и съела целую буханку чёрствого хлеба.

Её не было дома три дня.

Я больше её не боялась.

Я больше ничего не боялась.

Я приняла долгий горячий душ, Боже, блаженство, экстаз душа и мыла!

Боже, блаженство уже просто стоять в полный рост.

Я надела свои слишком короткие, слишком маленькие джинсы, из которых я выросла в прошлом году, выцветшую дырявую футболку и стащила одну из маминых курток.

Затем я съела каждую банку бобов в кладовке, все три. Затем я принялась за полускисшее содержимое холодильника.

Когда из еды ничего не осталось, я села на кухонном столе, сложила свои маленькие ручки и стала ждать.

Он пришёл первым.

Мужчина, который должен был ей заплатить. Он не принёс денег. Она продала меня за наркотики.

Я убила и его тоже, и забрала их.

Она пришла вскоре после этого.

Увидела открытую клетку, мёртвых мужчин в гостиной.

Мои воспоминания о той ночи кристально ясные.

Оставалось три дня до Рождества, телик показывал старую черно-белую версию «Этой замечательной жизни». Звук был убавлен, мелодия «Buffalo Girls» звучала слабо, но безошибочно уловимо, пока Джордж Бейли флиртовал с Мэри Хэтч под звёздным небом в мире, где люди доставали друг для друга луны с помощью лассо.

Она увидела меня, неподвижно сидящую на столе, и долгое время стояла в дверном проёме.

Она не пыталась убежать.

В конце концов, она присоединилась ко мне за грязным, облезлым столом из жёлтого огнеупорного пластика, обрамлённого алюминием, сев напротив меня в оранжевое меламиновое кресло, и очень долгое время мы смотрели друг на друга, ни одна из нас не говорила ни слова.

Иногда нечего сказать.

Только сделать.

Я достала пакетик из кармана.

Она дала мне зажигалку и ложку.

Я узнала практически все, что мне известно о жизни, из телевизора. Я смотрела на вещи, которые детям видеть не стоит.

Улавливая слабые намёки по её глазам, качанию головы, кивку, восьмилетними пальцами и древним сердцем я приготовила своей матери последнюю дозу и дала ей иглу.

Смотрела, как она перетягивает жгутом руку и нащупывает вену. Видела следы, костлявость её конечностей, дряблую кожу, пустоту в её глазах.

Затем она плакала.

Не уродливо, просто на её глаза нахлынули слезы. Пустота ушла на кратчайший из моментов.

Она знала.

Она знала — что бы ни было в этой игле, это станет её последним.

Если бы я больше понимала о героине и фентаниле, я бы позаботилась, чтобы героина в игле было достаточно, чтобы смерть стала прекрасной, но эти сукины дети, должно быть, принесли мне чистый фентанил.

Она на долгий момент прикрыла глаза, затем открыла их и приставила иглу к вене.

Затем она заговорила, и единственные слова, которые она мне сказала, были болезненно медленными и болезненно нежными.

— О... моя прекрасная... прекрасная маленькая девочка.

Игла пронзила её кожу, яд попал в её вену.

Она умирала уродливо, корчась в судорогах, блюя кровью.

Умирала лицом в луже кровавой рвоты на старом, потрескавшемся столе, в своём собственном дерьме на дешёвом стуле.

Я долгое время сидела на столе перед тем, как встала и избавилась от тел.

Глава 19

Леди в красном^[34]

Я надела кровавое платье.

Не на самом деле окровавленное. Хотя на краткое мгновение я об этом подумывала.

Шазам всю вторую половину дня не отвечал ни на одно из моих бесконечных заманиваний, иначе я спросила бы его совета, понимая, что 50 на 50 — либо я получу гениальный ответ, либо безумно эмоциональный. Практически тот же спектр ответов, который я получала от самой себя.

Отвернувшись от зеркала, я попыталась ещё раз.

— Шазам, я тебя вижу, Йи-йи. Пожалуйста, спустись, где бы ты ни был. Я беспокоюсь о тебе, — сказала я воздуху. — Ты самая важная вещь в мире для меня. Ты моё всё. Если тебя что-то беспокоит, мы можем исправить это вместе. Если ты хочешь пару, видит Бог, мы пойдём прочёсывать миры и найдём её для тебя. Пожалуйста, пожалуйста, просто дай мне знать, что ты в порядке?

Ничего. Ни лишённой тела улыбки, ни шипения, ни рычания, ни слабого рокошущего заверения, что он все ещё живёт и дышит. Та же грёбаная тишина, которую я получала весь остаток дня.

— Так, это нечестно, — сказала я, сжимая руки в кулаки на талии и сердито глядя вверх. — Как бы ты себя чувствовал, если бы не мог меня найти и ужасно волновался? Как бы ты себя чувствовал, если бы ты жаждал ласк и расчёсывания, а я отказывалась тебе отвечать или уделить тебе даже крошечную капельку внимания? Если бы твоя шкура болела от нехватки любви и поцелуев? Если бы я просто совершенно забросила тебя и позволила твоему сердцу все это время разбиваться, пока ты не почувствуешь, будто можешь просто поблекнуть и...

— ЛАД-НО! — мой Адский Кот взрывом появился из воздуха надо мной и приземлился на пол гардеробной мягкими лапами, распушив шерсть, выгнув спину, шипя. — Я здесь! Понятно?

Я опустила на колени и протянула руки.

— Шаз, детка, что происходит? Что не так? Почему ты меня избегаешь?

Он шлёпнулся на ляжки и распластал лапы по косматому животу.

— Я просто привыкаю к этому! — прорычал он.

— Привыкаешь к чему? — озадаченно спросила я.

— Ты меня покидаешь! Снова одного. Ты сделаешь это. Все уходят!

Я нахмурилась. Откуда взялся этот страх? Что я сделала, чтобы заставить его думать, будто я могу его оставить? Со дня нашей встречи ему всегда нравились большие куски времени наедине, и хоть он иногда склонен к ярким, почти параноидальным эмоциям, он никогда не озвучивал такой тревоги. Напротив, он, казалось, становился более уверенным и счастливым с нашим домом и отношениями. До этого недавнего инцидента с манулами.

— Ты же знаешь, что это не так. Ты и я, мы семья, Шаз. Семья — это навсегда.

— Не-а, — воинственно сказал он, и покатались слезы. — На этой планете, — он шмыгнул носом, — семья едва ли длится долго. Они умирают или уходят к кому-то другому.

— Семьи других людей — возможно. Не мы. Мы другие, и ты это знаешь. Я когда-нибудь давала тебе хоть одну причину сомневаться в моей любви к тебе? В моей вечной преданности?

Он прохныкал:

— Но это НЕ вечно! Ты не вечна. А я вечен!

Я моргнула. Я никогда не думала об этом в таком отношении. Вот почему он стал одержим идеей найти пару? Потому что он начал готовиться ко дню, когда меня может не стать?

Даже я не могла видеть этот день. Я никогда не думаю о смерти. Я слишком занята жизнью.

— Вот в чем все дело? Ты начал думать, что однажды я умру и...

— ПРЕКРАТИ! — он прижал мохнатые лапы к ушам. — Я тебя не слышу, я тебя не слышу, ла-ла-ла-ла, — монотонно запел он, заглушая меня.

Я потянулась к нему, притягивая его лапы-в-ковёр-стоически-упирающуюся тушку в свои руки, и обняла его крепко и сильно, пытаюсь решить, как к этому подойти.

Вообще-то, пытаюсь уложить это в собственном мозгу.

Я смертна. Он нет. Вот и все.

Это ударило по мне как кирпичом в лицо. Я никогда не проецировала будущее на эту тему, так сильно укоренилась в настоящем, что стала близорукой в плане будущего.

Адских Котов можно убить — хотя я понятия не имела, что для этого требовалось, и не могла себе представить — но если исключить смертоносное насилие, Шазам будет жить вечно.

Я смертна, а он нет.

Как и Риодан.

Или Мак.

Или Бэрронс.

Никто из моей команды не смертен.

Все они будут жить вечно, а я умру — учитывая интенсивность и скорость, с которой я проживала свою жизнь — вероятно, задолго до старости.

Подростком я говорила, что не хочу прожить достаточно долго, чтобы сделаться старой, морщинистой и разваливающейся на части, но внезапно передо мной предстали два ужасных образа: я прожила достаточно долго, чтобы сделаться старой, морщинистой и разваливающейся на части, тусуюсь со своими нестареющими бессмертными друзьями, которые вечно будут двигаться к эпичным приключениям и спасти мир; и я умираю завтра, оставляя Шазама одного.

Он будет потерян без меня. Он слетит с катушек. Кто ещё о нем позаботится? Кто сумеет с ним справиться? Кто будет любить его так, как я? Кто поймёт его подвижные как ртуть настроения, его поглощающие депрессии, его взрывную натуру, его калейдоскоп эмоций?

Танцор с его хрупким сердцем отказался от Эликсира Жизни Королевы Фейри, который исцелил бы его несовершенный орган и даровал бы ему бессмертие за конечную цену его души. Он однажды умер, когда ему было восемь лет, увидел что-то, поверил во что-то, и не желал жертвовать своей бессмертной душой.

Существование моей бессмертной души, с моей точки зрения, находилось под вопросом. Более того, если я утрачу душу, я адаптируюсь. Я всегда так делаю. Адаптация — моя специальность. Я практически изобрела само слово.

Я убрала лапы Шазама от его ушей, игнорируя взрыв хныканья и шипения.

— Шаззи, — твёрдо сказала я. — Я не умру. Я обещаю.

Он прорычал сквозь икающие рыдания:

— Не можешь давать такое обещание!

— Ты же знаешь Мак, верно?

— Думает, что я жирный, и ненавидит Адских Котов, — выплюнул он.

— Неправда. Она даст мне эликсир бессмертия. Я попрошу её об этом, — а если по какой-то немыслимой причине она не даст или не сможет дать, всегда есть Риодан. Или Лор, или кого из Девятки мне придётся уговорить, запугать или продолжать убивать, пока они не сделают

со мной то, что сделали с Дэйгисом. — Я не умру, — сурово повторила я.

Он съёжился на моих коленях и взглянул вверх полными слез фиолетовыми глазами, шмыгнув носом:

— Обещаешь?

— Обещаю. Я не оставлю тебя одного. Никогда. Обещаю на мизинчике.

— Обещание на мизинчиках — это все, — потрясённо сказал он, смаргивая слезы.

Я хорошо его научила.

— Так и есть. И сейчас я клянусь на мизинчике. Покажи-ка мне один из этих очаровательных пальчиков.

Он поднял лапу и растопырил толстые, бархатистые пальцы с черными подушечками. Я согнула мизинчик правой руки вокруг одного из его пальчиков...

— Не этой. Другой, — нетерпеливо сказал он.

— Она чёрная. Она взрывает людей.

— Не меня.

— Почему это?

— Я — это я, — самодовольно сказал он. — Лучше, умнее, больше.

О да, мы стоили друг друга, эго к эго, эмоция к эмоции. Боже, я любила этого маленького зверька! Рассмеявшись, я подцепила пальцем его пальчик и сказала:

— Шазам О'Мэлли, этим я торжественно клянусь, что буду любить тебя всю вечность.

— Затем ещё девять миллионов дней? — потребовал он.

Улыбнувшись, я закончила клятву, которой мы обменялись давным-давно, в Зеркалах.

— Ага. Потому что даже во всей вечности будет недостаточно времени, чтобы тебя любить.

— Я умру, — разразился он и повалился на спину, счастливо развесив лапы в воздухе.

— Никогда тебя не оставлю, лучший друг. Ты можешь на это рассчитывать.

С сияющими глазами, удовлетворённо ворча, он последовал за мной в ванную и уселся на шкафчике, чтобы с искренним интересом наблюдать, как я делаю то, что делала очень редко.

Наношу макияж.

Сегодня я надевала броню. Правильное платье, правильная укладка на волосах, смоки айз и кровавые губы как мятый бархат. Поскольку я не

осмелилась явиться голой на сражение с Риоданом, я пошла противоположным путём: настолько поразительная, могущественная, сексуальная женщина, насколько я могу быть, если чувствую себя ей.

Вздохнув, я включила большим пальцем выпрямитель для волос, подумав «ну что за пустая трата времени», но моё настроение, казалось, вторило моим волосам. Когда они как дикое облако, я тоже такая, а сегодня я хотела быть гладкой и отполированной. Чтобы выпрямить мои волосы, требовался необычный густой древесный сок, который я нашла в Зеркалах. Я принесла с собой полный кожаный мешочек, но он почти опустел. Понятия не имею, что я буду делать потом.

Когда я начала наносить макияж, тихий шуршащий звук в душе привлёк моё внимание. В зеркале я увидела антенны и голову таракана, выбравшегося из слива. Никогда не знаешь, когда таракан — простое рождённое на земле насекомое или часть гнусного Папы Таракана, который раньше торчал в Честере, кормясь на официантках, которые разрешали его злобным частичкам зарываться под их кожу и пожирать их жир — ППС-версия липосакции. Вот почему я со всеми ими обращаюсь как с врагами.

Я притворилась, будто не замечаю его, пока он не выбрался из-за решётки, затем схватила флакон лака для волос, резко развернулась в стоп-кадре и прыснула на него токсичной жидкостью, прорывав:

— Не на моей территории, маленькое дерьмо.

Таракан зашипел на меня и всем телом жёстко содрогнулся, шипя и брызгая слюнями, затем исчез обратно в стоке.

Не все рыжие хорошо носят красный цвет. Нужен правильный оттенок, который подойдёт к нашей окраске. Мои волосы — медное пламя, моя кожа бела как снег, а моё платье этим вечером было кроваво-красным.

Моя все ещё чёрная рука и ключица представляли собой вызов. Мне нужно было держать их прикрытыми, хотя честно говоря, взорвать задницу Риодана в данный момент мне казалось заманчивым, и эй, он всегда возвращается.

И все же сегодня я уже один раз была непредсказуемо жестокой, а я пытаюсь ограничивать себя одним разом за двадцатичетырёхчасовой период.

Поэтому у моего платья были рукава три четверти, оно обнимало моё тело как вторая кожа, а сзади имело такой низкий вырез, что татуировка у

основания позвоночника, которую мне годы назад сделал Риодан, прекрасно обрамлялась, привлекая внимание к чувственной впадинке.

Я не глупа. Я никогда не буду женственной. Но мне нравится время от времени быть женщиной, и я благодарна за 178 см сильной плоти и костей, которые привлекательно стройны и все же имеют женственные формы. Моя задница и ноги — мой лучший козырь, мощно мускулистые от бесконечного движения. Залепив шею изолентой Gorilla Tape, потому что чёрный лучше сочетался с моим нарядом, нежели серебристый, я надела на босые ноги черные туфли на шпильках со стразами, в последний раз растушевала смоки айз, забрала волосы в гладкий высокий хвост, как у Лары Крофт, промокнула кровавые губы и кивнула себе в зеркале. Я подумывала распустить волосы, чтобы прикрыть изоленту, но в драке — а я рассчитывала на одну или десять — распущенные волосы становятся королевской занозой в заднице. Я добавила последний штрих: трёхдюймовый чокер с поблёскивавшими бриллиантами и гелиотропами, который скрывал удавку. Хотя я и ненавидела, что он ощущался как ошейник, он прикрывал изоленту, содержал в себе оружие и легко снимался.

— У него нет ни единого шанса, — проорчал Шазам.

— У кого у него?

— У того, которого я почуял на нашем матрасе. Он вернулся. Я чуял его на тебе и прежде. Он заставляет тебя пахнуть иначе, когда он рядом.

Так, вот это уже вызывало беспокойство.

— Как именно иначе?

— Как манул заставляет пахнуть меня.

Так, ВОТ ЭТО вызывало беспокойство.

— Я так не думаю, — прорычала я.

Он пожал плечами.

— Мы отрицаем на свой страх и риск...

— Что? Что мы отрицаем на свой страх и риск?

— Зов плоти к дионисийскому опыту.

Прищуриив глаза, я подозрительно уставилась на него.

— Ты где вообще это услышал? Это из какого-то документального фильма, который ты посмотрел по домашнему кинотеатру, или из истории, или что?

Он снова пожал плечами.

— Поэтому я ем. Моя плоть много зовёт.

— Как у Диониса. Бога Вакха. Вина и оргий, — натянуто произнесла я.

— Я выбрал одного из твоих богов, а не из своих, чтобы не боффлескейтить тебя.

Вот так блин.

— У Адских Котов есть боги?

— У большинства вещей есть боги. Выглядят подозрительно как они сами.

Я хотела этого разговора. Шазам пребывал в удивительно ясном настроении. Боги были горячим блюдом в моем меню. И на часах одна минута девятого.

Я не хотела, чтобы Риодан был в моей квартире. У него будет больше времени осмотреться, скопировать что-то ещё.

— Пожалуйста, будь здесь, когда я вернусь, — сказала я Шазаму. — Я скучаю по нашим обнимашкам.

Его улыбка была мгновенной, огромной и поглотила его голову, сплошные клыки и толстые черные губы, и было там то ускользающее назойливое напоминание о чем-то, что я не могла уловить. Улыбка Шазамы напоминала мне что-то другое, что-то, что я однажды видела, но очевидно, не считала достаточно важным, чтобы запротоколировать с аккуратным ярлычком.

— Я тоже, — он спрыгнул со шкафчика, прошёл к матрасу, описал три резких круга и тяжело плюхнулся на кровать. — Можно нам поднять матрас обратно? Мне он нравится там.

— Как только я вернусь. Я вижу тебя, Шаз-ма-таз.

— Я тоже тебя вижу, Йи-йи.

Я натянула длинные черные шёлковые перчатки, усеянные бриллиантами и заканчивавшиеся там, где начинались мои рукава, схватила свой меч, повесила его за спину, сунула три кинжала в ножны на бедре и прошла к двери.

Глава 20

Ты сводишь меня с ума как никто другой^[35]

Я медленно спустилась по четырём лестничным пролётам, не из-за каблуков, а потому что внезапно ощутила смятение, как только закрыла и заперла за собой дверь Святилища.

Риодан забирал меня на машине. Я надела платье. Я ни черта не знала о том, куда мы направляемся или что мы будем делать.

Лишена контроля по всем статьям.

Два долгих года я была владычицей пустого Мега-стручка, доминатрикс каждой детали. Не было никаких сюрпризов. Я ни разу не утрачивала контроль над эмоциями. Даже когда убила Бриджет. Я не размякла лужей горя и самоуничижения, а мне хотелось. Этот момент оказался одним из самых сложных для убирания в коробку. Я убила ещё одну невинную. Но что бы ни случилось, я продолжала двигаться дальше, непоколебимая и целеустремлённая, делающая то, что надо было сделать, являвшаяся тем, чем нужно было людям, и я справилась с тем, как это меня надломило. Я гордилась собой из-за этого. Я посчитала это знаком своей зрелости.

И все же несколько мыслей о нем по дороге к его клубу расшатали меня в буйство неконтролируемых эмоций, и я стала головокружительно завихряющимся торнадо — головокружительным даже для меня.

Я остановилась, сосредоточилась с помощью дыхательной каты, и только собравшись, я продолжила путь. Я не собиралась повторять свою недавнюю неустойчивость. Если он упомянет поцелуй, я спишу это на ПМС. Мужчины используют это против нас все время. Если это его не заткнёт, я воспользуюсь отговоркой «злая от голода». Он знает, как часто мне нужно есть, чтобы функционировать на максимальных параметрах, видел меня трясущейся и в лихорадке.

Я завернула на последний пролёт, ожидая увидеть его в припаркованном снаружи Хаммере.

Он ждал у основания лестниц, положив руку на перила и смотря вверх. Выгляда невероятно. Высокий, тёмный и с именно тем привкусом опасности, который я нахожу столь вызывающим привыкание. Стоящий там, как будто мы на свидание собрались или типа того. Меня тут же

атаковали противоречивые эмоции.

Мне снилось, как я вижу его вновь стоящим там, где-нибудь ещё, да где угодно в моем мире. И я была так чертовски зла, что не могла постичь всю сложность этого. Я достаточно умна, чтобы понимать, что в плане эмоций я могу быть такой же близорукой, как мистер Магу^[36]. Чем важнее для меня что-либо, тем меньше я понимаю, что испытываю по этому поводу. Мак обычно помогала мне с этим. В сотый раз я пожалела, что её здесь нет, чтобы поговорить с ней. Я так сильно по ней скучала.

— Ты мог бы подождать в машине, — безучастно сказала я.

— Я, черт подери, прекрасно знаю, что я могу, а что не могу, и не надо мне тут Джада-голоса. Сегодня я пришёл увидеться с Дэни.

Риодан красив. Не как Бэрронс, который красив в совершенно несовершенной манере, куда более животной, нежели мужской. В Бэрронсе первым делом видишь зверя. В Риодане на него приходится охотиться, он облекает свою животную форму в безупречно человеческую кожу, до мельчайших деталей прекрасно осознавая, как каждый атом его существа соотносится с миром вокруг него. Он обладает обострённым, совершенным осознанием, которому я завидую и подражаю. Он — жидкая грация, когда он движется. Я чертовски близка к этому. Я восхищалась им с первого дня нашей встречи. Изучала его, когда он за мной не наблюдал. Однажды я провела восемь адских часов взаперти в его офисе — наблюдала, как его тёмная голова склонилась над бумажной работой, поглощала каждую деталь его профиля, пыталась придумать какой-нибудь способ разбить это бесчеловечное спокойствие и грацию, заставить это сдержанное лицо взорваться безудержными эмоциями. Заставить его вести себя так, как я сама всегда чувствовала себя рядом с ним.

От меня не ускользнуло, что первый мужчина, привлёкший мой взгляд после смерти Танзора — со своими 6 футами 4 дюймами и 240 фунтами^[37] — напоминал Риодана. Есть два типа мужчин, которые меня привлекают, и они редки как сам ад: гениальные, сексуальные, полные чудес, чистые как бескрайнее небо и лёгкие в общении; или гениальные, сексуальные, нечеловечески сильные, закалённые безжалостным опытом и трудные в обращении. Мне нравятся крайности.

Риодан был темным и элегантным, его сильное тело струилось в угольно-сером костюме от Версаче и отделанной едва заметной вышивкой белой рубашке, серебристо-чёрный галстук подходил к его глазам, широкий браслет поблёскивал на запястье, кончики замысловатых татуировок выглядывали из-за накрахмаленного белого воротничка, на ногах —

тёмные итальянские туфли. Он был таким же дихотомическим, как и его клуб — утончённость на поверхности, первобытный зверь внутри. Его подбородок покрывала тёмная щетина, и — я легонько вдохнула — от него приятно пахло. Я не помню, чтобы от него так приятно пахло. Тусклый свет единственной лампочки, освещавшей прихожую за ним, бросал тени на царственные черты его лица. Древний, лощёный, раздражающий мужчина, который неизменно выводил меня из равновесия. Или заставлял почувствовать себя до боли живой. Я хочу его. Он сводит меня с ума.

Он долгое время удерживал мой взгляд. *«Красивая по любым стандартам, в любом столетии, в любом мире, женщина»*, сказали его глаза.

Я приказала своим глазам опустеть. Изумрудное мелководье нежно лизало волнами берег. Никакого бесконтрольного цунами.

Когда я начала спускаться по последнему пролёту, он сказал:

— По чему во мне ты скучала больше всего, Дэни?

Помимо его темно-бархатного голоса с экзотическим акцентом, его ясной, нефилтрованной манеры видеть меня; его способности подтолкнуть мой мозг на более высокую скорость; его бесконечных вызовов; и того, как он, казалось, всегда понимал, что я чувствую, даже когда я сама не понимала?

— Умно, — холодно сказала я. — «Больше всего» подразумевает, что я скучала по многому. Я вообще о тебе не думала.

— Тебе нужно перестать убирать в коробки вещи, которые тебя беспокоят.

Я прищурила глаза.

— Не твоё дело, как я организую свой мозг.

— Моё, когда я являюсь получателем хаоса, возникшего в результате.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Когда ты отказываешься думать о проблеме, она остаётся неизменной, ровно в том же состоянии, в котором ты её упрятала.

— Именно в этом и смысл убирания в коробку. Проблема умирает. Больше не может на тебя влиять. Чертовски эффективная тактика.

— В краткосрочном периоде — да. В долгосрочном — рецепт катастрофы. Когда ты в следующий раз сталкиваешься с явлением, чувства по поводу которого ты убрала в коробку, тебя подкарауливают подавляемые, неразрешённые эмоции.

— Твой смысл от меня ускользает, — натянуто сказала я. Не ускользал. Просто он мне не нравился. Никто никогда не принуждал меня разбираться с моим дерьмом. Я привыкла к этому. Я скучала по этой его привычке.

Даже если я отрицала его логику за то, что она, черт подери, такая логичная.

— Если бы ты думала обо мне, пока меня не было рядом, то этим утром в Честере ты бы не превратилась в идеальный шторм противоречивых эмоций.

Правда. Не собиралась в этом признаваться.

— Это никак не связано с тобой. У меня был ПМС, и я была голодна.

Он слегка улыбнулся.

— Понятно. Значит, вот как мы будем играть в это. Без белья или стринги?

Моё лицо мгновенно исказилось от злости.

— Что?

Он расхохотался.

— Ах, Дэни, это одна из многих вещей в тебе, по которым я скучал. Когда твои глаза вспыхивают, твоя кожа вспыхивает, и ты становишься ещё охренительно прекраснее. Пока я отсутствовал, я представлял твоё лицо во время одной из твоих тирад — важно расхаживающая, яростная и в высшей степени закалённая. Я скучал по этому. Расскажи, по чему ты скучала во мне. Должно быть, я то и дело ускользал из твоей коробки.

Я наградила его каменным взглядом. Он представлял моё лицо, пока отсутствовал? Тогда почему он не позвонил? Я не из тех женщин, которые смягчатся из-за нескольких милых слов после двух грёбаных бесконечных лет молчания. Двух лет, за которые он показал, как именно мало я для него значу.

Когда я дошла до низа лестницы, он сказал:

— Нам нужно несколько правил.

— Я не следую правилам, — неправда. Я выработала собственный детальный кодекс. — И уж точно не твоим.

— Нашим, — поправил он. — Установленным по обоюдному согласию. Правило номер шесть...

— Каковы правила с первого по пятое? Я сама их устанавливаю? — у меня есть наготове список.

— Мы до них доберёмся. Я лишь подчёркивал, что данное конкретное правило — не самое важное между нами. В следующий раз...

— И конечно же, это ты будешь решать, что самое важное.

— ... когда захочешь выпустить пар, просто скажи. У меня в Честере есть полностью оборудованный спортзал для спарринга...

— Седьмой уровень. Боксёрский ринг, каждое оружие, какое только можно вообразить. Я взорвала все твои боксёрские груши. И пистолеты

твои тоже забрала. О, и те крутые шипованные кожаные перчатки с потайными лезвиями.

— ...где мы можем надеть перчатки и боксировать, маленькая проныра. Наедине.

Я снова начинала злиться. Он видит меня насквозь. Он был прав, и это злило меня ещё сильнее. Упрятывание его в ментальное отделение действительно оставило меня неподготовленной к его возвращению. Теперь он здесь, а я все ещё застряла на кладбище два года назад, с болью и злостью и двумя годами добавочной боли и злости сверху. Мне нужно быстро выпустить это, а физическая активность всегда помогает мне думать.

— Ладно. Пошли сейчас.

— И отказаться от ночи с тобой в этом платье? Ни за что. Сначала мы проведём наше свидание.

— Люди вроде тебя и меня, и я с натяжкой применяю этот термин к тебе, не ходят на свидание. И определение правила: это что-то, чего ты не нарушаешь, и уж точно не нарушаешь сразу же. Очевидно, никто кроме тебя не может взывать к правилам. Типично. Всегда только одному тебе разрешается принимать решения.

— Ах, и теперь мы наконец-то подходим к сути твоих слов, — пробормотал он.

Я спустилась с последней ступеньки.

— Нет, не подходим. И без белья. Трение — настоящая сука, когда я в режиме стоп-кадра. Там внизу ничего нет, кроме кожи, детка.

Его смех был мягким, хриловатым и опасным.

— Увлечённая битвой. Детка.

Неукротимый разряд дугой выгнулся между нами, когда я проскользнула мимо него. Я направила эту энергию в сильные, широкие шаги длинных ног наружу, чувствуя, как его взгляд опалает мою задницу всю дорогу до машины.

И это тоже меня выбесило. Не то, как он пялился на мою задницу. Он должен был это делать. Она выглядела умопомрачительно. Машина. Это была матовая чёрная Феррари. Гладкая, сексуальная. Пригодная для свидания.

— Что не так с Хаммером? — потребовала я.

— Пытаясь забраться в него, ты бы выглядела как одна из тех женщин на лестнице в Честере.

В его словах был смысл.

— Мои руки не сломаны, — сказала я, когда он своим нечеловеческим

скольжением раньше меня оказался у машины и открыл передо мной дверцу.

— Ах, твою ж мать, Дэни, наслаждайся ночью. Она прекрасна. Небо бархатное, ясное. Посмотри на все эти чёртовы звезды.

Его слова были мягкими, как всегда выверенными, но он хлопнул дверцей перед тем, как с гордым видом прошагать к водителскому месту.

Я слегка улыбнулась, поднимая лицо и выглядывая через ветровое стекло на кобальтовое небо без единого дождевого облака в поле зрения, без единого клуба тумана, лишь звезды, мерцавшие как бриллианты на тёмном бархате. Я заставила его хлопнуть дверцей. С гордым видом вышагивать. Напряжение усилилось в его теле, когда он прошёл через свет фар. Жизнь прекрасна.

Когда он скользнул за руль и завёл машину, глубинное сексуальное урчание двигателя поглотил внезапный взрыв оглушительной музыки — особенно для того, кто слышит так хорошо, как я. Басы были настолько громкими, что они едва не вышибли меня вибрацией из сиденья.

Я знала эту песню. Я любила эту песню.

Я танцевала под неё. Много. Я покраснела.

Heart. В настоящий момент грохотала строчка «Я наложу на тебя заклятие любви и сделаю женщиной из ребёнка».

Magic Man.

Я грозно нахмурилась, сжимая руки в кулаки. Риодан и его проклятые чары. Вот что он со мной сделал? Вот почему я всегда, черт подери, была так сбита с толку рядом с ним? Потому что на самом деле я не любила его, он просто заставил меня думать, будто я его люблю? Я нахмурилась. Погодите-ка, что?

Я усиленно не смотрела на него в данный момент. Я смотрела прямо вперёд.

— Люблю слушать её громко, — сказал он, приглушая звук. — Одна из моих любимых песен.

Ему не разрешалось считать эту одной из своих любимых песен. Она моя. Все ещё смотря прямо вперёд, я проскрежетала:

— Насколько непрерывно этот твой пещерный человек за мной наблюдал?

— А что?

Стиснув зубы, я выплюнула:

— Magic Man. Я танцую под неё. Много. В смысле, голая. Перед стеной из окон. Наверху, где ты не ожидаешь, что люди или нелюди будут таиться на крышах, шпионя за тобой без твоего ведома или согласия.

Насколько непрерывно?

Риодан притих на долгий момент. Затем, напряжённо:

— Этот мудака ничего не сказал о том, что ты танцевала.

Я взглянула на него. Слова прозвучали гортанно, хрипло. Клыки полностью выдвинулись, и теперь уже он смотрел исключительно вперёд. Руки так крепко сжались на руле, что костяшки его пальцев побелели. После долгой паузы он прохрипел:

— Лор не остался бы смотреть.

— Ты не можешь этого знать.

— Могу. Он мог видеть, как ты начинаешь. Но я тебя уверяю, он не оставался.

Я прищурила глаза, изучая его. Он применял одну из моих тактик, расслабляя пальцы по одному, изменяя своё дыхание, заставляя себя вернуть контроль, клыки медленно скрывались. Подражатель.

— Почему ты так уверен?

— Мы можем ходить как люди. Но мы в большей степени звери, чем люди.

— К чему ты ведёшь?

Он так долго ничего не говорил, что я была готова списать это как очередной вопрос, на который великий Риодан никогда не удостоится ответить.

— Секс — величайший голод зверя, — наконец сказал он. — Даже сильнее крови. Даже сильнее войны. Это его величайшая одержимость, а также то, что влечёт его наиболее глубоко.

— Уровень четыре. Секс на завтрак.

Он склонил голову.

— Если бы Лор остался смотреть, его зверь взял бы верх.

— И что? Я бы с ним ничего не сделала.

— Согласие не имело бы значения. Ты не настолько сильна, как он. Как мы.

Я ощетижилась при этом напоминании. Я прекрасно осознавала это, каждый проклятый момент каждого проклятого дня.

— Ты говоришь мне, что Лор, мой Лор, который всегда был добр ко мне... — я умолкла на полуслове. — Я бы использовала против него его же дубину. Лор и я, мы не испытываем друг к другу ничего такого.

— Лор прежде всего зверь. Все мы такие. Никогда это не забывай. Никогда это не недооценивай. У нас есть свои пределы. Мы делаем все необходимое для соблюдения этих пределов и минимизации нежелательных последствий. За исключением Бэрронса, никто из нас не

позволяет зверю безумствовать. Он делает вещи, которых мы не хотим делать. Со смертельными последствиями. Поэтому в момент, когда ты начала раздеваться, Лор ушёл бы. Он лелеет тебя. Защищает тебя. Называет тебя его маленькой дорожкой.

— Ты говоришь мне, что Девятка не способна увидеть голую женщину, не превратившись в зверя и не напав на неё? Отстойно. У какого супергероя бывают такие проблемы?

Он издал звук подавляемого смеха.

— Ах, Дэни, только ты могла назвать нас отстойными. Супергерои постоянно сражаются с внутренней тьмой, жаждой сбросить все цепи. Понадобился Кристиан Бейл, чтобы дать нам аутентичного Бэтмена. Мир как раз вовремя вытащил голову из задницы и дал нам суровую, сложную версию Бэта, который мог быть чемпионом в действительно значимых вещах, а не в использовании чёртовых ремней безопасности, домашней работе и поедании грёбанных овощей. Чемпионы не вырастают из счастливого детства. Они вырываются из мучительного прошлого с чёрной полосой шириной в милю, которую они учатся использовать во благо. Супергерои не совершенны, и их худшие враги — обычно они сами. Да, мы можем увидеть женщину голой. Вдобавок к этому потребуется крайность, чтобы зверь вырвался на свободу.

Я моргнула, пытаюсь уложить в голове его знания о Бэтмене. Совсем не так уж плохо. Меня так и подмывало поспорить об этом, обсудить детали. Читал он комиксы или нет?

— Крайность, как же. Я не делала ничего сексуального. Я просто танцевала.

— Ты и есть крайность. И я видел, как ты танцевала. Это сексуально. Откровенно. Красочно. Грёбаная красная тряпка для быка. Внимай предупреждению. Никогда не танцуй передо мной голышом. Если не намереваешься увидеть все. До самого конца. А это долгий, незаконный путь.

— Я и не планировала, — рявкнула я. Иногда я слишком увлекаюсь визуальными образами. У меня в голове стояла живая картинка, как я проделываю именно это. Вообще-то, именно это я представляла себе, танцуя под Magic Man в своей квартире последние два года. Ошеломляя его, поражая его, заставляя его утратить контроль и поклясться в бессмертной любви ко мне. Давая себе поблажку в тоске, которую я тщательно упаковывала в коробку, как только устало уходила с пола своей гостиной. Так я научилась находить отдушину, когда секс с человеческими мужчинами не удался. Выбрасывала свою боль, свои мечты на уединённый

танцпол вместо постели с незнакомцем. Проживала самые дикие свои фантазии, обнажённая и одинокая. Так же, как я проживала свою жизнь.

Я все ещё находила крайне подозрительным, что он слушал мою песню, и сказала ему об этом.

— Ну твою ж мать, Дэни, это не твоя песня. Мне нравятся Heart. Две динамичные, сексуальные женщины.

Мои брови взлетели по моему лбу.

— Ты знаешь Heart? Ты встречался с ними?

— Они временами заходили в клуб, в былые деньки. Как ты думаешь, о ком Magic Man?

Я разинула рот.

— Да быть не может. Твои глаза серебристые.

— Лор.

— Его глаза зелёные, не синие. И я читала интервью в Роллинг Стоунз, где говорилось, что песня — о Майке Фишере.

— Защищают личность Лора.

— Она брюнетка.

— Иногда он нарушает собственное правило. Энн Уилсон была женщиной, которая стояла того, чтобы его нарушить. Какое-то время у него была интрижка и с Джоан Джетт.

— Серьёзно. Magic Man — о Лоре?

С ноткой раздражения он произнёс:

— Согласно ему, да. Он говорит, что Crazy on You тоже про него. Какое-то время с ним сложно было жить. Это было тогда, когда он тусовался с The Kinks.

— Святой Зал Славы, Лор увековечен в классическом рок-н-ролле! — я не сумела сдержать нотку зависти в голосе. Ладно, зависть буквально сочилась из каждого слова. Но вот ведь негодяй, какая дань почести! То есть, я уверена, все дело только в том, насколько он хорош в постели, но музыка жила вечно!

Риодан мягко рассмеялся.

— Ах, Звёздная пылинка, я не сомневаюсь, что ты будешь увековечена в намного более важных аспектах.

Я застыла.

— Почему ты назвал меня так? — так моя мама называла меня, давным-давно, в те пару минут, что любила меня.

— Кажется подходящим. Расскажи мне о состоянии мира вкратце.

Он снова сделал это — сменил тему так быстро, что я на мгновение споткнулась, пытаясь переключить скорости.

— Уверена, Лор ввёл тебя в курс дела, — натянуто сказала я. Он ушёл на два года, а я вообще ничего о нем не знала. Но он получал постоянные новости обо мне.

— Я тоже ничего не знал о твоей жизни. Его задействовали только, чтобы сохранить тебя в живых, ничего больше, и хоть он ввёл меня в курс дела, когда я вернулся, его разум — не твой. Я хочу анализ Мега-мозга.

Я просияла. Раз уж он подал все в таком свете.

— Мы все ещё стоим на пороге самой крупной войны. Если Мак не сумеет завоевать верность двора Фейри, если они преуспеют в убийстве её — а им для этого не понадобится меч, заточение в тюрьме Невидимых тоже в конце концов её убьёт — как только они завладеют её силой, они либо сотрут нас с лица планеты, либо поработят нас. Если они заперли её в тюрьме Невидимых, как Круус поступил с Эобил, то каждый момент, потраченный нами впустую, может подгонять её на шаг ближе к смерти, — это страх, который не давал мне спать по ночам: Мак в беде, нуждается во мне, а я из слепого уважения к её желаниям ничего не делаю. Два года тишины превратились в бесконечное гложущее беспокойство в моем нутре.

— Ты совсем ничего не слышала от Мак? — его голос звучал изумлённо.

— Ни слова с тех пор, как ты ушёл.

Он тихо выругался.

— Иисусе, она же сказала, что будет на связи. Что насчёт Рэйни? Я знаю, ты видишься с ней. Она слышала что-то от своей дочери?

— Я перестала спрашивать примерно год назад. Это её расстраивает. Я подозреваю, что если бы она слышала что-то, она бы мне сказала.

— Есть теории, куда делся книжный магазин?

Я предложила пять:

— Мак и Бэрронс переместили его по какой-то причине. Кто-то другой его забрал. Зеркала внутри изменились из-за Песни и поглотили его в царство Фейри. МЭВ поглотила его и переместила, — я не смогла устоять и добавила теорию Дугласа Адамса: — Он совершенно пресытился пребыванием на прежнем месте.

— «Долгое безумное чаепитие души».

— Я любила эту книгу.

— Аэропорт, который взлетел на воздух.

Я кивнула. Риодан читает книги. Те, которые нравятся мне.

— Думаю, это мы можем исключить.

— Меня это устраивает.

Внезапно все показалось как в старые времена. Лёгкое подшучивание,

лёгкое товарищество.

— Осмотрим место завтра, Робин? — легко спросила я.

Он бросил на меня взгляд.

— Как будто я надел бы этот костюм. Шерлок. Версия ВВС.

Мои глаза прищурились.

— Я совершенно не Ватсон.

— Я бы окрестил тебя скорее «этой женщиной».

Я почти загордилась. Эта женщина была нереально крутой; сексуальной, смертоносной и одной из немногих, кто когда-либо составлял достойную конкуренцию суперскому детективу. Она кинулась в противостояние с пенульгимным дедуктивным мозгом, одетая в самое вызывающее и мощное боевое одеяние полной наготы, по которому он не сумел уловить ни единой детали об её личности или намерениях. Моё «почти-загордилась» превратилось в сердитое выражение, когда я обдумала остальную часть её истории.

— Ну уж нет. Шерлок взломал её код. Сам будь «этой женщиной».

— Шерлок взломал её код, потому что она отказывалась признавать, что хочет его. Если бы она была честна в этом, если бы она сделала шаг в этом направлении, был бы другой код — который он мог и не суметь взломать. Вместо «Sher-locked» было бы что-нибудь мудро бессмысленное и не подлежащее расшифровке.

Его доводы были вескими, и это взбесило меня ещё сильнее.

— Хочешь сказать, что если бы она трахнула его, она могла бы думать более ясно? Ты хоть знаешь, насколько это оскорбительно?

— Тебе виднее.

— Напекаешь, что отказ трахать тебя делает меня глупой.

— Не совсем то, что я говорил, — сухо сказал он.

— Ты никоим образом не влияешь и не ослабляешь ни единой клеточки моего восхитительного мозга.

— Всего лишь наблюдаю, что мы на свой страх и риск отрицаем то, чего желаем.

Его слова звучали зловеще похоже на то, что сказал мне Шадам перед тем, как я ушла из квартиры.

— Я. Не. Эта. Женщина.

— Я задел большую мозоль, да?

— И даже если бы я была ей, я, черт подери, имела бы полное право ей быть. Шерлок не ответил ни на одно из её грёбаных сообщений. Ни на одно, — а рингтон, который она запрограммировала в его телефоне на свои смс, должен был расплавить его, по крайней мере, ниже талии.

— Я что-то упускаю? Ты писала мне смс?

Я была не готова к этому спору.

— Ты выбрал отстойное время.

— Время всегда было для нас проблемой.

— Я что-то упускаю? — с издёвкой спросила я. — Ты писал мне смс? Не я ушла. Тот, кто уходит, берет на себя эту обязанность. Точка, — Боже, я звучала как Танцор, когда я наконец-то вернулась из Белого Особняка с Кристианом. Я подумала *«Любовь моя, прости, теперь я понимаю. Ещё как понимаю»*.

— Это не я ни разу не позвонил. У тебя был телефон. Ты не позвонила ни разу. Ты просто хорошо... — он резко оборвал предложение.

— Что? Какое «Я хорошо» ты собирался бросить мне в лицо? Потому что я явно не хорошо проводила время, уж поверь мне.

— Дай определение «хорошего времяпровождения».

— Ебись ты конём, Риодан, — и вот пожалуйста, опять. Не думаю, что когда-либо говорила эти слова Танцору. Я никогда не ощущала необходимости.

— Нет причин этого не делать. Я здесь. Ты здесь. Мы оба этого хотим. Я разинула рот. Иисусе, он просто нагло выложил это на стол.

— Ты думаешь, я не стану нагло выкладывать его на стол?

Я ответила с кислотной сладостью:

— Ну почему, я думала, что ты попытаешься выложить его на свой офисный стол. Разве не там ты его обычно вытаскиваешь?

Он неуловимо вздрогнул, и я немедленно пожалела об этих словах.

Джо.

Как будто я призвала её из могилы, её призрак оказался там, стоя между нами. Я почти видела, как она печально качает головой, говоря мне, что Риодан — хороший мужчина, и я не способна ясно видеть его. Её надгробье маячило в воздухе, прочная бетонная стена, отделявшая меня от него. Жар пошлых намёков умер, и его взгляд закрылся.

— Мак тяжело это перенесла, — сказал он. — Полагаю, мне тоже надо это перенести.

Я снова разинула рот — кажется, этой ночью я только этим и занималась.

— Мак сожрала Джо? — я буквально заорала.

— Когда была одержима *Синсар Дабх*.

Я сопереживала ей, слишком хорошо понимая боль, которую он несла. Бриджет, все остальные, призраки до конца моей жизни.

— Почему, черт подери, никто мне не сказал? Почему я всегда

последней обо всем узнаю?

— Я делаю все в своих силах, чтобы обеспечить обратное, — отрезал он, возвращаясь к прежней теме.

Риодан хотел меня. И он не собирался скрывать этот факт. Что он думал? Что он может просто вальяжной походкой вернуться обратно, когда я выросла, заняться со мной сексом, а затем в один прекрасный день лениво подняться и сказать, что опять уходит?

— Когда ты трахаешь мужчину, — сказала я с тихим ядом, — ты вручаешь ему грёбаный подарок.

Он застыл неподвижно, ожидая. Когда я не продолжила, он стал подначивать меня, глаза заблестели.

— Ну же, Дэни, скажи это. Я знаю, что ты этого хочешь. Ты умираешь от желания. Брось мне эту проклятую перчатку.

— Ты. Меня. Не. Заслуживаешь, — сказала я с ледяным удовлетворением.

Он улыбнулся с каким-то непостижимым, хищным светом в глазах. Ублюдок действительно улыбнулся. Кто улыбается, когда их оскорбляют? Затем он совершенно сменил тему.

— Никто не говорил тебе, потому что в то время у тебя на руках была огромная проблема, — он не сказал ни слова о Танцоре, но ему и не нужно было, потому что между нами мгновенно встал ещё один призрак в своей дымчатой плоти.

Танцор. Джо. Клубы тумана кружились вокруг их прозрачных, навеки-потерянных-для-нас тел.

Так много потерь.

Я была не в настроении для ещё больших потерь.

Я полностью сосредоточена на том, что осталось.

Мой город. Мои люди, которые во мне нуждаются. Шазам. Кэт. Энио. Те, кто не срываются в продолжительные отлучки без тебя, не сказав ни единого слова.

Я взяла пример с Риодана и совершенно сменила тему.

— Ты слышал что-нибудь от Бэрронса?

Долгое время он ничего не говорил, и я испытала извращённое удовольствие, наблюдая, как он тоже с трудом переключает скорости. Затем:

— Ни единого чёртова слова за два грёбанных года. Я ни хрена не знаю, где он.

Я поражённо уставилась на него. Он был так же отрезан от новостей, как и я? Он не знал, где Бэрронс? Я представляла, что Риодан сидит где-

нибудь и получает постоянные новости ото всех. Как всегда, контролирующий, наблюдающий за миром. Где, черт подери, он был?

— Что ещё, Дэни?

— Старые боги вернулись. Не знаю, как много или кто именно. Люди похищают взрослых, парализуя их и унося их через зеркала в неизвестные локации по неизвестным причинам, — он сказал «вкратце», так что я не растягивала.

— Пока ты спасаешь оставшихся детей, — пробормотал он. — Устраиваешь их в новые дома. Лор рассказал мне эту часть.

— Где был наблюдающий за мной Лор, когда АОЗ и Джейн пытались забрать мой меч?

— На другой стороне улицы. Он не слышал ни единого чёртова слова из разговора. Просвети меня.

Я сообщила ему ключевые моменты, опустив часть с желанием, потому что это моё дело, не его, а я все ещё пыталась выяснить, какое желание решил исполнить АОЗ, и почему оно все ещё не укусило меня за задницу.

— Ходят слухи, что на Джейна ведётся охота, — сказал мне Риодан, когда я закончила, — Фейри выдвинули нештучную награду за его голову. Его уже долгое время не видели перед тем, как он появился в твоей квартире. Некоторые говорят, что он залёг на дно со своей смертной семьёй, пытаясь их защитить. Возможно, он хотел заполучить твой меч для Мак, возможно, для самого себя.

— Что Лор говорит о Фейри? — вопреки его заявлению, что ему не удавалось перепихнуться, я не сомневалась, что он бывал в Элириуме, неспособный устоять перед вечеринкой или соблазнением блондинок своим смертоносно эффективным шармом пещерного человека.

Риодан бросил на меня мрачный взгляд.

— Мак отдала нам тот же приказ, что и тебе: не вмешиваться. Мы подчинились. Он не бывал внутри Элириума, и судя по его словам, Фейри не выходят оттуда.

— Девятка подчинилась Мак? — с неверием переспросила я.

— Бэрронс. Чёртов щит.

Я тихо рассмеялась.

— Ах, как же это, должно быть, раздражает.

— Именно поэтому, — сказал он, когда мы наконец отъехали от обочины и понеслись по Дублину, — спустя два года мы ничегошеньки не знаем о нашем враге. Согласно Лору, людей, которые входят в клуб, обрабатывают. Он допросил нескольких и говорит, что они выходят, не

желая или не имея возможности обсуждать увиденное. Её приказ должен был содержать в себе конечную дату. Но не содержал. Теперь, когда книжный магазин пропал вместе с Мак и Бэрронсом, мы принудительно устанавливаем дату истечения срока действия. Сегодня.

Само собой, он же не имел в виду...

— Куда ты меня везёшь?

Он сверкнул волчьей улыбкой, сплошь из зубов и голода.

— В Элириум.

Да! Адреналин шарахнул по моему сердцу! Это не свидание. Это боевая операция. Я жаждала заняться этим маленькую вечность. Умирала от желания войти в их клуб и сотрясти их мир. Дать знать этим ублюдкам, что мы наблюдаем и ждём, и ничего ещё не кончено.

— Ты же понимаешь, что у меня с собой меч, который они все хотят.

— Грёбаный ад, да, понимаю, — произнёс он с нескрываемым наслаждением.

Какое-то время мы ехали в тишине, и он обратно включил музыку погромче, когда Майли Сайрус запела «Не смей говорить, что я просто ушла, я всегда буду хотеть тебя».

— Wrecking Ball, — я часто чувствовала себя этим самым стенобитным тараном. Его вкус в музыке начинал меня пугать. Я хотела знать, мы слушали маленькую местную станцию, управляемую волонтерами, или айпод, который он заполнил по личному выбору. Я хотела знать, типа, посылал ли он мне подсознательные сообщения. Он действительно просто ушёл. Точка. Конец темы. Никакой текст песни не мог этого изменить.

Когда песня закончилась, не было никакой рекламной вставки, но это не показатель; никто больше не даёт рекламы. Я продолжала ждать, когда возникнет какая-нибудь подпольная мятежная радиостанция, которая предложит и музыку, и едкие социальные комментарии, но этого не случилось. Я основала бы свою собственную, будь у меня больше времени, но мне больше не удавалось делать многие вещи из того, что мне нравилось. У меня изумительный вкус в музыке, он охватывает самый широкий спектр — результат просмотра бесконечно прерывавшихся и часто старых сериалов.

Foxy, Foxy от Rob Zombie зазвучала следующей. Риодан вырубил радио и припарковал Феррари на расстоянии половины квартала от Элириума.

Я взглянула на клуб и сказала ему то, чего никогда не ожидала услышать от себя:

— Риодан, ты хорошо все продумал?

Он рассмеялся, и у меня перехватило дыхание при взгляде на него.

— В чем тогда веселье?

— Ты понимаешь, что мы можем развязать войну?

Он встретился со мной взглядом и не отвёл глаза.

— А ты не думаешь, что пора дать всему вырваться на свободу? Посмотреть, какой ад ползет наружу?

Я прищурила глаза, не упуская его нарочитое двойственное сообщение, но не собираясь на него реагировать.

— Потенциальная выгода?

— За долгие два года ничего не случилось, верно? Я имею в виду, ничего по-настоящему значимого. Ты изменилась. Мир изменился. Но в результате не вышло ни единой чёртовой значимой вещи. Ты проходишь по городу, касаясь всего. И ничего. И ничего тебя не касается. Ты не делаешь ничего, что могло бы катастрофически изменить тебя или путь мира. Насколько тебя, черт подери, тошнит от этого?

Он говорил на моем языке. Но с другой стороны, он всегда на нем говорил.

— Мы можем бездействовать и бесконечно ждать только для того, чтобы в итоге обнаружить, что мы слишком долго ждали, и нам не нравится исход. Или мы, черт подери, можем смодулировать этот исход. Возможно, Мак и Бэрронсу нужна помощь. Возможно, им нужно, чтобы мы создали отвлечение, стали осью, на которой ситуация повернётся, подтолкнули руку двора Фейри. Ты и я, Дэни, мы хороши в этом.

Я чувствовала вкус опасности на своих губах, когда ответила на его хищную свирепую улыбку своей собственной.

— Цель? — затаив дыхание, спросила я.

— Узнать, до какой степени изменились Фейри, чему мы противостояим. Выяснить, где, черт подери, Мак и Бэрронс. Фейри столь же высокомерны, сколько бессмертны. Если они одержали верх, если они каким-то образом захватили Мак и Бэрронса, они не сумеют устоять, чтобы не ткнуть нас лицом в это. Один простой показатель: если они отчаянно хотят твой меч, мы будем знать, что она все ещё жива.

Я резко втянула воздух. Вот этого я ждала. Поддержки. Кого-то, кто нарушит со мной чёртову правила, потому что даже я являюсь недостаточно солидным оружием против целой расы бессмертных. Хотя было много ночей, когда я почти убедила себя в этом.

— Я бесспорно в деле, — с жаром отозвалась я.

Он сверкнул медленной, сексуальной улыбкой.

— Сначала скажи, по чему во мне ты скучала.

Я закатила глаза.

— Я тебе сказала, я о тебе не думала.

— Я никогда не удирал из твоей коробки. Ни разу.

— Вообще ни разу.

— Ладно. Я скажу тебе, по чему в тебе я скучал.

— Я не спрашивала и не желаю знать.

— Я скучал по тому, как работает твой разум. Как ты готова принимать сложные решения, с которыми немногие люди готовы столкнуться, которые стоят тебе куска твоей души. Как ты не колеблешься, действуя в соответствии с этими решениями вопреки их цене, и всякий раз, сталкиваясь с переломным моментом, ты находишь новый способ собрать себя воедино. Как ты никогда не перестаёшь заботиться, как бы плохо мир ни относился к тебе, и грёбаный ад, этот мир относился к тебе просто отвратительно. Как, вопреки вечной войне, которую ты ведёшь между мозгом и сердцем, ты обладаешь самым острым интеллектом и самыми острыми эмоциями, что я видел. Ты завораживаешь меня, Дэни О'Мэлли. Ты, черт подери, нахрен завораживаешь меня. Сверху или снизу?

Поначалу его вопрос не отложился в сознании. Я слишком отвлеклась на комплименты. Он видел лучшее во мне, вещи, которыми я гордилась. Лесть по поводу моей внешности? Совсем не льстит. Я родилась в своём теле. Похвала моему мозгу, моему духу? Я таю. Я упорно работала над обоими. Затем моё лицо сердито нахмурилось, и я едва не выпалила «Что?», но проглотила это слово в последнюю секунду. Я не выдам Риодану приглашение продолжить на эту тему.

Однако он все равно продолжил.

— А именно, тебе все ещё нужно насадиться на меня сверху и выпустить эту свою бесконечную страсть в жёстком свирепом трахе, или ты достаточно повзрослела, чтобы улечься на кровать и позволить мне давать, тогда как ты будешь лишь принимать? Кто знает, может, ты даже бросишь мне пару указаний, пока я буду занят этим. Потребуешь то, чего тебе хочется. Мне бы это понравилось. Дэни О'Мэлли для разнообразия принимает, думая только о себе.

Мне сложно было вдохнуть. Указания. Как же. Я видела Риодана в действии. Этот мужчина не нуждался в указаниях.

— В данный момент мы сузим выбор только до двух этих вариантов. К остальным позициям перейдём позднее. Хотя, признаюсь, я питаю особенный интерес к теме «Я сзади тебя» против «Ты спиной к стене, а эти длинные, прекрасные, сильные ноги обвилились вокруг моей талии».

Сзади. Сначала. Я схватила меч, распахнула дверцу со своей стороны,

поставила ноги на асфальт и повернулась, чтобы посмотреть на него, и использовала против него его собственные давние слова.

— Некоторые секреты, ребёнок, — прошипела я с сахарно-сладким ядом, — узнаются только при личном участии.

Он запрокинул голову и расхохотался, белые зубы сверкнули, глаза блестели.

Я закрыла глаза, блокируя образ, который вечно, бесконечно удирал из моей коробки.

Риодан. Смеющийся.

Это одна из тех вещей в нем, по которым я скучала сильнее всего. Редкие моменты, когда я поражала его до смеха. Мельком видела чистейшее веселье, полыхавшее в его глазах.

Я определённо предпочитала сверху. Но это совершенно не его дело. Когда он перестал смеяться, я вновь открыла глаза.

— Какое невезение, — сказал он. — Из этих двух вариантов я тоже предпочитаю сверху.

— Держись подальше от моей головы, — если бы он так, черт подери, много обо мне думал, он должен был позвонить.

— Нам придётся сражаться за это. Посмотрим, кто победит.

Образ меня и Риодана, раздетых догола, скользких от пота и ведомых похотью, борющихся за господство, врезался в мой мозг, на мгновение оглушив меня.

— В твоих мечтах, — метнувшись из машины, я сосредоточилась на том, чтобы бережно закрыть дверцу. Если я ей хлопну, он будет знать, насколько он меня задел.

Окно разбилось, стекло со звоном посыпалось на тротуар у моих ног. Я вздохнула. Отсутствие соединения между мозгом и рукой — очевидно, одно из моих неписанных правил рядом с ним.

Его смех — тот самый смех, по которому я так сильно скучала — выплыл сквозь разбитое окно в ночь.

Плюс ситуации: я не могла пребывать в более хорошем настроении для войны.

Глава 21

Когда они придут за мной^[38]

Кэт уютно подоткнула одеяло вокруг спящей дочки, убрала с кровати потрёпанную копию «Паровозика, который смог» и повернулась, чтобы поставить её обратно на полку.

Подойдя к двери и выключив свет, она обернулась на Рэй, и как всегда сердце в её груди переполнилось большим количеством любви, чем, как ей казалось, могло вместиться в одного человека.

Большую часть дня и до позднего вечера Рэй провела в садах, играя со Спирсидхами.

— Я люблю Спар-ши, мамочка, — сказала она перед тем, как задремать. — Они не такие, как я. Они такие светлые внутри.

Другие матери задали бы вопрос, который подразумевал её комментарий. «Если они светлые внутри, но не такие внутри, тогда какой получаешься ты?»

Она не спросила. Время покажет. Если Рэй по какой-то причине верила, что она тёмная, и все же любила так инстинктивно и свободно, нет смысла спрашивать.

Использование её дара эмпатии на дочери оказалось бесполезным. Рэй ощущала столько любви к своей матери, что Кэт ничего под ней не чувствовала.

Пятнышки на крошечных плечах Рэй исчезли. Должно быть, она растянулась на чем-то, возможно, лежала на двух камнях в траве в такой странной позе. Нервирующее странное совпадение, ничего более.

Когда Рэй заворочалась во сне, невнятно бормоча, телефон Кэт свалился на пол, и она осознала, что забыла его на кровати. Она подняла его, снова подоткнула дочке одеяло, легонько поцеловала в лобик и пригладила её кудри.

Как только она повернулась к двери, радиоактивное облако
ПАНИКАСТРАХУЖАССТРАХХВАТАЙРЭЙБЕГИ!

взорвалось в её голове. Из её лёгких вырвался крик, процарапывая себе путь вверх по её горлу. Она подавила его, чтобы не пугать Рэй.

Пригвождённая к месту ужасом, она стояла, тихо бормоча, дрожа с головы до пальчиков ног, смотря перед собой дикими, полными ужаса

глазами.

«Нет, нет, нет, нет, нет, — зазвучала в её мозгу отчаянная мольба. — *Пожалуйста, Боже, нет, я не заслуживаю этого, Рэй этого не заслуживает этого. Я хороший человек, хорошая мать. Но я не могу защитить нас от этого!*»

Он возвышался напротив двери спальни, загораживая ей выход.

Запирая их в ловушке внутри.

Огромные черные крылья свободно сгибались вперёд вокруг его тела. Она знала эти крылья. Она страшилась их. Испытывала восхитительные оргазмы, снова и снова, обёрнутая этими крыльями.

«Дыши, дыши, дыши, ты должна дышать», — сказала она себе. Но её лёгкие отказывались сотрудничать. Все было парализовано надёжнее, чем когда-либо была парализована *Синсар Дабх*.

Это невозможно.

Он мёртв.

Перед тем как отправиться в Фейри, Мак заверила их, что Двор Невидимых был уничтожен, весь без исключения.

Включая Крууса.

Особенно Крууса.

Кэт спрашивала неоднократно. И Мак неоднократно говорила ей, что она могла чувствовать всех ныне существующих представителей королевской знати. Не местоположение, а просто тихое жжение в её сознании.

Крууса там не было.

Кэт углубилась так сильно, что буквально нырнула в сердце королевы Фейри, чтобы убедиться в правдивости её слов. Мак считала Крууса мёртвым.

Но теперь, стоявший во весь рост, тёмный и злобный, скрестив мощные руки на груди, наблюдая за ней глазами... о милостивый Боже.

Глазами такой окончательности.

Она дёрнулась и стёрла кровь со своих щёк. Вынудила себя отвести взгляд, посмотреть ниже, на мощную тёмную колонну его шеи над извивающимся мерцающим ожерельем, по чёрной одежде, массивному телу. Его плечи были невероятно мускулистыми, ноги — мощно сложенными.

— *Никогда не удерживай мой взгляд, Кэт, — тихо промурлыкал он. — Я могу защитить тебя от многого. Но не от этого. В мои намерения не входило пугать тебя. Я отыскал тебя одну, чтобы не тревожить остальных.*

Она хрипло втянула воздух в лёгкие, который их обжёг — настолько

отчаянно он был необходим, и изогнула тело, как будто она могла спрятать от него дочь.

Он пришёл, чтобы забрать Рэй? Их обеих? Если был выбор, она пойдёт! *«Просто не забирай у меня мою дочь, — истерично подумала она. — Что угодно, только не это».*

— Зачем ты здесь? — слабо прошептала она.

— Ох, девушка, это Шон, ты нужна ему.

О чем он говорил? Как вообще Круус мог быть жив? И что он делал с Шоном? И почему его голос звучал настолько иначе по сравнению с тем, что она помнила из этих адских, лихорадочных снов?

— У нас небольшая проблема, Кэт. У тебя есть кто-нибудь, кто присмотрит за маленькой девушкой?

Его второе использование слова «девушка» наконец-то пробило стену бетона. Кэт моргнула, осознание медленно озаряло её.

— Кристиан? — тихо воскликнула она. — Это ты?

Его губы растянулись в беззвучном рычании. Затем,

— Ох, Христос, скажи мне, что ты не подумала, будто я — Круус! Я выгляжу настолько плохо?

Она рьяно закивала.

— Да.

— Грёбаный ад, — прорычал он. — Он мёртв. Я бы знал, если бы он был жив. По крайней мере, я думаю, что знал бы.

Она прерывисто вдохнула и рухнула, сила покинула её тело, сокрушённая совершенно худшим моментом в её жизни — мыслью, что Круус вернулся и собирается забрать у неё Рэй. У неё были кошмары о том, как это происходит, она просыпалась в ужасе, дрожа и прижимая руку ко рту, чтобы сдержать крики.

Кристиан поймал её прежде, чем она упала на пол, поставил на ноги и восстановил её равновесие, обхватив рукой за плечи.

Милостивый Боже, он был огромен. По меньшей мере, семь футов^[39]. Массивный.

— Полегче, Кэт. Я не хотел тебя пугать. Я думал, ты знаешь, что он мёртв.

Она в это не верила. Она никогда в это не поверит, пока не увидит его безжизненное тело собственными глазами. Предыдущие слова Кристиана наконец-то отложились, и так же быстро, как ужас сдавил её сердце, расцвело изумление, и счастье зарумянило её кожу.

— Шон хотел меня видеть? — спросила она, затаив дыхание, и совершила ошибку, подняв взгляд и всмотревшись в его глаза.

— Прекрати делать это, — прорычал он. — Я не могу маскировать это, и черт подери, я ненавижу носить солнцезащитные очки ночью, — он махнул крылом вокруг неё и смахнул кровь с её щеки кончиками шелковистых перьев.

Ощущение было таким знакомым, она задрожала и тихо вскрикнула.

— Прекрати! Я возьму платок.

Он отпрянул, почувствовав её отвращение.

— Я держу Сидбха-джай приглушённым, девушка, — натянуто сказал он. — И я буду продолжать в том же духе.

Покопавшись в ящиках комода Рэй — найдя, да, носок согдится — и вытерев глаза, она пристально наблюдала за ним боковым зрением.

Он повернулся и смотрел на Рэй. Затем взглянул на неё.

Её взгляд вновь инстинктивно метнулся к его глазам — во имя Святых, она ослепнет от крови! Она промокнула её очередным носком дочери и слабо сказала:

— Что ты видишь?

Он резко достал пару солнцезащитных очков из кармана, надел их и сказал:

— Очаровательную юную девочку, Кэт, ничего больше.

«*Это неважно, это неважно, она моё дитя*».

— Ты бы знал, если бы она была чем-то большим? — «*Дерьмо*», подумала она, а она никогда не произносила этого слова в мыслях. Но она задала проклятый вопрос, и он повис в воздухе, и она ждала его ответа, вновь задержав дыхание.

Он ничего не говорил на протяжении, как ей показалось, бесконечного времени. Наконец:

— Необязательно. Но что ты имеешь в виду, девушка? У тебя есть причины опасаться, что она от Крууса?

— Нет, — сказала Кэт с взрывным выдохом.

— Ложь, — ровно сказал он.

«*Дерьмо*», снова подумала она. Кристиан МакКелтар столь же плох, как и она сама; ходячий детектор лжи.

Кристиан вздохнул, но вздох превратился в смешок тёмного веселья.

— В каком мире мы живём, а, Кэт? Я полагаю, ты не потрудишься рассказать мне эту историю?

— Ты сказал, что я нужна Шону, — она увела разговор от темы, которую она никогда не обсуждала и точно не станет обсуждать в присутствии дочери, даже пока та спала. Некоторые имена казались слишком могущественными, чтобы их произносить. Он пожалела, что его

имя вообще прозвучало в комнате её дочери. Один лишь слог, казалось, содержал силу божественного призыва.

— Да. Кэт, у тебя есть кому присмотреть за девочкой? Мне нужно доставить тебя кое-куда. Только на ночь.

Она пережила такой испуг, что ощутила сокрушительный ужас при мысли о том, чтобы оставить свою дочь. Но аббатство было полно женщин, соревновавшихся за возможность понянчиться с Рэй, и усиленно охранялось против... Снова, дерьмо.

Третий раз за ночь. Это слово. Она потребовала:

— Как ты пробрался сюда, не потревожив наши защитные чары, Кристиан?

Он слабо улыбнулся. Это была ужасная улыбка. Белые зубы, острые клыки, все это лишь привнесло в его глаза ещё больше тьмы.

— Ох, девушка, я не тот, кем был прежде. Как и все Фейри. Вам понадобятся новые защитные чары. Мой клан и я можем помочь вам с этим.

— Наше аббатство больше не защищено от Фейри? — тихо воскликнула она в ужасе.

— Уже долгое время. Практически с тех пор, как была пропета Песнь.

— Но у нас не было ни единого незваного гостя из Фейри, — запротестовала она.

— Они были заняты в другом месте. Вы не являетесь их текущей целью. По правде говоря, я сомневаюсь, что им все ещё есть дело до вашего существования.

— Почему?

— Вы для нас не угроза. Мы стали тем, чем некогда были. Что с того, что вы можете нас узнать? Мы сокрушим вас. Я говорю не от своего лица. Но так они настроены.

Кэт сделала глубокий вдох, повелевая своему разуму и сердцу успокоиться. Затем она отправила несколько быстрых сообщений. Вне зависимости от того, нуждался в ней Шон или нет, у Кристиана была информация — и явно в больших количествах — которой они не знали и в которой нуждались. А также возможность помочь им вновь защитить аббатство. Она склонила голову.

— Куда мы направляемся?

— В Шотландию.

Она внутренне содрогнулась.

— Ты собираешься просеяться со мной? — это означало, что ей придётся его коснуться, а он слишком напоминал ей Крууса.

Он вновь улыбнулся той преследующей и преследуемой темной улыбкой.

— Прости, девушка, но все будет не так просто. Нам придётся лететь. Лететь? В смысле держаться за него часами?

— Постарайся не источать грёбаное совершенное страдание, Кэт, — натянуто сказал он. — Я один из хороших парней.

— Насколько ты в этом уверен? — настороженно спросила она.

— Совершенно, — сказал он с окончательной решимостью. — И это была та ещё битва, могу тебе сказать.

Невидимый. И один из хороших парней. Она хотела в это верить.

— Нам нужно уйти прежде, чем придёт Энио. У неё будет схожая реакция.

Она намеренно выбрала самую свирепую из своих воительниц, чтобы нянчиться в её отсутствие. И попросила Дафф и Деклу расположиться за дверью. Три женщины, способные на крайнюю доброту. И крайнюю жестокость. Способные переключаться между этим в мгновение ока.

— Я могу просеять нас к периметру территории, но оттуда придётся полететь. Идём, девушка. И если это поможет, закрой глаза и думай о Шоне. Он тоже выглядит как я. Тебе нужно быть подготовленной к этому. Отторжение может сбросить его с крутого утёса, на котором он уже примостился. Но, — тихо добавил он, когда Кэт нервно шагнула в круг его рук, — ты можешь удивиться, каким прекрасным тебе покажется небо ночью. Мы полетим над туманом, который затмевает землю, где луна целует макушки облаков, превращая их в серебристые лужицы, на которых, кажется, можно танцевать. Ты увидишь тёмные глянцевые озера и траву, превратившуюся в тонкие металлические нити. Ночные создания отличаются от дневных, их реже можно увидеть. Возможно, ты заметишь великолепных парящих и ухающих полярных сов, резвящихся волков, взывающих к своей паре, ты можешь даже заметить парочку игривых диких кошек.

Кэт понимала, что он пытается успокоить её, отвлечь от интимности, которую ей придётся вытерпеть. Это работало. Пока он говорил, она слышала истину удовольствия в его словах. Ему нравилось летать ночью, он любил землю, а Круус никогда бы ни черта не заметил на земле, ни птицы, ни животного; будучи слишком голодным до власти и ничего ни видя сквозь собственные амбиции.

Кэт бросила последний быстрый взгляд на дочь, пробормотала, что любит её, когда к двери спальни с той стороны приблизились шаги.

— Звучит очаровательно, Кристиан, — сказала она, когда он привлёк

её к груди.

— Так и есть, — пообещал он, просеиваясь.

Очаровательно — неподходящее слово. Как только я справилась с чистым ужасом от того, что меня держат в полете, и со страхом, что он может меня уронить, меня зачаровала ночь под пальцами моих ног.

— Я не уроню тебя, перестань впиваться ногтями в мои плечи, — прорычал он.

Я рассчитывала на это. Если бы он хотел моей смерти, он мог бы убить меня в моей комнате.

В конце концов, я расслабилась, все ещё крепко держась за его плечи, свернувшись на его руках. Отвлекая себя от присутствия принца Невидимых разглядыванием раскинувшегося под нами мира, обдумывая благо, которое давало его присутствие — обещание, что тьма внутри необязательно равнялась тьме снаружи.

Я никогда не сумею прочесть его глаза — один из самых простых способов измерить душу человека — и я часто гадаю, видят ли все остальные столько нюансов в радужке глаза, сколько вижу я — но я чувствую его своим даром, своим сердцем.

Глубоко внутри Кристиана, так глубоко, что я едва не упустила это, притаилась злобная чёрная жемчужина в крепко закрытой, ослепительно белой раковине.

Но это была не маленькая жемчужина. Она была колоссальной, заполняла каждый атом его существа, а он каким-то образом её подавил. Он взял непостижимо бескрайнюю, извращённую, ужасающую бездну тьмы, сжигавшую его изнутри, и превратил её в своего рода сжатый файл, и запер его. Тьма, которая могла поглотить целое, подчинилась. Тьма, которая сочилась амбициями, голодом, умопомрачительной сексуальностью и нуждой.

Он сумел вместить бесконечность зла внутри крошечной сияющей белой раковины, в которой я не сумела заметить даже малейшей трещинки.

— Как? — спросила я, когда мы миновали Белфаст, паря в сторону океана.

Я ощущала способность к такому злу лишь в двух других сосудах: *Синсар Дабх* и Круус. Я никогда не видела столь огромную тьму сдерживаемой. Настолько совершенно запертой, что я даже не могла почувствовать, чем она являлась. Там было что-то, лёгкий привкус,

определявший его как принца, которым он являлся...

— Смерть — моё королевство. Как Светлый двор — это двор снов и иллюзий, так Тёмный Двор — это двор реальностей и кошмаров. У Видимых есть Весна, Лето, Осень и Зима. У нас есть Смерть, Война, Голод и Чума. Но придержи свои вопросы, девушка. Поддерживание этого контроля требует энергии, как и приглушение Сидбха-джай. Так что пока я разделяю силу, самые обременительные из моих способностей становятся вызовом. Мы остановимся на Нагорье, чтобы отдохнуть, и я расскажу тебе то, что смогу. Пока что наслаждайся видом.

Мы летели над злобным, пенным океаном с белыми гребнями волн, бившими о берег, затем дальше, где волны на мили разглаживались в тёмное звёздное стекло.

Когда мы пролетали над долинами, он нырнул под облака, чтобы показать вид мест, где играли и резвились ночные создания, затем вновь воспарил, чтобы дать вид с высоты птичьего полёта на испещрённые узорами акры, поля и реки.

Когда мы наконец прибыли на Нагорье, от красоты у меня перехватило дыхание. Горы величественными вершинами воспаряли ввысь перед тем, как резко нырнуть в устеленные коврами долины, изобилующие и распусившиеся жизнью. Песнь пробудила Шотландию столь же живо, как и Ирландию, превращая растения, кустарники и деревья в зелёную ширь, давая прирост к популяционному буму в царстве животных.

— Несси^[40] вернулось, — сухо сказал он. — Ты не поверишь в то, какие ещё создания вернулись.

— Например, старые боги? — сказала я.

— Ты знаешь о них.

Я смахнула прядь волос с лица.

— Немного. Нам определённо не помешало бы больше информации.

— Почти на месте, девушка. У меня есть любимая вершина. Скоро мы поговорим.

Я вернула взгляд к вереску, в обильном избытке колышущемуся на склонах холмов, посеребрённой траве, цветам, которые распускались между каждой трещиной в каждом камне.

Я никогда не бывала в Шотландии. Я никогда не покидала Ирландию. Я привезу Рэй, чтобы показать это. Я не позволю ей вырасти в такой же изоляции, как я. Я хотела, чтобы она видела мир, испытала каждое чудо, полноценно познала все, чтобы лучше это любить.

Мы коснулись земли на огромном плоском камне на округлой белой вершине. Когда он опустил меня на землю, я споткнулась, отвыкнув иметь

землю под ногами, и он вновь поддержал меня.

— Что думаешь? — спросил он, и в этот момент я слышала лишь Горца, гордого своей страной и ждущего комплимента от туриста.

— Шотландия завораживает. И теперь я знаю, почему у ангелов есть крылья. Это их награда.

Он улыбнулся, удовлетворённый, и махнул рукой.

— Подтащи подушку поближе к огню, Кэт. Здесь, наверху, прохладно.

Я обернулась туда, куда он показал. Потрескивающий огонь прыгал и полыхал в каменной яме, которой там прежде не было. Подушка и одеяло ждали поблизости.

— Как ты это сделал?

— Маленькие вещи — это просто. Я побуждаю материю изменить форму, стать тем, чего мне хочется.

— Этим? — я потянулась к уютному пледу в пурпурную и чёрную шотландскую клетку.

— Цвета Келтаров. Изготовлено из ковра мха под камнями.

— А огонь?

— Мысль. Превращение камней в поленья, воспламенение воздуха, приглашение жара.

— Я думала, магия Фейри по большей части иллюзия.

— Да, у Видимых. Они предпочитают форму функциональности, красоту — ценности. Трансформация материи требует больше энергии, чем набросок иллюзии, а они ленивые мудаки. И все же ты правильно делаешь, что не недооцениваешь их. В момент, когда я предполагаю, что это иллюзия, я оказываюсь пойманным в ней.

— Тогда ты имел с ними дело, — я устроилась на огромной плоской подушке у огня.

Он опустил на булыжник рядом с пламенем и мрачно рассмеялся.

— Это точно, девушка. Они некоторое время пытались поймать меня и Шона. Когда это не удалось, они начали предлагать различные приманки. Мы — враг номер три. Мак — враг номер один. Я слышал, что Джейн — враг номер два. Но я забегаю вперёд. Мне многое нужно тебе рассказать.

Завернувшись в шерстяной плед, я подвинулась ближе к огню, чтобы слушать.

Глава 22

В райском саду, детка^[41]

Элириум на языке Фейри означает приблизительно «запретный сад» или «тёмный рай», смотря у кого спрашивать, и он был переполнен.

Единственное в этом клубе, что не было вызывающе эротичным, усиленным роскошной иллюзией — это наружность, притворяющаяся нормальной в городе, который притворялся нормальным.

Как только ты проходил через эти высокие золочено-алебастровые двери, реальность исчезала, и начиналась мечта. Музыка была сюрреалистичной, чувственной, эротичной с ритмичными, сильными мелодиями, которые напоминали мне старые альбомы Enigma, смешанные с Puscifer.

Клуб представлял собой анахроничную смесь экзотической природной красоты и ультрагладких технологий. Цветы струились через края величественных ваз, окутывая воздух запахом ночного цветения жасмина, амариллиса, лилии и корилопсиса. Буйные лианы, усыпанные черными и красными маками, обвивались вокруг грандиозных колонн в романском стиле. Это место пахло зелёным лесом, жаркой тропической теплицей и сексом.

Стены, потолок и пол в фойе представляли собой гигантские LED-экраны без рамок, демонстрировавшие порно между Фейри и людьми во всех подробностях (Боже, как же мне не надо было это видеть) в отвратительном, преувеличенном формате, с усиленными Фейри цветами, текстурами и звуком.

Пока я шла по вестибюлю, два огромных потрясающих мужчины Фейри, занимавшиеся сексом с семью людьми, совокуплялись и трахались под моими ногами, и клянусь, оба Фейри на полу подняли головы, чтобы заглянуть под моё платье. Когда я резко топнула одному из них по глазу, ублюдок расхохотался.

Выход из фойе во второй вестибюль ниже привёл нас на балюстраду, обрамлённую ещё большим количеством лиан и дурманящих цветов, с которой мы могли видеть весь клуб. Они определённо вдохновлялись Честером, разделив Элириум на множество индивидуальных тематических подклубов, расположенных вокруг одного центрального танцпола, который

был битком набит кружащимися, трущимися друг о друга и трахающимися людьми и Фейри.

Я никогда прежде не видела так много каст Видимых, ярко и живо оттенёнными головокружительными, как будто усиленными в фотошопе оттенками Четырёх Дворов: румянец и роза Весны, переплетённые с металлическим зелёным; головокружительные, бесконечные золота Лета; медный и кровавый огонь Осени; тысяча морозных оттенков Зимнего льда. Высокие, крошечные, огромные, миниатюрные, некоторые летали, некоторые скользили, все охотились.

Я прищурилась. Я притупила мощностность своих способностей шивидящей в тот момент, когда мы вошли в клуб, чтобы приглушить какофонию такого большого количества Фейри на тесной территории.

Мак говорила мне, что слышит отдельные касты как мелодии, части песни, которая играла в её голове. Я тоже слышу, но моё восприятие различных каст тяжело сталкивается, как будто битва барабанов Godsmack, встретившихся с Ramalama (Bang Bang) от Рошин Мёрфи. Это нешуточный диссонанс.

Сегодня я также улавливала кое-что ещё, чего никогда прежде не замечала... или никогда не слышала. Где-то внизу присутствовал тихий, раздражающий, жужжащий звук. Что-то вроде отвлекающих статических помех на моем канале.

Что-то в танцполе казалось не совсем правильным. Я чуточку прибавила свои способности, и безрезультатно. Я усилила их ещё немного, и все равно ничего. Я выкрутила их на максимум, пока присутствие стольких Фейри не начало оглушать, выжигая дыру в моем нутре. С максимальной силой воли, стискивая зубы от свирепого натиска первобытных барабанов, бьющих в моей крови, говорящих мне «Убей, убей», я усилила свои способности ещё немного, раскрываясь шире, чем когда-либо. Мне никогда не приходилось этого делать.

О!

На том танцполе никого не было.

Он был пуст. Теперь я это видела.

Но ни один человек не мог этого видеть. Святые вероломные иллюзии, Фейри намного лучше овладели чарами! Шедону нужно знать об этом!

Как и фойе, танцпол был отделан ослепительно яркими LED экранами, транслирующими на своей поверхности ещё больше откровенных изображений людей, занимавшихся сексом с Фейри.

Я прибавила громкости своим способностям, вздрогнув от того, как присутствие такого количества Фейри крушило и грохотало в моей голове

бурей и грозой «Полёта валькирий», встретившегося с худшими и наиболее пробиравшими до костей частями «Реквиема».

О боже. На экранах ТВ вовсе не было ни единого Фейри, занимавшегося сексом с людьми!

Это были исключительно люди. И они не были изображениями на поверхности LED экрана, они были настоящими живыми людьми.

Пойманными в ловушку внизу.

Некоторые царапали нижнюю сторону пола, пытаясь выбраться. Другие... о Боже, другие были мертвы. Там находилась хаотичная, бурлящая масса людей, некоторые трахались, некоторые пытались сбежать, и все это посреди сотен трупов.

Что это такое? Если ты наступал на этот коварный танцпол, тебя внезапно засасывало под него и больше никогда не выпускало? Тебя принуждали делать выбор между тем, чтобы либо умереть в безнадежных попытках сбежать, или умереть, занимаясь чем-то приятным, пока ледяные Фейри сидели рядом, бездушные, эмоциональные вампиры, питавшиеся страстью человеческого страдания и упивавшиеся каждой каплей попытки? А я-то думала, что только Невидимые настолько извращённые!

Вот что случалось, когда Светлый Двор сбегал из-под контроля королевы? Они деградировали в худшие из возможных версий себя, как худшие из людей пускались в разнос, когда мир катился в ад, и потакали своим низшим желанием бунтовать, грабить и мародёрствовать? Скольких людей мы потеряли в этом проклятом клубе за последние два года?

Я снова приглушила громкость, чтобы увидеть клуб таким, каким его видели люди. Над нами на высоком куполе потолка мерцало звёздное небо, вокруг нас манили четыре двора, декорированные под времена года. Все было абсолютно очаровательно, соблазнительно, лишено боли — и совершенно фальшиво.

Я снова добавила громкость, широко распахивая свой канал.

Мы находились в крошечном аду. Интерьер был совершенно лишён украшений, за исключением LED панелей. Бетонные стены. Бетонные палы. И я ошибалась, в Элириуме присутствовал лишь один Двор Видимых, самый ледяной из всех. Остальные были иллюзией.

Зима завладела нашим городом.

— Однажды мы убьём их всех до последнего, — проскрежетала я.

— Согласен. Пока — цели и убираться отсюда нахер.

— Согласна.

Мы скользнули в движение и начали вместе спускаться по лестнице. Ещё до того, как мы добрались вниз, головы резко повернулись в наши

стороны, разговоры прекратились и напряжённая, натянутая тишина повисла над клубом.

Молчание наступило так внезапно, что я просканировала подклубы, уверенная, что Фейри убили своих человеческих партнёров. Не убили. Они каким-то образом сделали их неподвижными.

Они знали, что мы здесь, в тот момент, как мы ступили внутрь клуба. Они разрешили нам войти, ждали нас.

Не такие события я себе представляла. Я представляла себе небольшую стычку, когда большая часть Фейри будет занята другим. Немного травли медведя. Мы бы прогулялись. Посмеялись. Взбудоражили достаточно дерьма, чтобы получить немного ответов о происходящем в Фейри.

На деле же мы оказались центром внимания тысячи Фейри Зимнего Двора, приближавшихся, окружавших нас. Снизу, сверху, сзади с балюстрады и из фойе внизу. Они ринулись блестящей ледяной волной, двигаясь с хищной, нечеловеческой грацией.

Сила, которую они источали, была в разы больше, чем я когда-либо ощущала от любого двора, не считая представителей знати, а с широко раскрытыми чувствами я понимала, что в клубе нигде не было ни одного принца или принцессы. Королевскую мелодию ни с чем не спутать — ритм адских барабанов, соблазнительный, гипнотизирующий, крадущий рассудок.

Фейри изменились. Даже их взгляды стали иными, больше не мерцали универсальной, кружащейся радужностью. Смертоносные как бритвы, они врезались в тебя, каждый со своим уникальным цветом, за неимением лучшего слова, хотя я затруднялась дать название оттенкам: здесь окрас бессмертного разложения, гниения и кладбищ; там в точности оттенок токсичной ядерной войны без конца; здесь цвет безумного, обгладывающего кости голода; там пятно безумия, галопом несущееся на тебя и топчущее копытами.

Раньше я насмехалась над ними, над этими самодовольными, прекрасными, но относительно невинными Фейри без королевской крови. Они казались мне позёрами, которые не были тем, чем притворялись, заставляли нас верить, будто они обладали куда большей силой, чем на самом деле.

Теперь обыкновенный Зимний Двор Фейри был — мне пришлось силой заставить свой мозг принять правду — ужасающим на инстинктивном уровне.

Одна цель достигнута. Мы знали, что наш враг намного

могущественнее, чем был когда-то.

— Песнь определённо изменила их, Риодан, — пробормотала я, когда мы резко остановились посередине лестницы.

— Вот уж точно, Шерлок, — согласился он.

Вопреки серьёзности нашего текущего положения я улыбнулась.

В самое подходящее проклятое время он наконец-то правильно понял наши роли.

Глава 23

Я бы отдала все, что у меня есть ^[42]

Если бы Танцор жил.

Это кроличья нора, в которую я проваливалась несколько раз.

Иногда неохотно; в другие разы, темными ночами, когда Шаз храпел рядом, его задняя лапа неустанно пинала меня во сне, и я не могла спать, я нарочно шла к осыпающемуся земельному краю и прыгала вниз. Отправлялась исследовать ту фантастичную, убийственную страну чудес из безумия, монстров и «может быть».

Его мозги, мои суперсилы: каких детей мы могли бы произвести на свет?

Если бы сердце Танцора было здоровым, если бы, скажем, он выпил Эликсир Жизни, какие дерзкие подвиги храбрости и гениальности мы могли бы совершить вместе на благо мира?

У Бэтмена не было ни единой суперсилы, если не считать его внутреннюю тьму. У Танцора определённо её не было. Но возможно, внутренний свет — это тоже суперсила, а его у него было в избытке.

Шазам мог бы нянчиться.

НЕТ.

Он мог бы их сожрать. Но все равно, Шаз — безоговорочный друг детей. Дети, которых мы не имели, просто обожали бы его, хвастались им перед всеми своими друзьями, и Шазу это нравилось бы. А если бы они двигались на суперскорости, мы бы переехали куда-нибудь, где я тоже смогла бы носиться с ними на суперскорости, и мы бы ничего не боялись.

Я даже не знаю, работают ли мои яичники. Я не знаю всего, что Ровена сделала со мной. В её нарциссистских дневниках есть хронологические пробелы, которые предполагали массу недостающих томов.

Ещё одна кроличья дыра: я понятия не имею, кто мой отец. Я даже не уверена, был ли он у меня вообще. Все, что я знаю — это что ни один из дневников старой ведьмы не содержал ни одного упоминания моего патриарха. Такое совершенное упущение такой важной темы моему мозгу кажется совершенно непростительным.

Так что, может, те очаровательные маленькие дети с темными

волнистыми волосами Танзора и прекрасными глазами цвета морских волн никогда не были возможны.

Может, Риодан прав.

Может, я не человек.

Но я забегаю вперёд.

Глава 24

Трон принадлежал Конкобару, Катеин, Ведьминой Перчатке^[43]

— Вы поймёте, — промурлыкал Риодану возвышающийся бледнокожий мужчина Фейри с серебристыми волосами до пояса, проталкиваясь через толпу, — что даже для выроdkов вроде вас некоторых из нас сложно убить.

Двое против тысячи. Отстойные шансы.

Я прищурилась, корректируя свои расчёты. Позади Фейри семь черных зверей начинали бесшумно подкрадываться с периметра комнаты.

Да! Потребовалось колоссальное усилие, чтобы подавить желание вскинуть кулак в воздух.

Девятка здесь. Спасибо тебе, Риодан.

Они находились здесь все это время, вероятно, слившись с решетчатыми колоннами, замаскировавшись под предмет мебели. Или, точнее говоря, как хамелеоны слились с бетонными стенами и LED экранами.

Фейри могут чувствовать свои дары, копье и меч, если они оказываются достаточно близко — а это, как говорит Мак, должно быть около четырёх метров или меньше. Но они не могут чувствовать Девятку, что делает их врагами Фейри номер один. Один из Девятки может подкрасться к ним прямо сзади и убить даже прежде, чем они поймут, что рядом угроза.

Насколько я знаю, никто не может уловить присутствие Девятки. Я однажды спросила у Кэт, что она чувствует, находясь рядом с ними, и она сказала: *«Ни черта. Полная и совершенная тишина. Их вообще не существует»*. В то время я подумала, какое это, должно быть, блаженство для женщины, которая никогда не могла сбежать от обширных, взрывных и зачастую ужасающих эмоций мира. К слову о «нулевой точке». Её дара я бы никогда не хотела иметь. Я и так улавливаю слишком много ужасов мира без обострённой эмпатии.

Морозная женщина-Фейри, окутанная отороченным горностаем зимним плащом и свитой подобострастных придворных, властно рассекла сборище у основания лестницы и присоединилась к мужчине. Я сохранила

в памяти каждую деталь их обоих. Отметила их как моих.

Свирепость пылала из её древних глаз, на лице столь бескровном, что оно отливало синевой. Презрительная усмешка обнажила острые белые зубы и проблеск бледного неугомонного языка. Длинные ресницы присыпаны блестящими кристаллами. Её волосы представляли собой такие бесцветные, замороженные крошечные прозрачные бриллианты, что они отражали любой оттенок, возле которого она стояла. Её ногти заострились беспощадно острыми кончиками — десять беспрестанно постукивающих ножей для колки льда.

— Она превращается в принцессу, — пробормотала я Риодану. Поскольку она ещё не полностью трансформировалась, ей недоставало смертоносного жжения Сидбха-джай, убийственной сексуальности, свойственной королевской знати Светлого Двора.

— Уже заметил, — прорычал Риодан.

— Единственная причина, по которой мы не трансформировались в королевскую знать прежде, единственная причина, по которой сопливые людишки присвоили принадлежащие нам по праву места — это...

— Время в нашем мире ослабило вас, — перебила я её. — Делая нас более сильными.

— Но больше нет, — выплюнула она, раздувая деликатные ноздри. — Дворы вновь сильны, а я — Зиморождённая, — когда она топнула ногой, тонкий слой льда ринулся вперёд, укрывая пол между нами. Когда она пронзила меня взглядом бури и мороза, моё дыхание окрасилось крошечными ледяными кристаллами в воздухе. — Отдай мне меч, человек, и я не заставлю тебя страдать, — её глаза сузились до щёлочек огненного льда, и она промурлыкала. — Не очень. Поначалу.

Цель вторая: она хотела меч, Мак жива. Но где? Каждый Фейри в клубе заглядывал мне за плечо, голодным взглядом уставившись на моё оружие.

Девятка украдкой подобралась ближе, растворяясь в море Фейри в той своей почти невидимой манере, как будто видоизменяясь от одного Фейри к другому, и хоть нечеловеческие головы поворачивались, инопланетные глаза сканировали, они оставались за пределами видимости Фейри, вызывая беспокойство безо всякой конкретной точки, на которой можно сосредоточиться.

— Где ваша королева?

— Она не наша королева, и никогда ей не будет. Участь притворщицы — хуже смерти, — сказала она с холодной заиндедевшей улыбкой.

— Иными словами, — ответила я с ледяной улыбкой, — вы не имете

ни малейшего чёртова понятия, где она. И это кусает вас за ваши фейские задницы, не так ли, дорогуша?

Риодан рядом со мной издал сдавленный смешок.

Веселье исчезло, и она резко развернулась в водовороте отороченного горностаем плаща, прорычав:

— Заберите у неё меч. Покрошите ублюдка на куски не крупнее ящерицы, и принести её ко мне. Почти нетронутой.

Уходя, она оставляла за собой толстый слой льда, и все, о чем я могла думать — это «*На нем дерьмово будет драться*», представляя как мы поскальзываемся и скользим туда-сюда, пытаюсь убить друг друга.

Мы были слишком вплотную окружены, чтобы я прыгнула в поток, но мне и не нужно было. Риодан схватил меня за руку и дёрнул в свой поток.

Прямо вверх.

Грёбанный ад, мне никогда не удавалось достичь такого идеально вертикального подъёма. Ещё один вызов, над которым надо поработать. Пока мы поднимались, я сбросила туфли на каблуках в предвкушении сражения.

Бескрайний чёрный тоннель, заляпанный кроваво-красным, расцвёл вокруг меня. Затем мы жёстко врезались в противоположную сторону танцпола.

Зиморождённая резко развернулась, зарывав с противоположной стороны клуба:

— Я сказала, принесите её ко мне! — крикнула она. — Что с вами не так, имбецилы? Я все должна делать сама? — она попятилась назад и взмахнула в нашу сторону двумя длинными, худыми, льдисто-белыми руками, выпуская дюжины блестящих, смертоносных ледяных пик.

— Поток. Сейчас же, — прорычал Риодан.

— Я так не думаю, — прорычала я в ответ.

Он так сильно и быстро толкнул меня вверх, что я кувырком полетела из его чёрного и кровавого тоннеля, где потратила драгоценные секунды на попытки выяснить, как переместиться из его режима путешествий в свой собственный. Я наконец обрела равновесие и прыгнула в свой длинный усеянный звёздами проход, затем резко опустилась обратно в стоп-кадр, на ходу снимая левую перчатку и правой рукой вытаскивая меч из-за спины.

Я вонзила свой меч в первого же увиденного Фейри с долгожданным рёвом удовлетворения.

«*Один готов, впереди ещё тысяча*», свирепо подумала я.

Я с головой нырнула в резню. Ублюдки думали убить Мак, думали захватить наш мир, долгие два года безнаказанно пытали и убивали наших

людей.

Боковым зрением я видела Девятку, прорубающую себе путь к Зиморожденной, оставляя за собой искромсанных Фейри. Она — именно та, кого нам нужно было убить, чтобы выиграть немного времени до того, как родится другая принцесса, и я знала, что думал Риодан: убить её прежде, чем она станет смертоносной для меня. Сибдха-джай — мой криптонит. Включённая на полную силу, эта способность меня выключала, оставляла беспомощной. Мы понятия не имели, что рождалась новая королевская знать. Ни малейшего чёртова понятия. Мы слишком долго оставались отрезанными.

Я крутилась, я пронзала, я вертелась, я сражалась. В Элириуме я вернулась к жизни, будучи тем, чем должна была быть, делая то, что рождена была делать.

Фейри за Фейри падали от моего клинка. Затем Риодан очутился позади меня, и мы двигались в безупречной слаженности, сражаясь спина к спине.

— Я сказал тебе убираться нахер отсюда, — прорычал он через плечо.

— Скажи солнцу убраться с неба, — прорычала я в ответ.

— Оно убирается, когда наступает ночь. Я — ночь.

— Неверно с точки зрения науки. Солнце остаётся, просто ты его не видишь.

— Мы достигли своих целей. Отступай.

— Ты мне не босс.

— Грёбанный ад, как будто я этого не знаю. Что-то не так. Сука теряет Фейри направо и налево, и ей все равно. Она чего-то ждёт. Я даю отбой. Сейчас же.

Но было слишком поздно. Я спорила слишком долго.

Разрушительное, выжигающее душу жжение Сидбха-джай врезалось в меня и опалило мои внутренности в бесполезный пепел.

— Д-Джейн, — выдавила я. — Он д-должен б-быть где-то з-з-здесь. Н-найди его. Уб-бей его! — Этот ублюдок! Он не прятался со своей семьёй. Он работал на Двор Зимы, скорее всего, в обмен на предложенную амнистию, если он доставит им мой меч!

— Убью. Убирайся! — взревел Риодан.

Но я не могла. Ничто не работало правильно. Я вывалилась в медленный режим и упала на колени. Затем Риодан подхватил меня и забросил на своё плечо.

— Не касайся моей левой руки! — завопила я, становясь на дыбы над его спиной как кобра, отчаянно стараясь держать смертоносную

конечность без перчатки подальше от него.

Принц просеялся прямо перед нами, атакуя меня ошеломительной сексуальностью, и когда он потянулся ко мне (я выгнулась, чтобы пойти к нему, пылала желанием быть его рабой, жаждала боготворить своего хозяина!), я сумела сохранить единственный клочок разума, сладко улыбнулась ему с совершенным обожанием и протянула свою левую руку, безмолвно умоляя его схватить меня с плеча Риодана и забрать в Рай.

Тёмное, нечестивое обещание горело в его взгляде. Кровь выступила на моих глазах, пока я протягивала свою смертоносную руку. *«Возьми меня, возьми меня»*, повелевала я.

Он принял мою покорность как полагающееся ему королевское право и потянулся рукой.

Когда кончики наших пальцев встретились, взрыв высокого напряжения ударил мне в голову, прострелил моё тело и, когда он пробудился к смертоносной жизни, принц Фейри взорвался на тысячу фрагментов бледно-белой плоти и ещё более бледных острых костей.

Куски его усеяли клуб, и как только убийственная хватка Сидбха-джай отпустила мой разум, я мельком заметила бледное изумлённое лицо Зиморождённой в толпе.

Затем Фейри начали кричать и налетать друг на друга в торопливом бегстве.

Я оттолкнулась вверх, запуская себя как ракету с плеча Риодана, взметнувшись высоко в воздух и отчаянно стараясь убраться подальше от него, потому что напряжение все ещё искрило и трещало во мне.

Выбитая из равновесия, я совершенно промазала мимо потока, грохнулась на пол, перекатилась и вскочила на ноги.

Что бы я ни спустила с цепи в себе, это ещё не закончилось, даже близко не истощилось — это все ещё нарастало, нарастало, и я понятия не имела, как это контролировать.

— Дэни, возвращайся сюда! — проревел Риодан.

Мне нужно было что-то сделать прежде, чем он схватит меня. Прежде, чем я пошлю разряд в него. Я не стану убивать Риодана. Я делала это дважды и возненавидела оба раза.

Я резко развернулась к Зиморождённой и махнула рукой в её сторону в то же самое мгновение, как она вскинула на меня две бледные, худые, ледяные руки.

Разряды молний срывались с кончиков моих пальцев, одна за другой, раскалывая её призванные льдом оружия, прорываясь сквозь них, пока я посылая свою силу к ней...

Святой ад, она просеялась! Я промазала!

В ярости я выпустила ещё больше разрядов в стены, в пол. Если я не могла убить её, я хотя бы могла стереть их ужасающий клуб с лица нашей земли. Я выпускала энергию из своего тела мощными порывами молний, затем внезапно я...

Плыла в пространстве, кристально ясном и холодном, окружённая бесконечностью звёзд на окрашенном туманностями холсте чёрного бархатного неба.

Оно было бескрайним, но я была огромной. Оно было древним, но и я тоже. Оно было вне времени, но и мне не было конца.

Там был ветер. Его порывистые, завихряющие волны бились о моё тело. Ощущалось все так, будто я могу поймать один порыв и взлететь выше, выше, прежде чем направить позаимствованную инерцию и нырнуть под луну, вероятно, рикошетом отскочить вокруг звезды.

Я всегда думала, что космос неподвижен, но это не так, он жил и плыл, переливался и менялся. Здесь не пустота, а какое-то... тёмное вещество, которое отрицало понимание, материя Космоса, изобилующая возможностями, как будто все мечты, надежды и желания, которые когда-либо существовали и будут существовать, устроились глубоко внутри сверхплотных молекул тьмы, которую мы никогда не сможем постичь, и время от времени что-то проходило среди этих крыльев, или мелодии, рябью прокатывалось по этому тёмному веществу, тревожа его молнией и песней, разрядами экстремально высокого напряжения, изменяя, пробуждая, начиная нечто новое, сшивая вещи воедино такими способами, которые отрицали постижение, создавая связи, куя схемы и симметрию из хаоса.

Затем я ощутила грандиозный бриз и повернула свою голову, какой бы она ни была, к ветру. Огромный чёрный Охотник плыл рядом со мной, легонько покачивая головой, когда она билась о волны, растянув губы в тихом пыхтении, и он повернул свою гигантскую голову, чтобы остановить на мне взгляд одного сияющего оранжевого глаза. «Готова?»

Я нахмурилась. «К чему?»

«Я лечу».

«Я это вижу».

«Ты тоже летишь».

Что он говорил? Что я могу остаться здесь, с ним, летать среди величайших неизведанных территорий всего? Раскрыть секреты Космоса, содержащие его древние тайны?

«Все это и намного больше».

Но мои люди. Это не мой мир. Мой вновь в опасности, и вероятно, всегда будет в опасности. Мой мир нуждался во мне. Мне нужно было сделать работу.

Я закрыла глаза, желая, чтобы все это ушло.

Когда я снова открыла их, я стояла, постоянно моргая, ослеплённая внезапным резким светом, дисгармоничным перемещением.

Я находилась в клубе, но ситуация изменилась, пока я дрейфовала в космическом видении. Выжившие Фейри исчезли; просеялись, улетели или убежали, оставляя позади лишь мёртвых, Девятку и меня.

— Дэни, — голос Риодана, казалось, доносился с далёкого расстояния.

Я снова моргнула, ошеломлённо уставившись на разруху перед собой.

Стены крошились и обваливались. Пол расколола пятнадцатиметровая трещина с зазубренными краями, которая опала в бездонную бездну. LED панели разбились, всюду разлетевшись кусками стекла и проводов, а эти люди, пойманные в ловушку под полом, погибли. Я задрожала. Скончались под завалом, который я сотворила. Маленькая часть моего мозга сказала *«Лучшая смерть, чем та, которой они смотрели в лицо»*. Большая часть сказала *«Ещё больше людей, которых ты не смогла спасти»*.

Каркас Элириума стонал, брусья сгибались в тщетной попытке удержать подорванное основание.

— Дэни, — повторил Риодан.

— Дорогая, — услышала я слова Лора. — Ты нас слышишь?

Я натянуто кивнула.

— Опустит руку, Дэни, — мягко, осторожно сказал Риодан.

Я не осознавала, что она все ещё поднята. Я уставилась на неё, поворачивая её одним боком и другим, пытаюсь это осознать. Моё левое предплечье покрылось темными, прекрасными, обсидиановыми шипами. Она напоминала чёрную бархатную оперную перчатку с шипами.

Я заставила её опуститься вдоль бока.

— Посмотри на меня, Дэни, — сказал Риодан низким, напряжённым голосом.

Я медленно повернулась и встретилась с его взглядом. Его глаза странно дрогнули, клубясь тенями, и я увидела столь же ясно, как если бы он проговорил эти слова: *«Проклятье, я был прав. Она не человек. Я знал это»*. Затем, *«Дерьмо, это совсем не то, чего я ожидал. Твою мать!»*

Слова дошли до меня не в его обычной манере безмолвных коммуникаций — не нарочно телеграфированными. Я получила все воспоминание, прикреплённое к его первой мысли, но ничего со второй.

Он не верил, что я человек, с того самого момента, как увидел меня возле Темпл Бара, когда я стояла и смотрела на уличных мимов, хохоча в голос, засунув одну руку в карман, а второй закинув в рот чизбургер. У меня были фингалы под обоими глазами, я сильно была побита, все ещё пьяна от того, что носилась в стоп-кадре по всему городу ещё до того, как научилась сжимать свою ментальную хватку.

Но мы познакомились не тогда. Мы не были знакомы ещё какое-то время после этого.

И все же у него было безупречно детальное воспоминание о том, как он подходит ко мне сзади, останавливается в считанных дюймах от моей спины, медлит на мгновение и глубоко вдыхает перед тем, как исчезнуть в этой своей жутковатой мгновенной манере. Если бы я почувствовала за собой электризирующее присутствие, я бы списала это на собственное возбуждение от того, что я наконец-то свободна в мире.

Он знал обо мне задолго до того, как пришёл найти меня на той водонапорной башне и вынудить работать на него.

Я попыталась обдумать эту мысль, но мой мозг размяк и не поддавался. Я не могла попасть ни в один из своих ментальных склепов. Вот как чувствуют себя нормальные люди? Как это, должно быть, ужасно! Как они вообще это выносят? У меня в голове месиво.

Затем мои ноги подкосились.

Повалившись на пол, я крикнула Риодану:

— Не лови меня! Не трогай меня! Я опасна!

Риодан слабо улыбнулся, но это не коснулось его глаз.

— Думаю, мы уже выяснили это.

ПАДЕНИЕ

Belong, этимология: от староанглийского gelang — «под рукой», «вместе с».

Определение: Быть подходящим, благоприятным, подобающим.

Обладать должными качествами, особенно социальными, чтобы быть членом группы, соответствовать.

Причисляться, иметь отношение по праву рождения, подданства или подчинения.

Быть сыном, дочерью, матерью, отцом, любовником.

Семья принадлежит друг другу.

Я понятия не имею, что означает это слово.

Моя мама сказала, что мне место в клетке.

Но я знаю лучше.

Мне нет места нигде.

— ДЭНИ О'МЭЛЛИ

Глава 25

Чем я стала, мой милейший друг^[44]

— Привет, Шаз-ма-таз, — поприветствовала я его с усталым весельем, когда дотащилась до спальни и включила потолочный свет.

Он поднял свою огромную косматую голову с матраса на полу и присмотрелся ко мне, напряжённо сканируя с головы до пят. Это был взгляд, которым мы окидывали друг друга после сражения, оценивая, в порядке ли другой.

Его фиолетовые глаза расширились.

— Ты колючая! — воскликнул он. — Это будет триллиумное почёсывание!

Один из моих старых паролей — колючаясука314159, сочетание того, как я часто чувствовала себя, плюс шесть первых цифр числа пи. Я подумала, что в будущем надо будет подбирать умнее.

— Так и есть. Полагаю, триллиумное — это хорошо?

— Лучше всех! — он пришёл в восторг, но быстро отрезвел. — Ты в порядке, Йи-йи? — заволновался он. — Оно снова выросло.

— Я в норме, — сказала я, выскользывая из платья. — Я собираюсь помыться, а потом мне нужны грандиозные обнимашки. Немереное количество.

— И мы поднимем матрас обратно?

— Ещё бы, — я направилась в душ.

Риодан подвёз меня и несколько минут назад уехал, бурля от возмущения.

Я ничего не могла поделать. Я нуждалась в одиночестве. Я привыкла быть одна. Что-то происходило со мной, и я хотела иметь время, чтобы сосредоточить на этом свой мозг.

Мне пришлось отдыхать целых пять минут прежде, чем я сумела оттолкнуться от пола, оставив разлетевшийся на куски, рушащийся клуб позади. Я не собиралась позволять кому-нибудь подбирать меня и выносить. Хотя я и не ощущала в себе будоражащего, ужасающего, дикого напряжения, я не собиралась рисковать.

Пока я собиралась с силами, Лор прочёсывал руины в поисках моих туфель, но они нигде не обнаружились, что меня взбесило, потому что я

любила эти туфли. Я надела их один раз. Остальные оставались в звериной форме на случай, если Фейри решат попытаться ещё раз и зайти на очередную атаку, что я находила крайне неправдоподобным. Они отсутствовали два года без единой угрозы, а мы только что убили целую сотню, если не больше. Вероятности смерти Фейри избегали так, как люди избегали лихорадки Эбола. Я хотела обдумать результат наших сегодняшних действий, но в данный момент я могла думать только о себе.

Моё смятение отступило, но я все ещё была слаба и нестабильна. Риодан, как всегда дотошный планировщик, припас в Феррари еду, и я жадно сожрала батончики одним за другим перед тем, как запихнуть в рот полпачки чипсов.

Я взглянула в зеркало и приподняла бровь, сухо думая: *«Ага, вот почему они все так пялились на меня»*.

Чернота заняла ещё больше моей бледной ирландской кожи. Не только левая рука превратилась в шипованную чёрную перчатку — пятно распространилось дальше по моей плоти.

Экзотические языки чёрного пламени выгибались по левой стороне щеки, огибая подбородок, щеку, висок и заходя на левую бровь. Острый кончик одного из этих огненных языков заканчивался буквально в дюйме от моих губ. Губ, которые внезапно резко осознали, что испытали недостаточно поцелуев.

Пока мы шли к машине, Девятка оборонительно окружила меня, что я находила истерически смешным, учитывая, что я только что сделала. Убила принца, не используя меч, разрушила клуб.

Риодан спорил со мной всю дорогу до Святилища, требуя, чтобы я вернулась с ним в Честер. Требуя, чтобы мы поговорили.

Не имея достаточно энергии для спора, я посмотрела на него и просто сказала: *«Пожалуйста, сейчас мне очень нужно побыть одной»*.

Я знаю Риодана. Начни я спорить, он бы вёл дебаты до бесконечности. Но моя тихая мольба усмирила волка, и оцетинившись едва сдерживаемым тестостероном и злостью, он припарковался и проводил меня до двери, напряжённо сказав: *«Если я понадоблюсь тебе, звони. Напиши смс. Выкинь грёбаный сигнал Бэта. Если утром первым делом я не услышу от тебя новостей, я окажусь на твоём грёбаном пороге, колотя в дверь»*.

Только после того, как я дала обещание, он с ворчанием поддался и ушёл.

Я сделала шаг назад и оценила своё обнажённое тело в зеркале. Мне нравится моё тело. Оно сильное, стройное и подходит мне. Я должна ужасаться тому, что со мной происходит, но я невольно подумала, что

выглядела вроде как... красивой. Вся моя левая рука покрылась очаровательными темными шипами. Я понятия не имела, почему подумала, будто они очаровательные, но я так считала. Они не выглядели уродливыми или пугающими. Они были столь же деликатно изогнуты, как шипы на розе, только крупнее, со слегка притупленными кончиками. Я легонько провела по ним рукой и задрожала. Они были холодными, но невероятно чувствительными, как будто в верхушках собрались целые узлы нервных окончаний.

Колючки заканчивались прямо под плечом, но чернильная чернота захватила территорию на левом боку моего торса, ниже подмышки до талии, выстреливая ещё больше эбонитовых языков пламени на живот и груди. На ком-то другом я бы посчитала это чертовски крутой, иномирной татуировкой, Женщиной Обсидианового Пламени.

На себе, хоть и ошеломительно, но не так круто.

Если это не уйдёт, я больше никогда не почувствую, как мужские руки касаются моих грудей. Если это не уйдёт, я больше никогда не почувствую вкус поцелуя Риодана. Лица соприкасаются при поцелуе. Мужчина никак не мог приблизиться к моему лицу, разве что чопорно клюнуть, а я не женщина для чопорного клевания, что я и продемонстрировала предельно ясно этим утром.

Боже, казалось, это было в прошлой жизни.

Я бы целовала его крепче, дольше, лучше, если бы знала, что к вечеру случится это.

Я заставила мысли сосредоточиться, отвернулась от зеркала и начала перечислять, что мне известно.

Факт: Когда мне было четырнадцать, я зарезала Охотника, и моя рука почернела на несколько дней.

Факт: Это продолжало случаться на протяжении нескольких лет.

Факт: Недавно я обрела экстраординарную суперсилу, способность стрелять в высшей степени разрушительными разрядами молнии из руки, способными взрывать здания и убивать королевских Фейри. Я слегка усмехнулась. Ха, выкуси, Девятка! Я такая же крутая, как и вы!

Факт: Каждый раз, когда я использовала эту способность, ещё большая часть меня становилась чёрной и ледяной.

Я нахмурилась. Неточность. Чернота не распространилась, когда я убила Бриджет. И когда я использовала её, чтобы разрушить заклинание паралича. Или она распространилась — просто не туда, где я её могла видеть? Проникая глубже под кожу, а не расширяясь. Мои кости теперь черные?

Факт: Когда я использовала эту силу, это осушало меня до степени, которая, казалось, росла с каждым использованием — или, возможно, в зависимости от магнитуды использования.

Факт: Если кто-то касался чёрной части меня, они умирали. Я их убивала.

— Ядовитый Плющ^[45], да? — пробормотала я. Не тем я планировала стать, когда вырасту. Она была заклятым врагом Бэтмена. Я должна была стать Бэтом, только с суперсилами.

Факт: Если я продолжу пользоваться этими невероятными разрядами молний, то весьма вероятно, сделаюсь полностью чёрной. Я гадала, повлияет ли это на волосы. Мои глаза станут черными? Я попыталась представить себя полностью чёрной. Весьма странно.

Я вошла в душевую кабину и встала под струи, обдумывая, сумею ли я, как предлагал Шазам, заставить это уйти. Возможно, если я никогда больше не буду этим пользоваться, пятно отступит, и я вернусь в норму. Ранее оно один раз отступило ниже локтя. Накапливалось ли оно каким-то образом? Была ли завершающая фаза неизбежной и необратимой, как только все началось?

Я высушила волосы полотенцем, натянула спортивные штаны и футболку, радуясь, что Шазам был невосприимчив. Хотя бы это у меня осталось.

При условии, что я переживу происходящее со мной, я собиралась стать той странной леди с Адским Котом, эксцентричной и одинокой.

Могло быть и хуже, думала я, направляясь обратно в спальню. У меня могло не быть даже Шазамы

Я, та, что в лучшем случае познала лишь хлипкую связь с миром, становилась ещё более отрезанной, ещё более изолированной. Своей собственной кожей. Я всегда была опасной. Теперь моё прикосновение стало смертоносным.

В мой первый год в клетке моя мать мыла меня с заботой. Перед тем, как уйти утром, и вновь каждым вечером, когда она возвращалась домой. Она мыла и сушила меня, расчёсывала мои волосы. Мы держались за руки через решётки. Она втирала увлажняющий крем в мою кожу, щекотала мою спину, и я знала, что мы справимся. Те СТАРШЕ и СНАРУЖИ были гарантированными. Я знала это из её прикосновений. Можно чувствовать любовь в чьих-то руках.

Так длилось недолго. Её забота становилась все более и более нерегулярной, пока, наконец, она и вовсе не перестала меня касаться. Затем, вскоре после этого, она начала переставать меня видеть.

Когда я уже не помнила ощущения её рук на своем теле, волосах, ощущение мягких поцелуев через решётки; когда эти поцелуи стали смутным воспоминанием, принадлежавших другой жизни, другому ребёнку, я лежала в клетке и обнимала себя, поворачивая голову из стороны в сторону, целуя свои плечи, свои руки.

Моё маленькое тельце жаждало прикосновений. Утешения, любви.

Как и сейчас.

Я подняла наш матрас обратно на пружины кровати, растянулась на спине и раскрыла объятия.

Шазам налетел на меня, приземлившись прямо на грудь.

— Оу!

Урча и сверкая глазами, он с восторгом боднул меня, затем уютно устроился в моих убийственных объятиях.

И как это так часто бывало в Зеркалах, я крепко зажмурила глаза, чтобы сдержать слезы, и держалась за него изо всех сил.

Глава 26

*Ржавые цепи тюремных лун расколоты
солнцем^[46]*

— Первым делом, Кэт, — сказал Кристиан, — краткое изложение связанной с этим истории. Постарайся придержать свои вопросы до конца. Хронология событий, которую я тебе даю, приблизительно. Фейри не приклеены к концепции времени, в их распоряжении имеется целая вечность для транжирства. Мне пришлось соединять кусочки и отрывки истории с несколькими точками отсчёта.

— Поняла, — сказала я. Мы сталкивались с той же проблемой, когда переводили тексты. Ориентиры в лучшем случае были смутными, например, как привязывание наших исторических событий к тому, какие телесериалы были популярны в то время, и каково было бы кому-то выяснять это тысячу лет спустя. Если у него имелось общее представление, я очень хотела его выслушать.

— Первое значимое упоминание Фейри появляется примерно миллион лет назад, хотя они существовали задолго до этого. Изначально существовал один-единственный Светлый Двор Четырёх Вреён года. Светлый Король стал недоволен жизнью при дворе, ушёл и объявил себя Темным или Королём Невидимых. Через какое-то время после этого он встретил свою смертную возлюбленную, помешался на ней и стал искать способ сделать её бессмертной как он сам. Поскольку Песнь Созидания являлась матриархальной силой, ему пришлось подавать прошение Светлой Королеве, чтобы та превратила его любовницу. Когда королева отказалась, все начало катиться в ад.

Король Невидимых удалился в своё тёмное королевство, поклявшись воссоздать Песнь и самому сделать свою любовницу бессмертной. Невидимые или Тёмный Двор был рождён в результате его бесконечных экспериментов. Насколько я могу сказать, за работой над этим он провёл примерно четверть миллиона лет. Опять-таки, приблизительно, я полагаю, Круус был рождён три четверти миллиона лет назад и стал одним из последних членов оставшегося Тёмного Двора, созданного королём.

Как ты знаешь, примерно пятьсот тысяч лет назад Круус выдал короля королеве и сказал, чем занимался король. Круус хотел, чтобы Двор

Невидимых свободно бродил по миру, смешиваясь с Видимыми, что было запрещено королём. Король знал, что сделает королева, если узнает, что он создал свой Тёмный Двор — и особенно если она узнает, что столь презираемая ею смертная любовница все ещё жива в царстве вне времени, чтобы предотвратить её старение.

Когда королева узнала о существовании Тёмного Двора, это начало войну, положившую конец всем войнам. Когда Видимые и Невидимые сошлись в сражении, они разрушили собственную планету, расколов её напополам. Случилось немыслимое: Король Невидимых убил Королеву Видимых прежде, чем она сумела передать Песнь Созидания своей преемнице. Песнь была всем, что поддерживало могущество Фейри. Они одни обладали этой древней мелодией жизни.

— Несомненно, украденной каким-то образом, — сказала я, не сумев удержаться от саркастического комментария. Ни один бог, в которого я верила, не доверил бы такую силу и красоту такой пустой, жаждущей власти и безжалостной расе.

— Как ты видишь, Песнь просачивается в реальность и восполняет угасающую магию. Как только они утратили древнюю мелодию, Фейри оказались обречены. Со времени они стали бы слабеть, пока не рассеялись бы по ветру, оставив после себя лишь легенды.

— Но когда Мак использовала Песнь, чтобы исцелить наш мир, они восстановились, — мрачно сказала я.

— Именно. То, что песнь не разрушила, она сделала сильнее. Как случалось ранее, во мгле Веков, Тьма просочилась вглубь материи всех вещей и пропела «Пробудись». Ещё одна палка о двух концах в исполнении Мак. Эта женщина склонна время от времени устраивать хаос.

Я начала протестовать, но он отмахнулся.

— Я понимаю, девушка. У неё не было иного выбора, кроме как использовать Песнь, иначе сам Космос был бы разрушен черными дырами. Нам повезло, что она сумела с ней управиться, и я благодарен. Но нет действий без последствий. Воистину, временами самое желанное, правильное, необходимое действие в результате приводит к катастрофическим последствиям. Сейчас мы столкнулись с ними лицом к лицу.

Возвращаемся к хронологии событий: Последующие королевы переносили Светлый Двор из мира в мир, всякий раз при переносе вытягивая из двора ещё больше силы, отчаянно отыскивая планету, богато окутанную магией. Они знали, что постепенно слабеют. Многие из них пили из Котла Забвения, чтобы забыть, какими могущественными они

некогда были, какими слабыми они становились.

В конце концов, примерно двести тысяч лет назад они обнаружили наш мир, который все ещё пульсировал значительным количеством магии. Но он уже был занят и богами, и древними людьми. На нашей планете до прибытия Фейри царило мирное время. Боги были в основном милостивыми, и хоть они иногда воевали меж собой, они заботились и опекали поклонявшимся им людей, и между ними существовала сильная связь.

Фейри, вероломные ублюдки, притворились, будто имеют куда меньше силы, чем было на самом деле, и молили богов о пристанище, заявив, что их мир разрушен, но в том не было их вины. Боги, не почувствовав угрозы, дали Фейри значительные территории земли, и какое-то время все шло мирно.

Но Фейри были заняты сбором информации, отчаянно желая захватить и править нашим богатым магией миром. Они тайно изучали богов, отыскивая слабости. Их атака была терпеливой, скрытной — блестящий пример продуманного давления в глобальном масштабе. Они похищали богов одного за другим, использовали свои чары Фейри, чтобы притвориться ими, и начинали наказывать, пытаться и убивать людей. Для людей все выглядело так, будто их боги обратились против них.

Аналогично люди обратились против своих богов, а боги оставались настроенными против своих людей за предательство — за отказ выслушать, когда они пытались объяснить, что сотворили Фейри. Затем грандиозные и великодушные Фейри наконец вступились, чтобы «спасти» людей.

Боги осознали, что Фейри все это время скрывали свою истинную силу, но боги не могли проникнуть сквозь чары Фейри, и Фейри собрались и убили большинство божеств в нашем мире, оставив лишь разбросанную горстку тех, кто оказался слишком силен, чтобы быть убитым, или тех, кто нашёл способ избежать поимки.

Я понятия не имею, сколько их осталось, но держу пари, что несколько сотен или около того. Тех богов, способы убийства которых они не знали — в отличие от Фейри всех богов невозможно убить двумя общеизвестными орудиями, у каждого есть свой один уникальный способ умереть, и это тщательно охраняемый секрет — они поймали и заточили в земле. Они отказались от одного из своих самых могущественных *шианов* или Фейри-холмов, чтобы использовать его в качестве тюрьмы.

Долгое время боги покоились в почве, угаснув до одних лишь клочков прежних себя, но когда древняя Песнь была вновь пропета, она пробудила и освободила их из этих гробниц. Боги научились на своих ошибках. Они

вернулись слабыми, всего лишь тенью, и выжидали момента столь же терпеливо, как когда-то Фейри, залегли на дно, поглощали силу из вновь оживившейся Земли, пока вновь не стали могущественными. Лишь недавно они начали показывать себя.

Я пробормотала:

— И они презирают Фейри как никогда, и замышляют их разрушение.

— Хуже того, Кэт. Они презирают и людей тоже. Они ненавидят обе расы и желают их гибели, и в данный момент обстоятельства складываются не совсем против них. Когда боги и Фейри сражались в первый раз, ши-видящих не существовало. Фейри не вторглись в наш мир, и в них не было необходимости. Но теперь они существуют, и у богов есть огромное преимущество, которого им некогда не доставало. Прежде они не могли видеть Фейри, стоявшего прямо перед ними, если он чарами маскировался под человека. С ши-видящими в качестве сторожевых псов, они смогут.

Я задрожала. Вот куда делись двенадцать наших ши-видящих — похищены богами? Я прекрасно понимала, что не стоит верить ему, будто наши ши-видящие не станут им помогать. Перенеся достаточно мучений, в конце концов, кто-нибудь будет сотрудничать.

— Ты выяснил, когда родился наш орден? — наши корни оставались для нас загадкой, меня интриговало наше происхождение. Я знала его причины — чтобы защитить *Синсар Дабх*.

— Да, опять-таки, приблизительно. Как тебе известно, после того как Король Невидимых убил королеву, Круус украл его драгоценную возлюбленную и заставил короля поверить, будто она мертва. В порыве искупления вины король сбросил всю громадную силу своей темной магии в *Синсар Дабх* и изгнал её в мир. Но как и все предметы Фейри, она эволюционировала и, исполнившись ярости к королю, помешавшись на нем, тёмный двойник начал преследовать Короля Неведомых, сея хаос всюду на своём пути. Эти двое на протяжении сотен тысяч лет играли в кошки-мышки.

— Подожди минутку, я должна это спросить: мы имели основания полагать, что *Синсар Дабх* почти миллион лет. Ей всего полмиллиона?

— Зависит от того, как посмотреть. *Синсар Дабх* обычно датируется миллионом лет, потому что содержит знания Короля Невидимых с того времени, когда он начал создавать тёмный двор — почти миллион лет назад, и до того времени, как он отрёкся от него — примерно полмиллиона лет спустя. Теоретически книге всего полмиллиона лет. Опять-таки, все это лишь приблизительно.

Я кивнула.

— Продолжай.

— Когда король наконец-то сумел поймать своё опасное альтер-эго, примерно сто пятьдесят тысяч лет назад, ему требовалось надёжное место, чтобы содержать его там под охраной. Удобно, что на планете уже существовал *шиан*, богатый магией, снабжённый нужными стихиями, идеальное место для заточения; место, куда Видимые никогда не пойдут, потому что уже похоронили там своего древнего врага и оставили его.

Я ахнула.

— Ты шутишь? Хочешь сказать... — я умолкла в неверии.

Он перебил меня темной улыбкой.

— Да. Король Невидимых нанёс визит в наш мир и спрятал *Синсар Дабх* под тем, что ныне известно как Аббатство Арлингтон, над заточенными богами, а затем создал ши-видящих, свою финальную касту Невидимых, чтобы они служили ему сторожевыми псами. Он дал вашему ордену силу видеть сквозь чары Фейри, способность защищать свои земли от Фейри, и многочисленные дары, чтобы сражаться с ними, если они придут.

Я покачала головой, испытывая головокружение от этой мысли.

— Все это время боги покоились под нашим аббатством?

— Ох, девушка, судя по намёкам, которые я собирал то там, то тут, ваше аббатство громоздится на множестве могущественных вещей. Я бы хотел исследовать Низ, если ты разрешишь это. Скоро. У нас на руках бардак, и нам требуется каждое преимущество, какое только можно найти.

Я кивнула. Мы найдём способ работать вместе.

— Возвращаемся к хронологии событий. Война между богами и Фейри опустошила землю Королева Эобил, которая сама некогда была смертной, наблюдала за разрушением слишком большого количества планет. В конце концов, и я не могу привязать это событие к конкретному времени, она силой убрала Фейри в отдельный мир, сформировала стены, зачерпнув силу стен тюрьмы Невидимых, заключила Соглашение с кланом по имени Келтары, и обучила их друидизму, чтобы его поддерживать. Вот здесь все усложняется. Я попытаюсь вкратце объяснить тебе мир «Фейри».

Под Первой Королевой и Королём Видимых Фейри состояли только из Двора Видимых, обширных лучезарных земель с четырьмя дальними королевствами и королевскими домами, правящими каждым из них: Весна, Лето, Осень и Зима. Над ними всеми правила королева.

Когда король оставил Королеву Видимых и стал Невидимым, он расширил мир Фейри, чтобы вместить громадность его собственных

владений. В своём королевстве он сконструировал почти бесконечный Белый Особняк и привязал его к поистине бесконечному Залу Всех Дорог. Он также создал Зеркала как вторичные средства перемещений, изначально исключительно для использования им самим и его возлюбленной. Мир Фейри разросся от единственного двора до огромного хитросплетения связанных миров. Говорят, что битва между смертными и Фейри, которую мы ведём здесь на Земле, происходит в бесчисленном количестве других миров, с бесчисленным количеством других дворов Фейри, связанных этой сетью во множественных вселенных.

Он увидел выражение моего лица и рассмеялся.

— Да, в моей голове эта мысль тоже не укладывается. В конце концов, Зеркала были прокляты, и территория мира Фейри стала ещё сложнее, хотя и до этого пребывала в хаосе. Но для простоты думай о мире Фейри как о Светлом Дворе и Тёмном Дворе, Зале всех Дорог, Зеркалах и Белом Особняке в одном огромном иномирном пространстве. Но оно уже не иномирное. Нас не разделяют никакие стены. Оно прилегает к нам, просачивается в наш мир.

Вот почему нам отчаянно нужно было, чтобы Мак выяснила, как пользоваться силой королевы Фейри, чтобы она могла пропеть эти стены обратно и восстановить наш мир в его нормальном порядке, без Фейри, охотящихся на людей.

— Откуда ты все это знаешь? — спросила я. Такую историю мы давно пытались отыскать.

— Я послал свой клан в Белый Особняк, в настоящую библиотеку короля, и заставил принести мне каждую книгу и заслуживающий внимания предмет, который они найдут. Замок, как ты вскоре увидишь, битком набит книгами, бутылками, зельями и бесчисленными артефактами, которые мы транспортировали в Башню Дрохечт. Послушай меня хорошенько, не трогай ничего. Это не ваши обычные книги, бутылки и прочее. Дэни может кое-что поведать тебе о том, что можно найти в коллекции короля, — он рассмеялся. — Спроси её о книгах Бура-Бура. Но не спрашивай её о Кровавой Ведьме, и что бы ты ни делала, как только прибудешь в мой замок, грёбаный ад, не открывай никаких бутылок, которые тебе могут попасться.

— Если они так опасны, зачем ты принёс их в наш мир?

— Многие могут оказаться полезными. Знание — это сила. Как и сама сила, — сухо сказал он. — Контролируемая Кровавая Ведьма может оказаться адовым преимуществом. Я не сплю, Кэт, я изучаю. Я узнаю о себе, о расе Фейри. Я готовлюсь. Боги и Фейри снова будут воевать, и эта

битва спокойно может разрушить наш мир. Боги хотят истребить людей, Фейри хотят поработить людей. Для нас ситуация в любом случае проигрышная.

Я сказала:

— Как это связано с Шоном? Я полагаю, это имеет какое-то отношение?

— Древняя мелодия и нас сделала кардинально более могущественными. Для меня прошли месяцы, прежде чем случилась полная трансформация, а Шону понадобилось ещё несколько месяцев после этого. Подозреваю, для Видимых это также проходило медленнее. Мы все изменяемся в своём собственном уникальном темпе. Я научился контролировать то, чем стал. Но Шон, ах, девушка, твой Шон не научился. А должен. Его время на исходе.

Мы добрались до края сурово охраняемого королевства Кристиана как раз к рассвету. Он отрезал пятьдесят тысяч акров Нагорья для себя и начал восстанавливать и укреплять огромный древний замок, который он окрестил Башней Дрохечт. В том грандиозном, просторном замке жили они с Шоном, в законченных частях обваливавшихся руин. Пока мы парили над последней вершиной, Кристиан сказал:

— Приготовься, девушка, это вовсе не красиво.

Даже подготовившись, я была поражена видом, который приветствовал нас, как только мы миновали ту финальную вершину, прорвались через облака и полетели над его королевством.

Всюду, куда ни взгляни, земля была чёрной.

Ушла изобилующая зелень, роскошное обилие растительности и жизни. Под бесконечным занавесом низко нависающих, плотных, рокочущих грозных облаков, тянувшихся до самого горизонта — обугленная крошащаяся темно-серая крыша — земля была опалённой и пустующей, как будто её выжгли до корки

— Что здесь произошло, Кристиан? — ахнула я, крепче цепляясь за его плечи, когда по мне ударил ледяной порыв ветра. Он также был нехарактерно холодным. Температура резко упала до тридцати-сорока градусов^[47] к тому моменту, как мы пересекли резкую линию границы.

— Спустя месяцы после того, как Песнь была пропета, я пролетал над Нагорьем, упиваясь красотой. Я только начинал принимать свои крылья. В тот день я был в бодром настроении и решил прогуляться, посетить наш

местный паб, чтобы глотнуть спиртного перед возвращением в замок Келтаров. Последние несколько миль я прошёл пешком, наслаждаясь нехарактерно нежным гудением, которое чувствовал в земле. Оно как будто просачивалось через подошвы моих ботинок, под мою кожу, глубоко в мои кости. Это было приятно, Кэт, прекрасная ритмичная вибрация, оживлявшая меня. Я не понимал, что происходит, не осознавал, что спящая часть меня отзывалась на новую магию в земле, пробуждаясь. Что я становился Принцем Смерти, который некогда существовал три четверти миллиона лет назад. Когда я вошёл в тот день в «Петуха и Корону», сто сорок два человека — моих людей, под защитой Келтаров — взорвались облаками чёрной пыли на моих глазах. Я убил каждую живую душу в том пабе, просто войдя туда. Если бы я вернулся домой, а не пошёл выпить, я убил бы весь мой клан, за одним-единственным исключением Дэйгиса.

Я вздрогнула.

— Мне так жаль.

— Последние два года я провёл за прочёсыванием томов из библиотеки короля, в поисках информации о том, кто я, какой силой обладаю, и как её использовать. Не то чтобы мне было у кого спрашивать. Видимые предпочли бы, чтобы мы умерли. За невозможностью этого, они хотят держать нас на очень коротком поводке, использовать нас как оружие. Не осталось ни одного Невидимого, чтобы меня обучить.

— Но разве ты не просто знаешь, на что ты способен? — мой дар был простым, он бил мне в лицо каждый день. С тех пор, как Песнь была пропета, он сделался ещё мощнее, но благодаря времени с Кастео я научилась создавать и держать стены, заковывать себя в эмоциональную кевларовую броню. Каждый вечер перед сном я тщательно отгораживалась от мира, создавая для себя блаженную крепость тишины, чтобы следующий день я могла встретить обновлённой, сильной.

— Нет, если не попробую, — сказал Кристиан. — И часто я вообще не пытаюсь ничего делать. Сила заявляет о себе без моего согласия, как в тот день, когда я вошёл в паб. Вскоре после того, как я заточил себя здесь, твой Шон присоединился ко мне. Он — Голод. Всюду, куда он ни пойдёт, земля умирает, посевы увядают, почва делается бесплодной; когда пройдёт достаточно времени, мир станет голодать. С ним случилось то же, что произошло со мной: он почувствовал, как что-то просачивается из почвы, и когда он шёл, земля вокруг него начала умирать. Как и я, он был не в состоянии сдерживать эту силу.

Я вздрогнула.

— Это Шон уничтожил эти земли?

— Да. Он испытывает себя, выходит на оставшуюся полосу поблёкшей зелени, когда думает, что готов попытаться ещё раз. Всякий раз, когда он разрушает землю, он возвращается более злым, становится более жестоким. Злоба и ожесточённость — не те эмоции, которые принц Невидимых может себе позволить без катастрофических результатов.

— Что это? Кто там живёт? — воскликнула я. Он пронёс нас далеко к северу, пока мы говорили, и теперь мы гладко скользили прямо над линией границы, где периметр его почерневшего королевства вновь встречался с изобилующей зеленью. Я видела такое прежде — резкий переход там, где Тени поглотили все вокруг, приблизившись к нашему аббатству, но остановившись по неизвестным причинам.

На обугленной территории, посреди безжизненной земли справа от меня стоял маленький фермерский коттедж с соломенной крышей. На травянистой стороне, прямо прилегающий к нему, находился ещё один маленький фермерский коттедж из камня, гостеприимный и тёплый, окружённый ухоженными садами с распустившимися цветами.

Коттеджи были днём и ночью, Инь и Ян, приютившимися друг к другу. Внизу под нами по травянистой стороне возле коттеджей шла пара, держась за руки.

— Это Дэйгис и Хлоя. Он живёт под моими охранными чарами. Она живёт сразу за ними. На её коттедж я тоже навешал дохера защит, но не разрешаю входить в моё королевство, чтобы мы ненамеренно не навредили ей.

— Ты пришёл в наше аббатство, и все же никого не убил. Я чувствовала тебя, Кристиан. Ты это контролируешь.

— Не существует чар, амулета или магического решения, способного обуздать смертоносные силы принца. То, что я освоил — самая простая и все же часто самая неуловимая вещь из всех: любовь. Если я злюсь, если я позволяю себе вообще любую негативную эмоцию, я могу сорваться, — тихо сказал он. — Ключ к успеху — никогда не ожесточаться, никогда не злиться, никогда завидовать, никогда не поддаваться никакому желанию, которое содержит тьму. Твой Шон, девушка, поглощён ими.

Я сморгнула мгновенное жжение слез. Так много ночей, в своём личном саде тишины, я каждый вечер гадала, куда подевался мой возлюбленный с детства. Почему он никогда не писал и не звонил. Он просто ушёл без единого слова. Это причиняло мне почти невыносимую боль.

И все это время Шон отсиживался в уединении, отгороженный от всего мира, пытаюсь научиться контролировать монстра-Невидимого,

которым он стал. Все это время я думала, что он оставил меня, потому что не хотел меня, не хотел нас. И потому я дала ему уединение. Я тоже не писала и не звонила. Уязвлённая, раненая. Упрямая и несгибаемая МакЛафлин.

Но он ушёл вовсе не поэтому. Иногда, вопреки открытому окну в эмоции всех окружающих, я могу быть слепа и глупа в отношении собственных чувств.

— Отведи меня к нему, Кристиан.

— Я надеялся, что ты это скажешь.

Глава 27

Мурашки по моей коже, эти раны не исцелятся^[48]

Этим утром я потеряла одну из своих птиц.

Его звали Чарльз Джеймс Обри. Ему было двадцать три года. Он повесился в моей квартире на Десото, проведя всего девять дней вне улиц. Я навещала его буквально три дня назад, и даже я оказалась одурачена.

Но так много их пришли и ушли на моих глазах, и я кое-что узнала об их повадках; иногда прямо перед тем, как уйти, они выглядят даже лучше, чем когда-либо, отлично адаптированными. Не ветреными или настораживающе счастливыми, а обманчиво сбалансированными, и я часто поражалась этой позаимствованной кротости. Поражалась огромному количеству боли, от которой они, должно быть, страдали, раз наконец почувствовали себя хорошо только тогда, когда решили уйти из этого безумного, прекрасного мира. Этого нельзя предвидеть, даже мне. Хотя я научилась присматривать за неожиданной, подозрительной умиротворённостью.

Он оставил записку: *Я не просил, чтобы меня рожали.*

Хотелось бы мне иметь больше времени. У меня есть теория о депрессии. Думаю, она случается из-за изменения химических веществ в наших мозгах, потому что стресс, травма и горе истощают наши счастливые соки, нарушают хрупкий, необходимый баланс и заставляют мир вокруг нас сделаться плоским, страшным и монохромным, слишком тяжёлым и невыносимым. И как только ты оказываешься там, с истощёнными химическими веществами в мозгу и сравнявшимися цветами вокруг, ты слишком подавлен, чтобы бороться и искать выход. Я думаю, физические упражнения — способ повысить эндорфины, вернуть баланс мозга, и я часто гадаю, вдруг моя экстремальная скорость и постоянное движение кормит мой мозг неразбавленным соком счастья, постоянно подкидывая меня вверх. Я гадала, а что если бы я выяснила, скажем, правильную смесь кортизона, 5-гидрокситриптофана и бакопы, возможно, с несколькими другими ноотропиками, плюс куча веселья, физической активности, и масса доброты и солнечного света — затем дать этим людям один счастливый, свободный от стресса год безо всякой ответственности, и возможно, я сумела бы развернуть их мир.

Я срезала его и держала на руках. Он все ещё был тёплым; я, возможно, опоздала всего на час, должно быть, он умер вскоре после рассвета. Задержался, чтобы ещё раз посмотреть, как встаёт солнце. Если так, это резануло по мне, потому что это значило, что где-то внутри в нем все ещё была радость — если бы только кто-то сумел дотянуться до неё и взрастить. Я завернула его в одеяло и отнесла на кладбище, которое я использую для потерянных. У меня мало времени, но я всегда хороню их и всегда что-нибудь для них делаю.

Дублин бесстрастно двигается дальше. Этот прекрасный, ужасающий, набитый безграничными возможностями и опасностями хронический город стремительно несётся вперёд как локомотив по путям, в его расписании нет ни отклонений, ни паузы для павших.

Они исчезают, незамеченные, невоспетые.

Я трублю для них в рог. Дёрнуть этот кабель вниз, и полный вперёд.

Я нарисовала граффити с его именем в подземном переходе, тремя яркими оттенками неоновой в три метра сообщая миру, что здесь был Чарльз Джеймс Обри. Может, это и продлилось недолго, но видит Бог, он был здесь, и он не будет забыт. Пусть даже одной мной.

Он не мог вынести боли.

А я не смогла спасти его от неё.

Раскрасив подземный переход, я направилась напрямиком в Честер и взлетела по лестницам к кабинету Риодана, когда не нашла его внизу с рабочими. Ранее я отправила смс, сказав ему, что я в порядке и приду часам к десяти. Он не тот мужчина, которому ты не шлешь смс, когда он говорит тебе об этом. Он придёт тебя искать. И он будет взбешён. Я была не в настроении снова чинить свою дверь. Мне все ещё нужно отремонтировать лифт. И я неделями не пылесосила. Шерсть Шазама была повсюду.

Когда затемнённая стеклянная панель бесшумно отъехала в сторону, я прошла по стеклянному полу, который вечно вызывал у меня ощущение подвешенности в воздухе, плюхнулась в кресло перед его столом, перебросила ноги через край, и сказала ему то, что решила вчера поздно ночью — или скорее ближе к рассвету этим утром — без предисловий и преамбул.

— Я думаю, что превращаюсь в Охотника, — я откинулась назад и ждала, когда он станет это отрицать. Сама я на самом деле так не думала.

Это до абсурда притянута за уши. Однако я была вполне уверена, что в какой-то момент сделаюсь полностью чёрной. И все же... видение, которое у меня случилось вчера вечером в клубе, казалось... Я не знаю, своего рода приглашением, и я хотела обсудить худший сценарий с кем-нибудь, кто посмеётся и скажет мне, что это нелепо. Я не превращалась в одного из этих ледяных черных демонов с глазами как ворота в Ад, и неважно, каким бы благодушным он ни показался в моем видении, когда плыл рядом со мной. Услышать, как он скажет, что он знает заклинание, чары или амулет, который заставит мою смертоносную кожу уйти, потому что видит Бог, Риодан знал все.

Черт подери, этим утром он был прекрасен. Высокий и тёмный, только что принявший душ и побрившийся, приятно пахнущий. Выглядящий могущественным и нелепым за этим заваленным столом. Ему место на поле битвы. Как и мне.

Он ровно произнёс:

— Ты думаешь?

Я застыла. Это неправильный ответ, Риодановская версия «да ну».

— В смысле, «да ну»? Ты даже не знал, что я убила Охотника.

Он откинулся назад в кресле и сложил руки за головой. Рукава его рубашки были закатаны до локтей, предплечья сильные, покрытые шрамами, серебристый браслет поблёскивает. Я хорошо знаю Риодана, и точёные мышцы его лица были слишком напряжены. Он взбешён из-за чего-то. В высшей мере.

— Я знал, что ты убила Охотника. Я прочёл каждую написанную тобой листовку. И твою книгу. Все издания. Твои ссылки нуждаются в доработке. Однако я не знал, — прорычал он, — что твоя проклятая рука после этого сделалась чёрной. Ты забыла это упомянуть.

— Это никого не касается, кроме меня. И откуда ты теперь об этом знаешь? — И почему он говорил так серьёзно? Я только что сказала ему, что думаю, будто превращаюсь в одного из тех огромных драконов, по которым все время стрелял Джейн, и которых я тоже пыталась убить, в неизвестный вид, а он сказал только «Ты думаешь?» Это абсурдная теория. Я маленькая. Охотники огромные. Если уж на то пошло, мне существенно не хватало массы.

— Кэт рассказала мне об этом.

— Кэт, — с неверием произнесла я. — Когда? Вы чем занимаетесь, народ, сидите и беседуете обо мне, или что?

— Этим утром, когда я написал ей смс, — напряжённо сказал он. — Я сказал ей, что ты делаешься чёрной, и она знала об этом все. Лор не

наблюдал за тобой каждую секунду. Он делал все в своих силах. Кристиан должен был подменять его время от времени, а он все ещё, черт подери, не отвечает на мои звонки. Ты знаешь, как бесит необходимость узнавать детали твоей жизни от кого-то другого?

— Ты знаешь, как бесит невозможность узнать детали твоей жизни вообще? — парировала я также раздражённо. — Ты можешь хотя бы влезть не в своё дело и написать смс моим друзьям. У меня нет номера Лора. Или Кастео. Или Фэйда, — сказала я, накручивая себя. — И даже если бы они у меня были, — продолжила я, сверкая глазами, — ты бы сказал им ни черта мне не говорить, просто чтобы я и дальше блуждала вслепую, озадаченная великой тайной Р. К. мать твою С. И что, черт подери, вообще означают К и С?

— Киллиан Сент-Джеймс.

— А? — Риодан просто сказал мне своё имя? Я безмолвно покатала его на языке: Риодан Киллиан Сент-Джеймс. Мне оно нравилось. Оно было полированным, урбанистическим, как и мужчина, которым он притворялся. Киллиан созвучно с «убийство»^[49], острые края и интрига. Сент-Джеймс^[50] — благородство, старые деньги, голубые крови и власть. — Так, ну это просто гора бычьего дерьма, — сердито сказала я. — Оно такое, черт подери, ирландское, а ты не ирландец. Как у тебя вообще может быть ирландское имя? — это даже близко не походило на то, что я когда-либо придумывала. И это злило меня ещё сильнее. Затем я сделала кое-что настолько невероятно странное и плебейское и... и... инфантильное, что даже не могла уложить это в голове. Я подумала: Дэни Киллиан Сент-Джеймс. Неплохо звучит. Погодите-ка, что?

— Оно не было моим первым, — сказал он. — Хотя инициалы те же самые. Я взял его, когда основал здесь свой дом. Мы меняем имена, чтобы соответствовать стране, времени. Я пользуюсь им довольно долго.

— То есть, ты поговорил с Кэт, она сказала, что моя рука почернела, и из одного этого факта ты дедукцией дошёл до того, что я превращаюсь в Охотника? — у меня хотя бы вдобавок было видение, «Готова? Ты тоже летишь». Хотя я не могла решить, подразумевало ли это, что я могу действительно физически трансформироваться в Охотника или просто сделаться полностью чёрной, смертоносной для прикосновений и все же получить маленький утешительный приз в виде способности время от времени астрально проецироваться в звезды. Правила супергероев весьма смутные.

Он склонил голову в одном из своих высокомерных кивков.

— Некоторые люди могли бы подумать, что это заразило меня, и я умираю, — сказала я ему. Я сама недолго обдумывала этот вариант. Он не резонировал с моим нутром, и хоть я крайне высоко ценю свой мозг, нутро я ценю не менее высоко. Во много раз выше.

— Я не некоторые люди.

— Ты даже не человек.

— Вот оно. А ты так уверена, что ты — человек?

Я бросила на него резкий взгляд.

— Ты не думаешь, что я человек. И почему я не знала, что ты встречал меня до того момента, в который, как я думала, мы встретились?

Его взгляд отгородился.

— Ты хотел правил? Ладно, я ввожу одно из них. Одно из «наших», это означает, что мы оба ему подчиняемся. Полное раскрытие информации, или вообще, черт подери, не вмешивайся в мою жизнь. Даже не пытайся быть её частью. А ты не думаешь, — я бросила в него его собственные слова, — что пора дать всему вырваться на свободу? Вскоре я могу уйти. Парить вокруг в пространстве. Охотником. Ты можешь никогда меня больше не увидеть. Готова поспорить, ты пожалеешь, что не поговорил со мной, — я не сказала *«Готова поспорить, тогда ты пожалеешь, что ушёл на два года и потратил их впустую»*. Но мне хотелось. Вот только люди должны захотеть остаться с тобой, а он явно не хотел.

Он дёрнулся и прорычал:

— Я, черт подери, буду сожалеть, что не сделал с тобой намного большего, Дэни. Я хотел заниматься с тобой любовью. Я хотел трахать тебя, я хотел дать себе волю вместе с тобой, как я никогда мог дать себе воли с другой женщиной за все своё существование. Я хотел изучить каждую унцию этого гениального мозга и каждый дюйм твоего сильного тела, познать твои глубинные желания, стать тем, кто пошатнёт твой проклятый мир, увидеть, как великая Дэни О'Мэлли предаётся страсти, увидеть её в том месте, где она не страдает от противоречий и упивается тем, что жива.

Святой ад, он тоже это чувствовал.

— Девятка не имеет равных, — сказал он, и его глаза светились кровавым огнём. — Мы всегда сдерживаемся. Вечность, полная осторожности. Не в нашей природе ограничивать себя. Особенно, когда мы трахаемся.

Я никогда не думала об этом в таком ключе. Как и я, он мог сломать людей, даже не намереваясь этого сделать. Сдержанный секс: оксюморон, с какой стороны ни посмотри. Иметь столько всего внутри себя — все

скрученное и готовое взорваться, ждущее, всегда ждущее, когда появится кто-нибудь, кто может это увидеть, кто может с этим справиться, и никогда не иметь возможности выпустить это — я знаю, каково это.

Боль.

Такую боль, в отличие от других, с которыми я справлялась, я никогда не сумела перестать ощущать. Я не знаю, возможно ли это. Это жизнь, пытающаяся произойти.

— Женщина вроде тебя — это шанс раз в вечность. Каждый, черт подери, из нас ждал, чтобы увидеть, чем ты станешь, когда вырастешь. Я говорил тебе, ты проклятое цунами. Я знал это ещё тогда. Ты пахнешь не как другие люди.

Девятка наблюдала за мной. Ждала, чтобы увидеть, какой женщиной я стану.

— И Христос, ты носилась на чистом адреналине, неконтролируемой агрессии и мечтах высотой с сами грёбаные небеса. Самая бесстрашная из всего, что я когда-либо видел. Проклятье, Дэни, все, что я сделал с того самого дня, когда встретил тебя, сводилось к тому, чтобы сохранить тебя в живых. Никогда не заточать тебя в клетку и не лишать тебя выбора, смотреть, как ты восстанешь, наблюдать за твоим становлением.

— Чем? Чёртовым Охотником? — потребовала я.

— Я не имел ни единой проклятой идеи, что может случиться, — прорычал он. — Если бы я знал, что твоя рука стала чёрной, я бы включил это в свои теории стержня^[51] и раньше сделал выводы. Это могло повлиять на мои действия, изменить их. Ты скрыла критично важный кусок информации, — он злился из-за этого и даже не пытался это скрыть, его лицо было уже не спокойным и собранным, а свирепым, клыки удлинились.

— Как будто ты сам так не делаешь постоянно, — бросила я, находясь на грани вибрации и растворяясь в потоке, сама того не желая. Бумаги на его столе шелестели, волосы трепались.

— Дыши, — приказал он. — Контролируй себя.

— Поработай над проповедью. Твои клыки видны, — но я закрыла глаза и взяла паузу, чтобы устаканить себя. Затем мои глаза распахнулись, и я сказала: — Какого черта, Риодан? Что если я действительно стану Охотником? — мой голос надломился на последнем слове, его окрасила боль. Я просто была одной из тех людей, которым никогда не будет места? Которые находятся в этом мире, но не являются его частью? Никогда, никогда на самом деле не являются его частью?

Долгое мгновение он молчал, как будто решая, что сказать. Мышца на

его челюсти подёргивалась. Наконец, он осторожно сказал:

— Если ты станешь Охотником, возможно, тебе уже не будет дела до этого мира или до нас. Возможно, тебе суждено им стать. Твой путь приводит тебя в другое место.

— Ты не веришь в Судьбу, — ровно отвергла я. — Ты веришь в себя.

— Ах, Звёздная пылинка, за своё существование я видел, как развёртывается слишком много схем, содержащих поразительную связную симметрию. Существует план, и он охереть насколько больше тебя и меня. У вселенной есть мотив. Долгое время все, что я делал, шло с ним вразрез. Затем я начал пытаться защитить этот мотив, чтобы я мог иметь хоть небольшое право голоса в деталях.

Я раздражённо сказала:

— Я бы скучала по тебе. И я бы определённо все ещё заботилась об этом мире, — я люблю наш мир. Он всегда будет моим вторым приоритетом. Выживание — первым.

— Мне бы хотелось в это верить. Но возможно, некоторые люди созданы для более крупных вещей. И согласно тебе, ты вовсе не скучала по мне последние два года. Я едва ли представляю, что ты будешь скучать по мне сейчас, когда ты становишься чем-то ещё менее человеческим.

— Возможно, это не неизбежно. Возможно, я могу заставить это уйти, — я проигнорировала другие его комментарии. Я все ещё не знала, куда он уходил или почему. И я никогда не скажу ему ничего из того, по чему в нем я скучала, пока он мне все не расскажет.

— Возможно. Время покажет. Тем временем, нам опять предстоит спасение мира. Возможно, чтобы спасти его, нам понадобится Охотник.

— Возможно, — парировала я, — нам понадобится лишь немного сил Охотника. И возможно, я сумею выключить это, как только мы все исправим, и снова буду нормальной.

— «Снова» предполагает, что ты когда-то такой была. Ты не была. И ты ничего в этом мире не ненавидишь так сильно, как быть нормальной.

В этом он был прав.

— Что бы ты сделал на моем месте?

— Я бы старался мыслить непредвзято, учитывать все возможности. Это доступно всем нам. Жизнь — это коробка, которую ты не можешь открыть разом. Ты можешь её потрогать, поднять, даже потрясти, но ты можешь лишь догадываться о содержимом. Вверху коробки дыра, откуда все выходит, по своему расписанию, на своих условиях. Ты думаешь, будто разобрался во всем, — произнёс он с ноткой горечи в голосе, — а потом узнаешь, что видел все совершенно не в том свете, ни черта не понимал.

Так что ты ждёшь, чтобы увидеть, что выскочит следующим. И тем временем продолжаешь жить.

Звучит убедительно. Практически то же, к чему пришла я, только без метафоры с коробкой.

— Что сегодня на повестке дня, босс?

— Риодан. Давай какое-то время побудем просто тобой и мной. Никаких ролевых игр, никаких супергероев. Просто мужчина и женщина, которые восхищаются друг другом и охеренно сводят друг друга с ума, проводя время вместе. Давай сделаем это правилом номер два.

— Что за правило номер один, и кто его устанавливает? — потребовала я.

Он встретился со мной взглядом и долго не отводил глаз. За этими отстранёнными серебристыми глазами бушевали и кружились ураганы. Колоссальные, грозные бури. Он расстроен. Это меня беспокоило. Одно из моих правил звучит примерно так: если принц Невидимых говорит «Беги», беги. Другое: если Риодан выглядит расстроенным, бойся. Очень, очень сильно бойся.

Но я и он, мы не боимся. Мы ныряем обратно в наши миры и ждём следующего, что выскочит из коробки. Готовые встретиться с этим лицом к лицу.

— Я оставлю это тебе, — наконец сказал он. — Ты установишь наше правило номер один, — его взгляд добавил: *«Выбери хорошее. Я никогда его не нарушу»*.

Мы обменялись улыбками, непохожими на те, которыми мы обменивались ранее. Незащищённое выражение тепла и уважения.

К сожалению, это никак не помогло прогнать бури.

Из глаз нас обоих.

Глава 28

Кратковременная потеря рассудка,

которая связывает одну жизнь с другой^[52]

Замок Кристиана был... атмосферным, мягко говоря.

Он простирался на вершине высокого утёса, возвышаясь над долинами внизу, предоставляя ясный обзор на потенциальных незваных гостей. Хотя было уже утро, ни одна искра солнечного света не пронзила завесу мрачных грозовых облаков над головой. Этот удушающий, низко нависший угольно-серый потолок тянулся от горизонта до горизонта, насколько мог видеть взгляд. Единственным освещением служили тусклые молнии, которые шипели и потрескивали высоко вверху, заставляя облака ненадолго блеснуть чуть более бледным оттенком депрессии.

Замок был громадным, раскинулся по могучему крутому утёсу, резко обрываясь с трёх сторон. С четвертой дикое бьющееся море врезалось в основание возвышающегося тёмного утёса.

Единственным способом попасть внутрь являлась извилистая тропинка, вырезанная в краю утёса. Стоило подняться по этой тропе, и длинная дорога с каменными стенами по обе стороны вела к каменной стене, огибавшей весь периметр территории и нарушаемой лишь мощным разводным мостом, который сейчас был поднят и надёжно зарешечен. За ней по-настоящему начинались извилистые улицы цитадели. Высокие каменные башни тянулись к плотному серому потолку, исчезая в нем. Замок воспарял ввысь и нырял вниз, возвышался, а затем плюхался до низких гарнизонных зданий. Полные две трети территории разваливались, сдаваясь ходу времени. Оставшаяся треть была восстановлена.

Океан бурлил и пенился, разбиваясь о камни далеко внизу. Вся территория представляла собой этюд в злых грифельных, мрачных серых и темных, наполненных напряжением тенях, нарушаемых лишь теми слабыми прерывистыми проблесками молнии высоко над головой.

Мы приземлились на вершине низкой башенки, и я отодвинулась от него, обнимая себя, чтобы сохранить тепло, мои волосы металась вокруг головы на диком солёном ветру.

— Почему здесь так холодно и мрачно? — мне приходилось говорить

громко, чтобы меня было слышно поверх ветра. — Это из-за тебя?

— Шон. Мы влияем на климат своим настроением. Его настрой остаётся дурным уже долгое время. Солнце перестало светить над моей цитаделью спустя несколько недель после его прибытия. Та трава, что остаётся для его экспериментов, бледна и скудна. На той неделе он сказал, что если в моем королевстве закончится трава, он уйдёт.

Я резко втянула воздух.

— Куда?

Кристиан пожал плечами.

— Я понятия не имею, девушка, и он не сказал бы. Сейчас он со мной не разговаривает. Может, в мир Фейри, или в королевство Невидимых, может, в Зеркала и дальше. Мы не можем его потерять. Мы должны каким-то образом его вернуть, — когда мои зубы начали стучать от холода, он сказал: — Но давай отведём тебя внутрь, девушка. Там тепло. Я покормлю тебя и направлю в сторону Шона.

Я задрожала, поднимаясь по рушащимся, пыльным каменным лестницам. Во время поспешной трапезы из сыра и хлеба Кристиан рассказал мне о Шоне немного больше, завершив указаниями, как его найти. Ему казалось, что мне лучше всего пойти одной, поскольку Шон чувствует приближение Кристиана и становится ещё злее. *«Затем чёртовы облака поглощают весь замок, изнутри и снаружи, — сказал он мне. — Это неприятно».*

Пока я блуждала по эксцентричной цитадели, переполненной возвышающимися стопками древних книг и манускриптов, сундуков и бутылок, Риодан писал мне несколько раз, и я отправляла ответные смс, отвечая на его вопросы о Дэни, отчаянно желая позвонить ему и узнать, что происходит. Но здесь у меня была своя битва, и судя по тому, что сказал мне Кристиан, она будет сложной, а то и вовсе ужасающей.

Я помедлила, чтобы перевести дыхание перед тем, как подняться по последним нескольким поворотам каменной винтовой лестницы. Шон удалился в разрушенную часть замка, в дальнюю башню, где, как сказал мне Кристиан, он имел обыкновение нависать мрачной темной тенью, глядящей на море.

В отличие от остальной части замка, которую Кристиан каким-то образом поддерживал приятно тёплой, здесь царил ледяной холод. Я крепче закуталась в шерстяной плед, который дал мне Кристиан, и

закончила подъем.

Затем между мной и Шоном оставалась лишь одна дверь.

Два долгих года плюс изменения прошли с тех пор, как я видела его в последний раз.

Я вновь помедлила и закрыла глаза, когда в голове всплыли давние слова Риодана. Слова, в которых я не нуждалась, и внезапно я вновь очутилась в его офисе из стекла, глядя вниз на Шона, а Риодан говорил: *«Если ты не скажешь Шону, что Круус трахает тебя, пока ты спишь, это с большей вероятностью разрушит все, что у вас есть, чем любая работа в моем клубе. Это, там, внизу, — он указал на Шона, подающего выпивку очаровательной, почти голой Видимой, — кочка на дороге, тест искушения и верности. Если твой Шон любит тебя, он с успехом его пройдёт. Круус — испытание твоей грёбаной души».*

Он также сказал: *«Твой бог, может, и любит вторые половинки, но человечество — нет. Такая пара уязвима, особенно если они достаточно идиоты, чтобы позволить миру увидеть, насколько они счастливы и рады. Во время войны их риски возрастают в десять раз. В таких обстоятельствах пара может пойти двумя путями: Уйти глубоко в глушь и спрятаться как можно дальше от человечества, чертовски надеясь, что их никто не найдёт. Потому что мир разорвёт их на части. Или опуститься по шею в вонь, грязь и извращение их искажённого войной существования. Увидеть вещи такими, какие они есть. Уронить шоры и поднять канализацию на уровень глаз; признать, что вы плаваете в дерьме. Если вы не признаете говно, несущееся к стоку прямо на вас, вы не можете от него увернуться. Вы должны вместе встречать каждый вызов лицом к лицу. Потому что мир разорвёт вас на части».*

«Прав в обоих отношениях, Риодан», подумала я с печальной улыбкой. Мне стоило прислушаться. Но я стыдилась. Боялась. Все было совершенно против моей воли, но я наслаждалась этим. Что женщине делать с таким? Я годами говорила себе, что это не моя вина. Я была игрушкой в руках самого могущественного Фейри в истории, который мог заставить меня думать, будто я что-то чувствую. И все же... стыд. Я никогда не хотела в себе другого мужчину, кроме Шона. И все же я жаждала Крууса так, как никогда не жаждала Шона. Пусть даже это иллюзия, навязанная мне силой, я все ещё чувствовала вкус этого воспоминания. И я ненавидела Крууса за это!

Я знала, почему злился Шон. Я знала, почему он ожесточился. Мы знаем каждый жест друг друга, каждый рывок, боль, страх, надежду и мечту. Обман жил и дышал между нами, и он обзавёлся собственной,

ненасытной жизнью. Если у меня была хоть какая-то надежда помочь ему стать мужчиной, которым, как я верила, он мог стать, то сегодня не он один должен встретиться лицом к лицу со своими демонами.

Резко вдохнув, я расправила плечи и толкнула дверь, молясь, чтобы поговорка «и истина сделает вас свободными» оказалась правдивой.

— Зачем ты пришла, Кэт? — произнёс Шон тихим, злым голосом, не поворачиваясь.

Он стоял в дальнем конце круглой каменной комнаты, обрамлённый высоким узким проёмом, прорезанным в камне, ветер развевал черные волосы до пояса вокруг его тела, шелестя перьями огромных вороньих крыльев.

— Уходи. Сейчас же. Здесь для тебя ничего нет.

Если бы я сначала не увидела Кристиана и почувствовала его сердце, Шон привёл бы меня в ужас. Мой любимый некогда был красивым грубоватым рыбаком, вкальвавшим на океане, повернувшись своей мускулистой-от-таскания-сетей-весь-день спиной к могущественному смертоносному клану О'Баннионов. С его черными волосами, темными глазами и быстрыми, лёгкими улыбками я привыкла доверять ему в том напуганном, широко распахнутом состоянии, в котором пребывала в свои ранние дни. Из всех встреченных мною людей его сердце единственное казалось мне истинным, лишённым дурных намерений.

Вопреки его внешности, почти идентичной Кристиану и Круусу, теперь он меня не пугал. Я чувствовала его, я находилась достаточно близко. Он потерялся внутри, дрейфуя на земле, куда более заброшенной и опустошённой, чем та уродливая и чёрная, что тянулась за стенами этого замка. Его социопат-кузен Рокки О'Баннион имел кредо, выгравированное на тыльной стороне часов из золота и бриллиантов, которые он всегда носил: «Изолировать цель». Он поклялся, что каждый мужчина и женщина, вне зависимости от образования, родословной или богатства, падёт жертвой; что мы не выстоим в одиночку. И все же Шон два года просидел в опасной изоляции и выдержал. Это дало мне надежду.

— Я не согласна, — сказала я, проходя дальше в ледяную комнату. — Ты здесь.

— Я — возможно. Но Шон — нет, — горько сказал он. — Он давным-давно умер.

— Я тебе не верю.

Когда он резко развернулся водоворотом черных перьев и полыхающих, чужих глаз, я резко вздохнула, но устояла на месте.

«Любовь моя, — подумала я. — О, любовь моя, я так сожалею».

Оба рождённые в могущественных ирландских криминальных семьях, мы провели всю жизнь в бегах от тьмы нашей собственной крови.

Но тьма нашла его.

Я затуманила видение своих глаз, чтобы лучше сосредоточиться на видении своего сердца.

— Убирайся, Кэт. Я не хочу тебя здесь. Ты для меня ничто, — холодно сказал он. — Меньше, чем ничто. И черт подери, не делай этого со мной. Ты не хочешь этого чувствовать. Уходи сейчас, и я позволю тебе жить.

Если я — ничто, тогда почему в его сердце застыл образ того дня, когда я настаивала принять меня и моего ребёнка, ничего не зная? Дня, когда я возвела между нами непроницаемую стену и отгородилась от него.

Я выпалила быстрым потоком слов, потому что знала, что иначе никак не произнесу эту правду, эту ужасную, разъединяющую правду, которая пожирала меня изнутри, и обрубила связывающие нас узы:

— Я соврала, Шон. Я соврала тебе. Круус приходил ко мне, пока я спала. Он насиловал меня во снах. Рэй может быть от него, — я начала плакать в тот же момент, как только это прозвучало, я чувствовала себя так, будто огромное давление, постоянно сокрушавшее меня, исчезло с моей души. Я плакала от облегчения, я плакала от печали. Я плакала от противоречивости, потому что я люблю Рэй. Я люблю её всем моим сердцем, а она может быть ребёнком моего врага. Что с этим делать?

Шон резко дёрнулся, задрожав с головы до пят от интенсивности эмоций. Лёд с воронными прожилками взорвался в комнате, укрывая пол, взбираясь по каменным стенам, свешиваясь с потолка темными хрустальными сталактитами. Его голос прозвучал оглушительно, когда он взорвался:

— Круус насиловал... — он умолк, будучи не в состоянии закончить предложение, резко дёргаясь, сжимая кулаки. — Сукин сын. Этот сукин грёбанный... — он сорвался, зарывав, напрягаясь всем телом от попыток контролировать себя.

Одной лишь эмоцией он превратил комнату в пещеру тёмного льда. Я задрожала, безмолвно плача, но стояла на месте. Он не заморозит меня. Не мой Шон.

— Проклятье, Кэт! — закричал он потом. — Проклятье! Почему ты мне не сказала?

— Мне так жаль, — произнесла я срывающимся голосом. — Я хотела

сказать тебе, но мне было так стыдно. И чем дольше я не говорила тебе, чем больше времени проходило, тем менее возможным это казалось, — я не сказала, что чувствовала себя соучастницей. Я не могла найти слов, чтобы описать, какой загнанной в ловушку я себя чувствовала, не говоря ему, почему. Что я тоже ощущала от этого наслаждение. — Ты не начал изменяться. Ты был человеком, он был принцем. Как бы ты мог сражаться с Круусом? Что если бы он тебя убил?

— Я думала, она от Кастео! — его голос сорвался. — Я думал, ты изменила мне с одним из Девятки!

— Ох, нет, Шон! Я была беременна до этого. Разве ты не подсчитал?

— Она могла родиться рано!

— Нет. Кастео учил меня блокировать боль мира, он учил меня становиться сильной, но никогда... — я умолкла, яростно помотав головой. — Сердце Кастео принадлежит кое-кому другому. Не мне. Никогда не мне. А моё сердце всегда принадлежало тебе. Я люблю тебя, Шон, это всегда был ты. Разве ты не помнишь, что мы обещали друг другу?

— То было тогда. До того, как я стал монстром, которым являюсь. Ты никогда не давала обещания тому, чем я стал. Я — то, что тебя изнасиловало!

— Если ты ослабел, я буду сильной, — сказала я сквозь слезы. Это первая строчка клятвы, которую мы дали друг другу, когда были молоды, в день, когда убежали с Пэрэдайз Пойнт к маяку, одетые как будто в день свадьбы, провели свою собственную церемонию, торжественно связав наши сердца и души воедино. Слишком много страсти обжигает. Нежность плавит. Мы всегда были нежны друг к другу. А та страсть, что мы делили, была изобилующей, хорошей и сильной. Пока принц Фейри не разбил это похотью, накачанной иллюзией. И заставил меня сравнивать. Никогда не сравнивайте. Как только вы это делаете, вы разрушаете дары, которыми вы обладаете и которыми дорожите. — Позволь теперь мне быть сильной за тебя.

Тогда он развернулся ко мне спиной и уставился на бурное, бушующее море.

— Слишком поздно, Кэт. Слишком, слишком поздно.

Я отказывалась в это верить.

— Если ты потеряешься, я стану твоей дорогой домой, — тихо сказала я.

— Уходи! Я не тот мужчина, которого ты знала. От него ничего не осталось, и нет у меня проклятого дома.

Я покачала головой, вытирая слезы со щёк. Шон не останется

потерянным в своём уродливом, ужасном месте в этой уродливой, ужасной земле. И он не уйдёт один Бог знает куда. Кэт, которой я была когда-то, струсила бы перед таким созданием, столь похожим на Крууса. Женщина, которой я была до Кастео, не сумела бы справиться с волнами боли, страдания и ненависти к себе, льющимися из души Шона, врезавшимися в меня ледяными копьями, пронзавшими моё сердце, пытавшимися разрушить мою надежду.

Но я училась, запертая Риоданом под Честером, заточенная с одним из Девятки. Я училась тому, что мне нужно было знать, чтобы исправить проблему, которую я создала, изначально не последовав предостережениям Риодана. Я не та женщина, которой была прежде. И теперь я тоже злилась.

Риодан так открыто предупреждал меня, что мир разрушает пары-половинки. Я не только отказалась слушать, я помогла миру это сделать. Это я нас разлучила. И видит Бог, я сведу нас обратно.

— Если ты отчаешься, я принесу тебе радость, — сказала я, произнося третью строчку наших клятв. — Ты меня слышишь, Шон О'Баннион? Радость? Ты почувствуешь её вновь. Сейчас ты в это не веришь, но ты её почувствуешь. Мы дали эти клятвы не просто так. Мы придумали их вместе, тщательно вторя тому, что для нас важнее всего. Мы сделали это потому, что знали — порча в нашей крови сильна. Мы знали, что однажды можем сорваться. Мы знали, сколько давления они оказали на нас, чтобы мы стали как они. Какими вероломными и коварными они были, как им нравилось искушать, насмехаться и издеваться над нами. Мы поклялись никогда не позволять, чтобы один упал, а другой не помог ему встать и вновь найти наш путь. Ты встанешь обратно. Ты будешь бороться с тем, что с тобой сотворили. Я буду бороться вместе с тобой, всем, что у меня есть. Я клянусь, что я никогда больше не скажу тебе ничего кроме правды. И однажды ты вновь повторишь со мной эти клятвы. И однажды ты вновь произнесёшь ту последнюю строчку. И ты, черт подери, будешь иметь это в виду. И мы используем это, чтобы сдерживать тьму в тебе.

— Не все так просто, Кэт, — прорычал он. — Ты не имеешь ни малейшего грёбаного понятия, с каким монстром связалась.

— Ты говоришь это женщине, которая была изнасилована таким как ты, и прилетела сюда с другим таким как ты. Я прекрасно знаю, что ты. Мой Шон, в беде. Но не одинокий. Больше никогда не одинокий.

— Это невозможно. Я пытался. Грёбаный ад, как я пытался! Я не Кристиан. Я не настолько силен. Он происходит из рода чистых сердец. Я происхожу от извращённой родословной.

У Кристиана был клан, который его любил, который сражался за него,

который сражался вместе с ним. У Шона не было никого. Вся его семья умерла, а я позволила ему соскользнуть во тьму. Сделала именно то, чего поклялась никогда не допускать. Когда я перестала верить в нас? Я знала ответ на этот вопрос: Когда я начала по кирпичику возводить и смазывать цементом стену из стыда и лжи между нами. Когда Риодан предупредил меня, что мы в опасности.

— Отстаивая свои ограничения, ты делаешь их своими. Вместе мы будем отстаивать твои возможности. Вполне возможно, что Рэй — твоё дитя. Если ты все ещё хочешь тот тест на отцовство... — Это могло дать мне точку опоры, заставить его вновь повернуться к миру. И возможно, тест будет положительным для Шона, и возможно, результат окажется неопределённым, если она от Крууса. Возможно, то, что передавалось от Фейри, не отражалось в ДНК. Неопределённость — не так уж и проблематично. Человеческие сердца в этом плане забавны. Мы позволяем себе верить в сладкую ложь. Но в этот раз выбор за ним, я не скрывала от него правду.

Дрожь пробежала по его телу, прокатываясь по крыльям. Долгое время он ничего не говорил, затем:

— Каковы шансы?

— Пятьдесят на пятьдесят, — ровно сказала я, задетая мыслью о том, что он считал, будто у меня могли быть другие любовники. — Не было никого, кроме тебя и — против моей воли — его. Ты никогда не встречался с Рэй, Шон. А тебе стоит. Она очаровательная, у неё твои волосы и глаза. Полная веселья, хорошая и любящая. На мой взгляд, это не похоже на Крууса. И все же у неё один из двух отцов: ты или он, и в любом случае её па — принц Невидимых. Круус мёртв, — я надеялась. — Ты — нет. Разве ты не предпочёл бы, чтобы моя дочь, и вполне возможно твоя, росла, зная тебя как отца, а не его?

Затем он повернулся и посмотрел на меня, с проблеском эмоции в глазах, и я резко вдохнула. Глубоко внутри я ощутила слабое, робкое шевеление надежды. Два долгих года никто к нему не приходил. Вероятно, он думал, что я знаю, где он, что делает, и сама решила не приходить.

— Я понятия не имела, где ты или что с тобой случилось, — сказала я, раздувая это пламя надежды. — Я думала, тебе уже все равно. Я думала, ты ушёл, потому что презирал меня. Я скучала по тебе, Шон. Боже, я скучала по тебе сильнее, чем могут выразить слова, — я прикрыла глаза, когда их закололо от свежего прилива слез. Сколько же раз я представляла, как мы с Рэй гуляем по землям вокруг аббатства с Шоном? Будучи семьёй, и неважно, чей она ребёнок. Готовим ужин из свежепойманной рыбы,

наблюдаем, как появляются звезды, подтыкаем ей одеяло, занимаемся любовью до рассвета.

— Дай нам ещё один шанс, Шон, — взмолилась я. — Пожалуйста, скажи, что ты попытаешься.

Глава 29

Там есть замок на облаке^[53]

В некоторые дни Дублин так прекрасен, что это сражает меня наповал, и это утро было одним из тех дней — мы с Риоданом спешили по мощёным улицам в сторону «Книг и сувениров Бэрронса».

За ночь проливной дождь оставил лужи, неподвижные и сияющие как зеркала на тротуаре, отражавшие здания и магазины и небо. Все было блестяще-влажным, отскоблено-чистым, золочёным лучами солнца, прорезавшими облака. Это утро было одним из тех поразительно свежих, выполненных в живых серых и черных и серебристых тонах, сбрызнутых красочными цветами, распускавшимися на клумбах, и деревьями, то тут, то там стоявшими вдоль обочин.

Риодан попросил меня сузить временной период исчезновения магазина, но я не сумела дать ему результат лучше двухнедельного промежутка. Столько времени прошло с моего последнего визита перед тем, как я обнаружила его отсутствие, а это означало, что он мог исчезнуть двумя неделями ранее, а мог и в тот же день, перед тем, как Риодан вышиб мою дверь.

Мы неоднократно пересекали парковки, отыскивая улики. Всмотриваясь вниз, поднимая взгляд вверх, поддевая немногочисленные куски мусора, катавшиеся по бетону как перекасти-поле.

За исключением впечатления неестественного искажения, не было ни единого информативного кусочка улики. Загадка «Книг и сувениров Бэрронса» натянула на себя эквивалент боевого платья «той женщины».

— Я ничего не нашла, — сказала я Риодану несколько минут спустя, когда мы встретились на месте, где когда-то находился величественный веерообразный вход.

— Это не имеет смысла, — пробормотал он, когда его телефон издал звук входящего сообщения. Он достал его из кармана, прочёл сообщение и нахмурился. Прозвучало ещё одно уведомление, и он схватил мою тщательно укутанную в рукав и перчатку руку, читая сообщение и таща меня через парковку в сторону аллеи.

— Что? Куда мы идём? — потребовала я.

— Просто идём.

— Тебе необязательно меня тащить, — прорычала я.

— Я в этом не уверен, — он волок меня так быстро, что у меня едва оставалось время осознать, куда мы направляемся, но я осознала и тут же упёрлась пятками. — О нет, черта с два! Я не стану опять терять время, — мой город нуждался во мне сейчас, не месяцы или годы спустя. Шазам нуждался во мне.

Он резко дёрнул, и я полетела вперёд, врезавшись в стену за «Книгами и сувенирами Бэрронса», в тот самый портал, в который я вошла так давно, а затем провела бесконечные годы в Зеркалах, пытаясь вернуться домой.

Я хлопнулась о стену. Затем я была стеной. Затем я протиснулась на другую сторону, в печально известную Белую Комнату, которой все ещё не хватало усталых скворцов, где я стояла, свирепо хмурясь на десять огромных зеркал, одно из которых целую жизнь назад так подло забросило меня в древний, враждебный Зал Всех Дорог.

Я моргнула. Белая Комната изменилась. Она больше не являлась абсолютно пустой, лишённой особенностей комнатой. Кто-то заново отделал её, или, как и все остальное в мире, она получила магическое обновление.

Украшенная орнаментом белая лепнина венчала стены, сливаясь с роскошным потолком, с которого свешивалась дюжина люстр, мерцавших как лёд в лучах солнца. Стены с пола до потолка обшиты узорчатыми панелями. Пол из белого глянцевого мрамора. Однако зеркала были в точности такими же, висели безо всякой видимой опоры, некоторые лениво кружились в искусных рамах, другие оставались неподвижными в тонких, сваренных из звеньев цепи рамках. Некоторые из стёкол были черными как ночь, другие — молочными, третьи кружились нервирующими тенями.

Они опять перетасовались.

Я действительно ненавидела эту комнату.

Когда Риодан появился рядом со мной, я сердито сказала:

— Я не вернусь в Белый Особняк. Или в зал. Плевать я хотела на то, какие у тебя доводы.

— Бэрронс написал смс. Он хотел, чтобы мы быстро убрались с места и перестали привлекать к нему внимание.

— Бэрронс! — воскликнула я. — Где он?

— Сейчас мы направляемся к нему.

Я глубоко вдохнула, беря себя в руки. Я целиком и полностью за, где бы он ни находился, но у меня были неприятные воспоминания об этом месте. Я прошла через зеркала и потерялась на годы. Вышла преследуемой

Кровавой Ведьмой, затем убийство Риодана и Бэрронса. Позднее заходила, чтобы спасти Мак, вернулась в совершенной иной Дублин к злему до глубины души Танзору. Я потеряла недели, которые мне не удалось провести с ним, и грёбаный ад, если бы я знала, что наше время вместе будет таким коротким — ну, по правде говоря, я все равно пошла бы, потому что так было необходимо, и это моя работа. И все же, я в своей жизни потеряла так много времени.

— Сейчас мы не будем терять время, — сказал Риодан. — Мы воспользуемся другим набором Зеркал, которые совершенно минуют Белый Особняк.

Когда он протолкнулся в третье Зеркало слева, в которое я никогда не входила, я закатила глаза, покачала головой и кинулась за ним.

После долгого, извилистого, неприятного протягивания себя через то, из чего сделаны Зеркала, я вывалилась — клянусь, Зеркала делают это нарочно, чтобы лишить тебя равновесия — в сердце «Книг и сувениров Бэрронса».

На мгновение я просто встала там, тихо сияя, как Гарри Поттер, воссоединившийся с Хогвартсом. Я вновь была в своём магическом месте, где однажды, давным-давно — впервые за все время — я почувствовала, что у меня может быть дом. Это место обладает для меня священной, мистической атмосферой. Я люблю КиСБ. Люблю, люблю, люблю. Магазин пахнет превосходными приключениями, застрявшими в кожаной обивке, втиснутыми на книжные полки и ждущими, когда их освободят, сливочно-персиковыми свечами Мак, первоклассной меблировкой и шерстяными коврами Бэрронса и пряностью моего типа опасности. Звуки этого магазина — музыка для моей души: позвякивание колокольчика, который я сотрясала всякий раз, когда являлась сюда; тихое шипение газового пламени в эмалированном очаге, приглушенное гудение холодильника за прилавком Мак.

Мак. Мне не терпелось поговорить с ней. Мне столько всего нужно было ей сказать, столько спросить.

Я медленно повернулась, впитывая это все — элегантную мебель, то, как солнце под углом проникало через освинцованные стекла окон, мою излюбленную дверь с колокольчиком, полосы разноцветного света, струящиеся по книжным шкафам, висевшие на каминной полке чулки, высокую украшенную рождественскую ёлку в углу... Погодите-ка, что? Мы все-таки потеряли время? Сейчас не декабрь!

— Почему, черт подери, у тебя стоит рождественская ёлка, Бэрронс? — прорычал Риодан сзади меня.

Я резко развернулась и задержала дыхание, улыбаясь. Иерихон Бэрронс — одна из немногих констант в моем мире. Другие вещи могут меняться, но Бэрронс — никогда. Он — непробиваемый, незыблемый, непреклонный камень мужчины, который даже вода неспособна сточить. Как и Риодан.

Его ноздри раздулись, на подбородке задёргался крошечный мускул.

— Не у меня. Это была идея Мак. В этот раз она хотя бы не розовая.

Проблеск движения на высоком книжном шкафу позади него привлёк мой взгляд.

— Э, Бэрронс, почему в твоём магазине лемур?

Его лицо не могло сделаться ещё мрачнее.

— Тоже идея Мак.

— Чем ты его кормишь? — Он вообще его кормил? Малыш показался мне ужасно тощим.

— Если бы я сумел поймать пушистого мудака, я бы выкинул его в грёбаное окно. Он всюду срёт. На твоём лице чёрное пламя, Дэни. Что Риодан делал с тобой? У него хватает ума не татуировать лицо, когда ещё осталось тело.

Затем он бросил на Риодана вопросительный взгляд, и между ними пронеслось что-то, чего я не понимала. Риодан один раз дёрнул головой, Бэрронс кивнул. Они вели совершенно приватный разговор.

Годы назад я бы проигнорировала их. В этот раз нет. Я задалась вопросом, сумею ли я проникнуть, как сделала это в Элириуме. Я уставилась в глаза Риодана, позволяя своему взгляду расфокусироваться, и подумала о татуировке, которую он набил у основания моего позвоночника. О том, что его кровь и моя смешались, и об опасной силе таких заклинаний, о непреднамеренных связях, которые они образовывали. Я опустошила свой мозг от мыслей, простёрла свои чувства и — хрясь!

«...ни одной чёртовой идеи. Думаю, она превращается в Охотника».

Шок и глубинный прилив печали. *«Христос, из всего, что ты предполагал, это никогда не было одним из вариантов. Что ты делаешь здесь? Она не звонила ЯВСД, иначе я бы знал. Ты не должен быть здесь».*

«Я знаю».

«Как ты вернулся?»

«Я же тебе сказал, ни единой грёбаной идеи. В один момент я был там, в следующий...»

— Прекрати! — они оба разом зарычали на меня.

Я пошатнулась от силы, с которой они выбросили меня из своих мыслей.

«Ты была лишь в его голове, не в моей, — Бэрронс бросил на меня тёмный взгляд. — Я почувствовал тебя в его голове, и ты слышала меня там, так что не задирай нос».

Я выгнула бровь, все равно чувствуя себя довольно обнаглевшей. Я пробилась в непроницаемую голову Риодана. Черт подери.

Вслух я сказала:

— Где мы и откуда ты знал, что мы были на парковке?

— Я выглянул в окно.

Озадаченная, я направилась к двери, чтобы достичь двух целей: звякнуть тем колокольчиком и увидеть, где мы находимся, когда Бэрронс прогрохотал:

— Не открывай её!

Я бросила на него ошеломлённый взгляд и вместо этого пошла к окну. Я посмотрела, моргнула, посмотрела снова. КиСБ покоился посреди пушистых белых облаков с узким видом через них на пустые парковки внизу. Здесь, вверху, было солнечно, внизу — мрачно. Я прижалась щекой к окну и подумала: *«Святой Ромуланский генератор белого шума, магазин был невидим снаружи!»*

— Божечки, мы в фильме «Вверх». Что ты сделал? Как ты поднял КиСБ в воздух? — если бы я вышла из двери, я бы грохнулась. — И не смей выбрасывать того бедного маленького лемурчика, — обеспокоенно добавила я.

— Я не поднимал его в воздух. Это сделала Мак.

Я осмотрелась по сторонам, умирая от желания увидеть её. Сегодня будет просто праздник. Риодан, Бэрронс и Мак; мои львы, тигры и медведи вернулись.

— Где она? — нетерпеливо спросила я.

— Это нам и нужно обсудить, — мрачно сказал Бэрронс.

Фейри никогда и не собирались принимать Мак в качестве их новой королевы, сказал нам Бэрронс, когда мы собрались в задней части книжного магазина на любимом диване-честерфильде Мак.

Разъярённые открытием, что их прошлая королева, которая давным-давно силой убрала их из мира людей, начала своё существование в качестве человека, вдобавок узнав, что их доверенный принц Видимых, В'Лэйн, на самом деле был принцем Невидимых, Двор Светлых стал строго придерживаться чистоты. Лишь Видимым разрешалось править в будущем,

лишь Видимые могли стать следующей королевской знатью. Решив так, они выставили крупную награду за голову Джейна, решив убить его, чтобы следующий принц родился из числа их самих.

— Сейчас существуют два принца Светлого Двора, которые являются полнокровными Фейри, — сказал нам Бэрронс. — Они скрывают своё присутствие от вас.

— Один, — поправила я. — Я убила одного прошлой ночью.

Бэрронс выгнул бровь.

— Ты проигнорировала указ Мак.

— У нас не было выбора. Вы ушли и не прислали ни слова. Мы понятия не имели, живы ли вы вообще, — бесстрастно сказала я.

— Не заслугами Фейри. Они потребовали, чтобы она пришла ко двору, раскатали чёртову красную дорожку. Несколько дней они прикидывались хорошенькими, симулируя готовность принять её. Благодарность за то, что она восстановила мир и разрушила Невидимых. Но их древние силы оживились Песнью. После четыре дней в Фейри, встреч с каждой кастой, не дав Мак времени попытаться научиться овладеть силой, которую ей передала королева, начались нападения. Сорок два покушения на её жизнь за двенадцать часов, — прорычал он, его тёмные глаза полыхали.

— Они пришли за ней, хоть у неё есть копье и ты рядом? — изумлённо переспросила я. — Они рехнулись?

— Атаки исподтишка в огромных количествах, попытки нас разлучить. Они готовы были умереть, чтобы увидеть, как один из них займёт её место. Нам нужно было время. Королева, которая не может использовать свою силу — не королева вовсе. Мы вернулись в Дублин, я расставил Зеркала и отвёл её в знакомую мне комнату в Белом Особняке; первую комнату, которую Король Невидимых построил для своей возлюбленной, задолго до того, как появился Белый Особняк. Комната, где время движется так медленно, что оно даже не ползёт. День в нашем мире — десятилетия там. По лучшим предположениям, она просидела в этой комнате почти столетие.

— А ты? Как долго ты сидишь здесь? — потребовал Риодан.

— Не имеет значения.

— Почему ты здесь, если она в Белом Особняке? — спросила я. Бэрронс никогда не оставил бы Мак одну, без защиты.

— Она не там. Она сместила положение вещей. Я был в Белом Особняке, снаружи комнаты, охранял. Внезапно я очутился в книжном магазине, а её комната присоединилась к нему дверью, которой раньше не существовало, — он показал через плечо на дверь справа от

эмалированного камина за зоной отдыха. — Возможно, она почувствовала приближающуюся угрозу и переместила нас. Затем вещи начали появляться, меняться. Радуйтесь, что вы не пришли в день, когда она сделала все розовым. Если вы никогда видели чёртов розовый честерфильд, считайте себя счастливыми. Она тестирует свои силы. Смотрит, на что она способна. Лемур должен скоро исчезнуть. Большинство исчезает.

— Она ест, пьёт? Делает что-нибудь? — спросила я. Я просто хотела её увидеть. Так много раз за прошедшие несколько лет я жаждала поговорить с ней. Теперь особенно, когда Риодан вернулся. Мы с Мак очень похожи, и в то же время мы не могли бы быть более разными. Она бывает эмоциональной, но не всегда бывает логичной. Мы Инь и Ян и в этом плане хороши друг для друга.

— Нет. Там не только время течёт иначе, я сомневаюсь, что она в чем-то все ещё нуждается. Она превращается в Фейри. Я открывал дверь. Один раз. Временной разрыв едва не убил меня.

— Когда ты в последний раз ел? — потребовал Риодан.

— Слишком давно.

— Иди. Я останусь.

Бэрронс отрицательно рубанул головой.

— Ты выглядишь нехорошо.

— Мы все принимаем свои решения, не так ли? Мы не слушаем советов других. Как это у тебя получилось?

— Мать твою, забудь уже об этом. Мы спорили об этом тогда. В то время это казалось самым мудрым вариантом, и ты это знаешь, — холодно сказал Риодан.

— Время. В этом всегда проблема, не так ли?

Я опять не знала, о чем они говорили, но безмолвно согласилась. Недостаточно времени с Танзором. Теперь недостаточно времени с Риоданом до того, как моё тело стало смертоносным для прикосновений.

Риодан взглянул на меня. Мне даже не нужно было, чтобы он открывал рот, я знала, что он собирался сказать.

— Просто иди, — раздражённо сказала я. — Навёрстывайте время в своём альфа-стиле Девятки. Мне все равно нужно заняться кое-каким исследованием, — Бэрронсу я сказала: — Книги о старых богах Земли, направь меня к ним.

Он показал мне, и когда они пошли в кабинет Бэрронса, я размашистым шагом направилась в сторону лемура, только что перемахнувшего через балюстраду, чтобы познакомить себя с нашими новыми древними врагами.

Говорят, те, кто забывает своё прошлое, обречены на его повторение. На что тогда обречены те, кто стирает собственное прошлое?

Быть поглощёнными им?

Разрушить всю надежду на будущее?

Потому что практически это и произошло с нашим прошлым — гигантский ластик позаботился о нём.

Кельты славились тем, что не записывали вещи, наши древние традиции были устными.

Затем пришли римляне и прилепили имена своих богов поверх наших, и если это недостаточно запутало наши корни, то потом ворвалось христианство и вставило ещё больше имён, образов и легенд поверх наших богов, пока нам осталось совсем немного, вроде лепреконов, крошечных озорных феечек и троллей.

Мы, ирландцы, упрямые люди. Мы так просто не сдаёмся. Единственный способ, которым христианство сумело так окончательно стереть нашу историю — это возведение церквей на наших святых местах, затмевая их происхождение и предназначение, и переименовывая наши языческие праздники, превращая их в христианские празднования, за которыми не осталось ни одной нашей традиции.

Наши боги представляли собой жалкую, однобокую, переписанную свалку.

Я читала часами и вместо обнаружения ответов нашла ещё больше вопросов. Фоморы смешивались с Фейри, сливались с божествами со всей Западной Европы и многие по неофициальной информации были повержены или превращены в различных святых. Святому Патрику приписали не только управление всеми змеями Ирландии, тогда как научное исследование окончательно подтвердило, что в Ирландии изначально не водилось никаких змей, но и встречи с богами из нашего прошлого и после долгой беседы обращение даже их в христианство.

Иными словами, наша история пребывала в дерьме.

Имена богов и имени Туата де Данаан сделались практически взаимозаменяемыми.

О да, сотрите монумент тому ужасному, что мы сделали в прошлом, чтобы это смогло укусить нас за задницу в будущем. Все возвращается на круги своя, если ты достаточно глуп, чтобы это допустить. Вот почему я помню все, что сделала, смотрю на себя в зеркало и встречаюсь с глазами,

которые облажались, полностью осознают свои провалы; потому что день, когда я позволю себе забыть их — это день, когда я начну повторять их с начала.

Никогда. Этому. Не. Бывать.

Я обчистила книжный магазин Бэрронса, собирая тома для дальнейшего чтения, кратко записывая в заметки на телефоне имена от Авертаха до Балора, от Морриган до Луга, Дагды и Ааньи, Медб и Дайре, набрасывая скудные наброски о каждом.

Я нигде не нашла ни единого упоминания АОЗа или похищающего людей бога.

Пока я хмуро смотрела на свой телефон, он внезапно сделался розовым, взорвался сияющими сердечками по всему экрану, стирая мои заметки и заменяя их надписью с цветочками:

«Я добиваюсь успеха, Дэни. Скоро вернусь. Скучаю по тебе. Так сильно тебя люблю!!! Мак».

Я улыбнулась от уха до уха, а затем расхохоталась. Розовый и сердечки. Мак все равно оставалась Мак, вопреки превращению в Фейри. Мак всегда будет Мак. Она через столько всего прошла, пережила одержимость величайшим злом, какое только знали люди и Фейри, победила колоссальное психопатичное сознание, которое её поглотило. Знания Фейри и власть никогда не сотрут Радужную Девочку Бэрронса.

Никак невозможно было написать ей в ответ, и надпись исчезла, но я оказалась достаточно быстрой, чтобы сделать скриншот сообщения прежде, чем оно исчезло. Мгновение.

Обещание. Прямо-таки с клятвой на мизинчике.

Я выглянула в окно на темнеющее небо, собрала книги, которые уносила с собой, и спустилась вниз, чтобы найти сумки, в которые их можно засунуть. Я шарилась за прилавком с кассовым аппаратом, когда вошли Бэрронс и Риодан.

Бэрронс бросил один взгляд на мои книги и прорычал:

— Эти были в запертом шкафу.

Ну да.

— Это я их достала.

Темные глаза сверлили меня.

— Ты никак не могла вскрыть тот замок.

— И не говори! — сердито ответила я. Я превосходно вскрываю замки. Это одна из моих специальностей, а эта проклятая штука меня победила. — Я разбила стекло рукояткой меча.

— Ты. Разбила. Стекло.

Божечки, Мак же говорила, что Бэрронс бесится, когда трогаешь его вещи.

— Ты можешь так же знать, что я взяла твой байк и Лэнд Ровер, пока гараж не исчез, — проинформировала я его, просто чтобы расставить все между нами на свои места.

Он уставился на меня так, будто я была образцом на стёклышке микроскопа.

— Мак написала, — сказала я, чтобы отвлечь его. — С ней все хорошо.

Он неестественно застыл, сделавшись настолько неподвижным, что он исчез из моего зрения на мгновение, растворившись в обоях за ним. Затем он вернулся, тихо произнося:

— Она написала. Тебе. Дай мне посмотреть.

Оу, видимо, она не потрудилась написать ему. Просто посылала ему рождественские ёлки и лемуров. Я протянула ему свой телефон со скриншотом.

Он долго смотрел на него, в его темных глазах кружили тени, и я увидела в них проблеск такого чистого, нескрываемого голода, что это меня ошеломило. У них было единство, симбиоз, партнёрство, о котором я мечтала — волки, которые выбрали сбиться в стаю и охотиться вместе, солдаты, которые всегда прикроют спину друг другу, несмотря ни на что, ни один грех, ни один проступок не был слишком велик.

Он провёл большим пальцем по экрану, как будто мог через него каким-то образом коснуться Мак. И я подумала *«Святой ад, Иерихон Бэрронс имел... не уязвимость, но да, это. Слабость, нужду»*. Мак. Я увидела это и в ней тоже. Это и беспокоило меня в любви. Хотеть кого-то так сильно, что кажется, будто ты не можешь дышать, когда они уходят; так интенсивно, что твой мир теряет половину своих красок, и ты находишься в странно подвешенном состоянии, пока они не вернуться. Как мои последние два года. Уязвимость, как ни посмотри. Я нервно взглянула на Риодана и быстро отвернулась. Потеря Шазама едва не разрушила меня. Потеря Танцора вновь меня сокрушила.

Затем лицо Бэрронса стало отстранённым, холодным и непроницаемым. Он резко развернулся, подошёл к заднему камину, пошарил на каминной полке, затем вернулся и протянул мне телефон обратно вместе с конвертом.

— Мак просила передать это тебе, когда я в следующий раз тебя увижу.

Я взяла это — запечатанный белый конверт безо всякой подписи.

— Что это?

— Я понятия не имею. Она лишь попросила удостовериться, что ты его получишь.

Я хотела тут же разорвать его. Я не сделала этого. Я загляну в него позже, в одиночестве.

— Ты не собираешься его открывать? — потребовал он.

— Если это как-то связано с Мак, я напишу тебе.

Он склонил голову.

— И в тот же момент, когда она выйдет, я дам тебе знать. До тех пор оставь книжный магазин в покое. Не привлекай к нам внимание. Фейри её ещё не нашли, и я хочу, чтобы так и оставалось.

Я кивнула.

— Покорми лемура. Уверена, у тебя здесь где-то есть еда. Хотя бы выставь миску воды, — бедный малыш сидел на книжном шкафу над моей головой все то время, что я читала. Ему было одиноко. И он был голоден.

Я засунула конверт в карман, упаковала книги в пакеты КиСБ, и мы с Риоданом ушли, протолкнувшись в зеркало и вернувшись в окутанный сумерками Дублин внизу.

Позднее я села за то, что осталось от моего обеденного стола, которому не хватало нескольких досок, разложив свои книги и держа в руке конверт от Мак.

Шазама нигде не было видно, но прошлой ночью он пообещал появляться почаще. Я рассчитывала на это. Он был единственным живым созданием, которое я могла обнять.

Риодан непреклонно противился тому, чтобы я возвращалась в свою квартиру, но я настояла, напомнив ему о превосходной охранной работе, которую он проделал в моей спальне, обеспечивая мне место, безопасное от Фейри. Если бы он настоял на своём, я бы жила в Честере. Ничего нового. Он пытался добиться этой перемены места жительства с тех пор, как я была ребёнком.

Я уже не ребёнок, я женщина, которая привыкла к своему пространству и времени. Я согласилась встретиться с ним в Честере после того, как исследую содержимое конверта от Мак и проведу ещё несколько часов с древними томами Бэрронса.

Я перевернула конверт, сняла перчатку и открыла его, достав два листа бумаги и развернув их.

Моё сердце подскочило к горлу, и все, о чем я могла думать — это «Какого ж черта... как Мак умудрилась получить письмо от Танцора?»

Я закрыла глаза, выровняла дыхание, приготовила себя к горю и начала читать.

Привет, Мега.

— Привет, Танцор, — прошептала я.

Я тебя люблю.

— Я тоже тебя люблю.

Я подумал, что скажу это в первую очередь, чтобы не начинать со зловещего клише типа «Если ты читаешь это, я мёртв». Но если ты читаешь это, так и есть. Не беспокойся обо мне, со мной все в порядке, и мы ещё увидимся.

Я хотел оставить тебе письмо, но не мог придумать место, где бы его оставить, чтобы А) ты не нашла его до моей смерти и Б) ты определённо нашла его после, и честно говоря, я не хотел, чтобы оно сразу же попало к тебе, так что попросил Мак передать его, когда момент покажется подходящим. Я знаю, что моя смерть тяжело по тебе ударит, и я так чертовски сожалею об этом.

Я какое-то время подозревал, что космические часы для меня сходят на нет. Я знаю признаки. Ты тоже их знаешь, и я люблю тебя до края земли и обратно за то, что игнорировала их вместе со мной. Для этого требовалось больше, чем храбрость, Мега. Для этого требовалось сердце из золота и хребет из стали.

Я раньше беспокоился, что никогда не сумею обнять тебя и заняться с тобой любовью в этой жизни. Что наша красная нить будет платонической, потому что ты была так молода, когда мы встретились, а у меня было слабое сердце, и это сводило меня с ума, потому что я знал, что мы любили друг друга прежде. Я знал это в тот момент, когда увидел тебя, плюющуюся словом «черт» со скоростью миллион миль в минуту, так интенсивно чувствующую все в своей жизни.

Поугли японский миф о красной нити. Если интернет не работает, посмотри в моем фотоальбоме, коричневом, со всеми теми селфи, которые мы делали, когда безумно и глупо веселились. Вместе с теми другими селфи, когда мы делали сумасшедшие, сексуальные вещи. Я люблю тебя за них. Лучшее. Порно. В истории.

Так вот, я распечатал для тебя миф на тот случай, если мир останется оффлайн, но если кратко, то японцы верят, что наши отношения предрешены богами, которые связали мизинчики тех, кто должен найти друг друга в следующей жизни. Люди, связанные красными

нитьями, будут оказывать существенное влияние друг на друга — изменяющее жизнь, формирующее душу влияние. Вместе они будут творить историю. И хоть эти нити могут запутаться, завязаться узелками и переклестнуться, они неразрушимы. (Между прочим, я думаю, лучше всего не принимать «неразрушимость» как данное. Выбор первостепенен. Красные нити священны. Будь с ними осторожна) (Ещё одно отступление, эти красные нити выходят из наших мизинчиков, потому что локтевая артерия идёт от сердца к этому маленькому пальчику, а эти нити связывают наши сердца через время и пространство).

Спасибо, что была моей красной нитью. Я знаю, как мне охрененно повезло, что мне досталась ты.

Я знаю тебя, дикарка. Намного лучше, чем ты думаешь. Ты думала, я полюбил тебя, потому что видел только твои хорошие стороны. Ты думала, я видел тебя через фильтр. Это не так.

Я знаю про клетку (я ненавижу её за это сильнее, чем ты можешь себе представить), убийства, к которым тебя принудили обманом (Ровену я тоже ненавижу), ужасные несправедливости, которые ты вытерпела.

И все же ты вышла из всего этого с таким чистым сердцем, что у меня перехватывает дыхание. Если бы я мог, я бы спас тебя тысячу раз. Я был бы твоим рыцарем в сияющей броне. Я бы убивал драконов, спасал тебя, сражался бы за тебя в войнах.

Но никто тебя не спас. Так что ты спасаешь мир.

И теперь я мёртв, и я оставил тебя одну, и я это ненавижу.

Ты помнишь, когда я спросил тебя о Риодане? Ты разозлилась на меня, когда я сказал, что я не такой супер, как он. Ты сказала, что я такой же супер, просто в другом отношении. Спасибо тебе, что сказала это.

Я вижу тебя так же, как ты видишь Риодана. Я поклоняюсь тебе. Я благоговею перед тобой. Я считаю тебя самой изумительной из всех, кого я когда-либо знал.

Я завидовал Риодану. Его сильному сердцу, его бессмертному телу. Я так сильно завидовал его долгой жизни, что я почти его ненавидел.

Затем однажды он пришёл ко мне после того, как ты сказала ему, что я умираю. Он рассказал мне о тебе. Вещи, которые ты никогда не позволила бы мне знать. Он не рассказал мне всего, так что не злись на него. Я знаю, потому что я задавал вопросы, на которые он не ответил. Он хотел, чтобы я знал, какое ты чудо. Он также оценивал меня, пытаясь решить, достоин ли я тебя. Моё уважение и почёт к тебе в тот день стали ещё огромнее, а я не думал, что такое возможно. Ты та

женщина, которая встречается один раз в гуголплекс^[54], Мега.

Перед уходом он предложил достать для меня Эликсир Жизни.

Когда я ответил отказом, он предложил сделать меня таким, как он.

Я уронила письмо и сидела, уставившись перед собой. Он сделал что? Я просила его сделать то же самое. Он сказал «нет, это не сработает, это может его убить». Затем он пошёл к Танзору и все равно предложил это сделать. Ради меня. Я провела несколько долгих секунд, пытаясь это осмыслить, затем продолжила читать.

Он сказал, что успех не гарантирован, моё сердце могло все равно отказать. Я мог не пережить трансформацию. Но потому что ты любила меня, он готов был попытаться. Он сказал, что и эликсир, и превращение в такого как он имеет свою цену, и обоим вариантам сопутствуют значительные проблемы. Он сказал, что расскажет об этих проблемах, если я выберу один из вариантов.

Я никогда в жизни не испытывал такого искушения.

Но во всем есть схема и замысел. Я вижу это в великой истине математики, я слышу это в совершенстве величайших музыкальных композиций. Эта поразительная вселенная знает, что она делает.

Он также рассказал мне об определении любви, которое ты дала ему, когда тебе было четырнадцать — великолепное, между прочим! — но сказал, что ты кое-что упустила.

Он сказал, что любовь — это готовность ставить счастье и развитие любимого человека выше своего собственного. Даже если это означает отказаться от них.

Время для жестокой правды: я всегда знал, что ты хотела нас обоих. Прекрати париться из-за этого, дикарка. Я лишь один из множества изгибов и поворотов твоей эволюции.

Сейчас я уже устаю. Осталось недолго. Я хочу отдохнуть, чтобы сегодня вечером я смог опять заняться с тобой любовью, когда ты вернёшься домой. То, как ты смотришь на меня в постели, со всеми этими яростными эмоциями, полыхающими в твоих глазах, то, как ты меня касаешься — ты не щедра на слова, но я чувствую это в твоих руках — и из-за тебя мне удалось побыть мужчиной, которым я всегда хотел быть в этой жизни.

Дэни, моя дерзкая, изумительная красная нить, ты сотрясла весь мой грёбанный мир, ты встряхнула моё существование, ты пробудила меня для тех оттенков жизни, которых я никогда прежде не видел.

Иногда я думаю, что мы не видим наши красные нити дюжину жизней или больше. Я надеюсь, что в следующий раз мы получим сотню

жизней вместе, спина к спине. Мне не терпится получить шанс вновь любить тебя.

Но сейчас не моя очередь.

Эта привилегия принадлежит кое-кому другому.

Я люблю тебя как пи.

Танцор.

Я уронила голову на руки и заплакала.

Глава 30

Все эти вещи сделали меня той, кто я есть ^[55]

Когда я решаю убрать что-то в коробку, я не терплю неудачи.

В этот раз потерпела.

Я сидела за столом, уставившись на ночь за окнами, вспоминая Танцора. Первый раз, когда я его встретила, и каждый последующий. Времена, когда он исчезал на несколько дней, затем я снова находила его, и мы были так чертовски счастливы видеть друг друга, и лопались от смеха, и играли с чистой, дикой самозабвенностью подростков в мире, в котором нет правил за исключением тех, что мы сами для себя установили. Никто не говорил нам, когда ложиться спать или просыпаться, что кушать, что не кушать, никто не говорил нам, как жить. Мы учились этому друг у друга.

Мы устанавливали бомбы и расследовали тайны. Он изобретал для меня вещи, дал мне браслет, который я потеряла в Зеркалах, а я показала ему свой чудной, проворный, скоростной мир. Мы смотрели мультики, играли в Пинки и Брейна, в другие времена я была с ним Тасманским дьяволом или Дорожным бегуном, со свистом нося нас по нашему городу, закручивая, вырезая и запечатлевая наши инициалы всюду.

Мы выросли и брались за ещё более важные тайны, спасая мир вместе, влюбляясь.

Я получила его не-слишком-то-деликатное сообщение: у нас не одна красная нить, а больше.

И эти нити не имеют гендерной или даже видовой спецификации, по крайней мере, не в моем смысле. Некоторые из них романтические, некоторые нет.

Мак — одна из моих нитей, наши жизни неразделимо переплетены. Я думаю, у Мак и Кристиана тоже есть красная нить, их взаимодействия не всегда лёгкие, но определённо трансформирующие.

Шазам тоже одна из моих нитей. Я думаю, что Кэт тоже может ею быть. Нам есть чему поучиться друг у друга; она со своей колоссальной эмпатией, а я со своими громадными стенами.

Ровена была великой, большой, гадкой нитью, но не красной. Я думаю, люди могут вторгнуться в твою жизнь и привязывать себя к тебе чёрной верёвкой, и если вместе вы совершите слишком много плохой

кармы, возможно, в следующей жизни они станут одной из твоих красных нитей, и даже потом, пока ты не научишься тому, чему должен научиться из своего взаимодействия с ними — эти люди силой прокладывают себе путь и рушат твой мир. Возможно, это урок какого-то космического прощения.

Я этот урок ещё не выучила. Я не простила её. Она сумасшедшая сука, и я все ещё не знаю всего, что она со мной сделала.

Риодан — тоже одна из моих красных нитей. Он может быть массивной толстой верёвкой, в десять раз толще нормальной нити. Я боюсь, что Танцор это видел.

Любовь забавна. Даже если этого человека больше нет с тобой, ты все ещё ощущаешь чувство. Ты не теряешь свою любовь. Ты теряешь ощутимую, осязаемую, чувство-насыщающую способность испытать потерянного человека или животное.

Горе полностью сводится к невозможности больше касаться. Невозможности использовать свои органы чувств, чтобы испытать их на физическом уровне. Они переместились за непроницаемую завесу, вне досягаемости твоих рук, губ и глаз.

И... конечно... это приводило меня к другой вещи, которую я пыталась убрать в коробку и потерпела неудачу.

Я теряла свою способность касаться всего.

Я узнаю кроличьи норы, когда их вижу. Эта была длинной, бездонной.

Я резко поднялась, отказываясь падать через этот край. Что есть, то есть. Точка. Схемы, смыслы — не мой конёк. Действия, быстрые и уверенные — вот это я понимаю.

Я взглянула на телефон, чтобы посмотреть время, схватила свой меч, запихнула его через плечо в ножны и повернулась к спальне, чтобы освежиться и направиться в Честер. Если я не поспешу, он начнёт колотить в мою дверь.

Тот, который ради меня готов был сделать Танцора одним из Девятки. Я уловила краткий проблеск их двоих, сидящих вместе, говорящих обо мне, Риодан предлагает спасти Танцора, Танцор знает, что я хотела их обоих. Святой ад. Сложные отношения. Моя жизнь полна их.

Войдя в спальню и пройдя в ванную, чтобы почистить зубы и умыться лицо, я почувствовала это.

В моей комнате находилось живое присутствие. Притаившееся в засаде, клокочущее, медленно просачивающееся в углу за мной.

Не Фейри.

Колоссальная злоба, ужасающая.

Я резко развернулась. Оно громоздилось в углу справа от моей кровати, занимая его, наполняя его тьмой, наваливавшейся на тьму.

Нет, оно скорчилось, делая себя меньше, чем на самом деле — прожорливое и удушливое зло.

Мой меч мгновенно очутился в моей правой руке, левая обнажена и поднята.

— Покажись, — прорычала я.

Оно скользнуло вперёд из плотной чернильной тени, которую оно вокруг себя сотворило, и по мере того, как его человеческий с виду силуэт постепенно проступал, голова — в последнюю очередь, я осознала, что оно убирает маску с лица.

У меня есть теория о людях, которая, как я подозреваю, универсальна: когда кто-то скрывает от тебя что-то, это заставляет тебя желать увидеть это. В тот же момент, когда маска открыла эту сторону его лица, я уставилась и мгновенно попала в ловушку его ужасного взгляда.

В этом мире есть правила, которые ты узнаешь, лишь нарушив их. С некоторыми никогда нельзя говорить, например, с Фир Дорча, который крадёт часть твоего тела, если ты настолько дурак. Ублюдок однажды забрал мой рот, оставил меня неспособной сказать миру множество гениальных вещей, которые я должна была сказать. Мак спасла меня от него.

И теперь, вдобавок к принцам Невидимых, я узнала, что есть и другие вещи, с которыми никогда нельзя встречаться взглядом.

В то же мгновение, когда мои глаза встретились с бездонным, влажным, удушающим, полным тумана взглядом единственного огромного глаза, который это создание скрывало за своей маской, я приросла к земле, неспособная пошевелиться. Без возможности прыгнуть в поток. Этот злобный, поглощающий глаз пронзил часть меня и запер её свирепыми жалами, которые не отпустят.

Затем я почувствовала, как он входит в мой разум, не как Риодан, деликатно ныряя, а безжалостным метательным копьём с рыболовным крючком на конце с множеством зубьев, которые врезались в самую мою суть, дёргая, вытягивая, вырывая что-то из моего тела.

И в тот момент я знала, грёбаный ад, я знала точно, что у меня есть душа, потому что именно её он у меня забирал.

Сама сущность Дэни О'Мэлли попала на этот смертоносный крючок. Фундаментальные кирпичи всего, чем я являюсь, моя сила и власть, мои правды и лжи, моё сердце и мозг и материя и энергия. Моё подсознание, моё сознание, моя личность и эго, вся моя индивидуальность

извлекалась на изогнутом конце этого копья. Я теряла все, что было мной. Оно выдирало меня как мидию из ракушки, чтобы сожрать меня, поглотить все мои сильные стороны и способности, и как только оно меня получит, я никогда больше не буду существовать. Это представляло собой смерть столь окончательную, что она лежала за пределами моего понимания. Эта штука, чем бы она ни была, торговала уничтожением человеческой души.

Необратимый конец всем приключениям. Конец всех красных нитей.

В моей вселенной нет большего кощунства. Я не боюсь смерти. Я раз за разом посылаю её нахер. Мне не нравятся рекламные вставки в моей программе. Но я не боюсь её, потому что знаю, что я перманентный, нестираемый, массивный маркер с толстым стержнем, меня нельзя стереть из Космоса.

Но эта штука отрицала все правила. Она могла стереть меня навеки.

Пока оно продолжало вытаскивать меня из моего тела, вытягивая в свой влажный удушающий туман, проглатывая меня полностью, я мельком уловила проблеск его ужаса, ужаса того, что оно содержало.

Десятки тысяч душ, подобных моей, становление более могущественным с каждой украденной душой. Десятки тысяч — может, сотня тысяч душ — кричащих от паники и безумия, существующих в бесформенной полужизни, как топливо для того, что стирало каждую частицу их индивидуальности, сплавляя их в бесформенный комок собственной воли, вымарывая их из существования кусочек за мучительным кусочком, и они осознавали, что их разрушают.

Затем я получила видение из его тёмного разума — видение тел, подволакивавших ноги как зомби, контролируемых им. Оно презирало их, едва сохраняло им жизнь, заставляло их драться как собак за объедки. Бесконечно мучило их, смеялось, когда они бездумно исполняли его приказы. Оно не только становилось более могущественным с каждой душой, но оно собирало...

Армию.

Из людей.

Рабов. Бесчисленных разрушенных человеческих душ.

Эта штука забирала моих взрослых! Это был тот самый «он» по другую сторону тех узких черных зеркал, вонявших древесным дымом и кровью. Но чем-то большим, настолько большим. По всей Западной Европе оно уничтожало людей, наращивая силу, преследуя свои тёмные мотивы, которые сводились — о святой ад — к уничтожению всей человеческой расы!

Оно хотело, чтобы мы умерли. Погибли. Навсегда стёрлись и никогда

не вернулись. Оно ненавидело нас за гранью разумного. Оно планировало обратить против нас свою армию людей, затем против Фейри, и с моим мечом у него были чертовски хорошие шансы стереть обе расы. Что ужасало ещё сильнее, оно полагало, что как только оно наберёт определённое количество душ, оно станет столь могущественным, что его демонический глаз будет уже не нужен. Ему придётся всего лишь прогуляться по городу и вдохнуть в себя каждую человеческую душу, его смертоносный радиус расширится с каждым новым приобретением.

«Я был прав на твой счёт, — промурлыкало оно. — Ты стоишь сотни их».

Я нахмурилась. Само собой, больше этого.

Его глумливый смех эхом отдался в моей душе. Оно находило меня высокомерной. Оно жаждало съесть меня, стать мной, ассимилировать меня, украсть все то, над чем я упорно работала.

С огромным усилием я создала коробку и поместила себя туда. В итоге я осталась с меньшей половиной себя, а оно держало другую часть.

«Борьба тщетна. Я существовал задолго до того, как появилась твоя никчёмная раса, и буду существовать ещё долго после того, как вы умрёте».

Оно свирепо рвануло.

Я растянулась длинной и болезненно тонкой, упёрлась ментальными ногами за край коробки. Мне нужно было имя, проклятье. Я не уйду без него, а я все-таки уйду.

«Кто ты?»

«Бог, Смерть. Крадущий души».

Но я уловила под этим имя, глубоко под этим. Оно было гордым, куда более высокомерным, чем я. Оно хотело, чтобы его имя произносили, раз за разом, оно приказывало своей бездушной армии повторять его бесконечным напевом, боготворя его. Именно эти неразборчивые напевы я слышала через те тёмные зеркала.

Балор.

Это отправная точка. Я мгновенно приняла тьму Охотника внутри себя, поощрила её взорваться внутри меня, врезаться в мой мозг, обратно до моего сердца, затем подняла обе руки и взмахнула ими.

«Как ты двигаешься?» — закричал Балор.

Я выпускала заряд за зарядом бледно-голубых...

Святой ад, где я находилась?

Стремительно несясь по кротовой норе, достигая сверхъестественной скорости, быстрее, чем я когда-либо была способна в своём потоке,

вырываясь в открытое пространство, внезапно полностью останавливаясь посреди круга Охотников.

«Она идёт, — гонгом прозвенели они. — Время пришло».

Я парила там, чувствуя себя так, будто стою в дверном проёме, одна земля за мной, одна земля впереди меня; обе захватывающие, обе реальные, и все, что мне нужно сделать — это поднять ногу и шагнуть в любом направлении.

И на долю секунды я жаждала пойти вперёд, не назад, ощутить огромные черные крылья Охотника, сыпавшие льдом, пока я парила, исследуя тайны вселенной, без ограничивающих меня дверей, быть такой чертовски могущественной и неукротимой и дикой и свободной, крутейшей во вселенной, владеть небесами, чувствовать вкус звёздной пыли и вечности, и все ощущалось до странности так, будто мне там место, будто моё предназначение записано в этих самых звёздах...

Но.

Мои люди.

«НЕТ, ВРЕМЯ НЕ ПРИШЛО, — взревела я, сопротивляясь каждой унцией своей силы воли. — МОЙ МИР НУЖДАЕТСЯ ВО МНЕ!»

Затем я стремительно понеслась назад по той кротовой норе на головокружительной скорости, и я очутилась в комнате с Балором, и мои прекрасные бледно-голубые молнии взрывались, не только из моих рук, но и из моего тела, треща могущественными вспышками, пронзая бога, снова и снова, и Балор ревел в моей голове, крича от боли, затем он забился в угол, согнувшись пополам, стиснув свою ногу, и он вскинул голову и заревел на меня, словно невыносимо оскорбившись: *«Ты ранила мою грёбаную ногу!»*

Я собралась, чтобы запустить разряд прямо ему в лицо.

Балор опустил маску на глаз и взорвался облаком туманной, влажной чёрной пыли, которая пахла гробовой обивкой и стерильными химикатами прозекторских и моргов, столь приторными и удушающими, что я не могла дышать.

Внезапно он исчез.

Я попыталась резко развернуться и просканировать комнату на случай, если он описал круг для очередной атаки, но у меня не было ощущения пространства, я не могла осознать себя в этом отношении.

Моя сила иссякла, и от войны за перетягивание моей души, и от сногшибательного высокого напряжения, все ещё искрящегося под моей кожей.

Я втянула прерывистый вдох, затем ещё один, отчаянно стараясь

уравновесить себя.

Я подняла ногу, чтобы сделать шаг, но когда я её опустила, она не ощущалась твёрдой. Я споткнулась и рухнула на пол, ударившись головой об угол основания кровати.

Все сделалось черным.

Линчеватель

Ровена присутствовала в моей жизни задолго до того, как я познакомилась с ней в восемь лет.

После отказа Симуса, мужчины, которого моя мать любила до глубины души, мужчины, который мог стать нашим спасителем, она развалилась на части. Её сердце претерпело слишком много ударов.

Пока моя мать была опустошена горем и вылетела с работы благодаря бесхребетному и мстительному способу Симуса стереть её из своей жизни, Ровена послала мужчину, который впоследствии стал её сутенёром. Изображая любовь, этот ублюдок начал свои бесконечные манипуляции, поначалу обращаясь с ней лучше, затем, наконец, хуже всех остальных. К тому времени боль и отчаяние стали нормой для Эммы О'Мэлли. Она ожидала, что жизнь будет её третировать.

Ровена послала и следующего бойфренда, большого почитателя наркотиков, чтобы познакомить её с единственным известным ей выходом, за исключением смерти.

Её садистский план: подвергнуть меня ещё большему количеству боли и страданий, сжечь мой мир дотла, пока я беспомощно наблюдаю, спалить меня до точки невозврата.

Посмотреть, что восстанет из пепла.

Вмешаться в качестве моего спасителя и высвободить меня из клетки, надеясь на сломленное, податливое оружие. Ту, что будет презирать себя за тьму внутри, ту, что так надломлена до глубины души, что будет пресмыкаться ради крох доброты, вопреки множествам суперспособностей, делавших её бесконечно более могущественной, чем сама Ровена.

Её план сработал.

Я сломалась.

Но я покрылась шрамами и стала сильнее.

Когда она нашла меня восьмилетнюю, бродившую по Дублину, и осознала, что ситуация развернулась не по её аккуратному плану, она использовала тёмные искусства, чтобы исказить мой разум, похоронить реальные воспоминания под фальшивыми — о том, как она находит меня, спасает меня из клетки, пока я лежу и жду смерти. Как и любой хороший лжец, она присыпала свою ложь зёрнами правды; позволила мне и дальше верить, что я убила свою мать, задушив её через решётки. Она хотела,

чтобы я страдала от клинка матереубийства.

В Зеркалах я скрупулёзно отыскивала её заклинания и внушения. Я не избавилась от своих демонов, не думаю, что для меня это возможно. Но теперь я знаю их по именам. И они подчиняются мне, а не наоборот.

После того как я переехала в аббатство, ещё до того, как я узнала о масштабах вмешательства Ровены в наши жизни, мне приснился сон, как я её убиваю.

Позднее, когда я узнала все, что она с нами сделала, мне снова приснился этот сон.

Я жаждала её убить.

Я сказала себе, что единственная причина, по которой я этого не сделала — это потому что другие ши-видящие отвергли бы меня, а мне отчаянно хотелось принадлежать. Я не ощутила бы ни капли сожаления; бешеных животных нужно уничтожать. Моя злость определённо утихла бы.

Но была и более глубинная причина, заставлявшая меня медлить.

Оба раза, когда она в моих снах лежала и умирала, я видела проблеск чистого злобного триумфа, мерцавшего в этом садистском синем взгляде.

Ликование. Злорадство. Торжество.

Её глаза говорили: «Ты животное, ты монстр, ты неисправимо повреждена. Я сделала это с тобой и, может, я умираю, но я забрала тебя с собой. Я, может, и отправлюсь в ад, но ты будешь жить в нем каждый день до конца своей жизни. Я разбила тебя на части, и ты никогда не будешь никем, кроме существа из импульсивных реакций, убийцей невинных. Ты столь же уродлива и извращена, как и я».

Я рада, что Мак её убила.

Я никогда не хотела давать ей возможность посмотреть на меня таким образом, или чувствовать, что у неё была хоть одна причина злорадствовать.

Потому что я знаю бесценную правду: когда кто-то делает все в своих силах, чтобы искалечить твои крылья до неузнаваемости, располосовать их в клочья, чтобы ими никогда нельзя было воспользоваться, есть лишь один способ победить.

Лететь.

ВЗЛЁТ

*То, что гусеница называет концом света,
Учитель называет бабочкой.*

— РИЧАРД БАХ

Глава 31

Жить без твоего солнечного света,

любить без твоего сердцебиения^[56]

Я проснулась в том редком, гладком, сфокусированном настрое, который сообщил мне, что я либо под нападением, либо Риодан опять зачаровал меня в целительный сон. Учитывая мои фрагментированные воспоминания, это последний вариант.

Я села, осматриваясь по сторонам в приглушенном свете. Комната была огромной, с высокими арочными потолками из темной узорчатой плитки, стены облицованы черными панелями. Справа от меня — огромный огонь в очаге, который занимал половину стены, чёрный кожаный диван и кресла, тёмный журнальный столик, над которым висела одна-единственная мерцающая люстра из кристаллов, отражавших сотни крошечных огоньков.

Я была одна, в кровати чёрного бархата с высокой спинкой, запуталась в черных шёлковых простынях.

Я чувствовала его запах на простынях. Слишком легко представляла его здесь, обнажённого, могущественного, свирепого, и все же контролирующего себя, эти холодные серебристые глаза блестят жарким, кроваво-красным из-за зверя. Я знала, как он трахался — как мужчина в огне. Не сдерживаясь, неукротимо, со стопроцентной сосредоточенностью. Я наблюдала за ним, когда была слишком юной, чтобы увидеть это, и все же достаточно взрослой, чтобы задрожать от осознания. Схватив шёлк в горсть и поднеся к носу, я вдохнула. Это было жестокое возбуждение, поражающая похоть, болезненно бодрствующая и живая. Мне ни разу не удалось заняться сексом, как я хотела, как я жила свою жизнь — без оглядки, на полной скорости, дико, несдержанно.

Пытка.

Я отбросила покрывало и принялась сортировать разрозненные воспоминания.

Риодан находит меня на полу в Святилище, закатывает меня в одеяло, забрасывает на плечо, несёт меня. Краткий проблеск ночного клуба Честер, затем тьма.

Риодан требует, чтобы я проснулась, выпила протеиновый коктейль, проснулась, выпила ещё. Дерусь с ним, хочу только спать. Рука в перчатке над моей головой. Жидкость льётся по моему горлу, мне опять угрожают трубкой для кормления.

Неважно, как бы далеко вглубь я ни уходила, он всегда приводил меня обратно.

Балор. Воспоминание врезалось в мой разум, приправленное чистым адреналином, и я напряглась.

Святой душесосущий дьявол, мне нужно поговорить с Риоданом, с Шедоном! Мы должны найти Балора, но что более важно, мы должны узнать, как его убить, поскольку даже моя ошеломительная сила оказалась неэффективной против бога. Мой один первый удар разнёс бы любого Фейри на кусочки. И тем не менее все, что мне удалось сделать со смертоносным, ненасытным Балором — это повредить ему ногу.

Бурно выдохнув, я соскребла свои длинные спутанные волосы с лица. И моргнула, уставившись на собственные руки. Обе угольно-черные. В одном из моих кулаков находилась прядь вороных кудрей. В другой — прядь рыжих. Я задрала один рукав, затем второй. Шипы на обеих руках.

Я вскочила с кровати и попыталась решить, какая из пяти дверей вела в ванную комнату. Я открыла ближайшую и моргнула, уставившись. Она выглядела знакомо, но сложно сказать, когда каждый предмет мебели разнесён в клочья. Даже в стенах и полах процарапаны глубокие полосы, как будто массивные смертоносные когти в ярости обратились против них.

Спустя долгий момент я узнала куски мебели, показавшиеся мне такими знакомыми. Это комната, в которой Риодан делал мне татуировку, которую я посчитала его приватными покоями, но оказалось, это лишь прихожая к настоящим приватным покоям внутри. Погодите... что? Я встала, осматривая руины. Комната была обставлена в точности так, как когда он татуировал меня. Святые передразнивающие мартышки, это я подражала его вкусу, а не наоборот! И я даже не осознавала этого. Я была подражателем. Моё настроение скисло.

Я захлопнула эту дверь и попробовала следующую. Кухня. Его прилавки не были в точности такими, как мои, но довольно близко. Я захлопнула эту дверь и открыла третью, затем помедлила, поколебавшись на пороге.

Я нашла ванную, и она щеголяла целой стеной из зеркал — в чьём уютно жилище, кроме Риодановского, эти серебристые стекла заставили бы меня нервничать — и все же внезапно я уже не так торопилась посмотреть на себя. Я имела чертовски хорошее представление, что увижу.

Покачав головой, приготовившись, я подошла к зеркалу.

И ахнула.

Я дёрнула вверх кофту, расстегнула ширинку на джинсах, опустила их и уставилась, внезапно разозлившись так, что не могла дышать.

Единственные части меня, которые остались не черными — это половина волос, половина лица, и пятно размером с кулак на животе. Мой левый глаз был полностью черным. Глубоко внутри поблёскивали огненные искорки. У меня глаз Охотника. Грёбанный ад.

Я долго стояла там, сражаясь со столь интенсивными эмоциями, что я не знала, что с ними делать. Я хотела убрать их в коробку. Знала, что я это могу. Просто упаковать это все, и вернуться в мир, и посмотреть, что случится дальше. Разобраться с тем, что бы ни случилось. Так я жила.

— И как же это обернулось для тебя? — саркастично пробормотала я своему отражению.

Не очень-то хорошо. Риодан прав. Упаковывание в коробки беспокоивших меня вещей в долгосрочной перспективе смертоносно. Давно пришло время посмотреть ситуации в лицо, и дело не только в состоянии моего тела.

Я натянула джинсы обратно, опустила кофту, затем уставилась на своё отражение, глаза встретились с глазами, говоря себе то, что я всегда говорила себе: что есть, то есть. Найди что-то хорошее в плохом. Запрокинь эту голову назад и посмейся от души. Это всего лишь очередное приключение. Прими его, справишься с ним.

Это не сработало. Потому что сейчас не то время.

Это приключение крало меня у моего мира столь же окончательно и неизбежно, как Балор вытягивал душу из моего тела.

Мои приключения должны были случаться здесь, в моем городе, с моими друзьями, которые наконец-то вернулись. С Риоданом. Он был здесь. Мы хотели друг друга. Мы наконец-то сошлись в том давно откладываемом танце вожделения и... кто знает, чего ещё... и меня выдёргивают с танцпола против моей воли.

Больше всего в заточении в клетке я ненавидела отрезанность от мира, изолированность от него. Я жаждала СТАРШЕ и СНАРУЖИ, потому что в глубине души я имела те же мечты, что и все остальные, только в супергеройских размерах. Я воспитывалась этими мечтами, разворачивающимися на экране телевизора перед моим одиноким, сосредоточенным, крайне восприимчивым взглядом. Однажды у меня тоже будут друзья, своё место, я буду ходить на свидания, может, даже посещать университет. Танцевать. Влюбляться по молодости, как это было с

Танцором. Возможно, влюбляться вновь. Так все было устроено в тех шоу.

Но моё время истекало. Быстро.

Я внезапно осознала, как, должно быть, чувствовал себя Танцор с его повреждённым сердцем, его ненавистью к часам, отказом носить наручные часы, безнадёжным отторжением неумолимого марша времени.

Но моё сердце не повреждено, а Риодан бессмертен, и у меня были все причины полагать, что у нас есть уйма времени.

Один поцелуй и два дня спустя, БУМ — я неприкасаема. Будь я персонажем романа, я бы уложила снайперским выстрелом ту суку, которая написала мою жизнь таким образом.

Я сжала руки в кулаки, уставившись в зеркало, давление в голове нарастало по мере того, как я осознавала, что хоть я сделаюсь полностью чёрной, хоть я действительно превращусь в Охотника, конечный результат одинаков.

Моей привычной жизни пришёл конец.

Я никогда не поцелую Риодана. Никогда его не коснусь. Никогда не забудусь в страсти на этом его большом прекрасном теле. Никогда не сумею испытать его сексуальные лимиты и свои тоже. На нем я могла вибрировать с высочайшей интенсивностью и никогда не беспокоиться о том, что взорву его сердце. Так много желаний я скрывала, хранила в своём сердце, каким-то образом веря, что однажды я попробую их все на вкус. Когда придёт время.

Не придёт.

Двадцать два года. Это все, что мне досталось, и святой ад, какими же эти годы были безумными. Заточенная в клетку, потерянная, надломленная, вскоре вообще не человек.

По какой-то причине в моем сознании мы с Риоданом всегда имели заранее известный исход. Как Танцор был моим, так и он. Это лишь вопрос времени. Ну, или я так думала. Некоторые женщины получают одну-единственную великую любовь в жизни. Я получила две разом, совершенно разные, но все же обе мои. Отказавшее сердце Танцора сделало мой выбор проще. Я честно не знаю, чтобы я сделала, проживи он долгую жизнь. Я всегда разрывалась между ними двумя. И хоть я упорно работала, чтобы это скрыть, Танцор это видел. Подловил меня на этом. Все равно любил меня. Это требовало огромной храбрости. Любить того, кто, как тебе известно, хотел также кого-то другого, но по какой-то причине выбрал тебя. Я не могу сказать, что была бы на это способна. Я не думаю, что моё сердце настолько чисто.

Затем Риодан все испоганил своим уходом. Я почти закончила

справляться с этим. Вся эта дилемма «горе/вина» на какое-то время поглотила меня полностью. Внезапный уход Риодана сбросил меня с края. Я вновь наглухо захлопнула любые коробки, готовые открыться.

Где-то в покоях открылась и закрылась дверь. Шаги. Он был здесь.

И с моей точки зрения все это — его вина.

Когда-то я бы вылетела оттуда в стоп-кадре, врезалась в него, вывалила свою злость на его тело. Теперь я не осмеливалась это сделать.

Я повернулась, вышла обратно в спальню и едва не врезалась в него. Мы оба мгновенно попятнулись.

Он выглядел как сам ад. Каждый мускул в теле напрягся, глаза сузились до щёлочек, блестели, и в его крови грохотал ураган. Я слышала кузнечный молот его сердца с расстояния дюжины шагов. Костяшки его пальцев содраны, руки покрыты порезами, но уже исцелялись — несомненно, от разгрома прихожей.

— Это было вчера, — напряжённо сказал он. — Сегодня я разгромил спортзал. И свой офис.

— Из-за чего, черт подери, ты так злишься? — потребовала я.

— Проясни свои эмоции, Дэни, — рявкнул он. — Ты расстроена не из-за меня.

— Не говори мне, из-за кого я расстроена, — рявкнула я в ответ. — Я прекрасно знаю, из-за кого я расстроена. Из-за того, кто ушёл на два чёртовых года. У нас могло быть два года, Риодан, но ты их просрал!

Он прорычал:

— Не смей пытаться свалить это на меня! Ты, черт подери, прекрасно знаешь, почему я ушёл. Ты не позволяешь себе думать об этом. Ты злишься на саму себя.

— Хрень полная, — я сжала руки в кулаки вдоль боков и сдавила ноги, чтобы не дать себе кинуться на него.

— Для женщины, всегда ловящей момент, я тот единственный момент, который ты никогда, мать твою, не ловишь. А ведь я был прямо здесь, чтобы меня поймали.

— Нет, не был. Именно об этом я и говорю. Ты ушёл. Ты отправился в мир, у тебя были приключения, секс и жизнь без меня, и ты бы даже не вернулся, если бы я не пожелала твоего возвращения, а АОЗ не исполнил моё желание, решив, что голодающий чёрный зверь каким-то образом укусит меня за задницу! — выпалила я разгорячённой тирадой.

— Ты пожелала моего возвращения? Вот как я сюда попал? Грёбанный ад, и ты говоришь мне это только сейчас? Мы с Бэрронсом полдня потратили на попытки разобраться!

— И если бы я не пожелала твоего возвращения, — проорала я, — ты бы все ещё был там, жил своей жизнью, пока я была здесь сама по себе, пытаюсь справиться с этим проклятым городом в одиночку, становясь чёрной, ускользая, и ты бы вообще ничего не узнал! Знаешь, почему? Потому что тебе все равно! Ты не писал и не звонил мне ни разу. Тебе, мать твою, совершенно на меня наплевать!

Его голова запрокинулась назад, и он взревел, сжимая руки в кулаки, тело напряглось, и он так быстро превратился в зверя, что его одежда разлетелась на куски во все стороны, рубашка разодралась на спине, рукава и брюки порвались, спав с его тела, когда он трансформировался из мужчины в шесть футов четыре дюйма и 240 фунтов в девятифутового зверя весом почти в пять сотен фунтов.

Затем обратно в человека.

Затем в зверя, затем в человека.

Зверь.

Человек.

Звук трещащих костей, скрипящих жил.

Зверь. Человек. Снова зверь. Быстрее.

Он превращался туда-сюда на головокружительной скорости, и я смотрела в ужасе, поражённая внезапным страхом, что если он быстро не стабилизирует своё тело, то может убить себя чисто из-за стресса, который претерпевали его органы в быстрых, непрекращающихся трансформациях. Не говоря уж о коже и костях! И как бы я ни злилась на него за разрушение наших жизней, я никогда не могла смотреть, как этот мужчина умирает.

— Риодан, дыши! Соберись! — закричала я, но мои слова стали бензином для его пламени, и скорость изменений увеличилась, и он начал лаять, широко распахнув челюсти, затем он был ревушим мужчиной, затем воющим зверем, такой ужасный, опустошённый, надломленный звук, что я не могла придумать ничего другого и закричала: — Риодан, проклятье, я люблю тебя! Прекрати причинять себе боль! Не смей умирать! Я не смогу сейчас с этим справиться! — мне не только было ненавистно смотреть, как он умирает, мне придётся ждать дни, может, даже недели, пока он вернётся, чтобы мы смогли закончить эту проклятую ссору, и кто знает, буду ли я все ещё здесь?

Зверь дёрнулся, споткнулся, упал на колени, яростно задрожав, затем стал превращаться обратно в мужчину, понемногу, сначала кисти рук, затем сами руки, его плечи, и наконец лицо.

Я задержала дыхание, отказываясь говорить что-либо на случай, если это опять подтолкнёт его в ту ужасающую смену форм. Годами я хотела

увидеть, как великий Риодан теряет контроль. Я только что выучила болезненный урок. Я никогда не хотела вновь видеть, как это происходит. Я убью любого, кто посмеет испытать его контроль, защищу его. Никогда не позволю ему сломаться. Этот мужчина был моим... грёбаный ад, моим героем, и я хотела, чтобы он всегда оставался сильным и цельным.

Он опустился на колени, хватая ртом воздух, грудь раздувалась, ошмётки одежды свешивались с его дрожащего тела.

Затем, опустив подбородок, он взглянул на меня исподлобья все ещё кровавыми глазами, и проскрежетал:

— Никогда. Не. Говори. Мне. Что. Мне. Плевать. Ты можешь бросать в меня любые другие оскорбления, но не это. Никогда не это. Все, что я сделал, я делал для тебя. Все.

Он резко поднялся на ноги и пошёл в мою сторону, голый за исключением случайных клочков одежды то тут, то там. Я быстро вскинула взгляд к его лицу, будучи не в настроении мучить себя ещё сильнее.

— Не касайся меня! — я поспешно отступила назад. — И надень что-нибудь.

— Не указывай мне, что делать, — прорычал он. — Предложения в такое время работают лучше.

— Ты все время говоришь мне, что делать, и...

— Ты никогда не слушаешь.

— ...не похоже, что у нас в будущем будут ещё такие моменты, потому что...

— Мы всегда будем вот так бодаться. Ты слишком, мать твою, упряма, как и я.

— ...наше время вышло, Риодан. Вот к чему я вижу, и это твоя вина.

Он прорычал:

— Что я сказал тебе на кладбище той ночью?

— Ты сказал мне, что уходишь, — прорычала я в ответ. — И что я не могу пойти с тобой.

Он прошёл мимо меня, в ванную, и вышел с полотенцем, обёрнутым вокруг талии, смахнув с руки кусок рукава.

— Я не это имел в виду, и ты это знаешь. То, что ты убрала в коробку. На что никогда не смотрела. Последние слова, которые я сказал тебе.

— Ты сказал мне никогда не приходить к тебе, — с жаром произнесла я. Он подбирался слишком близко, и он был прав, и я злилась на себя, злилась уже долгое время.

— После этого. Проклятье, Дэни, что я сказал прямо перед тем, как уйти? Я знаю, ты это слышала. Я знаю, насколько остёр твой слух.

Я закрыла глаза. Он сказал: *«До того дня, когда ты пожелаешь остаться»*.

— У тебя был мой номер! Если бы ты позвонила мне, я бы пришёл. Но ты не позвонила.

— Ты тоже мне не звонил!

— Ты хотела мою метку. Ты хотела знать, что ты никогда больше не потеряешься. Это имело для тебя значение. Я дал это тебе.

— Какое, черт подери, это вообще имеет отношение?

— Да твою ж мать, из-за этой метки я чувствую твои эмоции. Я чувствовал их той ночью на кладбище. Ты, может, и не хотела, чтобы я уходил, но не потому, что хотела, чтобы я остался. Ты хотела, чтобы я сидел и бесконечно ждал, ничего не делая, и все ради жалкого шанса, что Дэни О'Мэлли решит, что ей хочется меня увидеть. Я, черт подери, этим и занимался. Я сидел там четыре долбанных месяца и ты ни. Разу. Не. Пришла. Я дюжину раз приходил к тебе, но ты как можно быстрее удирала от меня. Я прекрасно знал, что ты почувствовала той ночью на кладбище. Я почувствовал каждую крупичку. Злость из-за того, что я ухожу, боль из-за того, что я не говорю тебе, на какой срок. Но прежде всего, интенсивнее всего остального ты ощущала облегчение. Ты, мать твою, черт бы тебя подрал, испытывала облегчение, видя, как я ухожу!

Я сжала руки в кулаки так крепко, что ногти через перчатки вонзились в мою ледяную плоть.

— Что ты хочешь сказать? Что ты ушёл, чтобы наказать меня?

Он фыркнул, затем горько рассмеялся.

— Никогда. И я уверяю тебя, не ты была наказанной. Я ждал четыре месяца, и что ты сделала? — он бросил на меня взгляд, полный столь уничижительной ярости, что я вздрогнула. — Ты схватила ближайшего мужчину, выглядевшего как я, и потащила его в постель.

Я разинула рот:

— Откуда ты знаешь, что он выглядел как ты?

Он улыбнулся, обнажая клыки, глаза полыхнули кроваво-красным.

— Я съел его.

Мои брови взлетели на лоб.

— До или после того, как ты пришёл на кладбище?

— Мать твою, а это имеет значение? До. Через три минуты после того, как ты оставила его той ночью. И не потому, что он почти изнасиловал тебя. Метка, которую ты хотела, заклинание, которое не даёт тебе потеряться — это метка моего зверя. Она связывает меня с тобой бесчисленными мучительными способами. Она спаривает моего зверя с

тобой. Ты это понимаешь? Позволь разжевать это для тебя: мой зверь терпеть не может тех, кто нарушает право собственности. Мой зверь считает, что ты принадлежишь ему, — его следующие слова прозвучали с аккомпанементом свирепого рокотания в глубине его груди. — И грёбаный ад, я тоже так считаю. Иначе изначально не дал бы тебе эту метку.

Я уставилась на него.

— Ты поставил на меня эту метку, когда мне было четырнадцать.

— Как способ сохранить тебя в живых и обещание женщине, в которую ты однажды превратилась бы. Это был мой лучший шанс защитить тебя, сохранить твою бесстрашную импульсивную задницу в безопасности. И если бы ты захотела мою метку, будучи женщиной, я бы позволил тебе заклеить меня парной меткой. Если ты выбрала кого-то другого, я бы срезал её. Но до тех пор я бы сохранял тебе жизнь.

Я запротестовала:

— Но ты не срезал её, когда я была с Танцором.

— Он был временным, — свирепо сказал он. — Я подумал, что сумею это пережить.

Я покраснела.

— О боже, ты чувствовал, когда я занималась сексом с Танцором! Вот откуда ты знал, что мне не стоило вибрировать на нем. Ты мог нас видеть?

— Все не так. И я не стал бы этого делать, если бы мог. У меня нет желания смотреть, как ты занимаешься сексом с другим мужчиной. Я провёл большую часть времени, пытаясь заблокировать вас двоих, мать вашу. Я чувствовал твою страсть. Я чувствовал его страсть. Я чувствовал твой жар, твою нужду, и проклятье, это едва не убило меня. Я был готов. Ты — нет. Я знал это. Когда ты выбрала мужчину, походившего на меня, ты не могла послать мне более явное сообщение. Через тебя я чувствовал жизненную силу Танцора. Он слабел с каждым днём. Если бы он выжил, если бы ты осталась с ним, я бы убрал метку. Я все равно не сумел бы выносить это и дальше.

— И все же ты предложил ему сделать его таким, как ты, — поражённо произнесла я.

— Как, черт подери... ах, письмо у Бэрронса. Оно было от Танцора. Вот кусок дерьма. Он не должен был говорить тебе.

— Ты сказал мне «нет». Почему ты передумал?

Он пожал плечами, мускулы и татуировки перекатились волнами.

— У меня был момент временного помешательства, Дэни. Проклятье, да не знаю я. Я просто хотел положить конец твоей боли. Может, я знал, что он не согласится. Не делай из этого благородство. Я — не причина

твоего беспокойства.

Да, причина. Как бы ему ни хотелось представить это в другом свете. Потому что я любила Танцора, вопреки собственному желанию Риодан был готов сделать его бессмертным ради меня. Я хотела поблагодарить его. Я поблагодарю его. Но я ещё не закончила. Он исчез, затем появился у моей двери, едва не оголодав до смерти, и я хотела знать, где он был, и что с ним случилось. Больше никаких секретов. Мы могли бы, в самом крайнем случае, хотя бы быть друзьями, видит Бог, я хотела чего-нибудь с этим мужчиной, а дружба требует правды. Кроме того, я не могла вынести мысли о нем где-то там, ни разу не позвонившем и не написавшем. Это чушь собачья. Это не оправдание.

— Куда ты ушёл? Где ты был два года? — потребовала я.

— Почему ты испытала такое облегчение, увидев, как я ухожу? — выпалил он в ответ. — Была одна эмоция, к которой я не мог пробраться. Ты слишком плотно запаковала её в коробку. Я ни разу не сумел пробраться в твои наиболее строго охраняемые хранилища.

Рада слышать. Я закрыла глаза, покрывая себя сталью. Если я хотела от него правды, я должна быть готова дать ему правду. Но именно это изначально создало весь хаос в моих коробках. Коробки — как ложь, они размножаются как кролики и выскакивают из-под контроля. И все же нельзя сказать, чтобы мне ещё было что терять. Глубоко вдохнув, я открыла глаза и сказала:

— Я расскажу тебе, если ты расскажешь мне.

— Согласен.

Я молчала на протяжении долгого момента, который перетёк в долгую минуту. Затем в две. Мы собирались сделать кое-что, чего никогда прежде не делали. Вместо того чтобы поражать друг друга нашими силами, нашими лучшими качествами, здесь и сейчас, в этом странном финальном раунде игры, которую мы не могли больше вести, мы обнажали наши слабости, наши промахи. Чего я никогда не делала ни с кем. Мир достаточно часто вынюхивает твои промахи, и я вижу мало смысла в том, чтобы помогать ему.

Я медленно произнесла, желая проглотить обратно каждое слово:

— Потому что длительность горя как будто должна быть соразмерна глубине любви, испытываемой к человеку, которого ты потерял, — я помедлила мгновение, пытаясь вытолкнуть следующие слова. — И я хотела прийти к тебе вскоре после того, как умер Танцор.

Я была готова задолго до того, как он ушёл. И я убрала это в коробку, как только почувствовала это. Кто так поступает? Кто так быстро двигается

дальше? Я любила Танцора. Он заслуживал лучшего, чем такое отношение!

Риодан застыл неподвижно, уставившись мне в глаза. Он мягко произнёс:

— Ты безумная, прекрасная, сводящая с ума женщина, это потому, что ты натренировала себя жить таким образом. И это мудро. Это поддерживает тебя в живых. Это твоё единственное спасение. Ты с младых лет научилась необходимости оставлять боль позади и принимать следующее хорошее событие. Немногие люди достигают такой ясности. Продлеваемое горе — это калечение самого себя; лезвие, которое ты проворачиваешь сама в себе. Это не возвращает умерших и лишь запирает тебя в страдании. Ты исцелялась так, как должны исцеляться люди, но вместо этого они наказывают себя. За что — за то, что они выжили? Те, кого мы любим, будут умирать. И умирать. И умирать. Жизнь продолжается. Ты выбираешь, как: плохо или хорошо.

Я знала это. Головой. Но моё сердце ощущало такую колоссальную и сокрушительную вину, что я не знала, что с ней делать. С того момента я утратила контроль. Всякий раз, когда я проходила мимо Честера, говоря себе, что просто проверяю это место, это все, что я могла делать, чтобы не войти в эту дверь и не продолжить с того места, где оборвался наш последний поцелуй — когда он целовал меня так, будто я была множеством сложных вещей, которыми и являлась на самом деле, когда он показал мне, насколько полно он меня понимал. Я хотела забыть свою боль, но как бы я ни смотрела на это, это казалось равноценным забыванию Танцора, а я была той, кто помнила умерших людей, проклятье. Именно так я поступала. Я замечала невидимых людей. Я знала, каково быть одной из них. Я привыкла думать, что умру в клетке, и никто даже не заметит, что я была там. Я просто исчезну, неизвестная, неоплаканная, забытая. Иногда, ближе к концу, я гадала, не пытается ли она уморить меня голодом.

— Я не могла простить себя, — тихо сказала я. — Это было предательством любви, которую мы делили. Я отказывалась видиться с тобой, потому что знала, что я сделала бы, и я не могла разрешить конфликт. Но я бы сделала это, — с жаром добавила я. — Через несколько месяцев максимум. Ты мог бы написать мне сообщение, проверить, как у меня дела. Но ты никогда этого не делал. Ни разу, — горько сказала я. — Твоя очередь. Куда ты ушёл? И почему ты оголодал, когда вернулся?

Он слабо, невесело улыбнулся.

— Я никуда не уходил, Дэни. Я вообще не уходил. Все это время я был прямо здесь, в Дублине, под твоими ногами, под гаражом за «Книгами и

сувенирами Бэрронса».

— Что? — взорвалась я.

— Однажды ты прошла надо мной, чувствуя себя потерянной. Я пытался послать тебе мысль, но боль к тому времени была такой сильной, голод таким всепоглощающим, что я не уверен, что она дошла. Одно из двух: либо Бэрронс заточает меня в околдованной клетке, откуда я не мог сбежать, где когда-то он удерживал своего сына, либо срезать мою метку с тебя и рисковать тем, что ты можешь потеряться. Я никогда не пошёл бы на этот риск. Если бы ты позвонила мне, Бэрронс освободил бы меня. Если бы ты позвонила ЯВСД, это обошло бы сдерживающие меня заклинания.

Я уставилась на него. Он два года был заперт в клетке? Сын Бэрронса — какого черта? Я ничего не знала о сыне! Я убрала это для будущих вопросов. В данный момент я могла думать только о том, что Риодан был заперт как животное, как он был заперт давным-давно в детстве. Как я. Мы оба познали ад клеток. Я никогда бы не вернулась ни в какую тюрьму. Не могла представить ни одной причины, чтобы добровольно согласиться на два года изоляции взаперти. О Боже, все это время, пока я злилась, что Риодан оставил меня одну, он тоже был один и страдал! Он голодал, потому что два года не ел, запертый под землёй!

— Я превратился в зверя вскоре после того, как Бэрронс наложил последнее заклинание, и никогда не превращался обратно. Я знал, что это случится, когда я войду туда. Мы можем провести без еды только некоторое время. После этого пришло безумие. Я утратил ощущение времени. Отмечал моменты твоих самых интенсивных эмоций. Мой зверь бушевал всякий раз, когда ты трахалась. Мой зверь плакал всякий раз, когда ты лила слезы. Какой-то маленькой частью своего мозга я продолжал думать, что ты позвонишь, и это закончится. Я буду свободен. Мы будем свободны. Вместе.

Ужас этого заполнил моё сердце. Все это время, в ожидании моего звонка. Но я не позвонила.

— Зачем? — воскликнула я, отказываясь верить. — Я не понимаю!

Тени хлынули в его серебристые глаза, испещрённые кровавыми искрами. *«Я убил бы любого мужчину, с которым ты переспала, Дэни. Я бы оставлял за тобой след мертвецов, виновных лишь в том, что ты выбрала разделить с ними постель. Ты бы возненавидела меня за это. А я не мог это контролировать».*

— Но ты контролировал это с Танцором, — сказала я.

«Запертый под Честером. Я убил троих своих людей в ту последнюю ночь, что ты провела с ним. Того, что ты любила его и была любима в

ответ, оказалось достаточно, чтобы дать мне власть над зверем. Но похоть, ах, Дэни, этого мой зверь не может принять. Я не мог с этим бороться. Я не мог победить. Я не человек. Вопреки моей наружности, вопреки моим стараниям, я прежде всего зверь, и это не всегда поддаётся контролю. Именно это я пытался сказать тебе, когда говорил, что Лор не остался бы смотреть, как ты танцуешь. Мы знаем свои слабости. Если мы не можем их контролировать, мы их избегаем. Мы живём по жёсткому кодексу. Так было не всегда. Бэрронс разработал его и внедрил силой, и мы один за другим стали его придерживаться. Ты всегда была моей величайшей слабостью. Ты имела полное право позвать мужчину в свою постель. Я не имел права это останавливать. Я остановил себя единственным возможным способом».

Я уставилась на него и заплакала. Не уродливо, просто большие, безмолвные слезы покатались по моим щекам.

— Христос, не делай этого. Только не когда я... ах, проклятье. Закрой глаза.

Я подчинилась, потому что не могла вынести взгляда на него, зная, что не могу его коснуться. Не могла вынести выражения в его глазах, вторящего моему собственному.

Затем он обнял меня, и мои глаза распахнулись, но он не двигался с места.

— Это преимущества связи, которую мы делим. Закрой глаза, Звёздная пылинка.

Я снова подчинилась, а затем его руки оказались в моих волосах, и он баюкал мою голову, прижимая к своей груди. Я ощущала запах его кожи, чувствовала непоколебимую силу его тела.

Я открыла глаза, и иллюзия исчезла.

— Это работает только, когда ты держишь глаза закрытыми.

— Риодан, мне так жаль, — мученически произнесла я. — Если бы я знала, если бы я представляла, что это произойдёт... — я умолкла на полуслове. Мы оба впустую потратили два года. Я потратила их впустую. Я никогда не звонила. А я столько раз хотела это сделать.

Его серебристый взгляд встретился с моим. *«Ты, Дэни О'Мэлли, всегда была величайшей тайной моего существования, единственной, кого я никогда не мог предсказать. Теория стержня ничего не значит там, где дело касается тебя. Мои действия тоже могли быть не самыми мудрыми. Но происходящее ничего не меняет. Ты так чертовски прекрасна для меня — любого цвета, любой расы, любой кожи, любого вида, женщина, я буду любить тебя через все это. Если ты превратишься в Охотника, мой зверь*

и твой будут бежать бок о бок. Мы будем сражаться в войнах, спасать миры, станем легендами, — он слабо улыбнулся. — Я буду единственным зверем во вселенной, влюбившимся в дракона».

Его слова похитили мой воздух, врезались в меня болезненной смесью радости и печали. Я взяла бы себя в руки спустя мгновение.

— Как и я. Так мы и поступаем, ты и я, — тихо сказал он.

И спустя мгновение мы перейдем к решению, как спасти наш мир.

— Именно.

И может быть, спустя миллион, триллион, газиллион моментов, быть драконом, которого любит зверь, для меня будет достаточно. Но в данный момент я не могла даже начать представлять себе этот момент времени.

Однажды я ждала слишком долго и познала истинное значение сожаления. Теперь я задыхалась от горького послевкусия.

Кровоточащее. Бесконечное. Горе. Дождь. Нескончаемых. Слез^[57].

Я закрыла глаза от жгучих слез и задалась вопросом, могут ли драконы плакать.

Глава 32

В кои-то веки Гастейн был счастлив быть маленьким и не вызывающим подозрений.

Великий бог Балор сегодня был в убийственном настроении, убивал принесённые ему человеческие тела, даже не потрудившись поглотить их души — совершенно пустая трата силы! — просто чтобы он мог наслаждаться каждым моментом боли и пыток, которые он причинял им перед смертью.

Гастейн испытывал мало уважения к тем, кто реагировал эмоциями и это вместо долгосрочного плана по выживанию, это противоречило его тараканьей натуре. Выживание первостепенно. Терпеливые, аккуратные ходы как в шахматах, плюс ещё больше терпения — это гарантировало успех. Вот почему он на такой период поклялся в верности тому, кого звали Риоданом. Из всех его многочисленных союзов за все время именно этот холодный расчётливый зверь завладел его уважением. Как и таракан, зверь-мужчина выживал.

Фейри-принц был вторым близким к этому, но Круус соврал, и смертоносный ледяной огонь, который он поручил Гастейну заложить в аббатстве, повредил множество его индивидуальных частей. Один разум управлял роем его тел, и Гастейн высоко ценил каждую дополнительную часть себя. Чувствовал боль их всех. Сотни его тел носили на себе шрамы того сражения, хромали, покалечились — как Балор сейчас.

Дэни О'Мэлли ранила великого бога, заставив Гастейна гадать, не поторопился ли он с обещанием своих услуг. Крадущий души хромотал из-за открытой, рваной раны на ноге, обугленной по краям.

Тысячелетия назад Балор был одним из самых могущественных богов, ходивших по поверхности Земли, и он был милосерден. Крадущий души некогда облегчал страдания людей, ходил по полям сражений, посещал тех, кто долго умирал, изымая их души из тел, чтобы избавить их от боли медленной смерти.

Но Фейри пришли с уловками, похитили и пытали Балора целую маленькую вечность, пытаясь убить его, все это время притворяясь им перед его племенами. Фейри разрушили половину его лица в попытках извлечь этот великий убивающий глаз из его тела. Но он выскользнул из их тисков, даже с раздробленной ногой, и вернулся, чтобы оправдать каждую из ужасающих легенд о нем, которые посеяли Фейри.

Затем снова был пойман Фейри и заточен в земле.

Не существовало ныне живущего бога, который презирал бы людей и Фейри сильнее. По одной только этой причине Гастейн останется в его услужении немного дольше. Посмотрит, сумеет ли Балор использовать свой недавний провал.

— Гастейн! — проревел Балор. — Покажись!

Тихо зашипев, Гастейн собрался в небольшую голову глубоко в тени.

— Мой лорд и хозяин, как я могу служить?

— Найди её снова! Пошли свои бесчисленные тела и определи местоположение этой суки. В то же мгновение, когда ты её найдёшь, я хочу знать, где она, что она делает, кто с ней, куда она направляется. В этот раз дай мне конкретную информацию! — прорычал он.

Он не стал подмечать, что в прошлый раз он дал Балору совершенно конкретную информацию, но бог переоценил себя и недооценил свою жертву. Он ненавидел тот факт, что ему придётся оставить достаточное количество своих тел здесь, с деструктивным бушующим богом, чтобы постоянно оставаться с ним на связи. Очередной хозяин, и опять ещё больше непостоянства. Пока он не узнает её местоположение, он будет держаться от Балора подальше, оставаясь втиснутым под камни.

Прочистив горло, он проскрипел:

— Как ты разрушишь её, когда она обладает такой силой? — возможно, ему стоило заключить союз с женщиной. Любой, кто способен ранить Балора, был потенциальным союзником, заслуживавшим рассмотрения.

Балор наградил его ужасающей улыбкой острых зубов, полной ненависти и ярости.

— Почему, как ты думаешь, из всех мест я обустроил свой лагерь здесь? Преимущества бесконечны. У меня уже есть кое-что, что ей дорого до глубины души, а когда людям что-то дорого, люди терпят поражение, — он развернулся в водовороте длинных черных одеяний и прорычал: — АОЗ, собери остальных богов и приведи их сюда сейчас же. Нам давно пора пролить ад на этот мир.

Глава 33

Хочешь коснуться меня там, где...?^[58]

Позднее мы с Риоданом встретились с Кэт и Шедоном в настоящем конференц-зале под Честером, который был отделан той же гладкой смесью мускул и элегантности, что и остальная часть его клуба. Из соображения носа в его файлы во время его отсутствия я знала, что у него имелись обширные владения, и представляла, как он проводил здесь собрания, предпочитая вести свои дела приватно. Я не могла представить его входящим в банк или адвокатскую контору.

Часть ночного клуба была вновь открыта, поскольку Элириум представлял собой гору щебня, и я чувствовала мощные басы, вибрирующие под моими ботинками, пока я раздражённо постукивала пальцами в ритм «Do You Wanna Touch Me» в исполнении Joan Jett and the Blackhearts. Очевидно, кто-то назначил Лора ответственным за музыку. Очевидно, нужно, чтобы кто-нибудь вытащил его из восьмидесятых, пока он не разогнал всю клиентуру. Очевидно, они могли бы выбрать песню получше, не посвящённую людям, которые хотят, чтобы их касались. Мой единственный вариант в данный момент — это тыкать пальцем в животик Тесто-Мальчика из рекламы Pillsbury.

Когда я ранее позвонила Кэт, чтобы ввести её в курс дела с Балором, она тут же предложила вернуться в город для встречи, сказав, что у неё для нас тоже есть информация.

— Возможно, — говорила Кэт прямо сейчас, — что этого никогда не случилось бы, но Песнь усилила то, что Охотник оставил в тебе, Дэни.

— Также возможно, — сказала Энио, — что как и у Фейри, когда один Охотник умирает, должен быть рождён другой; как Кристиан и Шон заменили принцев Невидимых.

— Ещё возможно, что с Охотниками, — сказала Колин, — когда кто-то их убивает, он автоматически становится следующим.

— Это все не только неважно, поскольку что есть, то есть, но ещё и вероятно, — сухо сказала я, — что я всего лишь сделаюсь полностью чёрной и никогда не стану ничем другим. — В этом я сомневалась. Но меня тошнило от разговоров обо мне. Меня тошнило от мыслей обо мне. — Мы создали эту встречу, чтобы обсудить Балора, не меня, — напомнила я,

почёсывая руку через перчатку. Я больше не была ледяной на ощупь, но у меня случались рандомные, нерегулярные вспышки чесотки под кожей, как будто мои клетки делали то, чего мне не хотелось бы.

Я носила перчатки, была покрыта одеждой с головы до пят, и мне было чертовски жарко. Мои волосы были гладко убраны в косу, потому что я боялась, что если резко повернусь, то мои длинные волны разлетятся и убьют кого-нибудь. Святые трещащие кудри, мои волосы могли кого-нибудь убить!

Все знали, что меня не надо касаться. Не то чтобы они могли забыть, что я опасна, когда половина моей головы почернела. Обсидиановое пламя лизало левую сторону моего лица, заходя за нос. С одним полностью черным глазом и танцующим в нем слабым пламенем я выглядела прямо-таки свирепой. И прекрасной. Просто не тем и не той, кем я хотела быть.

Кэт просветила нас относительно своего времени с Кристианом и Шоном, и я обдумывала шокирующее осознание, что все мы — Мак, Бэрронс, Риодан, я, Кристиан, Шон — сидели в своих углах мира, пытаюсь разобраться с нашими проблемами. Они меня не бросали. Более того, ни один из них не ушёл бы, если бы их не вынудили обстоятельства. Мак нужно было научиться управлять силой королевы, Кристиан убил бы всех, если бы пришёл сюда, Бэрронс никогда бы не оставил Мак, а Риодан, о Боже, Риодан запер себя, чтобы дать мне свободу выбирать любовников, разобраться с собой, вырасти. *«Все, что я сделал, я делал для тебя»*, — сказал он. Спасая меня от огня в аббатстве, делая мне татуировку, предлагая спасти Танцора, помогая мне спасти Шазаму, вынуждая меня жить, когда умер Танцор, исчезая, когда я выбрала похожего на Риодана.

Я не могла сейчас об этом думать. Нам нужно было спасти мир.

Благодаря Кристиану у нас наконец была заслуживающая доверия хронология истории богов, Фейри и Людей. Когда Кэт закончила пересказ, я взяла слово и посвятила их в свою битву с Балором.

Шедон неистово просматривал книги, которые я унесла из КиСБ, пока я говорила.

— Послушайте вот это, — сказала Декла, читая вслух. — «Балор: король Фоморов, часто описываемый как гигант с огромным глазом, который несёт разрушение, когда открывается. Говорят, что будучи ребёнком, Балор уставился в котёл с ядом или заклинание смерти, варимое друидами, и пары заставили его вырастить огромный, токсичный глаз. В конце концов, он был убит Лугхом, в сражении между Фейри и Фоморами за владычество над Ирландией».

— Вот ещё одно, — сказала Дафф, читая другую книгу. —

«Демонический одноглазый бог Смерти. Захватчик, завоеватель, с одной огромной ногой...

— Как вообще кто-то может ходить на одной ноге? — спросила Сиара, фыркнув.

— У него их две, — заверила я её. — Я ранила одну из них.

— ...и одним огромным глазом...

— У него их два, — снова сказала я. — Один был намного меньше.

— ...который он использует, чтобы убивать, просто открыв его и посмотрев на кого-то».

— Так он забирал мою душу. Я совершила ошибку, встретившись с ним взглядом, и не могла разрушить контакт. Когда мы найдём его, вы не должны смотреть ему в глаза. Он носил маску, и когда он снял её, я инстинктивно посмотрела под неё.

— Вероятно, поэтому он её и носит, — сказала Аурина. — Я бы тоже посмотрела. Когда люди что-то скрывают что-либо, это усиливает твоё желание это увидеть.

— Я не думаю, что дело в этом, или это просто дополнительное преимущество, — сказала я. — Его лицо под маской сильно обезображено шрамами, но остальная его часть оказалась привлекательной. Даже красивой. У меня сложилось впечатление, что он тщеславен, себялюбив.

— Возможно, он приобрёл эти шрамы, когда смотрел в котёл с ядом, — предположила Дафф.

— Если вообще существовал котёл, — сухо сказала Кэт. — Я поискала мифы о Балоре, как только Дэни сказала его имя по телефону. Они всюду. Совершенно разные истории. Я нашла ту, что предполагала, будто он был благосклонным богом, приходившим по зову на поля сражений, чтобы посетить долго умиравших и освободить их души, чтобы им не приходилось страдать от боли смерти. Согласно этому мифу, он был сострадателен, нежно удалял их из тел и выпускал в небо.

— Что ж, сейчас он этим определённо не занимается, — мрачно сказала я. — Он сохраняет их, поглощает, использует для силы и топлива. Принимая во внимание то, что Кристиан рассказал тебе, Кэт, возможно, некогда он был милостивым богом, а то, что сделали Фейри, обратило его против нас. Вместо того чтобы использовать свой дар во благо, он использует его для себя.

Кэт сказал:

— Вопрос в том, как нам его найти?

— И как нам его убить? — сказала Энио.

— Легенды говорят, что надо забрать его глаз, — сказала Декла.

— Те же легенды говорят, что Балор мёртв, — заметила Кэт. — Кажется, это намекает на то, что способ не работает.

— Необязательно, — сказала Энио. — Дэни говорит, что у него шрамы вокруг этого глаза. Похоже, кто-то пытался, но потерпел неудачу.

— Мифы гласят, что Лугх использовал рогатку, чтобы лишить Балора глаза с помощью камня, — сказала Декла.

— Да, — парировал Кэт, — но Лугх предположительно был его внуком, а Лугх был Фейри. Наша история — сплошной хаос.

— Может, есть и более простое решение, — сказала я, взглянув на Риодана. — Ты можешь убить бога? — Девятка могла без проблем убивать Фейри. Я однажды видела, как Иерихон Бэрронс высасывает психопатичную *Синсар Дабх* из тела принцессы Невидимых и выплёвывает её. Я сомневалась, что существует что-нибудь, что они не могут убить.

Он пожал плечами.

— Я никогда не пытался. С теми немногими, что остались после того как Фейри их убили или заточили, мы заключали союзы.

Заточили. Черт подери. Я все ещё не могла справиться с новостями, что боги все это время были заточены под аббатством Арлингтон. Когда Кэт рассказала нам, я мгновенно вспомнила ту ночь на кладбище годы назад, когда сотни темных, похожих на Тени созданий поднялись из земли, и я наконец раскрыла раздражающее, не распутанное дело в своих файлах.

Я стояла прямо там, когда боги собрали достаточно силы, чтобы сбежать из своих гробниц спустя месяцы после того, как была пропета Песнь. Я смотрела, как это происходит, не имея ни малейшего понятия, чем они являлись.

Я прищурилась. Той ночью моя рука им не понравилась.

— Также возможно, что я могу убить его. Просто в следующий раз мне нужно прямое попадание в его глаз.

— Нет, — прорычал Риодан.

— Нет, — рявкнула Кэт.

— Нет, — выплюнула Энио.

Я моргнула.

— Серьёзно, ребята, посмотрите на меня. Меня больше нельзя коснуться. Вы правда думаете, что я стану сидеть сложа руки, буквально и метафорически, и ничего не делать для спасения нашего мира, чтобы мне не стало хуже? Как вообще может стать хуже? — у меня имелась вполне чёткая идея. Разница между человеком и не человеком. Но они этого не знали. Не наверняка.

Риодан встретился со мной взглядом, прорычав так, чтобы только я

могла слышать: *«Позволь в этот раз другим одолеть врага. Ты сделала более чем достаточно»*. Он резко отвернулся, но не прежде чем я уловила: *«Христос, женщина, просто побудь со мной немного, ладно? Пока ты можешь»*.

Это содрало с меня кожу живьём. Я тоже хотела остаться. Время для нас всегда было проблемой. Я сказала:

— Я буду последним средством, хорошо? Я обещаю не делать ничего, пока не окажусь совершенно вынуждена, и только если никто другой больше ничего не сможет, — это лучшее, что я могла предложить. Я знаю себя. Если я могу сделать что-то для спасения мира, и больше никто другой не может, я заплачу эту цену. Так уж я устроена.

Все в комнате кивнули, выглядя так, будто испытывали невероятное облегчение. Внутри я просияла. Они все хотели сохранить меня так долго, как это возможно.

Кэт сказала:

— Когда он пытался забрать твою душу, ты уловила какие-нибудь детали о том, где он мог устроить свой лагерь, Дэни?

— Ни черта. Он может быть где угодно. Но его шестёрки, Каллум и Альфи, сказали, что он хочет, чтобы они по какой-то причине находились в Дублине, и не разрешает им перейти в другое место. У меня сложилось впечатление, что десятки тысяч людей, возможно, сто тысяч или больше, все собрались в одном месте. Непросто спрятать армию таких размеров.

— Я уже отправил большую часть Девятки на поиски, — сказал Риодан. — Этой ночью они прочешут каждый дюйм города, а к утру выдвинутся за его пределы.

— Тем временем, мы продолжим исследования, — сказала Кэт, вставая на ноги, — и посмотрим, сумеем ли найти что-нибудь ещё.

— Ты можешь связаться с Кристианом и Шоном? — спросила я у неё. — Они могли бы охватить больше территории с воздуха, — как и я, будь я Охотником.

— Кристиан — да. Шон — нет, — сказала она. — Я свяжусь с ним.

Я сказала:

— Мы с Риоданом будем патрулировать, отслеживать ублюдков, похищающих людей. Если мы просто найдём одно из тех зеркал, это решит все наши проблемы.

— Мы не станем, — натянуто произнёс Риодан.

Прежде чем я успела возразить, Кэт согласилась:

— Дэни, я не сказала тебе, поскольку знала, что у тебя дел выше крыши, но дюжина наших Адептов пропала в прошлую субботу. Судя по

словам Кристиана, можно предположить, что Балор удерживает их в качестве сторожевых псов против Фейри. Двое против бога, которого ты описываешь, плюс армии бесчисленных контролируемых им людей — этого будет недостаточно. Наши сестры там. Я хочу задействовать в этой операции все силы.

— Она права, — прорычал Риодан. — Нам нужно место, мы выдвигаемся всеми силами. Вся Девятка, все ши-видящие, Кристиан и Шон, — он бросил мрачный взгляд на Кэт. — Исправь его грёбаную проблему, в чем бы она ни заключалась, и верни его в строй.

Она вздохнула.

— Легче сказать, чем сделать. Я пытаюсь.

— Но если я убью Балора, — возразила я, — логично предположить, что люди больше не будут контролируемыми. Это может сработать.

— Ты только что дала нам обещание, — рявкнула Кэт. — Ты последнее средство. Точка.

— Вот именно, — ледяным тоном произнёс Риодан.

— Но это может занять слишком долго...

— Дэни, заткнись нахер, — рявкнула Энио. — Мы просто пытаемся сохранить тебя в живых, понятно? Дай нам разобраться с этим. Да, это может занять больше времени. Мы все знаем, что мы не такие чёртовы супергерои, как ты. Но мы можем это сделать. Подумай об этом в таком ключе — нам придётся делать это, если тебя здесь больше не будет. А похоже, что скоро тебя уже не будет с нами! — её голос надломился, и я уставилась на неё, ошарашенная, когда жёсткие глаза воительницы заблестели от неожиданных слез. Она покачала головой, зло стирая влагу. — Боже, для такой гениальной ты иногда охренеть какая тупая. Ты все ещё не понимаешь, да? Когда ты нашла меня, ты, черт подери, меня спасла. Я сходила с ума. Ты дала мне кров, дала достойную причину, чтобы сражаться. Я не хочу тебя терять. Никто из нас не хочет, — она резко вскочила на ноги и вышла из комнаты, изливая на ходу поток ругательств.

— Ты всегда спасаешь всех остальных, — тихо сказала Кэт. — Позволь в этот раз нам спасти в тебе то, что можно.

Я не могла справиться с этим дерьмом.

Я вскочила на ноги и вылетела из комнаты.

Я мерила шагами покои Риодана, буквально выдалбливая куски шлифованного глянцевого бетона из пола с каждым шагом.

Они хотели, чтобы я ничего не делала. Праздно сидела, пока они отправятся в сражение против Балора. Я понятия не имела, как так жить. И я видела в этом мало смысла. Моё будущее неизбежно. Единственная разница между тем, обращусь я сейчас или обращусь потом — это то, что я проведу больше времени с людьми, которых я любила. Но что если ценой того, что я буду сидеть и не бороться, окажутся жизни этих самых людей, с которыми я хочу провести это время? Я никогда не смогу с этим жить!

Я чувствовала себя так, будто разрывалась надвое. Часть меня отчаянно хотела потусить как можно дольше и остаться здесь с моими друзьями, но была и другая часть меня, которая...

— Ох, черт, Дэни, признай это, — пробормотала я вслух. Часть меня жаждала растущей во мне силы. Я могла столько всего хорошего сделать с её помощью. Превращение в Охотника не стало бы моим первым выбором того, куда может повернуть моя жизнь. Более того, этого варианта вообще не было бы в списке. Но если это должно случиться, что ж, хотя бы я не превращалась во множество других более слабых, отвратительных существ, которых я убила. Охотники смертоносны, их сила — астрономическая. И я практически уверена, что они бессмертны.

Я могла всегда присматривать за своими друзьями. Вечно их защищать. Убивать Фейри, убивать любого, кто им вредит.

Затем он был там, в комнате со мной, бесшумно войдя, остановившись позади меня. Я задрожала от неукротимого болезненного осознания его как могущественного, гениального, примитивно сексуального во-всех-правильных-смыслах мужчины, который вечно двигался вне моей досягаемости.

— Любовь — единственная вещь, которой ты никогда не понимала, — тихо сказал он, — потому что её у тебя не было. Тебе не нужно спасать мир, чтобы заставить нас любить тебя, Дэни. Мы уже тебя любим.

Я взорвалась слезами, уродливо разрыдавшись.

Как он всегда знал мои секреты? Именно это я держала спрятанным в одном из своих наиболее строго охраняемых хранилищ.

Великая неуверенность Меги: Я должна быть Мегой; Я должна быть супергероем, чтобы быть любимой.

Сжав руки в кулаки, он сделал два шага вперёд, затем резко остановился. Мы оба знали, что он не мог меня коснуться.

— Христос, это нахер убивает меня, когда ты плачешь, — хрипло сказал он.

Я прорычала сквозь слезы:

— Я возьму это под контроль, просто дай мне минутку.

— Как всегда, — ровно сказал он. Я уставилась на него, поразившись потаённым чувствам в его голосе. Колоссальное уважение, колоссальная печаль. Гигантское раздражение из-за невозможности меня коснуться.

Я заставила себя дышать глубоко и ровно. Я давным-давно поняла, что синоним для «нечего терять» — это не слово «свобода».

Это «бесстрашие».

Мне нечего было терять. Ни мамы. Ни дома. Ни друзей. Ни жизни. Легко быть бесстрашной в таких обстоятельствах.

Теперь мне было что терять, и деструктивная, бушующая часть меня хотела ринуться вперёд и потерять все это разом, покончить с этим, потому что заточение меня разваливает. Как только ты потерял все, ты можешь предпринимать действия: ты либо умираешь, либо справляешься. Но до этого, пока ты смотришь, как все это катится в преисподнюю, ты не можешь ничего предпринять. Ты беспомощен, захвачен убийственным течением. Моя мама была всем моим миром, а я, заточенная в клетке, вынуждена была смотреть, как она по кусочку ускользает, а я ничего не могу сделать, чтобы это предотвратить. Я могла бы украсть для нас еду. С моими супер-навыками, я могла бы украсть деньги, мы были бы богаты. Я могла бы позаботиться о нас.

Но я вынуждена была сидеть там и смотреть, как все разваливается на части.

— Закрой глаза, — мягко сказал Риодан.

Я не спорила, лишь позволила векам опуститься, затем он оказался там, стоя рядом со мной. Я видела его, нас, как будто это действительно происходило. Я задрожала от эмоций, от желания. Я чувствовала запах его кожи, ощущала вездесущий эротический заряд его тела, когда его сильные руки скользнули вокруг меня.

Я уронила голову на его грудь и растаяла на нем как вторая кожа, упиваясь его силой, его жаром, его большим, твёрдым телом. Этот мужчина был единственной вещью в моей вселенной, которая заставляла меня чувствовать себя в безопасности.

Он потёрся подбородком о мои волосы, его руки обхватывали мою спину, и когда он начал работать над моими напряжёнными мускулами, мои слезы остановились, моё тело замерло, моё дыхание углубилось. Даже иллюзия его могла вернуть меня в отправную точку. Я задавалась вопросом, как он пережил своё детство и стал таким чертовски сильным.

«Осторожнее, — сказал он в моем сознании. — Теперь мы связаны. Ты можешь увидеть вещи, которых не хотела видеть».

— Ты знаешь мою боль. Покажи мне свою. Я хочу знать.

«Это было неприглядно».

— Как и моя жизнь.

Шумно выдохнув, он опустил свой лоб к моему в нашем иллюзорном объятии, поднял руки к моим вискам.

Годы назад мы стояли в его офисе в Честер, когда он показал мне, что, как и я, ребёнком он был заперт в клетке, терпел ужасающее насилие, сидел в земляной яме, которая была темной, влажной и холодной.

Внезапно я очутилась там. *Заточение. Запах влажной почвы и моих собственных испражнений. Меня никогда не выпускали.*

Если только он не вредил мне так сильно, что вынужден был доставить меня к его «докторам», чтобы исцелить меня, и чтобы он мог делать это снова. Это единственное время, когда я видел солнце. Я жил для тех моментов, когда он едва не убивал меня. Я начинал молить о них. Я так сильно хотел увидеть свет солнца. Почувствовать его на своей избитой коже, впитать в свои сломанные кости, ходить «там, вверху» с остальными. Солнечный свет стал синонимом моей жизни.

Он не просто передавал слова в мою голову, он каким-то образом транслировал каждый нюанс детского отчаяния, надежды, ненависти, боли. Я находилась в этой ужасной, вонючей, маленькой яме с ужасной стальной дверью надо мной, запертой так плотно, что ни одна унция света не просачивалась внутрь. Мне было холодно. Я была потеряна. Я была животным. Всем остальным дано было жить. Но не мне.

Я задрожала от интенсивности этого. Я была... ох! Как и я, он уходил в свой мозг. Больше идти было некуда. Мальчик создавал в своей голове роскошные миры, жил в них. Заново проигрывал каждую деталь замечательной, милой жизни, которой он когда-то жил, выдавая из неё то, что ему нужно было для продолжения попыток выжить.

Почему она не приходит ко мне? Почему она меня не спасает? Мучительный крик. Треск ломающейся кости.

У него не было благословения моего телевизора, моей нерегулярной матери, моих мимолётных взглядов за крепко задёрнутые шторы, когда она выходила и хлопала дверью, заставляя занавески всколыхнуться от стены — не было мира за ними, СНАРУЖИ. Лишь бесконечная, вечная тьма. Никакого стимула. Бесперывное уединённое заключение.

Как, черт подери, он не сошёл с ума?

В своём сознании я держался за свою семью. Моя мать была прекрасной женщиной, желанной всюду и всеми. Бэрронс был сыном её первого мужа. Когда тот умер, два богатых, влиятельных поклонника просили её руки. Она выбрала моего отца и быстро забеременела мной. У

меня было невероятное детство. Мои родители нас обожали. Никакой вред не касался меня. А если бы попытался, мой старший брат избил бы любого до бесчувствия. Но то было незаконное, варварское время, и мой отец был убит в сражении. Другой её поклонник пришёл вновь, решительно настроенный в этот раз заполучить её. Она никогда не симпатизировала ему, всегда боялась его, позвала друзей, чтобы встали на её сторону, умоляла о времени. Он согласился уйти, только если она разрешит ему забрать с собой её младшего сына до тех пор, как она присоединится к нему. Он назвал это моим усыновлением. Мы все знали, что я был его заложником.

Затем я увидела мужчину, тёмного и свирепого, из далёкого прошлого, и осознала, что Риодан переводит все в слова, которые я могла понять, потому что тогда люди были намного более примитивными. Богатство тогда не означало роскошный дом. Это означало обширное племя, шкуры и огонь.

Она так и не пришла за мной, потому что умерла. Бэрронс говорит, что она мирно скончалась во сне от разбитого сердца, что она не сумела вынести потерю и мужа, и сына. Я прекрасно все понимаю. Тогда женщина, не защищённая мужчиной, была добычей. Я подозреваю, что те же друзья, вставшие в тот день на её сторону, позднее опустили и убили её, захватив наши земли, а Бэрронс едва унёс ноги живым. Он поклялся, что вернёт меня. И он вернул. Но это история для другого времени, Дэни. Наше время может оказаться коротким.

На мгновение я дрейфовала, связанная с ним, ощущая его всеми органами чувств. Я никогда прежде не испытывала такой интимности, намного больше, чем соприкосновение наших тел, слияние наших сознаний. Я чувствовала его вкус: Опасность, безжалостность, свирепость, бесстрашие. И хищная, непоколебимая верность и преданность. Он был прежде всего животным, чистокровным, верным и территориальным как волк.

Семья для Риодана значила все. Он следовал за Бэрронсом через все своё существование, решительно настроенный держаться вместе. Девятка тоже стала его семьёй. Он терпеливо возвращал их всякий раз, когда они разбредались, тысячелетиями собирал их по всему земному шару, следуя за Бэрронсом, пока тот искал способ освободить своего сына, о существовании которого я не догадывалась.

Затем он показал мне сына Бэрронса, клетку, в которой он (и Риодан!) был заключён. Он также поделился со мной финальной сценой: как мучимое дитя наконец обрело покой.

Мои глаза распахнулись от шока, разбивая иллюзию нашего объятия, и я уставилась на него через разделявшее нас расстояние, которое теперь казалось слишком близким для моего комфорта. Я поспешно попятилась назад.

— Ты издеваешься? — заорала я. — Я превращаюсь в единственное создание, способное тебя убить?

Он пожал плечами, на губах играла слабая улыбка.

— Я всегда говорил, что хочу равную себе, Дэни. Похоже, я её и получил.

Я в ужасе уставилась на него.

— Если моя обнажённая кожа коснётся тебя, и я взорву тебя, ты умрёшь окончательно?

Он снова пожал плечами.

— Я понятия не имею. Однако я прекрасно могу касаться Охотника, — он сверкнул волчьим оскалом. — По крайней мере, тогда мне удастся забраться на тебя, женщина, хоть в одном смысле чёртова слова.

— Не шути в такие моменты, — прошипела я.

Серебряный лёд блеснул в его глазах.

— Мать твою, Дэни, распакуй своё чувство юмора. Это одна из многих вещей, по которым я сильнее всего скучал в тебе. К слову говоря, вот прямо сейчас ты можешь начать рассказывать, по чему во мне ты скучала больше всего. Насколько я понимаю, если ты превращаешься в Охотника, ты будешь бессмертна. Это плюс. Я не предаюсь мрачным мыслям. Это фишка Бэрронса. Но никогда не твоя и не моя.

В его словах был смысл. Были судьбы и похуже. Шазаму я, наверное, ещё сильнее понравлюсь в обличье Охотника. Мы с Риоданом сможем подкалывать друг друга целую вечность. Дракон, зверь и Адский Кот, пролагающие свой уникальный путь жить вместе.

И все же любой мужчина устанет любить дракона.

— Я не любой мужчина, — сказал он тихо, подходя к комоду с ящиками и вытаскивая длинную деревянную коробку. — Что я тебе говорил давным-давно? Адаптация — это выживание. Есть способы. Я не хотел, чтобы ты сегодня выходила на улицы, потому что я хочу, чтобы ты сделала кое-что другое. Иди сюда.

Он повернулся и подошёл к столу возле огня, где он достал из коробки предметы. Чернила. Иглы. Сложный узор, нанесённый на кусок пергамента. Когда я присоединилась к нему, соблюдая между нами осторожное расстояние, он сказал:

— Хоть я и могу создавать в твоём сознании иллюзию, которая

ощущается настоящей, ты не можешь делать этого для меня, пока мы не завершим метку. Тогда иллюзия будет реальной для нас обоих. А именно, — продолжил он на случай, если я не уловила смысл, — секс будет неотличим от реальности. Нахер неопределённое будущее. Сделай мне тату, Дэни. Позволь мне быть зверем, влюблённым в дракона. Мы все ещё можем получить все без исключения.

Я стояла там, делая нечто совершенно чужеродное для меня, думая обо всем, что могло пойти не так. Любовь оказывала такой эффект. Пудрила тебе мозг, заставляла думать о вещах, о которых ты бы иначе никогда не подумал.

Я резко помотала головой, раскидывая эти мысли. Я не приглашаю проблемы. Я приглашаю новое грандиозное приключение, а с Риоданом оно будет гарантированно столь же невероятным, сколько непредсказуемым. А если мы создадим убедительную иллюзию интимности? Для меня с моими яростно обострёнными чувствами все ощущалось исключительно реальным. Годы назад я знала, что выбрала Танцора отчасти из-за того, как сильно меня будоражил Риодан. Танцор был лёгким смехом и нормальным будущим. Риодан был бесконечным вызовом и будущим, которое невозможно предсказать. Будущее было здесь. У меня никогда не было нормальной жизни. С чего бы мне ожидать нормального будущего?

Меня наполнило неожиданное веселье. Я не теряла его, мы всего лишь изменялись, становились следующим этапом. В этом мы были хороши, я и он. Это наша сильная сторона. До меня дошло, что адаптация — это больше, чем выживание; это основа любви. Мы все менялись, каждый день, и выдерживавшие отношения — это отношения тех, что вместе оседлали волны, росли и позволяли друг другу эволюционировать. Поощряли это, даже когда это пугало. Адаптивность в отношениях — это полярная противоположность клетки. Необходимые обязательства в сочетании с необходимой свободой.

Он оседлал стул задом наперёд и снял рубашку, его спина гладко и прекрасно перекачивалась в свете пламени, и он сказал низким, сексуальным голосом:

— Ну же, Звёздная пылинка, залейми своего мужчину. Я ждал этого охереть как долго.

Своего мужчину. Мне нравилось это. Святой ад, мне это нравилось. Риодан Киллиан Сент-Джеймс только что назвал себя моим мужчиной.

— Если только ты не боишься связать себя со зверем вроде меня, — подначивал он.

Я фыркнула.

— Вот ещё. Я заклею твою задницу.

Он рассмеялся.

— Позвоночник. Там эффективнее. Но закончи её, и можешь делать с моей задницей все, что угодно. Только помни, расплачиваться придётся той же монетой.

Я выгнула бровь.

— Ты можешь пожалеть об этом, — я была одержимой вожделием, неукротимой женщиной.

— С тобой никаких запретов. Покажи мне, что у тебя есть, Детка, — поддразнил он.

Я бы поддразнила в ответ, но меня накрыло внезапной тревогой.

— Что насчёт моей крови? — ему пришлось смешать нашу кровь, чтобы закончить мою татуировку. Если моя кровь изменилась, не навредит ли она ему?

— Необязательно. Я попробовал твою годы назад.

Зная, как работал его разум, он сделал это просто на случай, если это понадобится для одной из его многочисленных теорий стержня.

— Перчатки на столе у кровати, — бросил он через плечо.

Надев перчатки, я восхищалась его широкими плечами, крайне мускулистой, татуированной спиной, крепкой подтянутой задницей и ногами. Он расстегнул брюки, спустив их на бёдрах. Боже, он был таким красивым.

Хотя бы в иллюзии я скоро сумею коснуться каждого его дюйма. Выпустить всю эту бушующую, запертую в клетке страсть, которую я сдерживала так долго. Мне не терпелось разведать, что эта связь даст нам.

Он мягко сказал:

— Интимность на таком уровне, который ты даже представить себе не можешь. Соглашаясь на это, ты должна знать — я никогда не удалю свою метку. Сделаешь это, и пути назад не будет. Мы познаем друг друга так, как неспособны ни одни люди. Ты сможешь постоянно меня чувствовать. Хорошее, плохое и уродливое, все это. Все ещё хочешь сделать мне тату, Дэни?

Я бы ни за что в мире не пропустила это приключение с ним.

Глава 34

Лучшее ещё впереди^[59]

Я всю ночь работала над татуировкой Риодана, обгоняя время, беспокоясь, что — учитывая, какая непредсказуемая у меня жизнь — что-то может случиться и помешать мне закончить метку до того, как я стану тем, чем становилась. Я сомневалась, что массивные когти Охотника способны на проворство, необходимое, чтобы скрупулёзно нанести чернила искусного многослойного заклинания на его кожу.

Мы беспрестанно говорили, заставляя друг друга смеяться, делились историями своих заморских приключений, ненавязчиво пытаюсь обскакать друг друга и смеясь над самими собой из-за этого. Риодан столь же остро осознает себя, как и я сама. Ладно, может, немного больше. Фишка в том, что нам нравится игра, которую мы ведём, и то, как мы провоцируем друг друга, мы наслаждаемся этим. И именно эту особенность мне не терпелось испытать в постели с ним. Люди говорят, что противоположности притягиваются, и это правда, так и есть — взрывоопасно и ненадолго. Я думаю, что в долгосрочной перспективе преуспевают те, кто обладает схожими умами и сердцами.

Позднее тем же утром, когда я нанесла последние линии татуировки, я резко втянула воздух. Я ощутила мгновенную, лёгкую и все же вездесущую связь с ним, которую я не могла описать словами, повсеместное осознание его на клеточном уровне.

— Вот как ты всегда чувствовал себя с тех пор, как сделал мне татуировку?

— До определённой степени. Теперь, когда мы оба носим метки, это сильнее, — сказал он, поворачиваясь на стуле лицом ко мне. — Ты чувствуешь связь с энергией самой моей сущности, за неимением лучшего выражения.

Его «энергия самой сущности» включала в себя ошеломительное количество неукротимой сексуальности и тщательно сдерживаемого голода. Голода до всего: больше жизни, больше секса, больше игрушек, больше приключений. Он на тысячу процентов радовался быть живым. Все время. Как я.

— Ты на поверхности. Теперь ты всегда будешь чувствовать меня.

Думай об этом как о мосте между нами. Мы можем оставаться каждый на своей стороне, как сейчас, или же мы можем перейти мост, входя друг в друга до определённой степени. Уважение первостепенно. Если ты воспротивишься моему присутствию в любой момент, я отступлю. Ты имеешь право на свои секреты. Ты выбираешь, что позволяешь мне видеть. Такая интимная связь может быть прекрасной или ужасной. Никогда не брать, лишь просить, никогда не принуждать, лишь предлагать, уважать границы.

«Всегда», — безмолвно поклялась я. Такой доступ был привилегией, которую нельзя принимать как данность или эксплуатировать. Я простёрла свои чувства и, когда он позволил мне копнуть глубже, я снова ахнула.

Он был всюду вокруг меня, великое, большое, сексуальное одеяло Риодана, окутывавшее мой разум. Ощущалось все так, будто я соскальзывала глубже в него, не понимала его словами, а ощущала его вкус каким-то безымянным чувством. Познавала его нюансы. Здесь не было лжи или обмана; все было открыто, неукротимо, лишь то, что есть; хорошее, плохое и уродливое. Неудивительно, что он сказал, что мы узнаем друг друга более интимно, чем любые другие люди!

Его вкус вызывал зависимость. Он горд, силен, часто за свою жизнь бывал королём, решителен, отчаянно сосредоточен на важных для него вещах и яростно защищал их. Но он прав, он в первую очередь зверь, во вторую — человек. Я бы не поверила в это до текущего момента, так безупречно Риодан носил свою шкуру человека. Его зверь был свирепым, первобытным, его законы служили исключительно ему самому, бесконечный рёв в нем гласил: Я КОРОЛЬ ЭТИХ ГРЁБАНЫХ ДЖУНГЛЕЙ. ВСЁ МОЁ. Я ХОЧУ ЭТО ВСЁ, ПОСТОЯННО. Его зверь был древним, безжалостным, прожорливым, жаждал всего чувственного и немедленно удовлетворяющего, и он совершенно не имел...

«Осторожнее... уверена, что хочешь это знать?» — тихий смешок прокатился в моем сознании.

— Совести, — поражённо произнесла я. — Боже правый, твой зверь абсолютно не имеет морали, совести или этики. Даже близко ничего такого.

— Лишь те правила, которые создаю и внедряю я сам. Это бесконечная битва, — он сверкнул хищной, яростной улыбкой. — Но бывают времена, например, на войне, когда мне удаётся выпустить зверя на свободу.

Он любил эти времена. Чувствовал себя неотделимым от собственной шкуры в кои-то веки. И все же всегда жаждал вернуться к мужчине и его

миру, тем, кого он выбрал своей семьёй.

— Дэни, я чувствую в тебе Охотника, — тихо сказал он.

— И?

— Он прекрасен.

«Ещё один раз, — не сказал его серебристый взгляд. — Это все, что у тебя есть».

А я не сказала: «Тогда я никогда им не воспользуюсь».

А он не сказал: «Спасибо тебе за это».

Потому что мы оба знали, что я воспользуюсь этим, когда понадобится. Точно так же, как мы оба знали, что он нырнёт в незаконного монстра в следующий раз, когда представится возможность.

Мы — то, что мы есть, и ничто не могло этого изменить.

Любовь не строит клетки. Она воздвигает лестницы к небесам.

— Закрой глаза, — тихо сказала я, готовая испытать, насколько близки мы можем быть. Когда он подчинился, я сосредоточилась на связи между нами, запирая все в комнате своей ментальной хваткой, воссоздавая нас в уединённом пространстве, в своём сознании, и закрывая глаза.

— Христос, тебе так легко это даётся, — хрипло произнёс он. — Я здесь, с тобой.

Из-за того, как я научилась использовать свой мозг, воссоздавать реальность в сознании было для меня естественно. Я жадно подошла к нему, оседлала его колени и обвила руками шею, уставившись на него. Сексуальный, поразительно умный мужчина и заноза в заднице, и он весь мой. Грёбаный ад, он не солгал, я ощущала каждый дюйм его тела, неотлично от реальности.

— Я тоже чувствую это теперь, когда мы оба заклеены, — хрипло сказал он. — Прежде я не мог, — его руки скользнули вверх от моей талии, остановившись у изгиба груди, большие пальцы приподнялись, чтобы пройти по моим соскам. Я прерывисто втянула воздух, дёрнувшись от эротичного контакта. — Христос, ты невероятная.

Это было так убедительно, что я гадала, возможно ли забыть, какая из версий событий была истинной. В реальном мире он все ещё один сидел на своём стуле, пока я стояла в нескольких футах от него. Я испытала свою способность переключаться между реальностью и иллюзией, поражаясь тому, что находила их неотличимыми друг от друга. Уму непостижимо.

— Тащи свою задницу обратно. Потом попрактикуешься в технике, — прорычал он. — Мать твою, женщина, поцелуй меня.

Я собиралась поцеловать его взрывом неукротимой, давно подавляемой страсти, но когда я поднесла руки к его лицу, они с

благоговением встретились с его кожей. Я думала, что утратила способность коснуться его, почувствовать колючесть его бородки под моими ладонями, скользнуть пальцами в его волосы. Это неожиданный дар. Я опустила губы к его рту и коснулась легонько, дразня, покусывая, упиваясь напряжением, спиралью свернувшимся в его теле, зная, что он хотел жёстко и свирепо, и я дойду до этого буквально через мгновение, но грёбаный ад, дразнить этого мужчину сексуально — этого я жаждала...

Мой телефон издал сигнал.

— Игнорируй его, — прорычал он.

Я не могла. Мне нужно было хотя бы посмотреть. Если бы в нашем мире царил покой, я бы выключила его. Но все не так, и это могло быть важно, так что я со стоном переключилась обратно в реальность, вытащила телефон из кармана и взглянула на него.

«Твоя фамилия — О'Мэлли?»

Это было от Рошин. Я вздрогнула. Со всеми этими событиями в своей жизни я не заглянула её проведать.

«Да, а что?»

«Мне нужно с тобой поговорить. Тебе кое-что нужно знать».

«Я позвоню тебе».

«Нет. Мне нужно тебя увидеть».

Я шумно вздохнула одновременно с Риоданом и удивлённо взглянула на него.

— Ты видишь её сообщение?

— Нет. Я уловил лишь то, что кто-то хочет тебя видеть, и ты приняла решение идти, тогда как долю секунды назад у тебя на уме не было ничего, кроме секса. Что бы там ни было, — мрачно сказал он, — давай покончим с этим.

— Это определённо все упрощает. Ты понимаешь, когда...

— Твоё упрямство взбрыкивает, — прорычал он. — Мы оба будем знать, когда спорить бесполезно.

— Это экономит столько...

— Значит, больше времени трахаться, — промурлыкал он, поднимаясь с кресла.

— Ты теперь начнёшь заканчивать все...

— Высока вероятность. Скоро ты перестанешь говорить.

Святой ад, мне это больше не нужно!

«Ты и я, горошины в этом твоём калейдоскопичном, безумном Мега-стручке». Он сверкнул одной из своих редких полноценных улыбок, сияющих радостью.

От этого у меня перехватило дыхание. Возможно, эта история зверь/дракон могла действительно сработать.

«*Никогда не сомневайся*», сказал он в моем сознании, когда мы направились к Рошин.

Я рада была слышать звуки множества отпирающихся засовов, когда написала Рошин и сообщила, что мы стоим снаружи её квартиры, что я привела с собой компанию, и чтобы она приготовилась: я выглядела несколько иначе.

И все же, полагаю, никакое предупреждение не могло подготовить её к моему виду. Я получила достаточно шокированных, поражённых и испуганных взглядов по дороге сюда. И задирала подбородок выше, добавляла вальяжности в свою походку. На мой взгляд, я выглядела не страшно; вороное как у Охотника и обсидиановое пламя смотрелось на мне хорошо. Я считала, что выглядела прямо-таки опасно и до странного горячо.

Тихий смешок в моем сознании. «*Так и есть*», согласился Риодан.

Я послала ему бессловесную улыбку в ответ.

«*Сексуальная в любой форме, Дэни. Женщина или дракон*».

«*Взаимно, крутой чувак*».

Ещё больше смеха, хриплого с откровенно сексуальным подтоном. Я задрожала. Мне не терпелось добраться до него своими иллюзорными ручонками.

По дороге сюда я осознала, как что-то в глубине меня изменялось, трансформировалось из гусеницы в чёрную бабочку с кожистыми крыльями. Я чувствовала лёгкие изменения в моем мозгу, за которые не совсем могла ухватиться, но ощущалось все так, будто инертные участки серого вещества пробуждались, полыхали новыми нейронами. Я чувствовала как никогда много неукротимой энергии, льющейся в меня. Я ненавидела, что изменения забирали меня у моих друзей, но учитывая то, что мы с Риоданом могли делать с нашей связью, и силу, которую я вскоре получу, моя неизбежная трансформация была скорее горько-сладкой, нежели полностью горькой. Он любил меня. Он будет любить меня, чем бы я ни стала. Я любила его таким же образом. Любовь не всегда приходит в аккуратненькой упаковке.

— Что, бога ради, с тобой случилось? — Рошин ахнула, напряжённо всматриваясь в меня.

— Издержки профессии, — сказала я, когда мы вошли внутрь квартиры, и не сумела сдержать нотку раздражения в голосе. В нашем мире не существовало правил уже долгие годы. Кто знал, что убить Охотника означало стать им? Кто вообще мог предположить такой поворот событий? Прошло примерно от семи до девяти лет с тех пор, как я его зарезала. Что за трансформация занимает так долго времени? Я спросила: — Как твоя спина?

— Заживает. Ублюдки тащили нас по улице, — натянуто сказала она. Я моргнула.

— К зеркалу?

Пришла её очередь моргать.

— Да. Откуда ты это знаешь?

«Балор забрал её? — сказал Риодан в моем сознании. — И она унесла ноги?»

«Похоже на то. Как это удалось такой миниатюрной женщине безо всякой видимой магии?» Рошин я сказала: — Расскажи мне все.

Рошин, её отца и брата похитили четверо мужчин примерно неделю назад. Они вломились в их дом, выстрелили в них парализующими дротиками, протащили по улице, сбросили в груды других тел возле зеркала, затем вернулись на улицы, чтобы собрать ещё больше.

Но её похищение приняло более мрачный оборот, чем моё. Забравшие их мужчины были садистами, насилловавшими и мучившими своих пленников. Они сломали ноги её отцу и сильно избили её брата, пока она беспомощно лежала, и её раз за разом насилывали.

«Я нахер убью каждого из этих мудаков», — прорычал Риодан в моем сознании.

«Ты и я, вдвоём», — мрачно вернула я.

В конце концов, они транспортировали их через зеркало и добавили их тела к растущему холму парализованных, измученных людей.

— Это походило на фильм ужасов, — хрипло сказала она. — Я не могла пошевелиться. У меня болело все тело, я видела только то, что прямо передо мной. Я не могла даже перевести взгляд. Я слышала разговоры людей, — она задрожала. — Вещи, которые они говорили, были ужасными. Они ненавидят людей и планируют стереть нас с лица земли. И они не Фейри.

— Почему ты спросила, не ношу ли я фамилию О'Мэлли? — сказала я.

— Потому что тот, кто стоит за всем этим — они называли его Балор — хочет заполучить тебя. Это я услышала прямо перед тем, как заползти обратно в зеркало. Он послал на твои поиски отвратительного маленького монстра, который может дробить себя на тараканов. Балор сказал, что придёт за тобой лично.

— Папа Таракан! — воскликнула я.

— Ублюдок продолжает менять союзников, — произнёс Риодан, выругавшись. — Я убью этого мудака раз и навсегда.

— Я видела таракана в своей душевой несколько ночей назад, — сказала я ему.

— И ты только теперь говоришь мне об этом?

Я пожала плечами.

— Я никогда не уверена, вдруг они просто тараканы. Не могут же они все быть Папой Тараканом.

— Так и есть, — прорычал он.

Я нахмурилась на него.

— Ты хочешь сказать, что каждый таракан на всем свете...

— Да. И он умрёт, когда я в следующий раз увижу хоть одного Рошин уставилась на нас.

— Вы, ребята, уже знаете все это?

— Не все, — сказала я. — Как ты сбежала?

— Из-за Гастейна — так Балор назвал тараканьего монстра. Балор только что убрал парализующее заклинание с нескольких из нас, когда Гастейн вмешался и отвлёк его, — её глаза наполнились слезами. — Я могла двигаться, но мой отец и брат оказались слишком травмированы, чтобы сбежать, — слезы покатались по её щекам, и она зло стёрла их. — Они продолжали кивать головами в сторону зеркала, говоря мне уходить.

О Боже, как оставить людей, которых ты так любишь; и все же как остаться? Нет смысла оставаться. Или один из вас выживает, или вы все умираете. Это в любом случае ужасный выбор с полными боли результатами.

— Мне так жаль.

— Я должна была уйти. Это единственный шанс, который у них был. Я должна была вернуться и выяснить, как их спасти. Но когда я вернулась, я не могла... я просто не могла функционировать, и ты нашла меня и привела сюда, и я проспала несколько дней.

— Ты была в шоке, — сказала я ей. — Твои глаза остекленели. Ты прошла через ад, и требуется время, чтобы собраться с силами. Думаю, ты сделала это в рекордное время.

— Прошло шесть дней! — воскликнула Рошин. — Кто знает, что случилось с ними за это время!

— Ты сделала все, что в твоих силах, — тихо сказала я. — Я видела, какой сломленной ты была. Теперь мы здесь, и мы доберёмся до ублюдка, который это сделал. Я тебе обещаю.

— Опиши нам, где он был, — приказал Риодан. — Не опускай ни единой детали.

Она начала дрожать, заговорив и потирая себя руками, как будто прогоняя мороз, пробиравший до костей.

— Мы были в какой-то огромной пещере. Там были... я не знаю, тысячи, может, десятки тысяч людей, но они были... не в порядке. Они были пустыми, выглядели почти оголодавшими, как контролируемые марионетки, двигались отрывисто, и они беспрестанно напевали, снова и снова повторяя имя Балора. Он собирает армию людей, каким-то образом контролируя их.

— Он забирает их души, — мрачно сказала я. — Он пытался забрать мою.

— Он уже пришёл за тобой? — воскликнула она.

Я кивнула.

— Как ты сбежала?

Я слабо улыбнулась.

— У меня есть немного уникальных талантов. Возвращаемся к пещере, расскажи нам больше.

Она вздохнула.

— Она походила на те пещеры под Бурреном, но я видела туннели, расходящиеся во все стороны. У меня сложилось впечатление, что мы глубоко под землёй, — она покачала головой. — Нет, это не совсем так, они выглядели скорее... как коридоры, проложенные давным-давно. Высокие, сделанные из каменных блоков, с высокими округлыми арками. В главной пещере были огни и сотни древних на вид факелов, всюду встроенных в стены, исчезающих в дали коридоров.

— Металлические крепления? — спросила я, руками в перчатках показывая в воздухе схему. — С тремя палками-основаниями, сходящимися в чаше размером с мой кулак, где горит огонь?

— Да, откуда ты это знаешь?

— И эти три основания образуют что-то вроде клевера? — потребовала я.

— С изогнутым листком, — сказала она, кивая.

Она надо мной издевается, черт подери?

— Все ощущалось так, будто ты находишься скорее в подземном городе, чем в пещере? — натянуто сказала я.

Она снова кивнула.

— Да. Именно это я пыталась сказать. Это не было похоже на естественную пещеру, скорее на нечто тщательно спланированное...

— Грёбанный проклятый ад, этот ублюдок под аббатством! — взорвался Риодан.

— Каким аббатством? — сказала Рошин.

Я бросила на неё мрачный взгляд.

— Когда Балор пробудился, он никуда не уходил. Он оставался в единственном месте, в которое, как ему известно, Фейри не придут. Наращивал свою армию, поглощал силу прямо под нашими чёртовыми ногами. Вот как он получил наших ши-видящих. Они не были похищены в Элириуме. Он или забрал их на обратном пути поздней ночью, или просто поднялся и схватил их, пока они спали. Этот сукин сын планировал получить достаточно силы, чтобы разрушить нас всех, и все это под нашей защитой, а потом он убил бы нас и направился за Фейри!

— Но разве вы не слышали бы напевы и крики? — спросила Рошин.

— Учитывая, как глубоко простирается наш подземный город, нет. Я даже сомневаюсь, что мы слышали бы его в пещере, где когда-то содержалась *Синсар Дабх*, если дверь заперта. Там все из прочного камня, и большая часть толщиной в дюжины футов.

«Будь проклят Шедон, не разрешавший исследовать Низ!» — подумала я, вытаскивая телефон и стремительно отправляя Кэт смс:

ВЫВЕДИ ВСЕХ ИЗ АББАТСТВА. МЫ ДУМАЕМ, ЧТО БАЛОР ПОД НИМ.

— Я тоже иду, — мгновенно сказала Рошин.

— Ты нас замедлишь, — отрывисто сказал Риодан.

Я согласилась с ним на этот счёт, о чем и сказала ей.

— Сиди тихо и жди. Я обещаю написать тебе, как только мы его убьём. Мы найдём твою семью, Рошин, я обещаю.

Я не сказала ей о своих опасениях, что мы, скорее всего, ничего не сумеем для них сделать. О Балоре у меня сложилось впечатление, что как только ты теряешь свою душу, то все кончено. Души — это не маринованные огурчики, которые можно запихать обратно в банку. Особенно так брутально, как он пытался выдернуть мою душу из тела. Плюс ещё этот аспект уничтожения личности, как только он их заполучал. Он ощущался как массивный измельчающий блендер, разрушающий души до базовых питательных веществ, чтобы кормить себя, будто люди были его

протеиновым порошком.

Пока мы выходили из квартиры, Риодан послал сообщение Кристиану, второе — Лору, говоря им и другим встретиться с нами в аббатстве, а третье сообщение — Бэрронсу, хотя я сомневалась, что он к нам присоединится. Защита Мак от нападения Фейри была первостепенной.

Мы справимся. Так или иначе.

«Ты обещала. Ты последнее средство, Дэни», — натянуто напомнил Риодан.

Я кивнула.

«Я это слышал», — рявкнул он.

Я слабо улыбнулась. «Не слышал. Я этого не говорила. Границы, помнишь?»

«Ты, черт подери, почувствовала это».

«Нам придётся установить ещё несколько правил, — легко сказала я. — Одно из них — ты не можешь взваливать на меня ответственность за мои чувства, если я их не озвучиваю». То, что он уловил — это моё непоколебимое чувство неизбежности. Как будто в этот день то, что вот-вот должно было случиться, нацелилось на меня, давно пытаюсь столкнуться со мной, и оно было... ну, я не верю в судьбу, но я верю в действия и реактивные действия. Годы назад я совершила действие. Его результаты напали на меня как пять ураганов-кошек, чей курс невозможно изменить.

Я была готова. Что бы ни случилось. Следующее приключение.

«Бесстрашная как всегда». Я чувствовала его тепло, его уважение, его постоянную, неизменную любовь.

«Я не умею быть другой».

«В этом ты похожа на нас. Превращение в зверя должно было стать проклятьем. Но если бы я мог вернуться в тот день и сделать выбор заново, я сделал бы то же самое. Жить вечно вот так? Да, черт подери».

Я ахнула. Он никогда не говорил со мной о своём происхождении. «Это означает, что однажды ты мне расскажешь?»

«Скажи, по чему во мне ты скучала», — увернулся он.

«По всему, — призналась я наконец. — Половина красок исчезла из моего мира, и я не могла нормально дышать, пока ты не вернулся».

«Скажи это, Звёздная пылинка. Я хочу это услышать».

«Я люблю тебя, Риодан Киллиан Сент-Джеймс. Под любым именем, в любой форме. Всегда».

Чистая радость полыхнула в моей душе, согревая меня до основания.

Втиснувшись под плинтус в гостиной комнате квартиры, один из бесчисленных тараканов, наводнивших каждый укромный уголок и щель в Дублине, выставил усики и послал безмолвное сообщение своим частичкам в пещере, позволяя Гастейну узнать благодатные новости — женщина, которую искал Балор, найдена.

И направляется напрямиком к нему.

Глава 35

Я прокляну звезды, забравшие тебя^[60]

Балор уже захватил аббатство к тому времени, как мы туда добрались.

Мы изначально направлялись к главным воротам, но примерно за полмили мы услышали напевание тысяч зомби Балора и описали круг, чтобы зайти сзади. Мы бросили Хаммер за высоким лабиринтом живых изгородей, где теперь присели сами, вместе с Лором и остальной Девяткой, которые уже находились в зверином обличье.

Мы прошли вдоль края крепости к битве, бушевавшей впереди на газоне. Это слишком напоминало мне другое сражение, между нами и Фейри, когда я расклеилась и понеслась обратно в горящее аббатство, чтобы спасти мягкую игрушку. В ночь, когда Риодан обгорел до костей, чтобы спасти меня.

Газон заполнила почти тысяча ши-видящих, которой противостояло почти в десять раз больше зомби Балора, они прорубали и пролагали себе путь через толпу. Это было ужасно, люди сражались с пустоглазыми людьми, и я знала, что каждая ши-видящая борется со своим внутренним инстинктом, чтобы сделать это. Мы запрограммированы убивать Фейри и защищать людей. И все же эти люди являлись крепко контролируемыми машинами для убийства, которые Балор выпустил на нас с приказом уничтожать.

Сам Балор тоже был на газоне — грёбаный ад, он был огромен! Выше двадцати футов ростом, обволакиваемый черными клубами, грузно продвигающийся через толпу, маска сдвинута вверх, огромный глаз выставлен напоказ, когда он нагнулся, поднял ши-видящих в воздух в руке, как будто они были куклами, выпил их души, затем отбросил на землю, как сломанные игрушки.

Я зарычала, сжимая руки в кулаки. Я ни за что не останусь в стороне от этого сражения. Я ринулась вперед и тут же почувствовала, как рука Риодана смыкается на моем запястье подобно кандалам.

«Ты обещала».

«Мои сестры умирают!»

«Дай нам шанс».

— Убить его! — прорычал Риодан. Он ринулся вперед, мгновенно

трансформируясь, и восемь зверей влились в сражение, полные решимости прикончить Балора.

Хмурясь, сжимая кулаки, я оставалась приклеенной к краю аббатства, задержав дыхание, чувствуя неукротимую силу, перекаत्याющуюся во мне, требующую быть использованной, требующую, чтобы я сделала то, ради чего была рождена.

«Я это слышал, — прорычал он. — *Оставайся на месте*».

Затем Девятка кинулась из ниоткуда, взметнувшись в воздух и приземлившись на титанического бога, разрывая смертоносными клыками его плоть.

Я знала, который из них был Риоданом, теперь я его чувствовала, и на моих глазах он бросился в воздух и нацелился прямо на лицо Балора, хищные челюсти распахнулись невероятно широко, сомкнувшись на плоти бога и глубоко вонзая клыки.

Балор взревел, пинаясь и махая руками на многочисленных зверей, разрывавших его, зарычал от ярости и боли. Внезапно он сосредоточился на одном лишь Риодане, сомкнув огромные руки вокруг его горла и стиснув.

Моё сердце сжалось. Я чувствовала боль Риодана от того, что эти массивные кулаки сдавливали все крепче и крепче. Казалось, будто я тоже не могу дышать. Я чувствовала, что то, что обычно делал Риодан для убийства Фейри, не работало на Балоре.

«Убирайся от него сейчас же! — прогрохотала я в голове Риодана. — *Убери от него всю Девятку. Это не работает!*»

Но Риодан ещё глубже погрузил клыки в лицо Балора, вопреки ужасающему ощущению удушья, от которого он страдал, игнорируя меня, и я внезапно поняла, что он пытается вытянуть из бога всю жизненную силу, как Бэрронс высосал *Синсар Дабх* из тела принцессы Невидимых, и в тот же самый момент я поняла, что это не работает. Из чего бы ни были сделаны боги, они не такие как Фейри.

Девятка не могла их убить.

Это меня не удивило. Меня весь день не оставляло странное непоколебимое ощущение предреченности.

Я готова была поспорить, что могу убить его.

Я глубоко и медленно вдохнула, принимая свою силу, взывая к Охотнику внутри, заманивая, приветствуя его с распростёртыми объятиями. «*Наполни меня, возьми меня, я готова, — пожелала я. — Любой ценой*».

Энергия врезалась меня как кулак в сердце, и все моё тело

ощетинилось электричеством. Я не могла выстрелить по богу со всеми этими зверями, блокирующими мне путь, не зацепив одного из них, и хоть они вернутся, если их убьёт Балор, существовала высокая вероятность, что они не вернутся, если я ударю по ним зарядом Охотника.

«Убери всех от Балора, — зарычала я на Риодана. — Сейчас же, я сказала!»

Я чувствовала каждую эмоцию, которую он ощущал. Ярость, горе, гнев, печаль, отрицание.

Он не сказал *«Я буду скучать по твоему прекрасному телу»*, хотя я это почувствовала.

А я не сказала *«Я боюсь, что ты не будешь любить дракона»*, хотя он это почувствовал.

Мы оба слишком прагматичны для этого. Мы делаем то, что должно быть сделано.

Когда Девятка спрыгнула, когда Риодан вырвался из хватки Балора, я перестала быть тихоней у стенки, которой я просто не могла быть, и вошла в сражение с огнём в моей крови, войной в моём сердце и экстремально высоким напряжением в моих венах.

Мой первый разряд молнии ударил Балора в грудь, отбросив его назад и едва не сбив с ног.

Сила внутри меня теперь ощущалась настолько могущественнее! И я знала в глубине души, что в этот раз пути назад не будет. Никаких вторых шансов. Я буду Охотником, когда это закончится.

Взревев, Балор стремительно развернулся ко мне лицом, пронзил этим смертоносным, высасывающим душу взглядом и начал тянуть мою душу.

К моему удивлению, ничего не случилось. Я даже не чувствовала, как он пытается её отнять. Я переместилась за пределы его досягаемости. Полагаю, я была уже не совсем человеком.

Я увидела выражение изумления на его лице и рассмеялась, подходя ближе, отбрасывая его зомби с дороги. Я выпускала в него разряд за разрядом, в грудь, в лицо, опаливая и обугливая его, и все же этот проклятый глаз оставался нетронутым.

Затем ублюдок опустил маску обратно на лицо, и я услышала слова Риодана: *«Этого недостаточно, Дэни. Ты не отпускаешь. Ты должна отпустить все. Стать следующим этапом»*. Он не сказал *«Отпусти меня»*, но я слышала это, и он был прав. Крошечной частью себя я все ещё сопротивлялась, не желая становиться тем, что навеки разлучит меня с моими любимыми людьми.

Я должна была полностью принять трансформацию, принять тот

факт, что я умираю, чтобы смогла родиться новая я.

«Люблю тебя, Звёздная пылинка. Всегда. Через время и пространство. Никакого конца. Новые начала».

Печаль затопила меня. Это не то, что я планировала. Это не та жизнь, которой я хотела для себя. Я зло смахнула слезы, застывавшие на моих холодных черных щеках.

«Новые начала», послала я обратно через нашу связь вместе с бессловесным выражением того, что я чувствовала к нему. Что я всегда чувствовала к нему.

Он резко вдохнул и выругался, *«Дерьмо. Черт. Проклятье, женщина. Ты показываешь мне это сейчас!»*

Сейчас или никогда. Каждая потраченная впустую секунду потенциально означала душу ещё одной ши-видящей. Я запрокинула голову и взметнула руки к небу, призывая силу с небес. Я балансировала на грани становления чем-то иным, чем-то настолько чужеродным, что я даже помыслить себе не могла. Но время пришло, и это моя судьба, и звезды ждали. *«Я ОХОТНИК! — безмолвно взревела я. — Я ПРИНИМАЮ. Я ХОЧУ ЭТОГО. Я ВВЕРЯЮ СЕБЯ».*

Моё тело взревело неукротимым высоким напряжением, я стала высоким напряжением, я дрожала электричеством немислимой силы, сосредоточила его и запустила в глаз Балора одним яростным ударом.

Голова бога взорвалась дождём из...

Глава 36

Я бы всегда открывала дверь,

всегда смотрела на верхние этажи^[61]

ЗВЁЗД.

Миллионы, может, триллионы звёзд мерцали на бескрайней, бесконечной чёрной палитре.

Я парила на сверхсветовой скорости, направлялась прямым курсом к фантастическому розовому, золотому, пурпурному и оранжевому скоплению туманностей.

В этот раз все было иным. В прошлом я всегда чувствовала себя странно лишённой тела.

Теперь нет. Я согнула руку и посмотрела вниз. У меня было что-то вроде копыта с черными когтями. От него шёл пар, как от сухого льда, оставляя за мной след сверкающего инея. Я обернулась назад и просто таращилась на протяжении одного долгого момента.

У меня было тело огромного, чёрного, кожистого и чешуйчатого, ледяного, величественного дракона.

Святой ад, я была Охотником.

Я посмотрела влево и вправо, чтобы увидеть мои прекрасные крылья. Хоть я и знала, что это случится, знать — это не то же самое, что видеть.

Я больше не была человеком. И никогда больше не буду. Теперь это моё тело.

Я сосредоточилась на сгибании одного из моих крыльев. Оно не просто подчинилось — это едва не послало меня в штопор. Я резко выпрямила его и вышла из падения за мгновение за столкновения с проплывавшим мимо маленьким метеором.

О Боже, я была в космосе.

Я была Охотником.

Это слишком сложно переварить. Меня слишком быстро выдернуло из одной реальности и зашвырнуло в другую.

Моё тело исчезло. Мои рыжие волосы, мои руки, мои ноги, все. Просто исчезло. Навсегда. Я никогда больше не зашнурую кроссовки на ногах. Никогда не скользну в сексуальное платье и не надену высокие

каблуки. Никогда не буду обжираться «Поп-Тартс» и не получу доступ в свой сорт потока. Никогда не приласкаю Шазама рукой.

Говорят, мы смиряемся со смертью в несколько этапов. Я всегда думала, что расхожусь в голос и бесстрашно кинусь навстречу, но сейчас я впервые в жизни чувствовала себя совершенно нормальной и мгновенно нырнула в отрицание.

— Я не могу быть этим. Пошлите меня обратно! — мои слова прозвучали как низкий, резонирующий удар гонга, вовсе не как слова. Где были Охотники? В прошлом они приходили. Почему теперь их всех здесь не было?

Злость подняла свою яростную рыжую голову.

— Вы не можете сделать этого со мной! У меня была жизнь!

Тишина.

На случай, если они находились неподалёку, подслушивая, я перешла к следующей стадии: торги.

— Пожалуйста! Мне просто нужно ещё раз увидеть Риодана, и мне нужно сказать Шазаму, что случилось! Я не готова!

«Тебя бы здесь не было, если бы ты не была готова».

Голос эхом отразился в моей голове, и я повернулась, увидев гигантского чёрного Охотника, опустившегося и подстроившегося под мою схему полёта рядом со мной.

Огромный Охотник! В двадцать раз больше меня. Я была крохой в сравнении с ним.

Он фыркнул от смеха. *«Ты только что родилась. Чего ты ожидала? Пройдут тысячелетия прежде, чем ты полностью вырастешь».*

Я моргнула, страдая от умопомрачительного непонимания. Часть меня все ещё была человеком, там, на Земле, вырванной с поля битвы, отчаянно желающей знать, сумела ли я убить Балора, отчаянно желающей увидеть Риодана и Шазама, знать, кого из своих сестёр я потеряла. Другая часть меня была просто ошеломлена, пытаюсь осмыслить и принять, что я теперь была Охотником. У меня было новое тело, которое, к счастью, кажется, инстинктивно понимало, как лететь.

— Куда девалось моё другое тело? — прогрохотала я.

Охотник выпустил завиток пламени. *«Глупый вопрос. Часть тебя».*

— Мне нужно знать, убила ли я...

«Балор мёртв».

— Откуда ты знаешь?

«Я наблюдала за тобой».

Я повернула свою (драконью!) голову и всмотрелась в пламенный

оранжевый взгляд.

— Зачем?

«Защищала тебя. Мы высиживаем наши яйца».

— Я не яйцо, — возмущённо сказала я.

«Ты была им. Теперь ты Охотник».

— Ты хочешь сказать, потому что я убила его? В этом суть — если кто-то убивает Охотника, они должны стать им?

«Должны? Едва ли. Охотник — это привилегия. Мы не рождаем детей. Мы выбираем их. Наши избранные затем должны выбрать, становится одним из нас или нет. Ты могла уйти от этого в любой момент. Ты выбрала этого не делать».

Я моргнула, обдумывая это и не имея возможности возразить. У меня есть фатальный изъян: больше оружия для защиты моего мира соблазняет меня. Я жаждала колоссальной силы Охотника. Меня манила возможность таких астрономических приключений. В глубинном, бессловесном месте внутри я испытывала неутолимое любопытство из-за того, что со мной происходило. Это всегда было одним из моих слабых мест, ведших меня из одной экстремальной ситуации к другой.

За последние два года, когда мне было так одиноко, я с головой нырнула в превращение.

Но моя семья вернулась. Я была влюблена. У меня была жизнь, и мир, и Адский Кот, который во мне нуждался.

«Каждый раз, когда ты становилась чёрной, ты это не отторгала. Ты находила это любопытным, интригующим. Когда ты начала трансформироваться, ты приняла это с распростёртыми объятиями, всегда принимая взгляд к звёздам. Вот что я почувствовала в тебе в день, когда ты меня ранила. Ты сделана из звёздной пыли, предназначена для небес. Тебе место здесь, с нами».

Я разинула рот на гигантского Охотника, который показался мне каким-то женственным.

— Ты та, которую я убила?

Она повернула голову и улыбнулась, растягивая тонкие черные губы и обнажая саблевидные зубы, и покивала гигантской кожистой чёрной головой. *«Я Й'рилл. Я много лет ждала, когда увижу, как ты становишься одной из нас. Сохраняла тебя в живых, когда могла, — если дракон мог выглядеть сконфуженным, то Й'рилл определённо такой и выглядела. — Я нарушила для тебя много правил, Дэни О'Мэлли».*

— Я думала, что убила тебя.

«Не можешь. Мы умираем, только если решаем стать следующим».

этапом».

— Чем? — подозрительно потребовала я, желая знать, что припасено для меня потом.

«В нас заложено однажды стать планетами. Твоя Земля некогда была Охотником. Ты, Дэни О'Мэлли — одна из наших избранных. Это великая честь».

Но мои люди! Я всматривалась вниз, в космос, видя лишь незнакомые луны и миры. Ни следа Земли. Я понятия не имела, где нахожусь, никакого реального представления о верхе или низе. Это в высшей степени дезориентировало.

«Вскоре это будет ощущаться естественно. А они — все ещё твои люди, если пожелаешь», — сказала Й'рилл.

— Ты хочешь сказать, что я могу вернуться и жить среди них как Охотник, — уточнила я. Я определённо намеревалась так поступить.

«Ты также можешь жить среди них как человек. Половину времени».

Я понятия не имела, что я сделала потом, потому что не овладела своей новой формой, но я импульсивно дёрнулась всем телом, и внезапно я уже неслась через космос, войдя в головокружительный штопор, кувыркаясь через голову и хвост... Святые скачущие ящерицы, у меня есть хвост! Длинный, чёрный, кожистый!

«Прекрати сопротивляться этому», — сказала Й'рилл, тихо фыркая. — *Здесь ты не можешь решить проблему мышцами. Легкие, гладкие движения, небольшие».*

Я пыталась, я правда пыталась. Сосредоточившись лишь на кончиках своих крыльев, но я кувыркалась так быстро и так бесконтрольно, что каждое совершенное мною движение вызывало мощные фрикции и я не могла...

Драконьи зубы выдернули меня из свободного падения за основание шеи. *«Как котёнка или тупа того»*, мельком подумала я. Божечки, неужели мне опять придётся быть ребёнком?

«Ты научишься», — сказала Й'рилл, посмеиваясь. — *Наслаждайся этим. В отличие от твоего человеческого детства, это будет грандиозным, с бесконечными вселенными для исследования, и никаких клеток. Никогда».*

— Половину времени? — закричала я в тот же момент, как только обрела равновесие. — Я смогу быть человеком половину жизни, как Персефона? Я получу своё тело обратно?

«Я её не знаю, но да. Однако если ты не проведёшь половину времени как Охотник, ты потеряешь привилегию быть им. Большинство из нас

выбирают остаться Охотником. Мало кто возвращается».

— Почему нет?

«Любимые умирают. Планеты умирают. Это дом. Все здесь. Мы ночью ветерлететьвысокосвобода. Нет места более грандиозного, нет свободы более великой, чем та, что обретается среди звёзд. Ты жаждешь свободы. Я попробовала твоё сознание на вкус, когда ты ранила меня. Ты уже была одной из нас, с мечтами до небес, безо всяких ограничений. Ты презираешь ограничения. У нас нет ни одного».

Я мало что слышала помимо того, что я могу вновь быть человеком.

Это не смерть. Это не постоянно.

Я была как Риодан и его зверь. Я была и женщиной, и драконом — святой ад — это лучший из миров, лучше всего, что я когда-либо представляла! Я не потеряла ничего, я обрела.

— Полностью человеком? — настаивала я. — То есть, не смертоносной для прикосновений?

«Ты будешь такой, какой была до того, как начала изменяться. Но пройдёт какое-то время прежде, чем ты сможешь менять формы; ты должна обрести связь со своим новым обликом. Чем чаще ты будешь оборачиваться, тем более умелой станешь, но первый раз невероятно сложен. Это может занять годы».

— Годы? — взорвалась я, оцетиниваясь. Это неприемлемо.

«Он бессмертен, малышка. Он никуда не денется».

Затем до меня дошло. Я больше не чувствовала Риодана. Я выгнула свою — божечки, длинную, чешуйчатую, чёрную — шею, чтобы заглянуть за плечо, но я не видела свою спину.

— На мне есть метка? — потребовала я.

«Твоя кожа новая. От его метки ничего не осталось. Побрякушки не переживают трансформацию».

Я шумно выдохнула и опешила, увидев крошечные кристаллики тёмного льда, вылетевшие из моего рта. Я осознала, что Риодан, должно быть, почувствовал, как наша связь резко обрывается, и понятия не имел, что со мной случилось. Вот вам и план любить друг друга в иллюзии. Это все равно не сработало бы. Но и не нужно было. Половину времени я могла быть женщиной! Меня наполнило радостное опьянение. Это невероятно! Я была женщиной, которая могла превращаться в дракона. И становиться обратно женщиной!

Но... Риодан, Шадам, мои друзья. Я должна была им сказать.

— Возьми меня обратно на землю, Й'рилл. Ты можешь там научить меня, как обращаться. Я быстро учусь, — я буквально вибрировала в

воздухе от возбуждения. Я полечу обратно на Землю, скажу Риодану и Шазу, чтобы случилось, затем потусуюсь с ними, узнавая все о своей новой форме.

Проклятье. Зверь Риодана не мог со мной тягаться! Я чувствовала, как мои губы Охотника растягиваются в улыбку, и я ослепительно просияла. Я была крутым, самым изумительным супергероем, каким только могла стать. Если бы я знала, что все это ждёт меня впереди, я бы приняла это быстрее.

«Дай своему новому миру шанс. Все это будет ждать тебя, когда ты вернёшься. Куда делся тот ребёнок, которого я почувствовала, когда ты меня ранила? Которому не терпелось кинуться к следующему приключению? Оно здесь. Посмотри вокруг. Разве это не изумительно?»

— Й'рилл, Шазам без меня потеряет голову. Он расклеится. Он такой эмоциональный, и он не знает, где я. О нем некому больше позаботиться. Я должна вернуться! Покажи мне, как вернуться!

Й'рилл тихо фыркнула. *«Шазам в порядке, рыжик».*

Я резко остановилась и уставилась на неё.

— Что ты только что сказала? — ахнула я.

Й'рилл нежно произнесла: *«Шазам в порядке».*

— После этого.

Эти хищные глаза светились весельем. *«Рыжик».*

Й'рилл сказала, что наблюдала за мной.

— Но ты — она, — слабо произнесла я, пытаюсь согнуть свой разум в форму, которую он просто отказывался принимать. — Шазам — он.

«Это ты приписываешь пол. Мы не имеем пола».

Затем Й'рилл улыбнулась, и я внезапно поняла, что мне всегда напоминала улыбка Шазамы, но я все никак не могла припомнить.

Тонкие черные губы, обнажавшие острые зубы.

То же совершенно неземное выражение.

Улыбка Шазамы напоминала мне Охотника. Мурашки пронеслись по всему моему телу. Ни за что. Невозможно.

Я медленно и осторожно произнесла:

— Й'рилл, чем ты была до того, как стала Охотником?

«До того, как меня выбрал для этого огромный дракон, парящий в небесах и привлечённый моими криками одиночества и тоски по дому, я когда-то был последним оставшимся в мире Адским Котом, — глаза Й'рилл полыхнули фиолетовой молнией. — Моя любимая Йи-Йи».

Глава 37

Шаз — могучий пушистый зверёк

Й'рилл была Шазамом.

Я просто перекатывалась в космосе, уставившись на неё с разинутым ртом, пока она не потянулась и не закрыла его аккуратненько когтём. *«Наловишься космического мусора. Прости, что обоффлескейтила тебя».*

Меня обоффлескейтили до потери дара речи; крайняя редкость для меня. Вися там и уставившись перед собой, я прокручивала в сознании свои годы с Шазамом: его загадочность, его постоянные исчезновения, его «другая форма», о которой я ничего не знала. Его постоянные, осторожные, уклончивые ответы на такое множество вопросов, странное сочетание крайней эмоциональности и мудрости.

«Нам не разрешается никоим образом вмешиваться или влиять на выбор наших избранных. Нам никогда не разрешается устанавливать контакт после изначального приглашения. Я сказала им, что именно поэтому у нас так мало молодых, но они не слушают, — Й'рилл/Шазам выглядела смущённой. — Когда ты потерялась в Зеркалах, ты была такой одинокой, совсем как я когда-то, и я боялась, что ты умрёшь. Я пришла к тебе в своей форме Адского Кота, чтобы помочь тебе выжить».

— Все те разы, когда ты исчезала?

«Я должна была быть Охотником, иначе я утратила бы это право. Я могла проводить лишь половину времени с тобой».

— Но Шазам такой эмоциональный, а ты, ну, более... собранная.

«Как человек ты тоже кажешься мне весьма эмоциональной, — сказала Й'рилл/Шазам, как будто немного оскорблённо. — Ты время от времени видела мою мудрость. Я не всегда эмоциональна». Затем: *«Когда мы превращаемся, мы те, кем когда-то были. Недостатки и остальное. Огромность Охотника не может вместиться в маленькую шкуру. Ещё одна причина, по которой большинство из нас выбирают остаться Охотником. Сложно привыкнуть быть такой крошечной, вновь руководимой биологической природой, — Й'рилл задрожала, сбрасывая в воздух чёрный лёд между её крыльями. — Быть Шазамом принижает, в той форме я совершенно иное создание, нуждающееся, крохотное, одинокое».* Затем её глаза просияли и она сказала: *«Ты была для меня очень*

хорошей матерью. Я тоже буду ей для тебя в этой форме».

— ОМОЙБОГШАЗАМ! — взорвалась я, когда эта мысль наконец окончательно уложилась. — Ты мой Шаззи-мишка!

Й'рилл улыбнулась. «Да. Я не могла тебе сказать. Они говорят, что если мы нарушим это одно правило, наш ребёнок никогда не будет рождён».

— Вот почему моя чёрная рука никогда тебя не беспокоила. Я вечно задавалась вопросом, почему я могу тебя коснуться!

Й'рилл кивнула. «И поэтому я тебе говорила заставить это уйти. Напоминала тебе, что становление одной из нас — это твой выбор. Ты сказала, что не сделала бы этого, даже если бы могла. Я хорошо тебя выбрала. Твоё желание приключений пересиливает лишь твоё желание заботиться о мирах. Мы здесь много занимаемся этим. Однажды ты увидишь».

— Увижу что?

«Нити, которые связывают все. Мы ухаживаем за ними. Мы сеем их».

Я вновь полетела, осторожно, затем с большим удовольствием. Я летала в космосе! С Шазамом! Святой ад! Я всегда знала, что Шаз имел другую, огромную форму и оставался «высоко в воздухе», но я никогда не представляла, что эта форма — Охотник! Я даже написала ту частушку о Шазе, могучем пушистом зверьке, который жил в воздухе, вместе с которым мы сражались с драконами.

Я фыркнула со смеха, и он вырвался мягким, деликатным ударом гонга, сопровождаемым двумя струйками пламени из моих ноздрей. Офигеть, я только что выстрелила огнём из носа!

Половину времени — Охотник, другую половину — женщина; половину времени с Риоданом, другую половину — с Шазамом; с невероятными приключениями в обоих случаях. Неудержимое веселье заполонило меня.

«Я знала, что ты так подумаешь, — самодовольно сказала Й'рилл/Шазам. — Идём. Мне столько нужно тебе показать».

Как бы я ни горела желанием увидеть ещё больше своего нового дома, Риодан больше не мог меня чувствовать.

— Сначала возьми меня обратно на Землю, чтобы я могла...

«Пошли ему одно из своих сообщений, Йи-йи, и забудь. У тебя есть все время во вселенной. Другие ждут встречи с тобой. Немногие избраны, ещё меньше из них рождаются. Большинство отторгают это. Лишь бесстрашные присоединяются к нам здесь».

— Ха-ха, сообщение, — сухо сказала я.

«Ах, я забыла, ты не сможешь делать это какое-то время, — она вздохнула. — Полагаю, я нарушу для тебя ещё одно правило».

На моих глазах Й'рилл повернулась, сбрасывая лёд под её огромными кожистыми парусами, и сосредоточила внимание на ближайшей звезде. *«Что ты хочешь сказать?»*

Я попыталась пожевать губу и ткнула себя в щеку клыком.

— Ой! — потребуется некоторое время, чтобы к этому привыкнуть. — Скажи ему, что я в порядке, и я скоро возвращаюсь домой.

Тонкий разряд бледно-пурпурной молнии, точный и острый как лазер, вырвался из когтистого копыта. Й'рилл отрезала крошечный кусок звезды, вырезая на её поверхности слова, которые мерцали как звёздная пыль.

Затем, внезапно, Й'рилл исчезла и вновь появилась далеко внизу меня, поймала кусок звезды и принесла его обратно, бросив мне. Святые клёчки, она могла просеиваться! Это означало, что я тоже могла просеиваться! Я в миллион раз затмила Бэтмена. Я поймала кусок звезды, неловко удерживая в своём копыте и восхищаясь. Однажды я сумею вырезать сообщения на звёздах. Выгравировую резную Д, означавшую Дэни, по всей чёртовой вселенной. Блин. Танцор бы ополоумел, если бы видел меня сейчас.

«Бросай».

— А? Как, куда?

«Я скорректирую траекторию. Просто брось».

Я так и сделала, запустив его в космос, затем Й'рилл развернулась в воздухе, хлопнула по куску хвостом и послала его в полет на такой скорости, что он исчез из виду, будто влетел в чёрную дыру.

«Готово. Он получил твоё сообщение».

Я кое-что понимала о путешествиях в космосе и сухо сказала:

— Когда? Через пять миллионов лет в будущем?

«Я скорректировала, чтобы он получил её в подходящее время».

— Ты можешь манипулировать временем? — я трепетала.

Она кивнула.

— Я тоже могу это делать? — я буквально закричала.

«Слава звёздам, НЕТ! Твои силы Охотника должны вырасти. Это требует очень, очень долгого времени».

— У меня есть хоть какие-то силы Охотника прямо сейчас? — это могло прозвучать немного сварливо, но серьёзно, я была драконом. Я хотела немного силы.

Й'рилл фыркнула. *«Вот это моя Йи-йи. Немного. Но когда ты станешь вновь человеком, нет».*

— Ты хочешь сказать, за исключением молнии, — мне нравились мои молнии. Мне было интересно, сумею ли я теперь использовать их, не становясь чёрной.

«Никаких молний. Это часть процесса рождения. Ты будешь такой же, какой была до того, как изменилась».

Дерьмово, но все-таки:

— Но я теперь бессмертная, ведь так? — сказала я, и будь я человеком, я бы на гиперскорости скакала с ноги на ногу.

«Ты можешь быть убита в своей человеческой форме, пока не проведёшь достаточно времени в обличье Охотника и не завершишь полную трансформацию. Ты должна быть осторожна в обличье человека, Йи-йи».

— Как долго?

«Ты бы посчитала это время очень, очень долгим. А теперь идём, позволь мне показать тебе твой новый дом».

Мой новый дом. Все миры открыты передо мной, они половина моей жизни. Мир, который я любила, был моим в другой половине. Я повернула голову из стороны в сторону, упиваясь всем этим; бархатное, совершенное, огромное пространство космоса и, однажды, даже тайны времени. Помимо этого, если я выберу умереть, я могу стать планетой.

Это, решила я, ошеломлённая и ошарашенная, будет величайшим супергеройским проектом из всех.

Я была Охотником.

Как гусеница, безо всяких причин побуждаемая завернуться в кокон, я оплакивала трансформацию, веря, что теряю свою жизнь. Глубоко внутри, в месте, которое я никогда не позволяла себе ощущать, я на самом деле... боялась. Я скорбела. Лишь для того, чтобы открыть чудеса, которые ни в одних мечтах не представлялись мне реальными. Стать совершенно новым этапом.

Я могу взлететь с Риоданом в звёздное ночное небо. Парить над головой, пока его зверь охотится. Дракон и зверь, скитающиеся по Земле вместе. Боги, что мы теперь могли сделать!

Это будущее мне не терпелось изведать.

— Сколько месяцев? — потребовала я.

«До чего?»

— Чтобы превращаться.

«Я сказала годы».

Я самодовольно ответила:

— Точно, ну так сколько месяцев? Ну же, Шаззи-мишка, нарушь для

меня ещё одно правило.

Й'рилл вздохнула. *«Ты будешь занозой в заднице».*

Я широко улыбнулась.

— Как будто ты ей не была. Мне теперь удастся побыть ребёнком. Научи меня летать, как ты. Научи меня просеиваться. Ну же, Й'рилл, покажи мне все!

«С удовольствием».

Когда Й'рилл развернулась резким, прекрасным, темным поворотом своего сильного тела Охотника, согнув лишь кончик крыла, я симитировала движение, и мы вместе скользнули по звёздному небу.

Глава 38

Сегодня не осталось больше дел,

кроме как сойти с ума по тебе^[62]

ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА СПУСТЯ

Я взбегаю по лестницам к входу в Честер, восхищаясь ощущениями от пребывания вновь в теле женщины и от того, сколько всего достиг Риодан, пока меня не было.

Надземный Честер — ошеломительное современное шестиэтажное здание из светлого известняка с обширными стеклянными вставками. Широкая резная лестница ведёт к украшенным узором стальным дверям, прочно укреплённым защитными заклипаниями, как и все, принадлежащее этому мужчине; он любит защищать свою собственность. Толкая одну дверь и входя внутрь, я улыбаюсь.

Увенчанный куполом холл имеет гладкие полы из чёрного мрамора, простую белую и хромированную меблировку, всюду окна и гранёные световые люки, отбрасывающие на пол радугу. Я отсюда чувствую басы, поднимающиеся из множества подклубов внизу.

Я снова женщина. Это странно бодрит, но я должна признать, что быть Охотником, летать среди звезд последние несколько месяцев — это выходило за пределы моих самых диких мечтаний. Мы с Й'рилл играли с самозабвением, которое мы делили в Зеркалах, но с одним отличием — никаких хищников, никаких врагов, только приключения. Я посещала неопишуемые миры, дрейфовала в туманностях, играла в прятки на метеоритных полях, смотрела, как рождаются сверхновые звезды, носилась вокруг лун, играла в газовых кольцах планет, моё тело Охотника было невосприимчиво к вреду. Я едва царапнула поверхность всего того, что значит быть Охотником; Й'рилл была прямо-таки таинственной по поводу множества вещей и постоянно раздражала высказываниями «*потерпи, кузнечик*». По её словам, я научусь, когда придёт время, и ни секундой раньше. И все же у меня складывалось впечатление, что мой потенциал практически безграничен — когда-нибудь в будущем.

В отличие от Шазама, который жил, чтобы нарушать правила при

каждой возможности, Й'рилл предпочитала их придерживаться. Мне потребовались недели, чтобы убедить её помочь мне превратиться обратно в человеческую форму до того, как я сама научусь это делать. А потом ещё четыре месяца, чтобы заставить её по-настоящему сделать это.

Затем она предупредила, что у меня есть одна неделя в человеческой форме, прежде чем она заберёт мне обратно.

«Я думала, это будут равные половины», — запротестовала я.

«Не сразу. Ты должна устроиться в этом обличье. Если ты сейчас останешься человеком на более долгий срок, ты можешь потерять свою форму Охотника».

«О, черт, ни за что!» — закричала я.

И все равно я чувствовала себя самой счастливой женщиной в мире. У меня есть целая неделя с Риоданом! После убеждённости, что я потеряла его навсегда, неделя казалась мне маленькой вечностью.

Мы прилетели в Дублин, приземлились на крыше здания, в котором находилась моя квартира, где она вернула меня обратно в человеческую форму (больно!), затем сама превратилась в Шазама. Мы поспешили (я была голой — теперь я понимала, почему у Риодана всегда в удобных местах припрятана запасная одежда) вниз в мою квартиру, где Шазам сверкнул озорной улыбкой и загадочно пробормотал: *«Иди к нему, он долго ждал»*, перед тем как свернуться и задремать на нашей кровати.

Я приняла свой первый душ за месяцы — не то чтобы я в нем прямо нуждалась — тщательно оделась, вооружилась и в режиме стоп-кадра понеслась к Риодану, наэлектризовавшись от предвкушения.

Когда я проталкиваюсь через вторые двери, моя улыбка становится глубже. Бар и ресторан на уровне улице очаровательны, с элегантной лестницей, спускавшейся к подклубам. Я несусь по лестнице и встаю на балюстраде с видом на танцпол, ища его.

Сейчас ранний вечер, клуб как всегда танцует, и мне приятно не видеть ни единого Фейри. Часть меня хочет немедленно узнать новости о Дублине и нашем мире, хочет направиться в аббатство и получить все детали, но из времени, проведённого и с Риоданом, и с Танцором, я выучила ценный урок.

У нас не всегда столько времени, сколько нам кажется. Новости могут подождать.

Иногда нужно быть эгоистичной, и сегодня я целиком и полностью намереваюсь быть такой.

Это чистое наслаждение скользнуть в чёрное платье из спандекса, туфли и больше ничего, кроме кремовой ирландской кожи. Зная, что я вот-

вот выскользну из этого и буду безумствовать на большом и сильном теле этого мужчины.

Я хочу Риодана в своей постели, внутри меня, всюду вокруг меня, и это моя единственная цель на долгий срок. Прежде чем мне снова придётся уйти, я наверстаю случившееся в моем мире. Этот вечер — для меня. Этот вечер — для нас. И он так долго откладывался.

Я спускаюсь по последней лестнице, думая, что, возможно, найду его в офисе, и проталкиваюсь через переполненный танцпол, направляясь к стеклянной и хромированной лестнице, ведущей на частные уровни Девятки. Я почти на месте, когда в меня вдруг кто-то врывается сзади, стискивает в стальной хватке, тащит до лестницы и стаскивает вниз по ступеням. Должно быть, один из Девятки, больше никто меня так не таскает.

Я отбрасываю волосы с лица и хмурюсь. Затем:

— Лор! — вскрикиваю я, радуясь встрече с ним.

Он таращится на меня с безграничным недоверием.

— Дэни?

— Мега во плоти, — я сверкаю сто-Мега-ваттной улыбкой, чтобы подтвердить это. — Я вернулась. И ты совершенно не поверишь в вещи, которые я видела и делала.

Затем рядом с ним оказываются Фэйд и Кастео, все трое уставились на меня со смесью раздражения и недоверия.

— Что с вами, парни? Я сказала ему, что вернусь.

— Боссу, — ровно говорит Лор. — Ты сказала ему это.

Я киваю.

— Я послала ему сообщение.

— Он, черт подери, точно не думает, что ты вернёшься, — рычит Фэйд. — И я, черт подери, точно рад, что ты вернулась, потому что с ним, проклятье, невозможно жить. Иди трахни его и верни в здравый ум, — он разворачивается и уходит прочь.

Лору я говорю:

— Он думал, что я не... подождите, я не понимаю.

— Просто иди к нему, дорогуша, — говорит Лор. — Он в своих покоях. Никогда не поднимается. Проводит большую часть времени в обличье зверя. Не ест, не спит, не трахается, и все становится дерьмовым.

Я вскакиваю на ноги ещё до того, как он заканчивает говорить, проношусь по лестницам, перепрыгивая через три ступеньки, влетаю в лифт и нетерпеливо постукиваю ногой, пока он спускается. Как он мог не знать, что я возвращаюсь? Я не верю, что Й'рилл солгала бы мне. Я

хмурюсь, вспоминая её точные слова: «Я скорректировала, чтобы он получил её в подходящее время». Окей, и что в понимании этого таинственного создания «подходящее время»?

Когда дверь скользит в сторону, я вырываюсь из лифта, стоп-кадром проношусь по коридору и влетаю через дверь в прихожую покоев Риодана.

Они все ещё разгромлены. Он так и не убрался. Разбитое стекло хрустит под моими каблуками, пока я иду к потайной панели, скрывавшей проход в его настоящие покои, и открываю её.

Войдя в комнату, я резко вдыхаю. Эта комната тоже разгромлена, каждый предмет мебели уничтожен. Зверские отметины когтей покрывают обшитые панелями стены, люстры выдраны из потолка, торчат голые провода, хрустальные осколки блестят на полу. Кровать представляет собой разрушенную гору дерева, располосованных бархатных подушек, порванных простыней, превращённого в труху матраса.

Я прищуриваю глаза, позволяя им адаптироваться к мраку. Он здесь, я чувствую его запах; этот пряный, мрачно экзотичный запах, который всегда цепляется к его коже — животный, опьяняюще мужественный, откровенно сексуальный. Я чувствую его, каждое нервное окончание в моем теле наэлектризовано его присутствием.

В этой комнате есть нечто большее. Гнев. Ярость. Горе. Это врезалось в каждый разгромленный предмет, впиталось в каждую панель, выгравировалось в глубоких порезах на полу.

Он горевал по мне. Верил, что я никогда не вернусь. Но почему?

Все мои чувства активизированы на полную громкость. Это моя ночь. Мой выбор, моё давно отрицаемое, глубинное желание, и я чувствую себя болезненно, невероятно живой. Я слышу, как он вдыхает, как будто принохиваясь к воздуху, улавливая мой запах. Затем хриплый смешок плывёт из тени возле огня, где он сидит в высоком кресле.

— Только не снова, — говорит он с хрипом агонии в голосе.

Я вздрагиваю. Я знаю власть и убедительность галлюцинации. Я жила ею в своей клетке. Я просыпалась от мучительной дремоты, ощущая запах еды, уверенная, что мама пришла домой, и я открою глаза, чтобы увидеть чашку с горькой своей любимой молочной кукурузы с хрустящим гарниром из жареной курочки и зелёной фасоли, но обнаруживала, что мне нечего жевать, кроме собственных костяшек пальцев.

Снова.

Я знала отчаяние момента, когда мозг обрабатывал обман, когда надежда шла прахом. Когда ты знал, что такой желанной для тебя вещи здесь не было, и возможно, никогда больше не будет.

Он чувствует мой запах и думает, что я мечта.

Этой ночью я намереваюсь исполнить каждое из самых дичайших его мечтаний.

Я осторожно вхожу в комнату, обходя куски мусора и разбитого стекла, пытаюсь решить, что сказать, как убедить его, что я реальна. Некоторые из моих галлюцинаций были такими сильными, что едва не выбивали меня из колеи. Я действительно ела воображаемую пищу. Голод дуриет тебе голову. Как и длительное лишение чего угодно, в чем ты отчаянно нуждаешься.

Он отчаянно нуждается во мне. Мне это нравится. Я чувствую то же самое к нему. Я решаю, что лучший подход — просто коснуться его. Позволить нашим телам вести разговор.

Огибая разбитый журнальный столик и приближаясь к его креслу с высокой спинкой, я резко вдыхаю, бабочки вспархивают из моего живота к горлу. Я... нервничаю? Нет. Я взбудоражена. Окей... немного нервничаю и не имею ни малейшей чёртовой идеи, почему. Просто этот мужчина всегда меня потрясает.

Боже, вот оно! Он здесь, я здесь, моя кожа безупречного оттенка слоновой кости, мы свободны быть вместе, быть всем тем, чем я всегда жаждала быть с ним. Я знаю, что я реальна; и все же я почти не могу поверить, что этот момент настал. Я думала, что этого никогда не случится. Что я потеряла нас навсегда.

И все же меня быстро обманом вывели из горя. Он горевал по мне месяцами.

Я прохожу мимо его кресла и огибаю по кругу, чтобы встать перед ним.

Он запрокидывает голову назад и смотрит на меня прищуренными серебристыми глазами, окрашенными кровавыми пятнами.

— Я становлюсь лучше в этом, — насмехается он. — Христос, ты выглядишь охренительно реальной. Такая охренительно сексуальная в этом платье, — его взгляд проходит по мне с головы до пят, жар заливает моё тело, огонь вспыхивает в моей крови. — Я никогда тебе не говорил. Ты воплощаешь для меня красоту, Дэни О'Мэлли. Медное пламя и изумрудный лёд. Снег и роза твоей кожи. Эти безумно сильные ноги. Сталь в твоём позвоночнике. Неугасимый огонь твоего духа.

Что ж, проклятье, он лишил меня дара речи. Я буду целый час стоять без слов, если это будет означать, что он продолжит говорить вот так.

— Ты несокрушима, женщина. Ничто из этого тебя не сломило. Ты моя грёбаная святыня. Ты знаешь это? Почему, черт подери, я никогда не говорил тебе этого?

Я тяжело сглатываю, слезы щиплют уголки моих глаз. Его святыня. Именно так он ощущается для меня. Он — мой храм. Я скольжу в его присутствие, и мир тает, и я в безопасности, и вместе мы можем столкнуться с чем угодно, сделать что угодно, пережить что угодно, всегда найти очередной способ быть вместе. Думаю, это и есть любовь; свято чтить кого-то, почитать их, защищать их, жить, ориентируясь на лучшее в них. Горе, боль, ярость в его взгляде ранят меня. Смирят меня. Я никогда не усомнюсь в глубине эмоций этого мужчины. Это очевидно в каждой слишком туго натянутой линии его тела, каменном лице, полубезумном взгляде его глаз.

Я опускаюсь перед ним на колени. Святой ад, он прекрасен. Я никогда не видела его таким, одетым лишь в пару низко сидящих на бёдрах, выцветших черных спортивных штанов, кожа переливается по струящимся мышцам, поблёскивая золотым в свете пламени. Это отверженный Риодан. Его лицо оттеняет борода такой длины, какой я никогда не видела, и это заставляет его выглядеть дьявольским, темным, завораживающим. Он пахнет зверем, хищной яростью и отсутствием души уже долгое время, и мне наплевать. Для меня он пахнет совершенно правильно. Опасностью. Острыми краями, о которые можно порезаться. И я знаю, что он исцелит каждую мою рану, если я порежусь. Его идеально подстриженные волосы отросли длинными, спутались, как будто он проводил по ним руками. Он слишком худой, кожа натянулась на костях, и я знаю, что он долгое время не питался.

Я протягиваю руку и кладу раскрытую ладонь на его жёсткую, точёную грудь.

Нет сердцебиения. Он определённо давно не ел.

— Возможно, тебе захочется, — дразню я. — Этой ночью я планирую утомить твою задницу. Детка.

Он склоняет голову, глаза блестят, ноздри раздуваются.

— Даже если бы я оголодал, ты не смогла бы утомить меня. Ты иллюзия. Я позволил тебе уйти. Черт, я нахер выбросил тебя, а мне не стоило этого делать. Я должен был бороться за тебя. Я должен был все тебе рассказать. Я должен был убедить тебя отвергнуть происходящее.

Я скольжу ладонью от его груди ниже, по шести кубикам его пресса, легонько проводя пальцами по бархатной коже.

— Ты не выбросил меня. Ты сделал самое тяжёлое из возможного, пожертвовал собственными желаниями ради моего блага. Попытки сохранить меня здесь, почти полностью чёрную, неспособную больше никогда воспользоваться моей силой, разрушили бы нас обоих. Мы оба

устроены иным образом. Мы раздвигаем границы. Мы адаптируемся. Так мы всегда поступаем.

— И моя иллюзия предлагает отпущение грехов, — говорит он, фыркнув. — Я становлюсь лучше в этом.

Я опускаюсь на его колени, свешивая ноги по обе стороны кресла, и беру его лицо в ладони, смотрю в его прекрасные глаза, пламя и лёд, кровь и сталь.

— Я кажусь тебе иллюзией? — моё платье задралось почти до верха бёдер. Я прижимаюсь к нему, медленно, жёстко. Он твёрдый. Он такой охренительно твёрдый. А я так охренительно болезненно жива и изголодалась по тому, чтобы ощутить его внутри себя. Мне не нужна прелюдия. Не в этот раз. Мне просто нужно сделать это. Он. Во. Мне. Снова и снова. Может, когда я в следующий раз сумею побыть человеком, мы заморочимся прелюдией. Возможно, я не из тех женщин, которые любят прелюдии.

Его руки крепко смыкаются на моей талии, пальцы впиваются со злостью, с горем.

— Ты никогда ей не кажешься. Я проводил часы, касаясь тебя, держа тебя, целыми днями трахая тебя в своём сознании.

Я легко говорю:

— Сделай это снова. Но это я. Я смогу быть женщиной половину времени. Драконом — другую половину. И все же у меня есть только неделя. Й'рилл помогла мне измениться, чтобы я могла вернуться и сказать тебе, что я в порядке, провести с тобой время, пока я не научусь сама трансформироваться.

— Это самое ясное и связное объяснение, которое ты предоставляла до сих пор, — сухо говорит он, не отрывая взгляда от моих губ.

— Потому что оно настоящее. Поцелуй меня. Почувствуй, насколько я реальна.

Я опускаюсь вперёд, касаюсь его губ своими, и мои руки на поясе его штанов, и я такая чертовски влажная, что это уже блестит на моем бедре.

Он резко вдыхает, отстраняется, смотрит вниз. Затем его рука на моем бедре, и он проводит по влажному жару вверх по моей ноге. Он стонет:

— Я не припоминаю, чтобы это когда-либо было таким реальным. Ебать!

— Да, пожалуйста, — произношу я с полу-смешком, полу-рыком. — Сейчас.

Затем он резко вскакивает на ноги, и он опрокидывает меня на спину, на пол, на толстый пушистый ковёр, и я растягиваюсь с раздвинутыми

ногами, и его губы на моем бедре, пока он задирает моё платье, затем его рот, тёплый и влажный, смыкается между моих ног, и он лижет и сосёт, и я слышу, как кто-то кричит, и осознаю, что это я, и святой ад, оргазм для меня как взрыв всего тела, мой мозг вылетает и разрывается на звёздные кусочки, и моё тело электризуется, и я бьюсь под его лицом, извиваясь под ним, затем я вскакиваю, все ещё кончая, отчаянно желая его внутри себя, потому что я слишком много раз кончала от своей руки, думая о нем, а это по-настоящему, и я хочу всего этого, и я набрасываюсь на него сверху, опрокидывая спиной на пол, и насаживаюсь с жестокостью, и похотью, и нуждой, и его глаза распахиваются и полыхают кроваво-красным, и он рычит:

— Проклятье, ты реальна!

Я понятия не имею, что его убедило, и мне плевать, и я запрокидываю голову назад и полу-смеюсь, полу-рычу, принимая Риодана Киллиана Сент-Джеймса в себя и стискивая каждую мышцу низа тела, которое я так благодарна иметь, и мне не нужно с ним осторожничать, потому что я никогда не смогу сломать этого мужчину никаким способом, и я могу вибрировать...

— Проклятый ад, женщина, не делай этого пока что!

Но он на спине подо мной, а я скачу на нем, и я тут главная, и я вибрирую, и проклятье, да, он теряет контроль, и это единственный вариант, при котором я хочу видеть, как этот мужчина утрачивает связь с реальностью.

— Расплата будет адской, — рычит он, взрываясь во мне.

И все, о чем я могу думать — это «Я надеюсь на это». Я надеюсь, что он оплатит мне раз за разом вновь, всю мою бессмертную жизнь.

Затем он дрожит, его голова запрокинута, и он смеётся, кончая, и я накрываю ладонями его лицо, эту прекрасную, сексуальную, знакомую, бросающую вызов, упрямую, человеческую кожу, натянутую поверх лица зверя, в которое я никогда не устану смотреть, и я ловлю его радость руками, и она полыхает в моем сердце.

Позднее я включаю Magic Map на телефоне и добавляю громкости.

Позднее я танцую для него голой в свете пламени, и я говорю ему, что знаю — это не заклинание, а правда, что эта женщина-ребёнок-дракон ждала его всю свою жизнь.

Восторг вспыхивает в его глазах, когда он валит меня на пол, и в этот

раз ему удаётся быть сверху, ублюдок, и он говорит мне кое-что, что я убираю в свои файлы, но не спрашиваю об этом прямо сейчас, потому что мой рот занят, и мне нравится, что он занят именно таким образом.

Он говорит мне, что ждал меня намного дольше одной жизни. Я понятия не имею, что он имел в виду. Мне плевать. Он внутри меня, и будущее безгранично и огромно, как полные звёзд небеса, которые теперь являются моим домом половину времени.

Намного позже я требую рассказать, что случилось в аббатстве, и он говорит мне, что Кэт и Шедон выжили, но мы потеряли сто сорок две шивидящих в тот день. Я действительно убила Балора своим последним ударом, и после моего исчезновения Риодан исполнил давнее намерение: Папа Таракан мёртв, наконец-то убит тем самым смертоносным черным кинжалом, которым Риодан так давно ему угрожал. АОЗ тоже был в сражении, но сбежал и выжил, чтобы помучить нас в другой раз. И все же, я вернулась, я сильна, и однажды этот мелкий воркующий лепреккон будет моим.

Рошин примкнула к женщинам в аббатстве, хоть и не имела даров шивидящей, и работала с Энио, вербуя других вытесненных, лишённых прав людей, сплачивая их в армию, давая им цель, повод сражаться, смысл существования. Видит Бог, в такие времена нам это пригодится.

Мак и Бэрронс все ещё отсутствовали. Ни следа Фейри в нашем городе на протяжении месяцев.

И все же я знала, хоть ни один из нас этого не говорил...

— Нахер все, — натянуто говорит Риодан. — Я скажу это. И мы напечатаем об этом в Дублин Дэйли, потому что миру нужно знать и готовиться. Наша величайшая битва ещё ждёт впереди. Это будут Фейри, не старые боги. Эти ублюдки собираются превратить наш мир в зону военных действий, и скоро сделают это. В земле присутствует с трудом сдерживаемая жестокость, я чувствую, как она рокошет под моими ботинками, тьма на ветру, я чувствую её запах в бризе. Они планируют, замышляют захватить эту планету для себя. Грядёт война, и если Мак не получит контроль над своей силой, эту войну мы проиграем.

— Тогда нам нужно удостовериться, что Мак хватит времени.

Он согласно рычит.

— Есть новости от Кристиана?

— Все то же самое. Кэт проводит время в Башне Дрохечт, работает с

Шоном. Все ещё никакого прогресса. Он разрушает все живое, к чему прикасается.

— Людей? — ахаю я. Я познала этот ужас.

— Нет. Для Голода это лишь живые растения и посевы. Люди и животные не в счёт. Это специальность Кристиана.

— Какие-то проблемы с другими богами?

— Пока нет. Но я подозреваю, что здесь мы видели лишь верхушку айсберга. Людям и богам придётся объединиться, чтобы получить шанс против Фейри.

«Каким-то образом, — безмолвно клянусь я, — мы сделаем так, чтобы это случилось».

— Есть и плюс, теперь на нашей стороне есть Охотник. И кто знает, может, я сумею достать нам подкрепление.

Он смеётся.

— Если кто и сможет уговорить созданий, не поддающихся уговорам, так это ты.

Затем он снова на мне, и мы боремся за доминирование, потому что мы всегда будем бороться, мы так устроены, и я теряю себя в страсти, и больше не думаю об этом мире или о чем-нибудь в нем.

Он — моя отправная точка, моя Мекка, зверь для моего дракона. Всегда.

Когда мне было четырнадцать лет, я видела, как Риодан занимается сексом на четвёртом уровне Честера; в подклубе, предназначенном для обеспечения плотского буйства, необходимого, чтобы держать зверей Девятки под контролем.

Я слабо улыбаюсь. Теперь я — плотское буйство Риодана.

В тот день, давным-давно, я пометила его как своего.

Вот она. Правда.

Раскритикуйте меня за это, если хотите. Мне плевать.

Я никогда не была нормальной четырнадцатилеткой.

Я никогда не была чем-нибудь нормальным.

В четырнадцать лет я поклялась, что однажды я буду женщиной, которая заставляет его смеяться, заставляет его лицо осветиться радостью столь осязаемой, что её как будто можно поймать в ладони. Что я проведу по властным, царственным, слегка оттенённым щетиной чертам его лица, сожму руку на его члене и приму его внутрь себя. Что я буду той, кто

ответственна за пламенный шторм похоти в его взгляде под тяжело опущенными веками, за свирепое рокотание в глубине его груди, за гортанные, несдержанные звуки, которые он издаёт, когда кончает, за полурёв, полу-смех, эротическое мурлыканье.

Не со своим четырнадцатилетним телом. Тогда я не была готова к сексу.

Но однажды.

С телом женщины.

Этот мужчина был моим.

В тот день, наблюдая, как он трахается, я ощутила не только вожделение. И да, в том возрасте я способна была вожделеть — жизнь, секс, который однажды у меня будет, шоколад, быть живой. Я сделана из вожделения. Все мы из него сделаны. Смакуйте его. Пылайте им. Никогда не извиняйтесь за это.

Именно из-за этого стоит прожить жизнь.

Я знаю правду: Мы трахаемся так, как мы живём. Застенчивые люди трахаются застенчиво. Безудержные люди трахаются безудержно.

Он трахался с тысячепроцентной сосредоточенностью, со свирепой преданностью и похотью. Ошеломительно живой, ликующий от того, что он существует.

Так я всегда жила. Полностью отдавая себя, все чувства на максимум.

В тот день я осознала, что он и я принадлежим к одному типу людей. Я не думала, что когда-либо найду в мире кого-то, похожего на меня.

К тому времени я шесть лет бродила по городу, предоставленная самой себе. Я видела и делала намного больше, чем стоит любому ребёнку. (Когда я думаю о Рэй, я знаю, насколько неправильна моя жизнь, и я сделаю все в своих силах, чтобы сохранить её детство чистым, не то чтобы Кэт нуждается в моей помощи, но я буду там. Присматривая за ней. Всегда). Я платила такие цены, которые приходится платить мало кому из взрослых. Я несла грехи, которые ранили меня до глубины души, и я притворялась, что души у меня нет. Грехи, которые вынуждали меня находить креативные пути перестроить себя, чтобы я сама себя не разрушила.

Древние глаза смотрели с моего четырнадцатилетнего лица на Риодана, и я думала: *«Этот мужчина меня поймёт. Этот мужчина меня выдержит»*.

Это уже кое-что для женщины моего сложного склада.

Он заноза в заднице. Упрямый, контролируемый, контролирующий. Как и я.

Он делал немислимые вещи. Как и я. И я подозреваю, что мы можем легко поговорить о них друг с другом.

Он завораживающий, гениальный, все время жаждущий больше жизни.

Как и я.

Он жизнь и смерть, радость и горе, милосердие и безжалостность. Как. И. Я.

Мне тяжело было пройти через эти годы между нами.

Я сопротивлялась тому, к чему знала, что не готова. В тёмном, властном уголке сознания я ненавидела каждую женщину, которую он брал в постель, включая Джо. Хотя я и понимала.

Затем жизнь внезапно дала мне мужчину, к которому я была готова.

И Риодан понимал.

Но... всегда, бесконечно, я была нацелена на этого мужчину как самонаводящаяся на зверя боеголовка, ждущая дня, когда я буду не просто в боевом настрое, но полностью готова принять его вызов, как женщина мужчину.

Это то, что Танцор всегда чувствовал во мне.

И все равно любил меня.

Я думаю, что обе мои любви — более хорошие люди, чем я сама. Я не могу делиться. Я не могу быть на втором месте. Я не знаю, как играть эту роль.

— Тебе никогда не придёт, — заверяет меня Риодан, обнимая меня сзади и вдалбливаясь, жадно, с голодом вминаясь в мою задницу.

— Ты должен знать, что я собственница.

Его руки сжимаются вокруг меня.

— Как и я. Ты и я. Никого больше. Если тебя это не устраивает, убирайся нахер из моей кровати, — говорит он, начиная медленно двигаться во мне.

Я ахаю и толкаюсь бёдрами назад, нуждаясь почувствовать, как он наполняет меня до предела, как раньше, когда он был частично зверем, так глубоко, что это почти причиняло боль лучшим из возможных способов. Я не женщина для сравнения. Мы все приносим свои уникальные активы за стол. Но активы Риодана подходят мне умопомрачительно хорошо, и тот факт, что они... регулируемые... что ж, это плюс, которого женщина никак не может ожидать, и за который есть все основания благодарить свои счастливые звезды.

Он тихо смеётся мне в ухо, входя бесконечно глубже, сотрясая мои нервы свирепой нуждой, которую он вызывает... и отказывается

удовлетворять, сводя меня с ума.

— Я подозреваю, что звезды всегда будут для тебя счастливыми, Дэни.

Рыча, я жёстко толкаюсь назад, но его руки удерживают мои бедра, и он не позволит мне заполучить ни проклятой четверти дюйма.

— Позволь мне поиграть, Звёздная пылинка. Узнать, что тебя заводит. Я хочу довести тебя до безумия. Я хочу узнать твои точки срыва. Все без исключения.

Что ж, в этом нас двое. Хотя я никогда не хочу видеть, как он теряет контроль в реальном мире, я жажду лишить его контроля в постели.

Один дюйм, затем уходит, поглаживает меня между ног, где я набухшая и болезненно влажная. Затем на два дюйма внутрь. Затем уходит, затем возвращается и медленно, так медленно, что я едва не кричу от раздражения, он входит в меня, будто у нас есть все время мира.

— Так и есть.

Смех взрывается во мне, чистая радость. Вечность. Я получаю шанс любить этого мужчину вечно.

— Проклятье, Дэни, прекрати смеяться!

— Боишься, что потеряешь контроль? — дразню я и смеюсь снова, хриплый, порочный звук, и я добавляю чуточку интенсивности, и начинаю вибрировать с головы до пят.

— Сукин сын!

Позднее я распластываюсь на нем, глядя в блестящие, лениво насытившиеся серебристые глаза.

Хорошо, что комната уже была разгромлена, потому что мы бы все равно её разгромили. Я понятия не имею, сколько времени прошло, сюда не попадает свет дня, но я готова поспорить, что мы провели добрых двадцать четыре часа, без перерыва изучая тела друг друга, испытывая границы, изучая, как сводить друг друга с ума.

А этот мужчина определённо сумасшедший. Горячий, сексуальный, и как раз с таким привкусом извращения, который мне нравится.

— У меня есть всего неделя, — мягко напоминаю я.

Он застывает и рычит, пока я посвящаю его в то, что случилось, объясняя ему параметры своего нового существования; его серебристые глаза полыхают радостью.

— Половину времени мы будем людьми. Другую половину мы будем зверями вместе, — говорит он, тихо смеясь. — Ну что за охренительная

жизнь.

Действительно. И все же кое-что меня беспокоит. Мне нужно знать, почему он думал, что я не вернусь, что Й'рилл сделала с моим «сообщением».

— Риодан, разве ты не получил моё сообщение? Я послала тебе...

— Чёртов кусок звезды. Христос, этот проклятый кусок камня был напастью всего моего грёбаного существования.

Так он его получил.

— Это должно было тебя успокоить.

— Хреново ты преуспела в этом, Звёздная пылинка, — рычит он. Он скатывает меня со своего тела, поднимается на ноги, подходит к очагу, где достаёт что-то из коробки на полу и приносит обратно, протягивая мне.

Я щурюсь в тусклом свете и ахаю.

Он гласит:

Я В ПОРЯДКЕ Я

— Но это только половина!

— Я, черт подери, знаю это. Как, мать твою, заканчивается предложение? Ты понятия не имеешь, сколько слов я подставлял. Я в порядке, я счастлива. Я в порядке, я свободна. Я в порядке, я никогда не вернусь. Какого ж хрена, Дэни?

Я переворачиваю кусок звезды и изучаю край.

— Он сломался. Должно быть, ударился обо что-то на пути к тебе. Где ты был, когда получил его?

— На пляже.

Я хмурюсь.

— На пляже? Ты ходил на пляж? — Лор сказал, что он не выходил из Честера с тех пор, как я ушла.

— Ночами я ходил к океану. Он свалился с неба и приземлился рядом со мной.

— Когда?

Он смеётся, но там присутствует глубинный подтекст горечи, нотка мучения.

— Женщина, ты сводила меня с ума дольше, чем ты думаешь. Я получил твою грёбаную проклятую звезду за три тысячи, сто сорок один год, пять месяцев, девять дней и два часа до того, как ты превратилась в Охотника в аббатстве.

Я ахаю.

— Три тысячи лет назад? — Чем только думала Й'рилл? Был ли её прицел таким плохим? Были ли манипуляции временем сложнее, чем она признавалась?

— Ты причина, по которой я начал изучать теории стержня, более трёх тысяч лет назад. Ты причина, по которой я начал пытаться спроектировать будущее. Ты, Дэни О'Мэлли, была величайшей и самой раздражающей тайной моего существования. Я уловил твой запах на звезде, той ночью на пляже. Запах женщины, которую я жаждал узнать, не похожей ни на одну женщину из тех, что я встречал. Я ждал встречи с ней. И ждал. И ещё черт подери мать твою ждал. Нашёл её однажды ночью в Дублине — неконтролируемого нестабильного ребёнка с жаждой смерти, стальными яйцами, комплексом супергероя и бойфрендом-подростком.

— О Боже, ты знал, что я — та, кто бросил тебе звезду, ещё тогда, когда увидел меня той ночью?

— Я отказался от этого давным-давно, решил, что звезда была эквивалентом сообщения, посланного на неверный номер. Затем я встал за тобой той ночью и ощутил твой запах. Я знал, что ты — она, та, что однажды бросит в меня звезду сквозь время.

— С того момента мой мир покатился в ад. Я понятия не имел, чем ты являлась или что с тобой дела. Я лишь знал, что однажды ты бросишь в меня то проклятое небесное тело. Признайся, ты никогда и не писала ничего кроме этой фразы. Я так много тебя мучил, что ты решила в отместку помучить меня несколько тысяч лет.

Я взрываюсь хохотом. Если подумать, я могла бы.

— Это все, что у меня было для продолжения. Затем, когда ты начала становиться чёрной...

— Вот почему ты был так уверен, что я превращаюсь в Охотника, — вскрикиваю я, — потому что они живут среди звёзд!

Он склоняет голову.

— Почему ты мне не сказал?

Он долго молчит, затем шумно выдыхает.

— Это был запредельный мозготрах. Я беспокоился, что могу изменить вещи.

— Нелогично. Если это...

— ...уже случилось, да, это случится несмотря ни на что. Я тоже об этом думал. Мы с Бэрронсом бесконечно обсуждали это.

— Бэрронс знал?

— Мой брат — единственный, кому я сказал. Я научился ничего в этом мире не принимать как данность, — он снова молчит, затем

произносит: — Я начал подозревать, что из-за своих чувств к тебе я попытаюсь саботировать то, что могло случиться. Я ставил под сомнение свои мотивы.

Я замираю, когда колоссальность его слов откладывается в моем сознании. Со дня встречи со мной он знал, что я — та, кто бросит в него звезду. Неудивительно, что он не считал меня человеком! Затем как только я начала превращаться в Охотника, он знал об этом, но не ведал, как все закончится. Он не знал, даже когда я заклеила его, даже когда он поощрял меня принять мою судьбу, он не знал, увидит ли меня вновь. И все же он помог мне пройти через это.

— Никаких клеток, Дэни. Никогда. Только не для тебя. Возможно, быть Охотником — это все, чего ты хотела. Возможно, что последнее слово — «счастлива». Если это случилось, то это должно было случиться, и единственное, что я мог сделать — это быть там, когда это случилось. Я думал, что потерял тебя навсегда. Как только ты превратилась, я не мог больше тебя чувствовать. Я думал, что звезда была твоим «прощай».

— Никогда, — тут же говорю я. — Это было моё обещание тебе, обещание вернуться, чтобы ты успокоился. Потому что я не звонила тебе те два года, а должна была. Я не собиралась повторять ту же ошибку. Я впустую потратила эти два года, потому что была упрямой и гордой и продолжала убирать эмоции в коробку вместо того, чтобы признать их. Признать, что я любила тебя. Я всегда тебя любила.

— Так что, черт подери, там было написано? Представь себе, каково биться над загадкой три грёбаных тысячи лет и так её и не решить.

— Я в порядке, я возвращаюсь домой.

— Вот что это, Дэни? — тихо говорит он. — Дом? Ты будешь жить здесь со мной?

— Всегда. Ну, половину времени. Другую половину времени...

— Грёбаный ад, я пойду с тобой, когда ты уйдёшь.

— Так высоко, как я смогу взять тебя, не убив, — обещаю я. Мы будем вместе парить по ночному небу, присматривая за нашим городом, нашими друзьями и семьёй.

— Я могу удивить тебя, — говорит он, слабо улыбаясь. — Мне не нужно дышать, Дэни. Не все время. Кроме того, я всегда возвращаюсь.

Я накрываю ладонями и целую его, долго и глубоко.

— Я тоже всегда буду возвращаться. Это наше правило номер один, Риодан. Несмотря ни на что, мы всегда будем возвращаться друг к другу.

— Правило, которое я никогда не нарушу, — он сверкает волчьей улыбкой. — Все остальные по усмотрению. Тебе придётся держать меня в

узде. Я мужчина, с которым непросто справиться.

Я уже знаю это. Это одна из тех вещей, которые мне больше всего нравятся в нем. Мне все ещё сложно уложить в голове тот факт, что он ждал меня больше трёх тысяч лет. Что-то в продолжительности времени беспокоит мой мозг.

— Погоди-ка минутку, сколько, говоришь, прошло времени с того момента, как ты получил мою звезду, и до моего превращения в Охотника?

— Три тысячи сто сорок один год, пять месяцев, девять дней и два часа, — спокойно отвечает он. — Гадал, когда же ты заметишь.

Я не свожу с него глаз.

— Риодан, это пи.

— Первые семь цифр. Это надежда, за которую я держался. Что однажды мы получим и оставшиеся числа.

Я изумляюсь. Танцор был прав. Во всем есть схема и предназначение.

Эта потрясающая вселенная прекрасно знает, что делает.

— Получим, — говорю я, улыбаясь ему. Я чувствую это своими костями Охотника.

Вечность с этим мужчиной — это все, чего я хотела. Что бы ни ждало впереди, с какими бы вызовами мы ни столкнулись, мы одолеем их вместе. Это будет непросто, это будет опасно, это будет непредсказуемо, но это никогда не будет скучно. Не с ним.

Когда он кидается на меня, вытягивая своё большое прекрасное тело над моим, я отпускаю все, растягиваюсь на спине и говорю ему в точнейших деталях, что именно я от него хочу. Он принимается за задание с тысячекратным рвением, пока я лежу на спине и принимаю то, чего хочу, наконец-то понимая, что я этого заслуживаю. Что мне не нужно быть супер-чем-то, чтобы быть любимой.

Клетки — забавная штука.

Хоть телом я сбежала из неё давным-давно, моё сердце лишь недавно освободилось.

Исцелённое любовью мужчины, который готов был пожертвовать всем, даже отказаться от меня, если придётся, лишь бы увидеть, как я взлечу.

Глава 39

Й'рилл усмехнулась, когда её дочь исчезла в Честере, стремительно несясь в руки и кровать мужчины, которого она для себя выбрала, когда она завязала первую из множества красных нитей в жизни Дэни.

Й'рилл сломала звезду Риодана пополам, послав ему лишь «Я в порядке я», чтобы решить, достоин ли он её дочери. Она послала её в прошлое, чтобы убедиться, что он будет там, будет наблюдать за ней, а она сможет оценить, из чего он сделан.

Он блестяще прошёл её тесты, помогая её дочери эволюционировать, пусть даже и верил, что теряет её, давал свою любовь без гарантии возврата.

Сложив крылья к лету, Й'рилл взмыла в небо над Дублином, присматривая за городом, который любила Дэни, изучая то, что лишь древнейшие среди Охотников могли видеть — бесчисленные красные нити, связывающие жизни, которым суждено творить историю вместе. Во всем существовала схема и предназначение.

Однажды, если она выберет, Дэни тоже будет парить среди звёзд, изучая миры и сплетая эти судьбоносные нити. Лишь те, кто обладает чистейшими, глубочайшими, самыми стойкими сердцами, могут справиться с таким деликатным заданием. Её дочь определённо подходила под описание и превосходно справится с созданием счастливых концов для других.

Но пока пришло время ей насладиться своим собственным счастливым финалом.

Эпилог

Позволь моей любви открыть дверь в твоё сердце^[63]

ГДЕ-ТО ВО ВРЕМЕНИ...

На планете со слабой гравитацией и четырьмя лунами чернокожий зверь стремительно нёсся по песчаным дюнам. Он был её лучшим другом и любовником.

Рядом со зверем бежал Адский Кот, одновременно её дитя и мать.

Над ними парил величественный, тёмный как ворон Охотник, выкованный из страсти, огня и чайной ложечки звёздной пыли.

Дэни О'Мэлли обрела семью. Она нашла своё место.

*Посвящается всем «Дэни» в мире.
Ad astra per aspera.
Сдвинь звезды.*

Взлетай.

*Светлой памяти Сэма Рэй Монинг
1994–2017*

*Мы на свой страх и риск отрицаем крик души,
чтобы настоять на своей правде.*

Ты стоял твёрдо.

Удалённые сцены

Бэрронс и Кристиан («Песнь Лихорадки»)

ТАК ЧТО ЕСЛИ ВСТРЕТИШЬ МЕНЯ, ИМЕЙ НЕМНОГО
ХРАБРОСТИ, НЕМНОГО СИМПАТИИ И НЕМНОГО ВКУСА

Бэрронс сказал:

— Ты помнишь канун Дня Всех Святых, когда мы призвали старого бога в кругу камней Бан Дрохада?

— Как я мог забыть, — ответил Кристиан с натянутой улыбкой. — Ты облажался, и меня забросило в Зеркала, где я превратился в это.

— Меня тоже забросило в Зеркала той ночью. Из-за тебя. Просто я выбрался быстрее.

— И как же ты это сделал? — сухо спросил Кристиан.

— Помнишь, что я сказал тебе перед тем, как мы начали ритуал?

— Да. Нихрена ты не сказал.

— Я сказал тебе единственную вещь, которую нужно было запомнить, а ты это проигнорировал. Я сказал тебе: Когда это восстанет, поприветствуй его с теплотой и уважением.

— Отвратительная штука вырвалась из земли, нацелившись на меня. Она была темной, древней и воняла костями и могилами. И я должен был улыбнуться и сказать «Привет»?

— Ты тёмный, и однажды станешь древним, и ты не просто воняешь смертью — ты самый смертоносный всадник апокалипсиса. Твоя легенда всегда будет тебя опережать. Да, я, черт подери, ожидал, что ты будешь достаточно храбрым, и все же ты убежал, как будто это самое отвратительное, с чем ты сталкивался. Оно отреагировало на тебя соответствующим образом. Наш план той ночью увенчался успехом. Ты его не поприветствовал. Оно ушло.

— Ну и что за бремя, черт подери, лежало на мне той ночью?

— Ты привлекаешь силу.

Кристиан замер неподвижно. Он часто чувствовал это ещё молодым парнем, гуляя по склонам и долинам шотландских нагорий, связанный с ними глубинной связью, от неба до земли, от грязи до звёзд, чувствуя, будто сами небеса выпустили молочное щупальце, чтобы приласкать его, заметили его, наблюдали за ним с любопытством. Его друидская связь со всем живым была интенсивной. Он даже не мог рыбачить, когда был

парнем, потому что не мог вынести боль насаженного червя и его жизни, украденной крючком. Червь наслаждался своей темной, сладкой, роскошной жизнью в почве, успокоенный ритмами и песнями земли. А теперь он был Великим Вором.

— Почему я её привлекаю?

— У тебя есть потенциал для великого добра или великого зла. Вселенная замечает.

— Почему, черт подери, ты вспоминаешь это сейчас? — у Бэрронса всегда есть причина. Он никогда не говорил, если этого не требовалось для достижения цели.

— Ты вот-вот встретишься кое с кем. Встреть это с теплом и уважением. Я не стану повторять ещё раз.

Кристиан резко остановился.

— Та штука с Самайна здесь?

— Другой из старых земных богов. Однако этот не станет бежать, они уничтожат тебя, если ты их испугаешься. Старые могут быть вспыльчивыми.

— Твои местоимения не совпадают. Что, черт подери, такое это оно — один или много? — когда Бэрронс ничего не сказал, он раздражённо рявкнул: — Где, мать твою, ты вообще находишь старых богов? Не похоже, чтобы они просто тусовались на углу улиц.

Бэрронс бросил на него взгляд тёмного веселья.

— Ты удивишься. Если бы тебя однажды призвали те, кто нуждаются в твоих услугах, и все же тебя встретили страхом и враждебностью, что бы ты сделал с теми, кто тебя призвал?

Кристиан обнажил зубы в извращённой улыбке. Если бы кто-то посмел добиваться его присутствия, а потом обращался к нему с ужасом и отторжением... ну, в нынешнем состоянии он мог бы поступить и похуже, чем тот старый бог. Он бы оправдал свою грёбаную легенду до последней страшной детали.

— Радуйся, что тот, кто пришёл той ночью, не был таким же ожесточённым и подавленным как ты. Если принимать в расчёт всю картину, все прошло на удивление хорошо.

Кристиан прищурил глаза.

— Прямо как ты сейчас. Ты никогда не объясняешь, — они становились... дружелюбными? Бэрронс способен на дружелюбие?

— Сила — серая. Она направляется туда, куда тебе угодно, на благо или зло, к свету или тьме. Ругать себя — вернуть путь к тьме.

Кристиан оцетинился, но ничего не сказал. Этот убудок задел

больное место. Бэрронс не знал, что он начал ненавидеть себя задолго до того, как превратился в Невидимого — когда он был ещё парнем, ненавидящим себя за то, что слышит все правды, которых не слышит никто, за то, что причинял неудобство своим близким, за то, что вызывал подозрения и страхи. Но ещё сильнее стыдясь своего характера — он начал ругать окружающих, ощущать презрение к их лжи и увёрткам, их неспособности посмотреть в лицо своим чувствам.

Между презрением к себе и смотрением на остальных сверху вниз как на лжецов и трусов, он вырос, затаив нешуточный гнев. Он носил маску беззаботного привлекательного молодого шотландца, но в нем всегда оставалось пятно тьмы, возможно, даже подавляемого садизма, бурлящая злость на своих собратьев. Вот почему он первый превратился в принца Невидимых? Выдворенная магия мёртвого принца каким-то образом почуяла это в нем и сочла его подходящим вариантом? Сила фейри нацелилась на него задолго до той ночи в Бан Дрохаде, даже до того, как Мак накормила его Невидимыми?

Он беспокойно пошевелил крыльями. Твою мать, у него есть крылья. Он мог летать. На мгновение он обдумал это, впервые проигнорировав часть Невидимого и обратив внимание на простую красоту и мощь наличия крыльев. Свобода. Сила.

Но с того самого дня, как он начал их отращивать, он лишь ныл о зуде и боли, необходимости их чистить и о невозможности спать на спине. Любая поза оказывалась неудобной, и он начинал бояться, что ему как летучей мыши нужно повиснуть вниз головой, чтобы хоть как-то отдохнуть. И конечно, эти чёртовы штуки большую часть времени болели, неправильно ощущались на его теле, держали его в постоянном напряжении.

Он расправил плечи, простирая свою сущность друида в придатки фейри, впервые принимая — нет, приветствуя их. Когда мир вновь будет в безопасности, он сможет лететь по бархатному ночному небу над Шотландским нагорьем, наблюдать, как волки в лунном свете в шутку дерутся со своим молодняком, несколько часов парить рядом с величественным орлом, скользить вдоль серебристого озера, упасть и мягко приземлиться на постель из вереска.

Грёбанный ад, у него есть крылья!

Впервые с тех пор, как он начал превращаться в нечто иномирное, он ощутил... ликование.

Его крылья ответили, слегка приподнявшись, запорхав, как будто в знак удовольствия, как будто они с холодностью кошки ждали, когда их

заметят, погладят, оценят. Жар пронёсся по его телу в сильные, надёжные паруса, которые расправились и раздулись безо всякой сознательной мысли, мощные мышцы в его плечах гладко струились, крылья высоко выгнулись, а потом вновь скрестились вниз, чтобы устроиться за его плечами в позе, которая прежде казалась ему недостижимой. Идеально сложенные именно там, где они должны быть.

Без проблем.

Не волочась по полу и не причиняя боли.

Он покачал головой, криво улыбаясь. Его крылья всегда инстинктивно знали, как устроить себя, но его мозг мешал им. Он сам себе мешал. Они были бременем, потому что он считал их бременем, а теперь он думал о них как о даре, и они вели себя как дар.

Он украдкой взглянул на своего компаньона. Если он мог научиться любить себя и мир вокруг него, Бэрронс мог научиться заводить друзей. Благодаря Дэйгису, Келтары и Девятка практически нахрен поженились. Они стали кланом в каждом значении этого слова. Как и Девятка, Келтары долгое время оставались замкнутыми, скрытными, умышленно поддерживая изоляцию. Но мир изменился, и ни одна группа больше не может позволить себе замкнутости. Слишком много рисков, чтобы избегать разделения знаний и силы.

Кристиан хотел друзей. Он скучал по этому, будучи парнем. Проклятье, у него хотя бы были сверстники.

Бэрронс наградил его раздражённым взглядом.

— Что? Не говори мне, что ты действительно можешь слышать, о чем я думаю, — сорвался Кристиан. Он бы не удивился. Бэрронс и его люди странно настроены улавливать малейшие нюансы людей.

— Я стараюсь не слышать, — пробормотал Бэрронс. — Иногда вы, адские создания, как будто держите грёбаный мегафон у своих мозгов.

— Как зовут того бога? — Кристиан быстро сменил тему. Вести себя вежливо проще, если бы он знал кое-что о том, к кому обращается.

— Кулсанс^[64]. Они хранители дверей, врат и проходов, самой преисподней, неизменный оплот на пороге всего пограничного. Когда их можно расшевелить, чтобы они обеспокоились. С ним может быть Кулсу^[65]. Если так, остерегайся её лезвий.

— Каких лезвий?

— Тех, что я только что упомянул.

— Почему Кулсанс — это они?

— Увидишь.

— Они ужасны? — Кристиан готовил себя к худшему.

Бэрронс бросил на него насмешливый взгляд.

— Не ужаснее того, каким им можешь показаться ты.

— Ну, и откуда они? Как ты находишь этих старых богов?

— Заткнись уже нахрен.

— Да что черт подери не так с попытками понять мою ситуацию? Ты был такой же занозой в заднице, когда Мак пыталась со всем разобраться? Как она тебя терпела?^[66]

— Она предпочитает, чтобы я лежал. На ней. Часто — сзади неё. Хочешь продолжить этот разговор, горец?

Они молча прошли по длинному белому коридору.

Кристиан МакКелтар («Песнь Лихорадки»)

Я украл немного волос Мак и ношу их в бумажнике. Да, Смерть носит бумажник. Забавно, какие вещи ты делаешь в попытках нормализовать себя. Не то чтобы что-то в этом бумажнике имело хоть какую-то проклятую ценность в этом мире, но когда я засовываю его в джинсы, у меня складывается смутное ощущение, что я являюсь Кристианом МакКелтаром из клана Келтаров, у которого есть водительские права, кредитные карты и фотография матери, и ещё одна фотография меня с моей детской любовью Тарой, строящих крепость у озера. Я ношу волосы Мак не из сентиментальности или интереса к ней, а потому что с ними я могу просеяться к ней в любой момент и куда угодно, а присматривать за этой женщиной — в списке моих приоритетов.

Я не упоминал об этом перед Бэрронсом. Он не тот мужчина, которому можно сказать, что ты носишь прядь волос его женщины, а ни у кого и сомнений нет, что она — его женщина.

Просеяться к её местонахождению в доме Мэллиса просто. Я касаюсь её волос и позволяю своему сознанию уйти в то странное холодное место, которое теперь у меня есть, и которое как будто связано с чем-то в земле, что лежит глубже, чем я когда-либо дотягивался своими друидскими искусствами, потянуться к нему, стать с ним единым, и я внезапно шагаю... в сторону, в каком-то смысле, потому что пространство и время больше не функционируют прежним образом для меня, как только я касаюсь этого чего-то, с чем я теперь связан. В один из дней я очень хочу иметь возможность сесть и поговорить с урождённым-а-не-сотворённым Фейри и выведать все о том, что я могу и не могу делать. Может, когда все это закончится, и мы получим кусочек мира.

Она ужасна, стоит посреди помпезной, готической комнаты-кошмара. Не из-за того, как она выглядит, а из-за того, что я чувствую внутри неё какой-то тёмный ветерок, и на мгновение я задаюсь вопросом, не солгал ли мне Бэрронс. Вот Мак, затем там внутри тень, притаившаяся, такая чертовски голодная, тёмная, бархатная и безгранично соблазнительная. Я улавливаю смутное впечатление огромного шарма и харизмы. Что бы ни притаилось в ней, оно умеет прельщать, если захочет. Я стираю свои чувства, пытаюсь охватить его эмоциональное содержимое, и получаю ничего.

Абсо-черт-подери-лютно ничего. Та штука, что живёт внутри

Радужной Девочки Бэрронса, не чувствует. Вообще. Даже ни грамма, даже ни проблеска. Я не могу проникнуть сквозь это. Знай я ранее, когда она приблизилась ко мне в аббатстве, что она одержима *Синсар Дабх*, я мог бы уловить это. Но мои ожидания окрасили моё восприятие. Когда ты не ожидаешь монстра, его сложно увидеть. Когда ты знаешь, что он там, он становится таким видимым, что ты гадаешь, как, черт подери, ты вообще его не заметил.

— Кристиан! — восклицает она, затем взрывается быстрым как стаккато потоком слов: — Что ты здесь делаешь? Где Бэрронс? Он в порядке? Я кому-то навредила? Что насчёт моих родителей? Джада носит браслет? Она должна носить браслет! Иначе ДВЗ опять до неё доберутся. Она ведь в порядке, верно? Я ей не навредила? Я кого-нибудь убила? Кого я убила?

Я прищуриваю глаза, атакуемый правдивым наплывом эмоций. Искренних, если только *Синсар Дабх* не способна в совершенстве их подделывать. Я лишь слегка расслабляюсь, не желая допускать ошибок. Я продолжаю с крайней насторожёностью. Пока не приближаясь ни на дюйм.

— Джада в порядке, она носит браслет, и нет, Мак, ты никому не навредила. Ты просто замотала нас в чёртовы коконы.

— Но на мне была кровь и черные перья и...

— Скажи мне, что в данный момент ты не *Синсар Дабх*, — нетерпеливо перебиваю я её. Это единственный дополнительный тест, который я могу провести. И он может быть достоверным или ложным, в зависимости от мощи злобной Книги.

Она резко останавливается, моргает, затем говорит:

— Я в данный момент не *Синсар Дабх*. Я думаю, она заснула, но ты должен сдерживать меня камнями. Сейчас же, Кристиан, пока она не очнулась. Просейся со мной туда, где камни, и запрети мою задницу. Сделай это!

Приходит моя очередь моргать. Ладно, или *Синсар Дабх* ведёт двойную игру, потому что хочет получить камни, или это действительно Мак, и она наконец-то поумнела.

Она встречается со мной глазами. Крошечные точки красного появляются в уголках глаз, затем исчезают.

— Я знаю, что убила, — говорит она тихим голосом. — И я понимаю, что ты не хочешь мне говорить. Я отскребала себя до твоего прихода. Я знаю, что я должна была сделать, чтобы выглядеть вот так. Пожалуйста, Кристиан, ты должен меня нейтрализовать.

— За этим я и пришёл, девушка, — я протягиваю руку. Когда она рывком кидается ко мне, я вздрагиваю, потому что также ощущаю ринувшийся в мою сторону тёмный ветер, пробирающий до костей, ледяной, ненасытный ветер, который врезается в меня ещё свирепее, чем пронизывающий ветер в тюрьме Невидимых, замораживая моё и без того слишком холодное сердце. Но она берет меня за руку, и её рука тёплая, и она не шлёпает на меня никаких рун, так что я сосредотачиваюсь на Честере и мгновенно переношу нас в то странно пластичное пограничное место, куда имеют доступ Фейри, и мы уходим.

Когда мы вновь появляемся в офисе Риодана, поначалу она ничего не говорит, просто крутится на месте, её лицо освещается, когда она замечает Бэрронса, Джаду и Фэйда. Она прерывисто выдыхает и как будто расслабляется, словно впервые за долгое время сделала глубокий вдох.

Затем она встречается взглядом с Бэрронсом и несколько долгих моментов ничего не говорит, и я каким-то образом знаю, что они ведут полноценных разговор без слов.

Христос. Эмоции, которые я вижу, черт, да почти чувствую в молекулах воздуха между ними — это как ни что другое убеждает меня, что это действительно Мак. Я с любопытством наблюдаю за Бэрронсом. Чувствует ли он? Способен ли он чувствовать? Я не могу как следует его прочесть, но бездна, которую я чувствовал внутри него прежде, внезапно больше не пустует.

Она наполняет её каким-то образом. И в наполнении переопределяет эту бездну. И его самого.

Затем её лицо изменяется, и она хмурится.

— Я спросила, кого я убила, Бэрронс? Не ври мне.

— Это не имеет значения, — говорит он.

— Каждая жизнь имеет значение.

— Ты убила одного Невидимого и одну-единственную ши-видящую.

— Кого? — рявкает она.

Бэрронс пожимает плечами.

— Я не знаю.

— Опиши её, — требует Джада.

Когда он подчиняется, Джада бормочет «Марджери», обращаясь к Мак.

Мак опускает голову и сникает.

Бэрронс движется в её сторону, и она напрягается и отступает.

— Не касайся меня. Вы должны заточить меня камнями. Я думаю, она спит, но подозреваю, что это ненадолго, и я понятия не имею, что случится потом.

— Мак, — мягко говорит он. — Мне нужно тебя коснуться, чтобы я проник внутрь...

— Нет! — рывкает она. — Сначала запрети меня, а потом касайся, если хочешь.

— Тогда я могу не суметь дотянуться до тебя, — рывкает он в ответ.

— Тебе придётся рискнуть. Я знаю, на что эта штука способна. Я чувствую её в себе. Не прямо сейчас, но я чувствовала её, когда она завладела мной. Она... забавляется страданиями. Она кормится ими, процветает от них, вытягивает из них энергию. Она запредельно садистская и извращённая, но прямо сейчас она еле как барахтается. Она не в расцвете своих сил. Но скоро его достигнет, — её голова резко поворачивается к Джаде. — Браслет — то, что не даёт ДВЗ тебя найти. Никогда его не снимай. Я не знаю, что Книга сделала с Чистильщиком. Он может все ещё быть где-то там.

— Она послала его назад во времени, — быстро говорит Джада.

— Проклятье! Так значит, часть легенды правдива, она может манипулировать временем, — Мак взрывается: — Заприте меня сейчас же!

Бэрронс рядом с ней. Он просто исчезает и появляется вновь с руками на её плечах, как будто он тоже может просеиваться. Что, черт подери, такое эта Девятка? Точнее, теперь десятка. Супер, Дэйгис и до того был проблемой. Теперь он где-то там и способен двигаться как Девятка. Если он охотится, ничто не заметит его приближения.

Они оба на долгое мгновение застывают, Мак смотрит вверх, Бэрронс смотрит вниз. Затем она мягко произносит:

— Ты что-нибудь придумаешь. Это не будет постоянным. Или, возможно, я что-нибудь придумаю. Но ты должен это сделать. Я не могу гарантировать, что она просто не перепрыгнет в другое тело, если я убью себя. Пожалуйста, Иерихон, не позволяй мне убить кого-то ещё. Я не хочу жить со смертью дорогих мне людей на моей совести. Я не хочу жить с судьбой мира на моей совести. Я не могу. Это единственный способ, и ты это знаешь.

— Тише, — мягко говорит он и закрывает глаза.

— Иерихон, не надо, — говорит она. — Я не знаю, что она может сделать с тобой. Не ходи внутрь меня за ней.

— Проклятье, доверься мне в том, что я сумею выжить.

— Я не вынесу твоей смерти, — говорит Мак. — Это превратит меня в такого же монстра, как и тот, что живёт во мне. Однажды я готова была разрушить мир, просто чтобы вернуть тебя!

Он открывает глаза, и его губы изгибаются в слабой улыбке.

— Я знаю, — говорит он, тёмные глаза поблёскивают.

— Это не хороший поступок, — шипит она.

— С моей точки зрения хороший.

— Что ж, а с моей нет, черт подери, — рычу я. — Ты её слышал. Бэрронс, давай камни, — если он не даст, я окажусь возле него за секунды, заберу их у него.

Они игнорируют меня. Джада стоит, наблюдая за ними с явным восхищением.

— Проклятье, постарайся расслабиться, Мак, — рычит Бэрронс. — Отпусти это. Ты воздвигла стены. Опустите их, — требует он. Он открывает глаза, сверля её тёмным взглядом.

Она поджимает подбородок и упрямо смотрит вверх.

— Мак, — мягко произносит он. Затем его глаза говорят что-то ей, и я не могу это прочесть, но что бы там ни было, её губы изгибаются в медленной улыбке удовольствия.

— Я думала, ты не веришь в слова, — говорит она с хриплым смешком.

— Я верю в тебя. И иногда ты такая непонятливая, что я вынужден к ним прибегнуть. Впусти меня.

С тихим вздохом она закрывает глаза и льнёт к нему, сплавляя их тела воедино.

И тогда-то ад вырывается на свободу.

Мак и Риодан («Песнь Лихорадки»)

— Она поцеловала меня. Она хотела... — он умолк на полуслове.

Я бросила на него язвительный взгляд.

— Скажи мне, что ты не занимался сексом с Дэни.

— Конечно, нет, — прорычал он.

Я возмущённо произнесла:

— Ну и почему нет? Что не так с Дэни? Ты спишь со всеми подряд.

Он бросил на меня пустой взгляд, который мгновенно превратился в раздражённость.

— Ты не можешь усидеть на двух стульях, Мак. Ты не можешь злиться на меня, потому что думаешь, что я сделал это, а потом злиться на меня, потому что я этого не делал. Это что ещё за херня?

— Таков принцип вещей, — сказала я, хмурясь. — Дэни не стоит спать с тобой, по крайней мере, не сейчас. Но как ты смеешь отвергать мою девочку? Она — лучшее, что ты когда-либо мог надеяться получить.

— Ты думаешь, я этого не знаю? — затем он тихо сказал: — Она девственница.

— О! — Слава Богу. В моем животе ослаб узел, о наличии которого я даже не подозревала. Я так боялась, что девственность забрали у неё ещё в детстве, или забрали в Зеркала, или она отдала её так же холодно и обезличено, как порно-звезда. — погоди, — сказала я, снова хмурясь, — то есть это единственная причина, по которой ты этого не сделал?

— У меня было много грёбанных причин. Я сказал тебе, что она девственница, потому что подумал, что ты захочешь знать. Решил, что не я один беспокоился о том, что могло случиться в Зеркала. Срыв в аббатстве из-за Шазама заставил меня думать, что у неё мог быть ребёнок.

Я смягчилась.

— О. Итак, как все между вами закончилось? — моя дорогая Дэни. Она в первый же раз с места в карьер получила отказ. Я ненавидела это. Я не хотела, чтобы её когда-либо отвергали. Почему вообще она выбрала Риодана? Когда она впервые вернулась как Джада, я могла себе это представить. Но она больше не была той ледяной женщиной, и чем сильнее она оттаивала, тем моложе казалась. Я застонала, понимая её мотивы. — Она всегда хотела, чтобы её первый раз был эпичным. Вот почему она хотела тебя. Ни один из других её вариантов не был доступен. Бэрронс не у дел, а В'Лэйн оказался Круусом.

Он рявкнул:

— Ни один из её других... погоди, она хотела отдать девственность Бэрронсу? Она сказала это?

Я пожала плечами.

— Она была подростком.

— У Бэрронса и Дэни никогда бы ничего не вышло, — натянуто сказал он.

— Никто и не говорит, что у них что-то вышло бы. Это было бы так же неправильно, как я и ты. Фу.

Он ощетинился.

— Что, черт подери, со мной не так?

— И вот оно, — сказала я. — Видишь? Ты не хочешь заниматься со мной сексом, но тебя все равно злит, когда я тебя отвергаю.

Он бросил на меня ледяной взгляд.

— Ты меня не отвергала. Я и не предлагал. Но если бы мне вздумалось, я сумел бы изменить твоё мнение.

О Боже, мужчины. Иногда просто слов нет.

Бэрронс гортанно зарычал.

— Не то чтобы я хотел, — поспешно сказал Риодан. — Или когда-либо захочу.

Бэрронс снова зарычал.

— Христос, давайте просто закончим этот разговор, — натянуто сказал Риодан. — Он никуда не ведёт.

— Давайте, — согласился Бэрронс.

— А давайте без давайте, — сказала я. — Как все закончилось у вас с Дэни? — надавила я, беспокоясь за неё.

— Я ушёл, вот как это закончилось, черт подери. Я как можно быстрее унёс оттуда ноги.

— Итак, ты не знаешь, куда она пошла? — мне нужно было её найти. Поговорить с ней. Посмотреть, могу ли я помочь с её побитой... гордостью или чувствами или тем, через что она проходит. Я сказала Бэрронсу: — Я просеюсь к ней и посмотрю, как у неё дела.

Риодан застыл, хрипло втянув воздух.

— Ах, проклятье! Не надо, — прорычал он, поворачиваясь ко мне спиной и сжимая руки в кулаки.

— Не говори мне, что де...

— Не просеивайся к ней. Ужасно неподходящее время.

Я уставилась на него. Его спина была прямой как шомпол, и он дрожал. Он повернулся и бросил на Бэрронса непроницаемый взгляд,

настолько полный непонятного разговора, и я отчаянно желала интерпретации.

Бэрронс замер, закрыл глаза и потёр их пальцами.

— Что происходит? — тихо спросила я.

Не открывая глаз, Бэрронс пробормотал:

— Дэни занимается сексом.

Мой взгляд метнулся обратно к Риодану.

— Ты чувствуешь это из-за метки на её шее?

Риодан ничего не сказал, просто стоял там, будто превратившись в камень, ноздри раздувались, глаза сверкали кровавым. Его клыки удлинились, выступая изо рта.

Мой взгляд метнулся обратно к Бэрронсу, и я как раз собиралась заговорить, когда он сказал Риодану:

— Когда ты татуировал её, ты знал, что это сделает с тобой. Ты знал цену.

— Какую цену? — потребовала я.

— Она пошла от меня прямо к нему, — сказал Риодан почти неслышно.

— К нему — к кому? — я буквально орала.

— Её грёбаному парнишке-гению, — прошипел он.

Я невольно улыбнулась. Она была с Танцором. Это та самая эпичность, которой я хотела для женщины, которой она начала становиться. Для Дэни «Мега» О'Мэлли эпичность может быть лишь одной-единственной вещью, которой у неё никогда не было: нормальностью. Затем моё сердце упало, когда я вспомнила о состоянии сердца Танцора. Я на мгновение потерялась в мыслях, надеясь, что она не... ну, конечно, она не будет слишком... усердствовать. Дэни суперсильная, она вибрирует, когда взбудоражена. Ох, мне действительно нужно перестать думать об этом. Я покачала головой, чтобы выбросить эти образы, и сказала Риодану:

— Ты поступил правильно. Тебе никогда не стоило быть её первым.

Он посмотрел на меня так, будто я совершенно выжила из ума.

— Конечно, не стоило, — затем его лицо ожесточилось, и в его древних глазах заворочалось нечто, что я не могла определить. — Я буду её последним.

Не сказав больше ни слова, Риодан превратился в зверя и исчез.

Риодан и Бэрронс («Высокое напряжение»)

До того, как я начала писать роман, мне нужно было увидеть, как Риодан принимает решение уйти, до конца понять эмоции и мотивы, стоящие за этим решением. Я написала эту сцену между ним и Бэрронсом, чтобы воплотить это в своей голове...

— Чего ты ждёшь? — потребовал Риодан.

Иерихон Бэрронс расхаживал по каменным плитам с такой ожесточённостью, что его ботинки с каждым шагом выбивали каменную пыль.

— Я не думаю, что это хорошая идея.

Риодан холодно сказал:

— Я не просил тебя думать. Просто сделай это.

— А если ты нам понадобишься? — Бэрронс так резко развернулся к нему, что ткань его длинного пальто хлестнула как кнут.

— Это пять лет, — уголок рта Риодана приподнялся в насмешливой улыбке. — Уверен, ты как-нибудь справишься без меня такой короткий промежуток времени. В мире Фейри с Мак для тебя может пройти всего месяц лили два, — в том пограничном месте, где древние Фейри держали официальный двор, время еле ползло.

— А если что-то пойдёт не так? Ты не продумал это до конца, — прорычал Бэрронс.

Риодан выгнул бровь. В этом его никогда прежде не обвиняли. Он учитывал каждую деталь, часто смотрел на столетия вперёд, терпеливо перенастраивал. Теория стержня была его специальностью. Он тот, кто знал, как разрушить вещь, личность, общество, контролировал это.

— Ты забыл, с кем разговариваешь?

— Я разговариваю с грёбаным идиотом, который считает подобное приемлемым вариантом, — сорвался Бэрронс.

— Я принял меры предосторожности. Дэни будет в безопасности.

— Она — не единственная наша забота. Есть ещё Дэйгис...

— Лор даст тебе знать, если услышит что-то о Трибунале. Ты знаешь, где меня найти, — кажется, что время также медленнее двигалось в том странном, ужасающем месте, где обитал Трибунал; в логове, которое они

никогда не могли найти. Могли пройти десятилетия до того, как обрушится возмездие. Иногда он рассматривал вариант, что Трибунал нарочно не торопился, позволяя провинившемуся члену Девятки думать, что они взяли человека, и им это сошло с рук, чтобы когда этого человека украдут у них, это резало больнее. Опять-таки, этого могло не случиться. Их всегда было десять. Трибунал приходил только тогда, когда это число увеличивалось. Со смертью сына Бэрронса они могут никогда не прийти.

— Это, черт подери, не ответ, Риодан, — нетерпеливо сказал Бэрронс.

— Я убил без причин и не для кормления. Я не забираю жизнь без повода. Пусть нас мало что отличает от Фейри, но это одна из определяющих черт.

— У тебя была причина. Я делал то же самое.

Риодан печально улыбнулся.

— И оставить за ней след трупов?

— Она не оглядывается назад.

— Так и есть. Но однажды обернётся. И возненавидит меня за это. Она защищает невинных. Она не убивает их потому, что что-то её взбесило.

— Ты не знаешь, был ли он невинным.

— Не был. Но согласно её кодексу, он не заслуживал смерти.

— Ты не убил Танцора.

Взгляд Риодана отгородился. Это другое. Она любила Танцора. Нежность аккомпанировала эротическим изображениям, бомбардирующим его через их связь, смягчая его зверя ровно настолько, чтобы он сумел запереть себя в клетке под Честером, забаррикадироваться, с Лором, Фэйдом и Кастео, стоящими на страже.

Дэни не чувствовала никаких эмоций к мужчине, которого он разорвал на куски, лишь голод в её костях, желание не быть одинокой. Чувствовать вокруг себя руки мужчины и с закрытыми глазами притворяться, что он тот, кто умер в её постели. Чувствовать себя такой, какой заставлял её чувствовать Танцор: лелеемой.

Это не сработало. Мужчина не вернул того, что способна была дать эта женщина. Неземная страсть встретилась с тупой, плебейской похотью. А затем, когда она остановилась, ублюдох попытался взять то, чего изначально не заслуживал.

Она ушла более пустой и более одинокой, чем пришла, и горе, которое она испытывала в глубине души, уничтожило цепи на его звере.

Он отказывался наполнять её жизнь трупами.

Бэрронс смотрел на него каменным взглядом через всю комнату. Риодан бесстрастно смотрел в ответ. Он знал, какой большой ценой

обходилось его старшему брату пребывание здесь; он поклялся, что ноги его больше не будет в этом месте. После бесконечно долгого молчания, в течение которого они осознали, что оба просидят здесь маленькую вечность, пока один из них не отведёт взгляда, Бэрронс резко отвернулся и бросил через плечо:

— Есть другой вариант. Скажи ей, что...

— Нет, — прорычал Риодан. — Это не её проблема. А моя. Ей нужно дышать, жить на своих условиях, определить себя. Не от противного, а по своему выбору. Никаких границ. Никаких лимитов. Ни единой грёбаной клетки, — он знал Дэни. Если бы он сказал ей, она либо ограничит свои действия, чтобы соответствовать, либо снова срежет татуировку — как сделала это в Зеркалах. Ни то, ни другое неприемлемо. Свобода — это то, чего она никогда не знала. Он хотел, чтобы она упивалась ею.

— Но Дэни просила тебя сделать ей татуировку.

— Она не знала, о чем просит. Я предложил это как оружие, щит. Она хотела защиты, ничего больше, — пауза, затем, со льдом в серебристых глазах, Риодан сказал: — Я убью вновь. Это моя проблема. Не её.

Давным-давно, они бегали в звериной шкуре, не подчинялись никаким кодексам, не знали никаких законов. Они были на волоске от превращения в существ ничуть не лучше бессмертных, скучающих, монструозных Фейри. Бэрронс утащил их от этого края. Сделал из них дикарей с кодексом, который удерживал их южнее монструозности. В редких случаях, когда один из них срывался, Бэрронс и Риодан делали все необходимое, чтобы его вернуть. Разделяясь, они быстро забывали предписания, которые служили им совестью, защищали их секреты и обеспечивали их процветание. Бэрронс силой внедрял закон, Риодан удерживал их вместе. Ни один из них не нарушал их кодекс в последние столетия. Но Риодан совершил кровавое убийство, ведомый примитивной, неконтролируемой яростью на ситуацию, а не на мужчину, которого он убил.

Он мог срезать татуировку с кожи Дэни. Он жаждал сбежать от жестокой интимности их связи. Интимности, о которой она не знала, не осознавала, как это работало.

И все же, если он срежет метку с её плоти, он не сумеет найти её, если она потеряется.

Он поклялся ей, что никогда больше не позволит ей потеряться.

Он поклялся самому себе. Их связь была гарантией, что она больше никогда не встретится лицом к лицу с опасностью в одиночку.

Дэни О'Мэлли была одна во всех неправильных смыслах и ни в одном

правильном. Будучи заточенной в детстве, она была неспособна выбирать даже простейшие элементы её повседневного выживания. Он будет контролировать каждый её чёртов шаг, если останется в своём текущем несбалансированном состоянии. Он нанесёт непоправимый урон. Она отсидела свой срок в клетке. Он отсидит свой.

— Что, если она потеряется? — наконец, спросил Бэрронс.

Риодан ничего не сказал, лишь прислонился к решёткам и сложил руки за головой. Бэрронс знал, что если Дэни использует заклинание, врезанное в её телефон и плоть, ничто не мешает Риодану быть посланным к ней, даже учитывая то, что его брат собирался с ним сделать. Он также дал ему инструкции на тот случай, если она просто позвонит ему, что будет означать её готовность, и Бэрронс его освободит.

— Ты будешь голодать здесь, внизу, — настаивал Бэрронс.

— Я устрою резню там, наверху.

— Годы принесут с собой безумие.

— Я справлюсь с этим.

— Ты все равно будешь все чувствовать.

И вновь Риодан ничего не сказал. Нечего было говорить. Это правда. Будет. Но он не убьёт вновь.

— Ты можешь застрять в шкуре зверя. Не суметь превратиться обратно, — Бэрронс давил, его глаза мерцали кроваво-красным, когда он вспоминал другой день, другое время.

— В отличие от тебя, я предпочитаю человеческую шкуру. Я найду дорогу обратно.

— Тут темно. Под землёй.

Бэрронс знал его прошлое.

— Это было очень давно, — парировал Риодан с мягкой угрозой.

— Это будет адом.

— Я знаю, что такое ад, Бэрронс. И это не он, — однако маленький кусочек ада — это отнимать жизнь человека просто потому, что Дэни позвала его в постель. Куда больший кусок ада — знать, что он сделает это снова и снова. Огромнейшая порция ада — видеть презрение в её глазах. — Сделай это, — сказал он Бэрронсу. — Ты мне должен.

Пока он не начал вновь терять контроль и не решил, что его устраивает убить их всех. Пока он не убедил себя в том, что любовь — это активная забота и беспокойство о благополучии тела и души другого человека, как она однажды проинформировала его с презрением и пламенем, горящим в её глазах, и что это оправдывает уничтожение всей интимности кроме его собственной.

После долгого молчания Бэрронс пробормотал:

— Когда мы впервые расшифровали это заклинание, мы знали, что одно лишь его нанесение потребует высокой цены. Это не твоя вина. Ты даровал ей величайшую защиту, на которую только способен — готовность отринуть все, превратиться в машину для убийств, в которой она нуждается, в любое нужное ей время. Ты принимаешь необходимость жертвовать своей разумностью и жизнью всякий раз, когда она тебя призывает. Ты даруешь ей бесконечный контроль над собой и открываешь себя для связи, которая может стать для нас чистым адом. И одно лишь нанесение этой метки ослабляет узду твоего зверя. Это неизбежный побочный эффект.

И вновь Риодан ничего не сказал. Цивилизованный на протяжении тысячелетий, дисциплинированный, обладающий железной волей, он верил, что может справиться с этим. Ничто не выбивало его из колеи.

Кроме этой женщины.

— Мы переносим заточение не лучше, чем Фейри. Хуже, чем сжигание заживо, — рявкнул Бэрронс.

— Боль относительна.

— Что если пяти лет будет недостаточно?

— Лучше бы этого оказалось достаточно — она смертная, — пять лет, потраченных впустую. Пять лет её жизни, которые Риодан никогда не увидит. И это будут вторые пять лет её жизни, которые он потерял. Десятилетие в общей сложности. Он резко вдохнул, застывая, когда изогнутые черные когти вырвались из кончиков пальцев. Он ударил руками по полу, прорезая глубокие царапины в камне. Его скелет внезапно оказался слишком крупным для его тела, мышцы трансформировались и удлинились.

Она пылала внутри, злилась на что-то, и он это чувствовал. Он чувствовал все, что чувствовала она, в этом и проблема. Он хотел, чтобы она попробовала на вкус все, что предлагает мир. Жадно поглотила это.

Затем выбрала его.

Потому что он — лучшее, что мир мог предложить.

Для самого незаконного из мужчин, выбор был золотым: неважно, чем ты являешься; важно, что ты с этим делаешь.

— Сделай. Это. Сейчас же.

Бэрронс вздохнул, признавая, что это один из чрезвычайно редких споров, в котором он не победит.

— Наши браслеты связывают нас. Тебе нужно всего лишь потребовать, чтобы я освободил тебя, если ты передумаешь.

И из-за их браслетов Бэрронс будет чувствовать его боль, терпеть её в безмолвии и никогда о ней не говорить. Риодан опустился на мощные чернокожие ляжки с низким гортанным рычанием.

— Ах, брат, — Бэрронс пробормотал череду ругательств на языке, который давно умер, но склонил голову и закрыл глаза. Когда он открыл их вновь, они стали кроваво-красными озёрами. Замысловатые татуировки скользили и двигались под его кожей, пока он напевал слова древнего заклинания.

Риодан начал кричать.

Но настанет день, когда единственным звуком, наполняющим это адское место, будет мучительный лай полубезумного оголодавшего зверя в бесконечной боли.

ГЛОССАРИЙ

ЛЮДИ

ШИ-ВИДЯЩИЕ

ШИ-ВИДЯЩАЯ (ВИДЯЩАЯ СИДХОВ): человек, на котором не работает магия Фейри, способный видеть сквозь иллюзии или «чары» Фейри их истинную природу. Некоторые также способны видеть Табх'ры — потайные порталы между мирами. Другие могут чувствовать объекты силы Видимых и Невидимых. Каждая ши-видящая уникальна и обладает различной степенью сопротивляемости к Фейри. Некоторые ограничены, некоторые развиты и наделены многочисленными «особыми силами». Тысячелетия ши-видящие защищали людей от Фейри, проскальзывающих в дни языческих праздников, когда барьеры становились тоньше, чтобы устроить Дикую Охоту и похищать людей.

АВГУСТА О'КЛЭР: Бабушка Телли Салливан. Бэрронс отвёз Айлу О'Коннор в её дом в ту ночь, когда *Синсар Дабх* сбежала из своей тюрьмы под аббатством Арлингтон двадцать с лишним лет назад.

АЙЛА О'КОННОР: биологическая мать Мак. Двадцать с лишним лет назад Айла была лидером Хэйвена, одним из семи доверенных советников Грандмистрисс в священном удалённом круге ши-видящих в аббатстве Арлингтон. Ровена (Грандмистрисс) хотела, чтобы лидером Хэйвена была её дочь, Кайли О'Рейлли, и пришла в ярость, когда женщины избрали Айлу. Айла была единственным членом Хэйвена, пережившим ночь, когда *Синсар Дабх* сбежала из тюрьмы под аббатством. Она недолго была одержима Темной Книгой, но не превратилась в смертоносную садистскую машину для убийств. В хаосе, творившемся в аббатстве, Айла была ранена и сильно пострадала. Бэрронс говорил Мак, что посещал могилу Айлы пять дней спустя после её ухода из аббатства, и что она была кремирована. Бэрронс говорит, что насколько ему известно, у Айлы была лишь одна дочь. Позднее он говорит Мак, что вполне возможно, что Айла была беременна той ночью, когда он её видел, и ребёнок мог выжить при должном медицинском уходе. Он также говорит, что возможно Айла не умерла и выносила другого ребёнка (Мак) и отдала его. Бэрронс предполагает, что Айла выжила, потому что разумное зло в лице *Синсар Дабх* копировало себя в её беззащитного эмбриона, создала абсолютную копию себя внутри

неродившейся Мак и умышленно пощадила её. Считается, что Айла умерла, родив Мак, но договорилась, что её подруга Телли тайно вывезет обеих её дочерей из Ирландии в приёмную семью в Штатах, запретив когда-либо возвращаться в Ирландию.

АЛИНА ЛЕЙН (О'КОННОР): Женщина, погибшая, старшая сестра МакКайлы Лейн. В возрасте двадцати четырёх лет отправилась в Дублин для обучения в Тринити-колледже и обнаружила, что является ши-видящей. Стала любовницей Гроссмейстера, также известного как Дэррок, бывшего Фейри, которого королева Эобил лишила бессмертия за попытку низвергнуть её власть. Алина была убита Ровеной, которая магией заставила Дэни О'Мэлли заманить её в аллею с парой смертоносных Невидимых.

ДАНИЭЛЬ «МЕГА» О'МЭЛЛИ: Главная героиня. Невероятно одарённая ши-видящая с генетической мутацией, крайне высоким IQ, суперсилой, скоростью и дерзостью. С ранних лет Ровена использовала её, манипулировала ею, Дэни превратилась в личного ассасина старухи и была вынуждена убить сестру Мак, Алину. Несмотря на тьму и травму детства, Дэни бесконечно оптимистичная, решительно намерена выжить и получить свою долю жизни плюс многое другое. В «Лихорадке теней» Мак узнает, что Дэни убила её сестру, и теперь эти двое, некогда близкие как сестры, мучительно отдаляются друг от друга. В «Скованных льдом» Дэни убегает от Мак и ныряет в Зеркало, не зная, что оно ведёт прямиком в опасный Зал всех Дорог. В книге «В огне» мы узнаем, что хотя на Земле прошли считанные недели, Дэни потребовалось пять с половиной лет, чтобы найти дорогу домой, и когда она возвращается, она называет себя Джадой.

ДЖО БРЕННАН: Около 25 лет, маленького роста, с изящными чертами и короткими непокорными темными волосами. Она происходит от одного из шести знаменитых ирландских родов, способных видеть Фейри (О'Коннор, О'Рейлли, Бреннан, МакЛафлин или МакЛофлин, О'Мэлли и Кеннеди). Её особый талант — эйдетическая или исключительная память на факты, но, к сожалению, к своим двадцати с лишним годам в её голове столько много фактов, что она едва может найти нужные. Она никогда не могла создать нормальную систему хранения. Когда Кэт негласно отправляет её работать в Честер, чтобы они могли шпионить за Девяткой, Джо вынужденно устраивается на работу официанткой в клуб бессмертного Риодана, и когда он достаивает её своего знаменитого кивка, приглашая её в свою постель, она не может устоять, хотя знает, что это обречено на великий провал. В книге «В огне» Джо переключается на

Лора (который в то время по слухам является при-йей и не вспомнит ничего), после разрыва с Риоданом, чтобы «выскрести его вкус из её рта». Слишком поздно она узнает, что Лор никогда не был при-йей и не собирается забывать ничего из тех сексуальных образов, происходивших между ними. Хотя, честно говоря, он бы с удовольствием забыл.

КАЙЛИ О'РЕЙЛЛИ: Дочь Ровены, внучка Наны, лучшая подруга Айлы О'Коннор. Была убита двадцать с лишним лет назад, в ночь, когда *Синсар Дабх* сбежала из аббатства.

КАТАРИНА (КЭТ) МАКЛАФЛИН (МАКЛОФЛИН): дочь печально известной в Дублине криминальной семьи, обладает даром сильной эмпатии. Она чувствует боль мира, все эмоции, которые люди так старательно пытаются скрыть. Её семья сочла её бесполезной и абсолютной неудачницей, и потому в юном возрасте отправила её в аббатстве, где Ровена манипулировала и унижала её, пока Кэт не начала бояться своих сил и блокировала их страхом. Уравновешенная, крайне сопереживающая, со спокойными серыми глазами, скрывающими её постоянное внутреннее смятение, она отчаянно хочет научиться быть хорошим лидером и помогать остальным ши-видящим. Она отвернулась от семейного бизнеса мафии в поисках более честной жизни. Когда Ровену убили, Кэт вынудили стать следующей Грандмистрисс — должность, для которой она считала себя неподходящей. Даже будучи заточенным под аббатством, Круус все ещё может наводить чары, и во снах он каждую ночь соблазняет Кэт, вызывая у неё стыд и ощущение, будто она недостойна управлять или быть любимой её давним приятелем Шоном О'Баннионом. У Кэт искреннее чистое сердце и чистые мотивы, но для того, чтобы руководить, ей недостаёт силы, дисциплины и веры в себя. В книге «В огне» она приходит к Риодану и просит его помочь ей стать более сильным и хорошим лидером. После предупреждения быть осторожнее со своими просьбами, он запирает её внизу Честера в комнатах с молчаливым Кастео.

МАККАЙЛА ЛЕЙН (О'КОННОР): главная героиня, женщина двадцати трёх лет, приёмная дочь Джека и Рейни Лейн, биологическая дочь Айлы О'Коннор. Светлые волосы, зелёные глаза, провела идеальное безопасное детство в южных штатах. Когда её биологическая сестра Алина была убита, а Гарда быстро закрыла дело, не имея зацепок, Мак бросила свою работу бармена и направилась в Дублин, чтобы самостоятельно найти убийцу Алины. Вскоре после своего прибытия она встречает Иерихона Бэрронса и неохотно начинает работать с ним над общими целями. Среди своих многочисленных навыков и талантов Мак может отслеживать объекты силы, созданные Фейри, включая древнюю,

разумную и психопатичную Книгу магии, известную как *Синсар Дабх*. В конце «Лихорадки теней» мы узнаем, что двадцать лет назад, когда *Синсар Дабх* сбежала из своей тюрьмы под аббатством, она ненадолго завладела матерью Мак и вложила полную копию себя в беззащитного эмбриона. Хотя Мак удаётся вновь захоронить опасную Книгу, одновременно со своей победой она узнает, что существует две копии; одна из них — она сама, и она никогда не освободится от искушения воспользоваться её безграничной смертоносной силой.

НАНА О'РЕЙЛЛИ: Мать Ровены, бабушка Кайли. Пожилая женщина, живущая в одиночестве у моря, склонная засыпать на середине предложения. Она презирала Ровену, видела её насквозь и была в аббатстве в ночь, когда *Синсар Дабх* сбежала более двадцати лет назад. Хотя многие её допрашивали, никто никогда не слышал полной истории, что произошло той ночью.

ПАТРОНА О'КОННОР: Биологическая бабушка Мак. На сегодняшний день о ней практически ничего не известно.

РОВЕНА О'РЕЙЛЛИ: Грандмистрисс организации ши-видящих до самой своей смерти в «Лихорадке теней». Управляла шестью главными ирландскими родами ши-видящих, но вместо того, чтобы тренировать их, лишь контролировала и ослабляла. Яростно жаждущая власти, манипулирующая и самовлюблённая, она поддалась соблазну *Синсар Дабх* и освободила её. Она ела плоть Фейри, чтобы увеличить свою силу и таланты, держала низшие касты Фейри взаперти под аббатством. Пробуя свои силы в опасных темных искусствах, она экспериментировала на многих ши-видящих в своём подчинении, в особенности на Дэни О'Мэлли. В «Лихорадке теней» она была одержима *Синсар Дабх* и соблазняла Мак иллюзией родителей, которых у той никогда не было, чтобы заполучить единственный амулет иллюзий, способный обмануть даже Короля Невидимых. Мак видит сквозь иллюзию и убивает Ровену.

ДЕВЯТКА

О них мало что известно. Они бессмертные, которые давным-давно были прокляты жить вечно и возрождаться после каждой гибели в одной и той же неизвестной географической локации. У них есть альтернативная звериная форма — дикая, кровожадная и атавистически превосходящая. Считается, что изначально они были людьми с планеты Земля, но это не подтверждено. Изначально их было десять, включая юного сына Бэрронса. На данный момент известны следующие имена, которыми они

представляются: Иерихон Бэрронс, Риодан, Лор, Кастео, Фэйд. В «В огне» мы узнаем, что одного из них зовут Даку. Есть слухи, что один из членов Девятки — женщина.

ИЕРИХОН БЭРРОНС: Главный герой. Один из группы бессмертных, обитающих в Дублине, по большей части в ночном клубе Честер, их признанный лидер, хотя Риодан отдаёт многие распоряжения Бэрронса и следит за их исполнением. Высотой шесть футов три дюйма^[67], черные волосы, карие глаза, 245 фунтов^[68] веса, день рождения — 31 октября, ему якобы 31 год, инициал среднего имени — З, что происходит от Зигор — «наказанный» или «каратель», в зависимости от диалекта. Он искусно владеет магией, могущественными охранными заклинаниями, умеет обращаться с друидским искусством Гласа, страстный коллекционер антиквариата и суперкаров. Он презирает слова, верит в то, что судить нужно только по действиям. Никто не знает, как долго живёт Девятка, но упоминания о них простираются более чем на десять тысяч лет назад. Если Бэрронс умирает, он возрождается в неизвестном месте, в точности там, где умер в первый раз. Как и у остальных из Девятки, у Бэрронса есть звериная форма, в которую он может обратиться по своему желанию или по принуждению. У него был сын, который также являлся бессмертным, но в какой-то момент в далёком прошлом, вскоре после того как Бэрронса и его людей прокляли и сделали тем, чем они являются, ребёнок подвергся жестоким пыткам и превратился в постоянную безумную версию зверя. Бэрронс держал его в заточении под гаражом, тогда как сам искал способ освободить его, из-за чего стремится завладеть самой мощной Книгой магии в истории — *Синсар Дабх*. Он искал способ прекратить страдания своего сына. В «Лихорадке теней» Мак помогает ему упокоить его сына при помощи древнего Охотника, К'Врака.

РИОДАН: Главный герой. Шесть футов четыре дюйма^[69], 235 фунтов^[70], худой и поджарый, с серебристыми глазами и темными волосами, почти выбритыми по бокам, обладает пристрастием к дорогой одежде и игрушкам. У него есть шрамы на руках и огромный толстый шрам, проходящий от груди до подбородка. Владелец Честера и мозг, стоящий за бизнес-империей Девятки, он управляет повседневными вопросами их существования. Всякий раз, когда Девятку замечали в прошлом, он был королём, правителем, языческим богом или диктатором. Бэрронс — молчаливый приказ Девятке, Риодан — голос. Бэрронс — животный и примитивный, Риодан — любезный и профессиональный. Крайне сексуален, любит секс на завтрак, и ест рано и часто.

ЛОР: Шесть футов два дюйма^[71], 220 фунтов^[72], светлые волосы, зелёные глаза, скандинавские черты лица, он представляется пещерным человеком, и ему это нравится. Мускулистый, покрыт шрамами. Жизнь Лора — постоянная вечеринка. Он любит музыку, горячих блондинок и предпочитает приковывать своих женщин в постели, чтобы иметь возможность как следует ими насладиться, он готов сыграть практически какую угодно роль в постели ради спортивного интереса. Однако много лет назад его называли Костеломом, который наводил страх и ужас на весь Старый Свет.

КАСТЕО: Высокий, смуглый, покрыт татуировками и шрамами, с короткими, почти бритыми темными волосами, он уже тысячу лет ни с кем не разговаривал. Ходят слухи, что остальные члены Девятки убили женщину, которую он любил.

ФЭЙД: До сих пор о нем мало что известно. Во время событий «Лихорадки теней» *Синсар Дабх* непродолжительное время обладала им и использовала его, чтобы убить Бэрронса и Риодана, а затем, чтобы угрожать Мак. Высокий, мускулистый и покрыт шрамами, как и остальные из Девятки.

ФЕЙРИ

Также известные как Туата Де Дананн или Туата Де (ТУА дей данна или Туа ДЕЙ). Развитая раса иномирных существ, обладающих огромными способностями к магии и иллюзиям. После войны, разрушившей их мир, они колонизировали землю, устроившись на берегах Ирландии в облаках тумана и света. Изначально Фейри были едины, и все они были Видимыми, но Король Видимых оставил королеву и создал свой двор, когда она отказалась использовать Песнь Созидания, чтобы даровать его возлюбленной бессмертие. Он стал Королём Невидимых и создал тёмный, зеркально обратный двор Фейри-каст. Тогда как Видимые — золотистые, сияющие и прекрасные, Невидимые, за исключением высшей знати, обладают темной кожей и волосами, бесформенные, ужасные отродья с садистскими ненасытными желаниями. И у Видимых, и у Невидимых есть четыре королевских дома для принцев и принцесс, которые зависимы от секса и крайне смертоносны для людей.

Невидимые

КОНКУБИНА/ВОЗЛЮБЛЕННАЯ (изначально человек, теперь

Фейри, см также Эобил, Королева Видимых, Король Невидимых, Круус): смертная любовница Короля Невидимых и невольная причина бесконечной войны и страданий. Когда король влюбился в неё, он попросил Королеву Видимых использовать Песнь Созидания, чтобы сделать её Фейри и бессмертной, но Королева отказала. Разгневанный Король Видимых покинул мир Фейри, основал собственное ледяное царство и стал темным устрашающим Королём Невидимых. Построив своей возлюбленной величественный Белый Особняк в Зеркалах, где она не будет стареть, пока не покинет стены его лабиринта, он поклялся воссоздать Песнь Созидания и провёл тысячелетия за экспериментами в своей лаборатории, пока его возлюбленная ждала. Результатом его усилий стал Двор Невидимых: тёмный, ненасытный и смертоносный, созданный несовершенной Песнью Созидания. В «Лихорадке теней» король узнает, что его возлюбленная не умерла, как он полагал на протяжении более полумиллиона лет. К сожалению, глоток из Котла Забвения, к которому возлюбленную силой принудил Круус, разрушил её сознание, и у неё не осталось ни единого воспоминания о короле или их любви. Как будто в её теле живёт совершенно незнакомая женщина.

КОРОЛЕВСКИЕ ОХОТНИКИ: Каста Невидимых-просеивателей, впервые встречающаяся в «Сердце горца». Эта каста охотится и для короля, и для королевы, безжалостно выслеживая их жертв. Высокие, с кожистой шкурой и крыльями, они страшат всех Фейри.

КОРОЛЬ НЕВИДИМЫХ: Самый древний из Фейри, никто не знает, откуда он пришёл или когда впервые появился. Видимые не помнят времени, когда короля не существовало, и вопреки матриархальному укладу двора, король предшествовал королеве и является самым сложным и могущественным Фейри — за исключением единственной невероятной силы, которая принижает его по сравнению с Королевой Видимых: она одна может воспользоваться Песнью Созидания, которая может сотворить нечто новое. Король может создавать только из уже существующей материи, сотворяя галактики и вселенные, иногда даже случайно воздействуя на материю так, что из неё зарождается жизнь. Многие миры называют его Богом. Его видение вселенной столь огромно и усложняется взглядом, который видит и взвешивает каждую деталь, каждую возможность, так что его бескрайний интеллект невозможно охватить. Чтобы общаться с людьми, ему пришлось уменьшить себя до многочисленных человеческих форм. Когда он находится в царстве смертных, он делает это в одной из этих человеческих «оболочек». Он никогда не надевает одну и ту же оболочку повторно после того, как его

вмешательство в определённый эпизод смертной жизни закончено.

КРОВАВАЯ ВЕДЬМА: Одна из ранних созданий Короля Невидимых, Дэни О'Мэлли ненароком освободила этого монстра из бутылки с закупоренной пробкой в фантастической лаборатории короля в Белом Особняке. Одержимая своим психопатическим желанием завершить незаконченное, порванное платье из кишок, она ловит и убивает все на своём пути, используя насекомоподобные, похожие на мечи ноги, чтобы зарезать и выпотрошить своих жертв. Затем она усаживается неподалёку и вяжет из их внутренностей своё кроваво-красное платье. Оно гниёт так же быстро, как и вяжется, принуждая её к бесконечной тщетной охоте. По слухам, Ведьма когда-то держала в заложниках двух принцев Невидимых, убивая их раз за разом более ста тысяч лет, прежде чем Король Невидимых остановил её. Она источает вонь гниющего мяса, имеет спутанные перепачканные кровью волосы, белое как лёд лицо с черными глазницами, узкую щель рта и кровавые клыки. Верхняя часть её туловища красива и чувственна, заключена в отвратительный корсет из костей и жил. Она предпочитает похищать принцев Невидимых, поскольку они бессмертны и дают ей бесконечный запас кишок, регенерируя снова и снова по мере того, как она их убивает. В «Скованных льдом» она убивает Бэрронса и Риодана, затем захватывает Кристиана МакКелтара (последнего принца Невидимых) и уносит его.

КРУУС (Невидимый, но более полумиллиона лет маскировался под принца Видимых В'Лэйна): Могущественный, просеивающийся, смертоносный сексуальный Фейри. Считает себя последним и лучшим принцем Невидимых, сотворённым королём. Круусу были дарованы особые привилегии при Тёмном Дворе, он работал со своим сеньором над совершенствованием Песни Созидания. Он был единственным Фейри, которому разрешалось входить в Белый Особняк, чтобы он мог относить возлюбленной экспериментальные зелья короля, пока сам король продолжал работу. Со временем Круус начал ревновать к королю, возжелал его возлюбленную и королевство, и замыслил забрать у него все. Круус негодовал из-за того, что король держал свой Тёмный Двор в секрете от Королевы Видимых, он хотел объединить Тёмней и Светлый дворы в один и планировал править ими. Он попросил короля пойти во Двор Видимых и представить своих «детей», но король отказался, зная, что королева лишь обрекла бы его несовершенных созданий на вечные пытки и унижения. Злясь, что король не стал бороться за них, Круус сам пошёл к Королеве Видимых и рассказал ей про Тёмный Двор. Разгневавшись из-за предательства короля и его жажды власти, которая всегда была

матриархальной, королева заперла Крууса в своём будуаре и призвала короля. При помощи амулетов иллюзией, созданных Круусом и королём, Круус надел чары, притворяясь принцем Видимых, В'Лэйном. Придя в ярость из-за неподчинения короля и завидуя его любви к конкубине, королева призвала Крууса (который на самом деле был её собственным принцем, В'Лэйном) и убила его Мечом Света, чтобы показать королю, что она сделает с его выродками. Взбесившись, король с помощью своих темных Фейри взял штурмом Двор Видимых и убил королеву. Когда он вернулся домой в своё ледяное царство, горюя о потере своего доверенного и горячо любимого принца Крууса, он обнаружил, что его возлюбленная тоже мертва. Она оставила ему записку, гласившую, что она убила себя, чтобы избежать того, чем он стал. Втайне от короля, пока тот сражался с Королевой Видимых, Круус ускользнул обратно в Белый Особняк и дал возлюбленной ещё одно «зелье», которое на самом деле было чашей жидкости из Котла Забвения. Стерев её память, он использовал силу трёх меньших амулетов, чтобы убедить короля, что она мертва. Он забрал её и присвоил роль В'Лэйна, влюблённого в смертную при Дворе Видимых, выигрывая время, чтобы узурпировать правление их расой, Светлым и Темным Дворами. В роли В'Лэйна он обратился к МакКайле Лейн и использовал её, чтобы определить местоположение *Синсар Дабх*. Заполучив её, он планировал завладеть всеми запретными темными знаниями Короля Невидимых, наконец-то убить возлюбленную, которая стала нынешней королевой, и, как единственный сосуд, вмещающий патриархальную и матриархальную силу их расы, стать следующим и самым могущественным Королём Невидимых в истории. В конце «Лихорадки теней», когда *Синсар Дабх* вновь заточена под аббатством, он показывает себя как Крууса и поглощает запретную магию из Темной Книги Короля. Но прежде чем Круусу представляется шанс убить нынешнюю королеву и стать правителем Светлого и Тёмного дворов, Король Невидимых заточает его в темницу изо льда под Аббатством Арлингтон. В «В огне» мы узнаем, что Дэни/Джада каким-то образом сняла браслет Крууса с его руки, пока он был заточен в темнице. Её вмешательство в удерживавшую его магию ослабило заклинание. С помощью магии, которой она научилась в Зеркалах, она сумела закрыть двери подземной темницы, и теперь его удерживают лишь те двери.

ЛЕДЯНОЙ КОРОЛЬ (Г'ЛАК-РА Д'Ж'ХАЙ) (также известный как ЛК): Злодей, появляющийся в «Скованных льдом», ответственный за превращение Дублина в ледяную пустошь. Этот Невидимый — одно из самых сложных и могущественных созданий короля, способен открывать

дыры в пространстве и времени, чтобы путешествовать — наподобие способности Видимых просеиваться, но с катастрофическими последствиями для материи, которой он манипулирует. Ледяной Король — единственный Невидимый, осознающий своё несовершенство на квантовом уровне, и подобно королю, он пытался воссоздать Песнь Созидания, чтобы исправить себя, и собирал необходимые частоты, физически удаляя их из ткани реальности. В каждом месте, где он кормился, Ледяной Король забирал необходимые структуры вселенной, извергая крошечную массу невероятной плотности, как кошка, отрыгивающая космические кости после поедания квантовой птички. После того, как в «Скованных льдом» ЛК был уничтожен Дэни, Танцором и Риоданом, дыры, которые он оставил в ткани людского мира, могут быть исправлены только Песнью Созидания.

НОСОРОГИ: Уродливые создания с серой кожей, напоминающие настоящих носорогов неровными выступающими лбами, бочкообразными телами, короткими и толстыми ногами и безгубыми дырами ртов с выступающими челюстями. Низшая каста Невидимых-головорезов, которые по большей части используются как цепные псы и охранники для более высоких каст Фейри.

ПАПА ТАРАКАН (также известный как тараканий бог): Создан из тысяч и тысяч тараканоподобных существ, карабкающихся друг на друга, чтобы образовывать более крупное существо. Жуки по отдельности кормятся человеческой плотью, в частности жиром. Вследствие этого после падения стен некоторые женщины позволяют им войти в свои тела и жить под их кожей, чтобы поддерживать их стройными — симбиотическая липосакция. Папа Таракан как целое — существо багряно-коричневого цвета, примерно 4 фута^[73] ростом, с толстыми ногами, полудюжиной рук и головой размером с грецкий орех. Он трясётся как желе при движении, когда его бесчисленные отдельные части мгновенно перемещаются, чтобы оставаться соединёнными. Он имеет тонкогубый похожий на клюв рот и круглые глаза, лишённые век.

ПАРЕНЬ С МЕЧТАТЕЛЬНЫМИ ГЛАЗАМИ (также известный как ПМГ, смотри также Король Невидимых): Король Невидимых слишком огромен и сложен, чтобы существовать в человеческой форме, если только он не разделяет себя на множественные «оболочки». Парень с Мечтательными Глазами — это одна из многочисленных человеческих форм Короля и впервые появляется в «Тайне рукописи», когда Мак обыскивает местный музей в поисках объектов силы. Позднее Мак натывается на него в Тринити Колледже в отделе Древних Языков, где он

работает с Кристианом МакКелтаром, и потом периодически в Честере, где он работает барменом после падения стен. Прикрывая загадку завесой тайны, он делится зашифрованными крупными ценной информации. Мак не знает, что ПМГ — часть Короля Невидимых, пока она и остальные не заочаут *Синсар Дабх* под аббатством Арлингтон, и все оболочки короля не прибывают, чтобы слиться в одно существо.

ПРИНЦЫ НЕВИДИМЫХ: Крайне сексуальные, ненасытные, тёмные копии золотых принцев Видимых. Длинные сине-черные волосы, худые мускулистые темнокожие тела со сложными потрясающими татуировками, которые перемещаются по их телам точно калейдоскопичные облака шторма. Они носят черные ожерелья точно жидкую тьму вокруг их шей. Они обладают голодной жестокостью и высокомерием человека-психопата. Существует четверо принцев: Киэл, Раф, Круус и не названный по имени принц, убитый Даниэль О'Мэлли в «Лихорадке грёз». У Фейри так заведено, что когда один принц убит, появляется другой, и Кристиан МакКелтар быстро превращается в следующего принца Невидимых.

ПРИНЦЕССЫ НЕВИДИМЫХ: О принцессах ничего не было слышно, они считались мёртвыми до недавних событий, которые пролили свет на то, что одна или более из них спрятаны Королём Невидимых в наказание или ради сохранения силы, которую он не хотел выпускать в мир. По крайней мере, одна из них была заперта в библиотеке короля в Белом Особняке, пока Дэни или Кристиан МакКелтар не освободили её. Крайне сексуальная, могущественный просеиватель, эта принцесса ошеломительно прекрасна — длинные черные волосы, бледная кожа, голубые глаза. В «В огне» мы узнаем, что Чистильщик починил Принцесс(у) и изменил её (их) каким-то образом. В отличие от принцев Невидимых, склонных к безумным дикостям, принцесса вполне рациональна в своих желаниях и логически нацелена на краткосрочные жертвы ради достижения долгосрочных целей. Её конечная цель неизвестна, но как их у всех Фейри, это включает власть.

СЕРАЯ ЖЕНЩИНА: Женская особь Серого Человека, девять футов роста, она прикрывается иллюзией ошеломительно красивой женщины и заманивает человеческих мужчин на смерть. Костлявая, изголодавшаяся до истощения, её лицо вытянутое и узкое. Рот занимает всю нижнюю половину лица. У неё есть два ряда акулородных зубов, но она предпочитает кормиться, лаская своих жертв, высасывая их красоту и жизненную силу через открытые язвы на своих кошмарных руках. Если она хочет убить быстро, она прижимает руки к человеческой плоти, неотрывно присасываясь. В отличие от Серого Мужчины, она обычно быстро убивает

своих жертв. В «Лихорадке теней» она нарушает свою схему и охотится на Дэни в отместку Мак и Бэрронсу за убийство Серого Мужчины, её любовника. Мак заключает с ней ужасное соглашение, чтобы спасти Дэни.

СЕРЫЙ ЧЕЛОВЕК: Высокий, чудовищный, чешуйчатый, способный просеиваться, он кормится, крадя красоту человеческих женщин. Он носит чары, притворяясь невероятно привлекательным человеческим мужчиной. Он смертоносен, но предпочитает оставлять своих жертв чудовищно деформированными, живыми и страдающими. В «Тайне рукописи» Бэрронс закалывает и убивает Серого Человека копьём Мак.

ТЕНИ: Одна из низших каст, изначально они едва имели разум, но эволюционировали с тех пор, как их выпустили из тюрьмы Невидимых. Они плодятся в темноте, не выносят прямого попадания света и охотятся ночью или в темных местах. Они крадут жизнь таким же образом, как Серый Человек крадёт красоту, осушая своих жертв с вампирской быстротой, оставляя после себя лишь кучку одежды и плёнку обезвоженной человеческой плоти. Они поглощают любое живое существо на своём пути, от листьев на деревьях до червей в почве.

ФИР ДОРЧА: Одно из ранних творений Короля Невидимых, костлявый Невидимый ростом в семь футов, носит тёмный костюм с фраком в узкую полоску, который по меньшей мере сто лет как вышел из моды, и не имеет лица. Под элегантной, покрытой паутиной чёрной шляпой скрывается крутящийся торнадо с различными чертами, которые проявляются случайным образом. Как и все Невидимые, он несовершенно сотворён несовершенной Песнью Созидания и патологически стремится получить то, чего ему недостаёт — лицо и личность — крадя лица и личности людей. Фир Дорча когда-то был личным ассасином Короля Невидимых и спутником в путешествиях во времена безумия его сеньора после смерти возлюбленной. В «Лунной Лихорадке»^[74] Фир Дорча повержен Мак, когда она крадёт его шляпу, но неизвестно, умер ли Дорча на самом деле.

Видимые

АДАМ БЛЭК: Бессмертный принц из дома Д'Жай и любимый спутник Королевы Видимых, изгнанный из Фейри и превращённый в смертного в наказание за одно из своих многочисленных вмешательств в мир людей. Его называли син сириче дабх, или темнейшим Фейри, впрочем, незаслуженно. Слухи гласят, что Адам не всегда был Фейри, однако это не подтверждается. В «Сердце Горца» он изгнан к смертным,

влюбляется в Габриэль О'Каллахан, ши-видящую из Цинциннати, штат Огайо, и решает остаться человеком, чтобы быть с ней. Он отказывается вмешиваться в текущую войну между людьми и Фейри, поскольку по горло сыт бесконечными манипуляциями, соблазнами и драмами. У него с Габриэль растёт крайне одарённая и необычная дочь, которую нужно защищать.

ВЕЛЬВЕТ: Менее королевских кровей, двоюродный брат Р'джана. Он появился в «Лихорадке теней» и убит Риоданом в «Скованных льдом».

В'ЛЭЙН: Принц Видимых, спутник королевы Фейри, невероятно сексуальный и эротичный. Настоящий В'Лэйн был убит его собственной королевой, когда Круус с помощью чар поменялся с ним местами и лицами. С тех пор Круус притворялся В'Лэйном, прячась на самом видном месте.

ДРИ'ЛЬЯ: Частая спутница Вельвета, присутствовала, когда *Синсар Дабх* заточили под аббатством.

ДЭРРОК, ГРОССМЕЙСТЕР (Видимый, превратившийся в человека): Когда-то Фейри и доверенный советник Эобил. Его подставил Круус, и его изгнали из Фейри за измену. При Дворе Видимых Адаму Блэку (в романе «Сердце горца») дали выбор, убить Дэррока или превратить его в смертного в наказание за попытку освободить Невидимых и свергнуть королеву. Адам выбрал превратить его в смертного, полагая, что человеком он быстро умрёт, тем самым вызывая последовательность событий, которые достигают кульминации в «Магической страсти», когда Дэррок разрушает стены между мирами людей и Фейри, выпуская на свободу давно заточенных Невидимых. Оказавшись в мире смертных, Дэррок научился есть плоть Невидимых, чтобы получить силу и пронюхал про существование в мире смертных *Синсар Дабх*. Когда Алина Лейн приезжает в Дублин, Дэррок узнает, что она — ши-видящая с многочисленными талантами, и как и её сестра Мак, способна чувствовать и отслеживать *Синсар Дабх*. Он начинает использовать её, но влюбляется в неё. После смерти Алины Дэррок узнает о Мак и пытается использовать и её тоже, применяя различные методы принуждения, в том числе и похищая её родителей. Когда Мак считала, что Бэрронс мёртв, она объединилась с Дэрроком, полная решимости самой найти *Синсар Дабх* и использовать её, чтобы вернуть Бэрронса. Дэррок был убит в «Лихорадке теней» К'Враком. По слухам, Охотник действовал по распоряжению *Синсар Дабх* и оторвал его голову как виноградинку от кисточки.

ПРИНЦЫ ВИДИМЫХ: Среди королевских сидхов когда-то было четыре принца и четыре принцессы. Принцесс Видимых никто давно не

видел, и они считаются мёртвыми. В'Лэйн был убит давным-давно, Вельвет (ненастоящее имя) погиб недавно, Р'Джан в настоящее время стремится стать королём, а Адам Блэк превратился в человека. Крайне сексуальные, золотоволосые (за исключением Адама, который носил тёмные чары) с радужными глазами и золотой кожей, они чрезвычайно могущественные просеиватели, способные возвести практически непроницаемые чары и влиять на климат своим удовольствием или недовольством.

Р'ДЖАН: Принц Видимых, который был бы королём. Высокий, светловолосый, с бархатной золотистой кожей светлого Фейри, он впервые появляется в «Скованных льдом», когда заявляет о своих претензиях на трон Фейри.

ЭОБИЛ, КОРОЛЕВА ВИДИМЫХ (см. также Возлюбленная/Конкубина): королева Фейри, последняя в продолжительном роду королев с необычным пристрастием к людям. В «Лихорадке теней» оказывается, что королева сама когда-то была человеком, давно потерянной возлюбленной Короля Невидимых и его второй половиной. Более полумиллиона лет назад принц Невидимых Круус опоил её жидкостью, украденной из Котла Забвения, стер её память и похитил её, обставив все так, что Король Невидимых поверил в её смерть. Притворяясь принцем Видимых В'Лэйном, Круус спрятал её в единственном месте, куда, как ему было известно, король Невидимых никогда не отправится — при Дворе Видимых. Продолжительное пребывание в Фейри изменило Эобил, и она стала тем, во что её отчаянно хотел превратить король — Фейри и бессмертной. Теперь она последняя в долгой череде Королев Видимых. Первая Королева Видимых была трагично убита Королём Невидимых прежде, чем она сумела передать Песнь Созидания, самую мощную и прекрасную магию Фейри. Без неё все Видимые изменились. В «В огне» Король Невидимых забрал возлюбленную в Белый Особняк и заточил её в будуаре, который они когда-то делили, в надежде восстановить её память.

КЕЛТАРЫ

Древний род Горцев, избранный Королевой Эобил и обученный друидству, чтобы поддерживать Соглашение между расами людей и Фейри. Умные, владеющие физикой и инженерным делом, они живут возле Инвернесса и охраняют круг камней под названием Бан Дрохада (Белый мост), который использовался для путешествий во времени, пока Келтары не нарушили одну из многочисленных клятв королеве, и она закрыла круг

камней для других времён и измерений. В настоящее время живут следующие друиды Келтары: Кристофер, Кристиан, Киан, Дэйгис, Друстан.

Друид: В дохристианском кельтском обществе друиды руководили богослужениями, законодательными и судебными вопросами, философией и образованием элитной молодёжи. Считалось, что друиды посвящены в секреты богов, включая вопросы, касающиеся управлением физической материей, пространством и даже временем. Староирландское «друи» значит волшебник, маг, прорицатель.

ДЭЙГИС МАККЕЛТАР: («Темный Горец»): Друид Келтар из шестнадцатого столетия, который перенёсся во времени в наши дни, женат на Хлое Сандерс. Он все ещё одержим (до неизвестной степени) душами/знаниями тринадцати мёртвых Драгаров, древних друидов, использовавших тёмную магию, но скрывает это знание от своего клана. С длинными черными волосами почти до талии, смуглой кожей и золотыми глазами, он является самым сексуальным и эротичным из всех Келтаров. В «В огне» мы узнаем, что хотя он отдал свою жизнь, чтобы спасти Кристиана, Риодан вернул его и содержит в темнице под Честером.

ДРУСТАН МАККЕЛТАР («Поцелуй Горца»): брат-близнец Дэйгиса МакКелтара, который также переместился во времени в наши дни, женат на Гвен Кэссиди. Высокий, смуглый, с длинными каштановыми волосами и серебристыми глазами, он является истинным благородным рыцарем и пожертвовал бы собой для общего блага, если бы потребовалось.

КИАН МАККЕЛТАР («Заклятье Горца»): Горец из двенадцатого века, перенесённый во времени в наши дни, женат на Джессике Сент-Джеймс. Киан был заточен на тысячу лет в одном из Зеркал мстительным колдуном. Освободившись из плена, он теперь живёт с другими Келтарами в современной Шотландии.

КРИСТИАН МАККЕЛТАР (превратившийся в Принца Невидимых): Красивый шотландец, темноволосый, высокий, с мускулистым телом и убийственной улыбкой, он притворялся студентом Тринити Колледжа, работающим в отделении древних языков, но на самом деле его туда отправили его дяди, чтобы он присматривал за Иерихоном Бэрронсом. Обученный своим кланом друидству, он участвовал в ритуале, проводимом в Бан Дрохада на Самайн и призванном восстановить стены между мирами людей и Фейри. К сожалению, церемония пошла не так, как запланировано, и Кристиан и Бэрронс оказались в ловушке в Зеркалах. Позднее, когда Мак находит Кристиана в Зале Всех Дорог, она кормит его плотью Невидимых, чтобы сохранить ему жизнь и ненароком запуская

цепь событий, которые начинают превращать сексуального Горца в принца Невидимых. На какое-то время он теряется в безумии и цепляется за невинность Дэни О'Мэлли, пока теряет свою человечность. В «Скованных льдом» он жертвует себя Кровавой Ведьме, чтобы отвлечь её от убийства ши-видящих и избавить Дэни от необходимости выбирать, кого спасти — аббатство или мир; в итоге оказывается прикован к утёсу над адским гротом, чтобы вновь и вновь быть убитым. В «В огне» Кристиана спасают с утёса Мак, Бэрронс, Риодан, Джада, Друстан и Дэйгис, но Дэйгис жертвует собой в процессе, чтобы спасти Кристиана.

КРИСТОФЕР МАККЕЛТАР: В наши дни лаэрд клана Келтаров, отец Кристиана МакКелатара.

ЛЮДИ

ДЖЕК И РЕЙНИ ЛЕЙН: Родители Мак и Алины. В «Тайне рукописи» Мак узнает, что они не её биологические родители. Их с Алиной удочерили, и частью соглашения об удочерении было обещание, что девочкам никогда не разрешат вернуться в страну их рождения. Джек — рослый, привлекательный мужчина, адвокат с обострённым чувством этичности. Рейни — соперничающая светловолосая женщина, которая не могла сама выносить детей. Она стальная магнолия, сильная, но в то же время хрупкая.

ДЕРЕК О'БАННИОН: Младший брат Рокки, после его убийства начинает следить за Мак и книжным магазином, поскольку машину его брата находят за книжным магазином. Он становится любовником Фионы Эштон, в конечном счёте им завладевает *Синсар Дабх* и он атакует Мак. Он убит *Синсар Дабх* в «Любовной горячке».

ИНСПЕКТОР ДЖЕЙН: Гарда, который взял дело об убийстве Алины Лейн после того, как его зять, инспектор О'Даффи, был убит. Высокий поджарый ирландец, похожий на Лиаму Нисона, он следит за Мак и в большинстве случаев усложняет ей жизнь. Изначально его больше интересовало, что случилось с О'Даффи, нежели раскрытие дела Алины, но Мак поит его чаем, приправленным Невидимыми, и открывает глаза на то, что происходит в их городе и мире. Джейн присоединяется к сражению с Фейри и превращает Гарду в Новых Стражей, безжалостную армию бывших полицейских, которые едят Невидимых, сражаются с Фейри и защищают людей. Джейн — хороший человек в плохом положении. Хотя он и его люди могут поймать Фейри, они не могут их убить без оружия Мак или Дэни. В «Скованных льдом» Джейн вызывает вечный гнев Дэни,

украив её меч, пока она слишком тяжело ранена, чтобы отбиваться.

ИНСПЕКТОР О'ДАФФИ: Изначально Гарда по делу об убийстве Алины Лейн, зять инспектора Джейна. Он убит в «Любовной горячке», ему перерезали горло, а в руках он держал клочок бумаги с именем Мак и её адресом. На данный момент неизвестно, кто его убил.

МЭЛЛИС (также известный как Джон Джонстоун-младший): придурковатый сын богатых родителей, пока однажды он не убивает их ради состояния и не воссоздаёт себя как стимпанк-вампира Мэллиса. В «Тайне рукописи» он объединяется с Дэрроком, Гроссмейстером, который учит его есть плоть Невидимых ради даруемой ею силы, невероятной сексуальной выносливости и аппетитам. В драке с Мак он ранен Копьём Судьбы. Поскольку он ел плоть Невидимых, смертельный укол клинка Фейри вызывает смерть отдельных его частей, убивая его плоть, но не его тело, заточая его в полусгнившей агонизирующей оболочке тела. В «Тайне рукописи» он представляется Мак Мрачным Жнецом, и потом физически пытается её, похищает и удерживает её в заложниках в адском гроте под Бурреном, Ирландия, где измывается над ней и едва не убивает. Бэрронс убивает его и спасает Мак, накормив её плотью Невидимых и тем самым навеки изменив её.

РОРК (РОККИ) О'БАННИОН: Чернокожий ирландский мафиози-католик с предками из Саудовской Аравии и крепким сильным телом боксёра-чемпиона в тяжёлом весе, каковым он и является. Рождён в Дублине, который контролировали две враждующие криминальные ирландские семьи — Халлораны и О'Кирни — Рорк О'Баннион пробил себе дорогу на вершину ринга, но этого для амбициозного чемпиона было недостаточно, он жаждал большего. Когда Рокки было двадцать восемь лет, Халлораны и О'Кирни были убиты все, вплоть до каждого сына, внука и беременной женщины в семье. Двадцать семь человек умерли той ночью, застреленные, подорванные, отравленные, зарезанные или задушенные. Дублин никогда не видел ничего подобного. Группа безусловно скоординированных убийц подобралась к ним всюду, в ресторанах, домах, отелях и клубах, и ударила синхронно. На следующий день, когда внезапно обогатившийся Рокки О'Баннион, чемпион-боксёр и кумир многих мальчишек, ушёл с ринга, чтобы взять под контроль многочисленные отрасли бизнеса по всему Дублину, ранее управляемые Халлоранами и О'Кирни, бедняки рабочего класса провозгласили его героем, несмотря на свежую и очевидную кровь на его руках, а также хамоватую стаю бывших боксёров и головорезов, которых он привёл с собой. О'Баннион дьявольски религиозен и собирает священные артефакты. Мак крадёт у него Копьё

Судьбы (также известное как копьё Лонгина, пронзившее бок Христа), чтобы защитить себя, поскольку это одно из двух орудий, способных убить бессмертных Фейри. Позднее, в «Тайне рукописи» Бэрронс убивает О'Банниона, чтобы защитить Мак от него и его приспешников, но на этом охота О'Баннионов на Мак не заканчивается.

СТРАЖИ: Изначально Дублинская полиция, Гарда, под командованием инспектора Джейна. Они едят Невидимых, дабы поддерживать повышенную силу, скорость и остроту зрения, и охотятся на всех Фейри. Они научились использовать железные пули, чтобы временно ранить их, и железные решётки, чтобы удерживать их. Большинство Фейри можно значительно ослабить железом. Если использовать его должным образом, железо может помешать Фейри просеяться.

ТАНЦОР: Шесть футов четыре дюйма, у него тёмные волнистые волосы и потрясающие аквамариновые глаза. Очень зрелый, интеллектуально одарённый семнадцатилетний парень, который обучался дома и к шестнадцати годам выпустился из колледжа с двойной степенью в физике и инженерии. Восхищается физикой, говорит на нескольких языках и активно путешествовал с богатыми родителями-филантропами. Его отец — посол, мать — доктор. Он был в Дублине один, подумывая о магистратуре в Тринити Колледже, когда стены между мирами пали, и он выживал собственными силами. Он изобретатель, и часто может думать быстрее большинства людей, включая Дэни. Его не волнуют Бэрронс, Риодан и его люди. Дэни встречает Танцора примерно в конце «Лихорадки теней» (когда он даёт ей браслет, первый подарок от понравившегося ей парня), и с тех пор они неразлучны. В «Скованных льдом» Танцор явно даёт понять, что испытывает к ней чувства. Танцор — единственный человек, с кем Дэни может себя представить: молодой, немного чокнутый и очень умный. Они с Дэни часто передвигаются с места на место, нигде не задерживаясь надолго. У них есть много укрытий по городу, наверху и под землёй. Дэни беспокоится о нём, потому что у него нет никаких суперсил.

ФИОНА ЭШТОН: Красивая женщина пятидесяти с небольшим лет, которая изначально управляла «Книгами и сувенирами Бэрронса» и была сильно (и безответно) влюблена в Иерихона Бэрронса. Дьявольски ревнует из-за интереса Бэрронса к МакКайле, она пытается убить Мак, впустив Теней (смертоносных Невидимых) в книжный магазин, пока та спала. Бэрронс прогоняет её за это, и затем Фиона становится любовницей Дерека О'Банниона, начинает есть плоть Невидимых и на какое-то время одержима *Синсар Дабх*, которая содрала с неё всю кожу, но оставила

живой. Из-за количества съеденной ей плоти Невидимых Фиона больше не могла быть убита человеческими способами и оказалась заперта в искалеченном теле в постоянной агонии. В итоге она умоляет Мак использовать своё Фейри копье и положить конец её страданиям. Фиона умерла в Белом Особняке, где бросилась в древнее Зеркало, использовавшееся как проход между спальнями возлюбленного и Короля Невидимых — которое убивает всех, кто входит в него, за исключением короля и возлюбленной — правда, напоследок, ещё раз пытается убить Мак.

ШОН О'БАННИОН: Двоюродный брат Рокки О'Банниона, друг детства и любовник Катарини МакЛафлин. После того, как Рокки убивает Халлоранов и О'Кирни, О'Баннионы почти десять лет контролировали город, пока МакЛафлины не начали узурпировать их территорию. Шон и Кэт презируют семейный бизнес и отказываются принимать участие. Две преступные семьи хотели объединить свой бизнес через их брак, но когда после падения стен почти все МакЛафлины оказываются убиты, Катарина и Шон наконец-то чувствуют себя свободными. Но в мире, где люди борются за удовлетворение простейших нужд, правит хаос, и Шон внезапно оказывается на чёрном рынке, соперничая с Риоданом и Фейри за честное разделение припасов еды и ценных ресурсов. Кэт, видя, как он совершает дурные поступки ради благих причин, морально подавлена, и это вносит серьёзный разлад в их отношения.

ПЕРСОНАЖИ НЕИЗВЕСТНОГО ВИДА

ДВЗ: Аббревиатура для «духи, выглядящие как зомби», придумана Дэни О'Мэлли. Неуклюжие анорексичные создания, подобные стервятникам, в них пять-шесть футов роста, костлявые сутулые тела и укрытые капюшонами лица. Они кажутся одетыми в покрытые паутиной черные одеяния, но на самом деле это их кожа. В их рукавах видны кости, а под капюшонами — бледные пятна. В «В огне» Мак мельком замечает металл там, где должны быть их лица, но не успевает хорошо рассмотреть.

К'ВРАК: По слухам, самый древний из Невидимой касты Королевских Охотников — хотя не подтверждается, что он на самом деле Невидимый. Когда-то он был любимым компаньоном Короля Невидимых и его «боевым конём», когда тот путешествовал по мирам на его величественных черных крыльях. Огромный как небольшой небоскрёб, смутно напоминающий дракона, угольно-чёрный, кожистый и ледяной, с глазами, подобными огромным оранжевым печам. Когда он летит, он вздымает в воздух черные

льдинки и оставляет за собой потоки жидкого льда. Испытывает особую симпатию к Мак и является ей в странные моменты, когда чувствует в ней короля (через *Синсар Дабх*). Когда К'Врак убивает, это окончательная смерть, столь полно уничтожающая жизнь, что та навеки стирается из кармического цикла. Быть К'Вракнутым значит полностью стереться из существования, как будто тебя и не было никогда, ни следа, ни останков. Мак использовала К'Врака, чтобы освободить сына Бэрронса. К'Врак — единственное существо (известное на данный момент) которое способно убить бессмертную Девятку.

ЧИСТИЛЬЩИК: Собиратель могущественных сломанных вещей, напоминает громадную гору мусора, металлических зубцов и деталей. Его впервые встречает Король Невидимых вскоре после того, как он потерял свою возлюбленную и погрузился в период безумия и горя. Чистильщик какое-то время путешествовал с ним, изучая его, или, возможно, присматриваясь, можно ли его добавить в коллекцию и поработать с ним. Согласно Королю Невидимых, Чистильщик мнит себя богом.

МЕСТА

АББАТСТВО АРЛИНГТОН: Древнее каменное аббатство, расположенное в двух часах езды от Дублина, на тысяче акров плодородной земли. Таинственное укреплённое аббатство даёт кров Ордену ши-видящих, собранных из шести родов ирландских женщин, рождённых со способностью видеть Фейри и их миры. Аббатство построено в семнадцатом веке и самостоятельно обеспечивает себя при помощи многочисленных артезианских колодцев, домашнего скота и садов. Согласно историческим сведениям, на территории аббатства раньше была церковь, до неё — священный круг камней, а ещё до этого — шиан, то есть могильный холм. Легенды ши-видящих предполагают, что их орден породил сам Король Невидимых, смешавший свою кровь с шестью ирландскими родами, чтобы создать защитников от единственной вещи, которую ему никогда не стоило создавать — *Синсар Дабх*.

БЕЛЫЙ ОСОБНЯК: Расположен в Зеркалах, дом, который Король Невидимых построил для своей возлюбленной конкубины. Огромный, постоянной изменяющийся, многочисленные залы и комнаты особняка перемещаются по своему усмотрению.

ГАРАЖ БЭРРОНСА: Расположен прямо под «Книгами и сувенирами Бэрронса», вмещает коллекцию дорогих машин. Намного ниже под ним, куда можно попасть только через тщательно охраняемое Зеркало в

книжном магазине, находятся жилые апартаменты Иерихона Бэрронса.

ЗАЛ ВСЕХ ДОРОГ: «Терминал аэропорта» для Зеркал, откуда можно выбрать, в какое зеркало войти, чтобы путешествовать по другим мирам. Отделанный золотом с пола до потолка, он представляет собой бесконечный коридор, вдоль которого выстроились миллионы зеркал — порталы в альтернативные вселенные и времена, вызывающие пространственно-временное искажение, отчего посетитель оказывается дезориентирован. Время в зале нелинейно, оно гибко и неустойчиво, и посетитель может навеки потеряться в воспоминаниях, которых никогда не существовало, или в мечтах о будущем, которые никогда не сбудутся. В один момент ты чувствуешь себя невыносимо одиноким, в другой — так, будто бесконечная цепь бумажных куколок, держащихся за бумажные руки, простирается на тысячи футов в тысячи разных миров одновременно. Вдобавок к множественным опасностям зала, когда Зеркала исказились проклятием Крууса (нацеленным на то, чтобы помешать войти Королю Невидимых), зеркала изменились, и теперь изображение, которое они показывают, больше не является гарантией того, что находится по ту сторону. Благоухающий дождевой лес может привести в иссушенную выжженную пустыню, тропический оазис — в мир льда, но нельзя рассчитывать и на полную противоположность.

«КИРПИЧНЫЙ ЗАВОД»: Бар в Эшфорде, где МакКайла работала барменом до того, как отправиться в Дублин.

КНИГИ И СУВЕНИРЫ БЭРРОНСА: Расположенный на окраине Темпл Бара в Дублине, «Книги и сувениры Бэрронса» — это старомодный книжный магазин, ранее принадлежавший Иерихону Бэрронсу, а теперь — МакКайле Лейн. Он немного походит на книжный магазин Лелло в Португалии, но более элегантный и изысканный. Из-за огромного Зеркала в кабинете на первом этаже измерения книжного магазина могут изменяться от четырёх этажей до семи, а комнаты на верхних уровнях часто перемещаются. Это место МакКайла Лейн зовёт домом.

РЕКА ЛИФФИ: Река, разделяющая Дублин на северный и южный районы и обеспечивающая большую часть дублинского водоснабжения.

ТЕМНАЯ ЗОНА: Место, которым завладели Тени, смертоносные Невидимые, высасывающие жизнь из людей, оставляющие лишь шелуху кожи и неперевариваемые вещи вроде очков, бумажников и медицинских имплантатов. Днём она выглядит обычной заброшенной и опустошённой местностью. Но как только настаёт ночь, Тёмная зона превращается в смертоносную ловушку. Крупнейшая из известных Тёмных Зон в Дублине прилегает к «Книгам и сувенирам Бэрронса» и простирается почти

двадцать на тринадцать городских кварталов.

ТЕМПЛ БАР ДИСТРИКТ: Район Дублина, также известный просто как Темпл Бар, в котором находится паб Темпл Бар, вместе с бесконечными шумными питейными заведениями, включая знаменитые Оливер Сент-Джон Гогарти, Куэйс Бар, Фогги Дью, Бронзовая Голова, Бродячие музыканты, Кухня Вечеринок, Старый Дублинец и так далее. На южном берегу реки Лиффи Темпл бар (район) простирается на несколько кварталов и имеет две площади, которые обычно наводнены туристами и тусовщиками. Бесчисленные уличные музыканты, отличные рестораны и магазины, местные группы и шумные вечеринки делают Темпл бар кутёжным городским центром.

ТЕМПЛ БАР ПАБ: Знаменитый старомодный паб, названный в честь сэра Уильяма Темпла, который когда-то там жил. Основан в 1840 году, приземистое ярко-красное уютное здание, увешанное гирляндами и расположенное на углу Темпл Бар Стрит и Темпл Лейн, переходящее из сада через альков в основной зал. Знаменитый паб может похвастаться первоклассной коллекцией виски, пивной под открытым воздухом для легендарных курящих дублинских молчунов, идеально приготовленным Гиннесом, бесподобной атмосферой и лучшей традиционной ирландской музыкой в городе.

ТРИНИТИ КОЛЛЕДЖ: Основан в 1592 году, основан на колледже Грин, считается одним из лучших университетов в мире, имеет библиотеку, включающую более 4,5 миллионов печатных изданий, в том числе и поражающие работы вроде Келлской книги. Входит в сотню лучших университетов мира по физике и математике, его лаборатории и оборудование — это произведение искусства. Большинство своих исследований Танцор проводит в ныне заброшенном кампусе колледжа.

ТЮРЬМА НЕВИДИМЫХ: Расположена в мире Короля Невидимых, вблизи его крепости из чёрного льда. Тюрьма некогда содержала в заточении всех Невидимых более полумиллиона лет, в застывшей арктической тюрьме изо льда. Когда Дэррок (изгнанный принц Видимых, затаивший вендетту на Королеву Видимых) разрушил стены между мирами людей и Фейри, все Невидимые вырвались на свободу и наводнили мир людей.

ФЕЙРИ: Общий термин, для обозначения многочисленных миров Фейри.

«ЧЕСТЕР», НОЧНОЙ КЛУБ: Огромный подземный клуб из хрома и стекла, расположенный по адресу Ревемаль стрит, 939. Честер принадлежит одному из соратников Бэрронса, Риодану. Верхние уровни

открыты для публики, нижние содержат резиденции Девятки и их приватные клубы. Когда стены между мирами людей и Фейри пали, Честер становится горячим местечком, где смешиваются люди и Фейри.

ЭШФОРД, ДЖОРДЖИЯ: Маленький провинциальный городок на юге Америки, родина МакКайлы Лейн.

ОБЪЕКТЫ

АМУЛЕТ: Также называемый Истинным Амулетом: см. Четыре Дара Невидимых.

АМУЛЕТЫ, ТРИ МЕНЬШИХ: Амулеты, созданные перед Одним Истинным Амулетом, эти объекты способны создавать и поддерживать почти непроницаемую иллюзию, если использовать их вместе. В настоящее время находятся в распоряжении Крууса.

БРАСЛЕТ КРУУСА: Браслет, сделанный из серебра и золота, украшенный кроваво-красными камнями; древняя реликвия Фейри, защищающая носителя от всех Фейри и многих других созданий. Круус утверждает, что его создал он, а не король, и что это он дал его королю как подарок его возлюбленной. Согласно Круусу, силы браслета двойственны: он не только защищает возлюбленную от угроз, но и позволяет призвать его одним касанием, лишь подумав о короле и пожелав его присутствия.

БЫСТРАЯ ПОЧТА, ИНК: Служба велосипедных курьеров со штаб-квартирой в Дублине, которая на самом деле является Орденом Шивидящих. Основана Ровеной, она учредила зарубежные подразделения ПСИ во всех странах мира, чтобы оставаться в курсе всех достижений.

ГЛАС: Друидское искусство или навык, который внушает личности, на которой его используют, в точности подчиниться приказу. Дэйгис, Друстан и Киан МакКелтар в совершенстве владеют им. Иерихон Бэрронс научил Дэррока (за какую-то цену) и также обучал МакКайлу Лейн пользоваться им и сопротивляться ему. Учитель и ученик приобретают иммунитет друг к другу и больше не могут внушать друг другу.

ДАРЫ: Восемь древних артефактов, созданных Фейри и обладающих огромной силой. Существует четыре Дара Видимых и четыре Дара Невидимых.

ДОЛЬМЕН: Однокамерная мегалитическая гробница, состоящая из трёх или более стоячих камней, поддерживающих огромный, плоский, горизонтальный камень свода. Дольмены широко распространены в Ирландии, особенно в Буррене и Коннемаре. Гроссмейстер использовал дольмен в ритуале чёрной магии, чтобы открыть проход между мирами и

привести Невидимых.

ЖЕЛЕЗО: Fe в периодической таблице элементов, болезненно для Фейри. Железные решётки способны удержать Фейри, не умеющих просеиваться. Особым образом зачарованное железо способно до какой-то степени удержать просеивающегося Фейри. Железо не может убить Фейри.

КРОВАВЫЕ РУНЫ: Невероятно могущественная и сложная магия, образующая фундамент стен тюрьмы Невидимых и предлагаемая *Синсар Дабх* МакКайле по разным поводам для самозащиты. Все Фейри боятся этих рун. Когда стены между миром людей и Фейри начали ослабевать, Королева Видимых коснулась стен тюрьмы, высасывая часть их силы, которую она использовала, чтобы усилить границы между мирами... тем самым опасно ослабив стены тюрьмы. Вот когда начали сбегать первые Невидимые. Чем сильнее кто-то сопротивляется кровавым рунам, тем сильнее они становятся, кормясь энергией, производимой жертвой в попытках сбежать. В «Лихорадке теней» МакКайла использовала эти руны, чтобы запечатать *Синсар Дабх*, пока Круус, притворявшийся В'Лэйном, не заставил её убрать их. Звериная форма Иерихона Бэрронса питается этими рунами и, похоже, считает их деликатесом.

МАКНИМБ: Изобретён МакКайлой Лейн, представляет собой шлем для байка с прикрепленными к нему LED лампами. Создан для защиты носителя от вампироподобных Теней, создавая нимб света вокруг всего тела.

МЭВ: Межпространственные Эльфийские Впадины, образовавшиеся, когда стены между мирами людей и Фейри пали, и куски реальности развалились. Они также существуют в сети Зеркал в результате проклятия Крууса. Прозрачные, в виде трубы с узким основанием и широкой вершиной, их сложно увидеть, они затягивают, если их не ограничить. Нет возможности определить, какая среда в них находится, пока не войдёшь внутрь, за исключением экстремальных климатических условий.

НУЛЬ: Ши-видящая со способностью замораживать Фейри прикосновением рук (МакКайла обладает такой способностью). Замороженный обнуленный Фейри абсолютно беспомощен, но чем выше и могущественнее каста Фейри, тем меньше время она остаётся неподвижной. Во время заморозки Фейри все ещё может видеть, слышать и думать, поэтому крайне опасно находиться рядом с ним, когда он разморозится.

ПЕСНЬ СОЗИДАНИЯ: Величайшая сила во вселенной, эта песнь способна создавать жизнь из ничего. Вся жизнь проистекает из неё. Изначально известная первой Королеве Видимых, но та редко

использовала её, поскольку как и любая другая магия, она имеет свою цену. Она должна была передаваться от королевы к королеве и использоваться только при крайней нужде, чтобы защищать и поддерживать жизнь. Услышать эту песнь — все равно что ощутить Рай на земле, найти ответы на все вопросы «как, когда и почему» о нашем существовании, и одновременно не чувствовать в этом никакой нужды. По слухам, мелодия настолько прекрасная, преобразующая и чистая, что любой, кто несёт в своём сердце зло и услышит её, будет сожжён на месте до пепла.

ПЛОТЬ НЕВИДИМЫХ: Поедание плоти Невидимых дарует обычному человеку невероятную силу, мощь и остроту зрения; повышает сексуальное удовольствие и выносливость; вызывает сильную зависимость. Она также поднимает завесы между мирами и позволяет человеку видеть сквозь чары Фейри, видеть их истинную форму. До падения стен все Фейри скрывали себя чарами. После падения стен им было все равно, но теперь Фейри снова начинают скрывать себя, поскольку люди выяснили, что такой распространённый элемент как железо может навредить им и удержать в заточении.

ПОПЕЧИТЕЛИ: Организация, основанная после того, как пали стены между миром людей и Фейри. Использует еду, припасы и безопасность как способ приманить последователей. Рейни Лейн работает с ними и видит в организации только хорошее, возможно, потому что это единственное место, где она может получить ресурсы для восстановления Дублина и управления своей группой Озеленителей. Кто-то из Попечителей пишет Дублин Дейли, местную газету, конкурирующую с Дэни Дэйли; кто бы это ни был, он заработал огромную неприязнь Дэни и всегда её выбешивает. Об этой группе мало что известно. Они потеряли часть своей власти, когда три главных игрока начали совершать на них набеги и накапливать припасы.

ПРИ-ИЯ: Человек, сексуально одержимый и порабощённый Фейри. Королевские касты Фейри столь сексуальны и эротичны, что секс с ними вызывает зависимость и разрушителен для человеческого разума. Он вызывает в человеке болезненную, изнурительную, неутолимую нужду. Королевские касты по желанию могут приглушить своё влияние во время занятия сексом, и сделать его просто выдающимся. Но если они этого не сделают, это влияние перегружает человеческие органы чувств и превращает человека в сексуально зависимого, неспособного говорить и способного лишь служить сексуальным желаниям своего хозяина. Когда стены пали, многие люди превратились в при-ия, и общество пытается

справиться с этими травмированными людьми так, чтобы не заточать их в мягких камерах на вечные страдания.

ПРОСЕИВАНИЕ: Способ Фейри путешествовать. Высшие касты наиболее могущественных Фейри способны перемещаться с места на место со скоростью мысли. Когда-то они могли путешествовать не только в пространстве, но и во времени, но Эобил лишила их этой силы за неоднократные нарушения.

СИНСАР ДАБХ: Изначально созданная как заколдованный дом, она должна была быть нейтральным хранилищем или свалкой для всех потайных знаний Короля Невидимых об искажённой токсичной Песне Созидания. С этим знанием он создал Двор Невидимых и касты. Книга содержит огромное количество опасной магии, способной создавать и разрушать миры. Как и король, она обладает практически безграничной мощью. К несчастью, как и все объекты Фейри, Книга, пропитанная магией, изменилась и эволюционировала, пока не обрела полноценное сознание. Больше не являясь простой книгой, она стала смертоносным, психопатичным, голодным и жаждущим силы существом. Как и остальные несовершенные Невидимые, она хочет закончить себя или стать совершенной, обрести то, чего ей недостаёт. В данном случае — идеальное тело-носителя. Когда король понял, что Книга обрела сознание, он создал для неё тюрьму и сотворил ши-видящих — по слухам, изменив их кровь, смешав её со своей собственной — чтобы охранять её и удерживать от побега. Король осознал, что вместо истребления опасной магии он лишь создал её копию. Как и король, *Синсар Дабх* нашла способ копировать саму себя и поместила копию в нерождённый плод, МакКайлу Лейн. В настоящее время существует две *Синсар Дабх*: та, которую поглотил (или которой стал одержим) Круус, и копия внутри МакКайлы Лейн, которую та отказывается открывать. Пока она никогда по доброй воле не ищет и не берет из неё ни единого заклинания, Книга не может ею завладеть, и она не будет одержима. Однако если она по какой-то причине воспользуется ею, она будет захвачена безумным злодеем, заточенным в ней, и навеки будет заглушена. Когда давно жаждущая и заточенная *Синсар Дабх* вырвется на свободу, жизнь людей превратится в ад на земле. К сожалению, Книга крайне харизматична, умна и искусительна, она достаточно долго наблюдала за человечеством, чтобы превосходно манипулировать человеческими слабостями.

СОГЛАШЕНИЕ: Соглашение, давным-давно заключённое между Королевой Эобил и кланом МакКелтаром (Келтар значит скрытый барьер или покров), чтобы разделять миры человечества и Фейри. Королева

Видимых научила их платить дань и совершать ритуалы, поддерживающие стены, которые ослабли, когда изначальная королева использовала часть из них, чтобы создать тюрьму Невидимых.

СТРАНА СНОВ: Место, где находятся или куда уходят (смотря во что ты предпочитаешь верить) все надежды, фантазии, иллюзии и кошмары разумных существ. Никто не знает, откуда взялась страна Снов или кто её создал. Она даже более древняя, чем Фейри. С тех пор как Круус проклял Зеркала, и Зал Всех Дорог исказился, в страну Снов можно попасть через зал, хотя и с огромными сложностями.

ТРИЛИСТНИК: Слегка искажённый трёхлистный клевер, древний символ ши-видящих, ответственных за миссию Видеть, Служить и Защищать человечество от Фейри. В «Любовной горячке» Ровена рассказывает Мак историю создания эмблемы: «До того как клевер стал символом Троицы Святого Патрика, он был нашим знаком. Эмблемой нашего ордена. Этот символ наши древние сестры вырезали на своих дверях, тысячи лет назад его рисовали на флагах и несли перед собой, отправляясь в новые поселения. Так все узнавали, кто мы такие и что мы делаем. Увидев наш знак, люди устраивали праздник, который отмечался всю ночь напролёт. Они встречали нас подарками, вручая лучшую еду, вино и приводя к нам лучших мужчин. Мужчины устраивали турниры за право разделить с нами постель. На самом деле это вовсе не клевер. Это наша клятва. Видишь, эти листки образуют цифру восемь, перевернутую наподобие ленты Мебиуса. Это две переплетённые буквы «S», их концы встречаются. Третий лист и стебель — это прямостоящая буква «P». Первая «S» означает «See», видеть, вторая, «Serve», — служить, и «P», «Protect», значит «защищать». Сам по себе трилистник является символом Эйре, великой Ирландии. Лента Мебиуса — залог того, что наша служба будет вечной. Мы, ши-видящие, вечные стражи человечества. Мы защищаем его от Древних. Мы стоим между этим миром и другими».

ХЭЙВЕН: Высший совет и советники Грандмистрисс аббатства, состоит из семи самых одарённых и могущественных ши-видящих. Двадцать лет назад им управляла мать Мак, Айла О'Коннор, но Хэйвен прослышал о том, что Ровена занимается темными искусствами и предположил, что она поддалась соблазну *Синсар Дабх*, запертой под аббатством в тщательно охраняемой пещере. Они узнали, что она входила в запретную комнату, говорила с ней. Они основали второй, тайный Хэйвен, чтобы наблюдать за деятельностью Ровены, туда входила дочь самой Ровены и лучшая подруга Айлы — Кайли. Хэйвен оказался прав, Ровена действительно поддалась соблазну и освободила *Синсар Дабх*. Неизвестно,

кто вынес её из-под аббатства в ночь, когда Книга сбежала, как неизвестно и то, где она была следующие двадцать лет.

ЧАРЫ: Иллюзия, создаваемая Фейри, чтобы скрыть их истинную внешность. Чем могущественнее Фейри, тем сложнее проникнуть под его маскировку. Обычные люди видят лишь то, что показывают им Фейри, и вынуждены держаться на небольшом расстоянии, чтобы не налететь и не задеть Фейри — это часть чар.

ЧЕТЫРЕ КАМНЯ: Вырезанные из сине-черных стен тюрьмы Невидимых, эти четыре камня способны удержать *Синсар Дабх* на месте, если расположить их должным образом. Они делают её силу инертной, позволяя безопасно перемещать её. Камни удерживают магию Книги и делают её абсолютно неподвижной, не давая ей завладеть тем, кто её перемещает. Они способны заточить её в любой форме, включая и МакКайлу Лейн, поскольку она имеет внутри себя Книгу. Они испещрены древними рунами и реагируют на многие другие объекты силы Фейри. Объединившись, они поют меньшую Песнь Созидания. Совсем не такие могущественные, как кровавые руны, они могут удержать лишь *Синсар Дабх*.

ЩИТ: Могущественная магия, известная друидам, магам, шивидящим и Фейри. Есть множество категорий, включающих Земные, Воздушные, Огненные, Каменные и Металлические щиты. Бэрронс прекрасно умеет ставить щиты, как и многие другие из Девятки, за исключением Даку.

ЭЛИКСИР ЖИЗНИ: И у Королевы Видимых, и у Короля Невидимых есть версия этого могущественного зелья. Версия Королевы Видимых может сделать человека бессмертных (хотя и не дарует грации и силы Фейри). На данный момент неизвестно, что делает версия короля, но логично предположить исходя из того, как несовершенная песня создавала его двор, что эликсир тоже в какой-то мере несовершенен.

Четыре Дара Видимых

КАМЕНЬ: Об этом Даре Видимых мало известно.

КОПЬЕ ЛУИНА: Также известно как Копье Луга, Копье Лунгина, Копье Судьбы, Пылающее копье. Один из двух Даров, способных убить Фейри. В настоящее время находится в распоряжении МакКайлы Лейн.

КОТЕЛ: Также называется Котлом Забвения. Фейри подвержены некоторому безумию, которое начинается с ходом времени. Они пьют из котла, чтобы стереть воспоминания и начать с чистого листа. Никто, кроме

Летописца, Крууса и Короля Невидимых, которые никогда не пили из котла, не знает истинную историю их расы. В настоящее время расположен при Дворе Видимых. Круус украл глоток из Котла Забвения и обманом заставил возлюбленную/Эобил выпить его, тем самым стирая все воспоминания о короле и её жизни до этого момента.

МЕЧ ЛУГА: Также известен как Меч Света, второй Дар, способный убить Фейри. В настоящее время в распоряжении Даниэль О'Мэлли.

Четыре Дара Невидимых

АМУЛЕТ: Создан Королём Невидимых для его возлюбленной, чтобы она могла управлять реальностью, как и все Фейри. Сделанная из золота, серебра, сапфиров и оникса, золочёная «клетка» амулета содержит огромный чистый камень неизвестного состава. Амулетом может пользоваться только личность с великой силой воли, чтобы воздействовать и изменять восприятие. Список предыдущих владельцев легендарен, включает Мерлина, Бодикку, Жанну д'Арк, Карла Великого и Наполеона. Этот амулет способен создать иллюзию, которая обманет даже Короля Невидимых. В «Лихорадке Теней» МакКайла использовала его, чтобы победить *Синсар Дабх*. В настоящее время хранится в берлоге Бэрронса под гаражом, надёжно спрятанный.

ЗЕРКАЛА: Тщательно продуманная сеть зеркал, созданная Королем Невидимых, когда-то использовавшаяся как основной способ перемещения Фейри между мирами. Сердце и центр Зеркал — это Зал Всех Дорог, бесконечный золочёный коридор с нелинейным течением времени, наполненный зеркалами разнообразных форм и размеров, которые представляют собой порталы в другие миры, места и времена. До того, как Круус проклял Зеркала, всякий раз, ступая через зеркало извне, путник мгновенно попадал в зал, где мог выбрать новое место назначения из образов, показываемых на зеркалах. После того, как Круус проклял Зеркала, они исказились и больше не показывали настоящее место, в которое они вели. Путешествовать в Зеркалах крайне опасно.

КНИГА (см. также *Синсар Дабх*; ши-са ДУ): Фрагмент самого Короля Невидимых, разумная психопатичная Книга огромной темной магии, созданная, когда король пытался избавиться от нечистых искусств, с которыми баловался, пытаясь воссоздать Песнь Созидания. Изначально Книга была неодушевлённым зачарованным объектом, но как и Фейри, она эволюционировала и со временем стала разумной, живой, наделённой сознанием. И как и все Невидимые, созданные несовершенной песнью, она

стала одержима желанием завершить себя, обрести материальное тело для своего сознания, стать как и остальные в её роде. Обычно она предстаёт в одной из трёх форм: неприметная книга в твёрдой обложке; изумительный древний, позолоченный, толстый том с рунами и замком; или чудовищный аморфный зверь. Она временно обретает материальность, завладевая людьми, но человеческое тело отторгает её и быстро разрушает само себя. *Синсар Дабх* обычно играет со своими носителями, использует их, чтобы выпустить свою садистскую ярость, затем убивает их и прыгает в новое тело (или прыгает в новое тело и убивает предыдущего носителя). Ближе всего она подобралась к обладанию собственным телом, когда поместила полную копию себя в Мак, когда та была ещё не сформированным эмбрионом, а Книга обладала её матерью. Поскольку *Синсар Дабх* находилась в Мак с ранних стадий её жизни, химия её тела не воспринимает её как инородный объект и не отторгает. Она может пережить одержимость ею и не разрушить себя. И все же оригинальная *Синсар Дабх* жаждет собственного тела и того, чтобы Мак приняла свою копию, чтобы она наконец-то стала плотью и кровью и обзавелась парой.

ШКАТУЛКА: Об этом Даре Невидимых известно мало. Легенда гласит, что Король Невидимых создал её для возлюбленной.

notes

Примечания

1

Строчка из песни Damien Rice — The Blower's Daughter

2

Как бы Поступил Риодан?

3

Krylon — марка производителя красок в баллончиках.

4

Строчка из песни Linkin Park — High Voltage.

5

50 фунтов — 26,67 кг.

В оригинале эти слова образуют аббревиатуру: Bold, Ruthless, Energy, Action, Tenacity, Hunger; B-R-E-A-T-H

7

Строчка из песни Comet Kid — Batman

8

80 фунтов — 36,28 кг.

9

10,1 см на 7,6 см, 6 мм толщиной.

Видоизменённая строчка песни The Association — Windy. В оригинале звучит как «И у Винди грозные глаза»

11

Гарда — элемент конструкции меча, который защищает руку, держащую меч, от меча оппонента, и также препятствует соскальзыванию руки владельца вниз на клинок меча.

Строчка из одноименной песни I put a spell on you, изначально написанной Скримин Джей Хокинсом и впоследствии исполняемой многими известными певцами, в т. ч. Creedence Clearwater Revival, Nina Simone и Marilyn Manson

13

Строчка из песни Linkin Park — High Voltage

Черные Ирландцы — ирландцы, которые имеют тёмные и черные волосы вместо типичных рыжих волос и веснушек. Происхождение объясняется крушением испанской армады в 1600 году. Выживших моряков прибило к берегам Ирландии, где некоторые из них осели, обзавелись семьями среди местного населения, и отсюда пошли ирландцы с темными волосами.

Книга Захватов — обширное собрание стихотворных и прозаических повествований, излагающих мифическое происхождение и историю ирландского народа от сотворения мира до средневековья. Основа Мифологического цикла ирландской мифологии.

Фоморы — мифические существа, представляющие в ирландской мифологии демонические, тёмные силы хаоса, с которыми постоянно приходилось сражаться древним жителям Ирландии.

17

Строчка из песни R.E.M. - 1,000,000

Строчка из песни Godsmack — Voodoo

19

400-500 фунтов — 181-226 кг.

9 футов — 2,74 метра.

21

300 фунтов — 136 кг.

Строчка из песни R.E.M. — Carnival of Sorts (Box Cars)

Пистолет марки Walther (Вальтер) PPQ, рассчитан на «профессиональное» использование в полиции и прочих силовых ведомствах, а также для стрелкового спорта.

Немного изменённая строчка из песни Taylor Swift — Look What You Made Me Do

Строчка из песни R.E.M — Losing My Religion

Строчка из песни Ash — Shining Light

Строчка из песни Trooper — Raise A Little Hell

«Книги и сувениры Бэрронса» в оригинале звучит как Barrons Books & Baubles, а это заведение — Vane’s Bibliotech & Bagels, что даёт одну и ту же аббревиатуру BB&B.

Строчка из песни Linkin Park — When They Come for Me

Строчка из песни The Weather Girls — It's Raining Men

Патаготитан — один из самых больших динозавров когда-либо живших в мире, обитал на территории Аргентины в меловом периоде около 100–113 млн лет назад. Бёдерная кость достигала длины 2,38 метра.

Строчка из песни Kate Bush — Wuthering Heights

Строчка из песни Pink Floyd — Learning to Fly

Строчка из песни Chris De Burgh — Lady In Red

Видоизменённая строчка из песни Fine Young Cannibals — She Drives Me Crazy

Мистер Магу — вымышленный персонаж короткометражных мультфильмов студии UPA. Эксцентричный лысый мужчина небольшого роста, миллионер (или миллиардер), у которого очень плохое зрение, но который упорно не желает это признавать. Из-за этого Мистер Магу постоянно попадает в различные комичные и часто опасные для него самого и окружающих ситуации

37

192-194 см, 108,8 кг.

Строчка из песни Linkin Park — When They Come For Me

7 футов — примерно 213 см.

Имеется в виду Лох-Несское чудовище.

Строчка из песни Iron Butterfly — In-A-Gadda-Da-Vida

Строчка из песни Строчка из песни Bread — Everything I Own

Строчка из песни Grant-Lee Phillips — Ballad Of Cathain

Строчка из песни Johnny Cash — Hurt

Ядовитый Плющ (англ. Poison Ivy), настоящее имя Памела Лилиан Айсли — вымышленный персонаж, суперзлодейка, герой вселенной DC Comics, враг Бэтмена. Некогда учёная-ботаник, превратившаяся в результате несчастного случая в гибрид человека и растения. Решив избавить планету от загрязняющих её людей, она стала известной преступницей и эко-террористкой.

Строчка из песни King Crimson — The Court of the Crimson King

30-40 градусов по Фаренгейту — это -1 или +4 по Цельсию.

Строчка из песни Linkin Park — Crawling

В английском языке это действительно созвучно — Killian и killing

Любопытно, что «Сент-Джеймс» (St.James, святой Джеймс) — одна из множества английских фамилий, пошедших от имён святых. Святой Джеймс — это англоязычное обозначение святого Иакова.

Теория стержня — это теория, крайне схожая с принципом домино. Она сводится к тому, что одно событие провоцирует другое, и тем самым формируется цепь событий, приводящая к определённому исходу. На основании этого, если человек хочет, чтобы случилось событие X, нужно понять, что ему предшествовало, и таким образом отследить цепочку до стержневого события — т. е. костяшки домино, которая должна упасть и запустить цепочку событий, которые в итоге приведут к искомому событию X.

Строчка из песни Pink Floyd — One Slip

Строчка из Les Misérables — There is a Castle on a cloud

Гуголплекс (от англ. googolplex) — число, равное десяти в степени гугол. В десятичной записи число можно представить как одна единица и гугол нулей после неё. Термин «гугол» не имеет серьёзного теоретического и практического значения, он придуман для того, чтобы проиллюстрировать разницу между невообразимо большим числом и бесконечностью, и с этой целью термин иногда используется при обучении математике. Гугол больше, чем количество атомов в известной нам части Вселенной.

Строчка из песни AWOLNATION — I Am

Строчка из песни David Bowie — Within You

Так Дэни раскладывает слово «сожаление» — Raw. Endless. Grief.
Raining. Eternal. Tears. — REGRET.

Строчка из песни Do you wanna touch me (Oh yeah) — Joan Jett and the Blackhearts

Строчка из песни Scorpions — The Best Is Yet To Come

Строчка из песни Grant Lee Phillips — Sarah

Строчка из песни Imagine Dragons — Rise up!

Строчка из песни Heart — Crazy on you

Строчка из песни Pete Townshend — Let My Love Open The Door

Кулсанс — в этрусской мифологии божество, соответствующее римскому Янусу. Имел четыре лица, которые символизировали четыре небесных региона.

Этрусский пантеон подземных (хтонических) богов включал Аита, Чаруна, Калу, Ферсипнею, Турмса, Ванту и Кулсу. Богиня Кулсу видит все деяния человека и зачитывает их перед богами подземного царства.

Непереводимая игра слов. В оригинале — *How did she stand you?* Глагол *stand* имеет два значения — «стоять» и «терпеть, выносить кого-либо/что-либо». Поэтому исходное выражение можно перевести как «Как она тебя выстаивала?» Бэрронс сделал упор на этой многозначности.

67

190 см.

68

111 кг.

69

193 см.

70

106, 5 кг.

71

189 см.

72

99 кг.

73

Примерно 1 метр 20 см.

Fevermoon (Лунная Лихорадка) — это графический роман, основанный на рассказе, написанном К.М. Монинг. Вышел в 2012 году, и по хронологии событий располагается между «Лихорадкой Теней» и «Скованными льдом». На русский язык не переводился.